

БЕЛОРУССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

СОЦИОЛОГИЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

SOCIOLOGY

Издается с сентября 1997 г.
(до 2017 г. – под названием «Социология»)

Выходит один раз в квартал

3

2020

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор	ДАНИЛОВ А. Н. – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: a.danilov@tut.by
Заместитель главного редактора	РОТМАН Д. Г. – доктор социологических наук, профессор; директор Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: dgrotman@rambler.ru
Ответственный секретарь	ЩЕЛКОВА Т. В. – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: tanar2002@tut.by

Бакиров В. С.	Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина, Харьков, Украина.
Безнюк Д. К.	Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Генчель Г.	Ольденбургский университет им. Карла фон Осецкого, Ольденбург, Германия.
Гигин В. Ф.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Докторов Б. З.	Независимый аналитик и консультант, США.
Король А. Д.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Коростелева Е. А.	Кентский университет, Кентербери, Великобритания.
Лапина С. В.	Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Макаллистер Иэн	Австралийский национальный университет, Канберра, Австралия.
Мамедов А. К.	Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
Нарбут Н. П.	Российский университет дружбы народов, Москва, Россия.
Семеньска-Жоховска Р.	Институт социальных исследований Варшавского университета, Варшава, Польша.
Симхович В. А.	Белорусский государственный экономический университет, Минск, Беларусь.
Титаренко Л. Г.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Тощенко Ж. Т.	Институт социологии Российской академии наук, Москва, Россия.
Филинская Л. В.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Халман Л.	Тилбургский университет, Тилбург, Нидерланды.
Херпфер К.	Венский университет, Вена, Австрия.
Цуленер П.	Венский университет, Вена, Австрия.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief	DANILOV A. N. , corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of sociology of the faculty of philosophy and social sciences of the Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: a.danilov@tut.by
Deputy editor-in-chief	ROTMAN D. G. , doctor of science (sociology), full professor; director of the Centre of Sociological and Political Studies of the Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: dgrotman@rambler.ru
Executive secretary	SHCHYOLKOVA T. V. , PhD (sociology), docent; associate professor at the department of sociology of the faculty of philosophy and social sciences of the Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: tanar2002@tut.by
<i>Bakirov V. S.</i>	Karazin Kharkiv National University, Kharkiv, Ukraine.
<i>Beznyuk D. K.</i>	Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
<i>Hentschel G.</i>	Carl von Ossietzky University of Oldenburg, Oldenburg, Germany.
<i>Hihin V. F.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Doktorov B. Z.</i>	Independent analyst and consultant, USA.
<i>Karol A. D.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Korosteleva E. A.</i>	University of Kent, Canterbury, United Kingdom.
<i>Lapina S. V.</i>	Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
<i>Makallister Ien</i>	Australian National University, Canberra, Australia.
<i>Mamedov A. K.</i>	Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
<i>Narbut N. P.</i>	RUDN University, Moscow, Russia.
<i>Semen'ska-Zhokhovska R.</i>	Institute of Social Researches of the University of Warsaw, Warsaw, Poland.
<i>Simkhovich V. A.</i>	Belarusian State Economic University, Minsk, Belarus.
<i>Titarenko L. G.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Toshchenko Zh. T.</i>	Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
<i>Filinskaya L. V.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Halman L.</i>	Tilburg University, Tilburg, Netherlands.
<i>Herpfer K.</i>	University of Vienna, Vienna, Austria.
<i>Zulehner P. M.</i>	University of Vienna, Vienna, Austria.

ЗНАТЬ, ЧТОБЫ ПРЕДВИДЕТЬ...

TO KNOW SO THAT TO FORESEE...

УДК 316.33

КИБЕРНЕТИЧЕСКАЯ ВЕРСИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СФЕР ОБЩЕСТВА

С. А. ШАВЕЛЬ¹⁾

¹⁾Институт социологии НАН Беларуси, ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

Рассматривается соотношение и взаимопроникновение социологии и кибернетики. Прослеживается вклад кибернетики в социологическую науку по таким направлениям, как моделирование, метод черного ящика, обратная связь и интеллектуализация социума. Обосновывается социологическое понимание интеллекта в отличие от гносеологического и кибернетического его толкования. Раскрывается концепция Парсонса о символическо-информационной иерархии подсистем общества. Предлагается при сохранении самой идеи иерархии использовать ее концептуальное обоснование в отношении основных сфер общества и уточнить, соответственно, некоторые символические средства обмена и коммуникации. Отмечается, что Т. Парсонс не применял в теоретическом анализе общества сферный подход. Высказывается мнение, что высшим символическим средством следует признать не ценностное обязательство, а доверие как феномен, характеризующий не только межличностные связи, но и отношения к социальным институтам – государству и его органам, образованию, здравоохранению и др. Власть целесообразно заменить на авторитет.

Ключевые слова: моделирование; черный ящик; положительная обратная связь; отрицательная обратная связь; конгруэнтность (подобие); аналогия; алгоритм; иерархия; авторитет; символические средства.

Образец цитирования:

Шавель СА. Кибернетическая версия взаимодействия сфер общества. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2020;3:4–19.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-3-4-19>

For citation:

Shavel SA. Cybernetic version of the interaction of society spheres. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2020;3:4–19. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-3-4-19>

Автор:

Сергей Александрович Шавель – доктор социологических наук, профессор; заведующий отделом социальной теории и методологии.

Author:

Sergey A. Shavel, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of social theory and methodology.
d-v-nazarova@yandex.by

CYBERNETIC VERSION OF THE INTERACTION OF SOCIETY SPHERES

S. A. SHAVEL^a

^a*Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Surhanava Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus*

The article considers the interrelation of sociology and cybernetics and their increasing pervasion into each other. The contribution of cybernetics to sociological science can be seen in using a modeling process, the black box method, feedback and the intellectualisation of society. As far as the notion of intellect is concerned, the author described the sociological understanding of this phenomenon by distinguishing it from gnoseological and cybernetic interpretation. In the article the author develops Talcott Parsons' concept about the symbolic and informational hierarchy of the society subsystems. While maintaining the very idea of hierarchy, his proposal is that the conceptual rationale offered for hierarchy can be used for the basic spheres of society. Accordingly, it helps to clarify some symbolic means of exchange and communication. It is noted that T. Parsons didn't use the sphere approach in the theoretical analysis of society. There is some reason to believe that the main symbolic means should be considered trust, not a value obligation. Trust is a phenomenon which characterises not only interpersonal connections, but also attitudes towards social institutions – state and its bodies, education, health care, etc. It is advisable to replace power with authority.

Keywords: modeling; black box; positive feedback; negative feedback; congruence (similarity); analogy; algorithm; hierarchy; authority; symbolic means.

Как бы ни были сложны естественно-научные проблемы, они все-таки бесконечно проще проблем гуманитарных, проблем познания самого человека, мотивов его поведения.

Н. Н. Мусеев

Социология и кибернетика

Вопрос соотношения этих наук, взаимного обмена методологическими принципами, методиками, содержаниями накопленных знаний все еще остается не до конца разрешенным, проблематичным. Обычно считается, что социология взяла из кибернетики математико-статистические методы, количественный подход и процедуры измерения, компьютеризацию исследований, особенно эмпирических. Так, скорее всего, ответят на этот вопрос большинство практикующих социологов. В свою очередь, кибернетика заимствовала у социологии выборочный метод, многие представления о сложности социальных систем, способах их самоорганизации, воспроизводства, поддержания гомеостаза, массовом социальном поведении и мотивационно-стимулирующих механизмах человеческой активности, контроле и управлении в таких сверхсложных системах. Характерно, что родоначальники кибернетики (Н. Винер, А. Тьюринг, У. Р. Эшби, Дж. фон Нейман, С. Бир, А. И. Берг и др.) не упоминали социологию среди дисциплин, связанных с кибернетикой, входящих в круг ее интересов, ее исследовательское поле. Во многом это сопряжено с условиями возникновения новой науки. Кибернетика родилась

в 1948 г., когда вышла в свет знаменитая книга Н. Винера «Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине». Ее автор отмечает, что первый импульс возник в 1940 г. во время битвы за Англию. Немецкая авиация имела подавляющее превосходство над английской. Спасение англичан было в создании мощной и эффективной воздушной обороны. Но в связи с высокой скоростью и маневренностью немецких самолетов прежняя система ведения зенитного огня человеком-наводчиком не годилась: он не мог обрабатывать такие массивы информации. «Возникла задача, как ее формулирует Винер, построить такую автоматическую систему, которая бы, исключив действия человека, сама следила за курсом самолетов, осуществляла расчет их траекторий и наводку орудий» (цит. по [1, с. 337]). Все это стимулировало развитие тех идей, которые позднее вошли в фундамент кибернетики.

В отечественной литературе статус кибернетики несколько раз менялся. Первоначально в 1950–60-х гг. ее, кстати, вместе с социологией, генетикой и другими зачислили в «буржуазные науки», были даже статьи о «науке мракобесов»¹. Но вскоре произошли радикальные изменения. Исчезли (были запрещены)

¹См.: Лит. газ. 1952. 5 апр.

все инвективы (брань, оскорбления) в адрес сторонников и разработчиков кибернетики, в 1970-х гг. ее престиж резко вырос (больше, чем в США, по словам Л. Р. Грэхэма), возникло всеобщее увлечение, связанное с мечтами о компьютеризации и, соответственно, гласности, доступности информации. Высшее руководство питало надежды, что новая наука поможет создать эффективную систему управления не только своим громадным унитарным государством, но и всем социалистическим лагерем, обеспечит разумный учет, без приписок, акций саботажа, коррупции и других махинаций, сделает возможным оптимальное централизованное планирование, ценообразование, снабжение, связь и т. д. Однако кибернетика не оправдала этих надежд, да и объективно она не могла помочь централизованному планированию или ценообразованию. Выпуск персональных компьютеров, мобильных телефонов так и не был налажен главным образом из-за усвоенных руководством со времен войны повышенного режима секретности и командного (приказного) стиля управления, что стало в мирные годы непреодолимым тормозом развития Советского Союза.

С появлением кибернетики начались широкие обсуждения и многочисленные дискуссии о ее предмете и месте в системе наук. Что касается предмета кибернетики, то до сих пор приемлемо его описание, предложенное С. Л. Соболевым и А. А. Ляпуновым. В нем выделяются следующие взаимосвязанные области: 1) управление и управленческие процессы (это, на наш взгляд, можно понимать как связь и взаимодействие двух подсистем – управляющей и управляемой); 2) процессы передачи, переработки и хранения информации (понятно, что речь идет об использовании информации в процессах управления); 3) преобразование алгоритмов, описывающих управленческие процессы [1, с. 247].

Третий пункт наиболее существен, и мы хотим его пояснить. Под термином «алгоритм» (от *algorithmi* – лат. транслитерация имени арабского математика аль-Хорезми) понимается схема вычислений или действий по строгим правилам, позволяющая решить задачу, достичь намеченной цели действий. Одним из самых простых алгоритмов в математике является таблица умножения, правило которой состоит в том, чтобы повторить (прибавить) исходное число столько раз, сколько указано в сомножителе, например $2 \cdot 3 = 2 + 2 + 2 = 6$. Алгоритмом действий можно назвать импринтинг (запечатление). Данный термин введен лауреатом Нобелевской премии К. Лоренцем (1973) и подразумевает под собой образ, фиксируемый в памяти как след личного опыта и вызванных им эмоций. Этот запечатленный образ управляет мышлением и определяет будущие действия. Управленческими алгоритмами человека являются также потребности, установки, мотивы, стимулы и многое другое, с чем имеет дело

кибернетика, способная комбинировать и преобразовывать их посредством компьютерных программ.

В дискуссиях о месте кибернетики в системе наук столкнулись изначально два варианта – расширительный и ограничительный. Расширительный вариант понимал кибернетику как некую универсальную науку, включающую ряд других наук, в том числе и социологию. Сегодня несостоятельность этого варианта вполне очевидна. Во-первых, никто из видных кибернетиков не пытается превратить ее в универсальную науку, стремящуюся к инклюзии либо эксклюзии (т. е. включению или вытеснению) других научных дисциплин. Подобные идеи выдвигаются популяризаторами или фантастами. Конечно, в исследованиях общества роль и вклад кибернетики значительны. Более того, можно прогнозировать их возрастание по мере успехов в интеллектуализации социума, в разработках искусственного разума. Однако маловероятно, что кибернетика, будучи наукой об управлении, сможет когда-нибудь вытеснить классические теории управления, подменить собой регулятивные и контрольные функции общественных институтов, прежде всего государства, заменить систему единоначалия в армейских и силовых коллективах и т. д. Другое дело, что кибернетика способна серьезно помочь в борьбе с коррупцией, девиантностью, аномией и другими деструктивными проявлениями. Социологию она не может ни включить, ни подменить в силу различия методологических предпосылок, наличия в обществе множества качественных явлений и процессов, измерить, оцифровать которые крайне сложно или невозможно в принципе, – от интимной жизни людей до таких феноменов, как счастье, доверие, дружба, любовь, оптимизм и пр. Но уже сегодня мы вправе ожидать помощи в осуществлении эмпирических исследований, в первую очередь в снижении времени и затрат на проведение массовых опросов. Что касается теоретической социологии, то возможный вклад кибернетики мы рассмотрим отдельно чуть ниже.

Ограничительный вариант использует технократический подход, сводя кибернетику к теории вычислительных машин. Отсюда следует вывод, что кибернетика не имеет выхода в биологию, тем более в социологию, антропологию, экономику и другие социогуманитарные науки.

Оба этих варианта ведут к искажению, неверному пониманию и особенностей работы вычислительных машин – компьютерной техники, и природы самой кибернетики, ее инклюзивного (всепроницающего) характера. В системе наук кибернетика занимает место рядом с математикой. Как известно, для математики нельзя выделить особую предметную область: она изучает количественные отношения и проникает везде, где такие отношения имеются. Аналогичный инклюзивный характер присущ и кибернетике, которая изучает информационные

процессы и проникает в любые области, где подобные процессы протекают хотя бы виртуально, правомерно и необходимо, т. е. полезно и эффективно. Возьмем, к примеру, *бионику*. Она возникла как отрасль кибернетики, но постепенно все больше приобретает статус самостоятельной научной дисциплины. Академик А. И. Берг писал: «Общей задачей бионики является углубленное изучение функций, особенностей и явлений живой природы с целью применения добытых знаний в мире техники» [2, с. 5]. На наш взгляд, следует говорить не только о технике (инжиниринговых разработках), но и в целом о праксиологии человеческой деятельности. Скажем, концепция обратной афферентации, разработанная физиологом П. К. Анохиным, существенно обогатила универсальную кибернетическую теорию обратной связи. Бионика позволила заимствовать у живой природы многие образцы производства строительных материалов по схемам «складчатых конструкций» листьев, ячеек пчелиных сот, скорлупы яиц и орехов, тургора растений (давление набухания), пробивающих асфальт, расчет подъемной силы самолета по раскрытой Н. Е. Жуковским тайне птичьего крыла, в архитектуре – надувные здания, дома-елки, «лучезарные города» (по Ле Корбюзье) и многое другое.

Важнейшей проблемой кибернетики была и остается проблема воспроизведения жизненных процессов, прежде всего человеческого мышления, создания искусственного интеллекта. В центре начальных дискуссий о новой науке находились два вопроса: «Может ли машина мыслить?»; «Можно ли кибернетическое устройство (тот же компьютер) считать живым существом?». Конечно же, сводить все дебаты о кибернетике к этим двум вопросам некорректно. Но они привлекли особое внимание, видимо, в силу своей герменевтической адекватности здравому смыслу, позволяющей однозначно понять и оценить суть разногласности в зависимости от ответов на указанные вопросы. Неожиданный подход к данной теме выдвинул Н. Винер. Он предложил вместо известных определений понятия «жизнь», таких как «способ существования белковых тел» (Ф. Энгельс) [3, с. 82] или «способ существования высокоупорядоченных материальных структур, которые составляют систему, способную в целом к са-

мовоспроизведению» (А. А. Малиновский) [4, с. 186], новую дефиницию жизни как «способности уменьшать энтропию» [5, с. 44].

Термин «энтропия» (от греч. *en* – внутрь, *tropos* – превращение), т. е. внутреннее превращение, введен в науку американским ученым Дж. У. Гиббсом для обозначения меры неупорядоченности, хаотичности физических систем, связанных с внутренним превращением энергии. В химической термодинамике величина энтропии определяется как отношение тепла, выделяемого в реакции (в калориях), к температуре (в кельвинах, т. е. градусах по абсолютной шкале). Так, например, при таянии льда энтропия возрастает в 1,5 раза, а при испарении воды – в 4,0 раза. Это происходит в силу того, что в куске льда молекулы фиксированы, а в водяном паре они движутся хаотично, что подтверждает понимание энтропии как меры неупорядоченности. В изолированных, закрытых системах при отсутствии притока питающего субстрата энтропия или возрастает (в необратимых процессах), или остается постоянной (в обратимых процессах). Живые организмы, в том числе и общественные институты, общества и т. д., обладают таким фундаментальным, атрибутивным качеством – способностью контроля, регулирования и снижения энтропии. Именно это имел в виду Н. Винер в своей дефиниции, добавляя, что аналогичной способностью обладают и вычислительные машины. Одной из первых знаковых мыслящих машин стал шахматный компьютер.

Никто не спорил, что шахматы – едва ли не самая сложная интеллектуальная игра, созданная человеком. Над разработкой программы этой игры много и упорно трудился неоднократно чемпион мира, гроссмейстер, доктор технических наук М. М. Ботвинник. В одной из своих статей он писал: «Что же мешает созданию шахматной машины? Прежде всего мешают широко распространенные предрассудки, порождающие неверие. Считается, что мышление человека необъяснимо и загадочно, что творчество человека – вещь настолько тонкая, что посягать на эту “святыню” заказано. Если оставаться на этой точке зрения, то и задача, конечно, безнадежна» [6, с. 29]. Сегодня созданы такие машины, которые позволяют компьютеру обыгрывать не только любителей-шахматистов, но и гроссмейстеров, даже чемпионов мира.

Вклад кибернетики в социологию

Первое, что дала кибернетика не только социологии, но и науке в целом, всему человечеству, – это компьютеризация, продвинувшая общество в его деловой, поисковой и повседневной жизни на много шагов вперед. Возьмем, к примеру, обеспечение всех желающих персональными компьютерами (в работе, быту, на досуге) и соответствующими, далеко не простыми, инструментами для полноценного творчества, программами их использования. Не будь

кибернетики с ее теорией вычислительных машин, вряд ли какому-нибудь Биллу Гейтсу и другим новаторам пришла бы в голову мысль о возможности их (так называемых персоналок) массового производства. Скорее всего, люди удовлетворились бы обычной печатной машинкой, древнегреческим абаксом, бухгалтерскими счетами-костышками, в лучшем случае – примитивным калькулятором. Но компьютеры позволили создать многомодульную сеть – ин-

тернет – со всеми ее плюсами и минусами. Кто бы мог подумать, что и в нашем постсоветском обществе так много людей, жаждущих побеседовать, посплетничать, попиариться – одним словом, заявить о себе в интернете, вероятно, и потому, что в личном общении слушать их желающих не находилось. Интернет предоставил возможность удовлетворить эту жажду как анонимно, так и персонально – в личном блоге, на личной странице. Он сформировал универсальный справочник, хотя и не первоклассный пока по отдельным темам, но в принципе помогающий в области поиска и герменевтики терминов или текстов, в просвещении людей. Интернет создал много полезных и актуальных для населения услуг – от интернет-покупок до оплаты жировок и других счетов. Но он же позволил компьютерным мошенникам – хакерам – обманывать доверчивых людей, отнимать их сбережения и т. п.; осуществлять информационные атаки, направленные на дестабилизацию общества, нарушение порядка и безопасности, совершать другие неблагоприятные, зачастую криминальные действия. Чего стоит сетевая организация цветных революций во многих странах, нередко приводящих к разрушению государственного устройства, экономическим кризисам, гибели людей. Такую амбивалентность (двузначность) интернета необходимо оценивать исключительно конкретно, даже применительно к детским пристрастиям к компьютерным играм, переходящим иногда в психологическую зависимость.

В отечественной социологии широко используется программное обеспечение компьютерного анализа данных, названное *SPSS* (англ. *statistical package for the social sciences* – статистический пакет для социальных наук).

При всех положительных оценках данной программы нельзя забывать, что для ее использования в нашей стране необходима адаптация к местным условиям и вообще не эпигонски механический перенос, а именно креативный подход.

Кибернетических привнесений в социологию достаточно много. Не пытаясь перечислить и оценить их все, выделим наиболее значимые: 1) моделирование, воспроизводство функций мышления, создание искусственного разума; 2) логику и эвристику метода черного ящика; 3) положительную и отрицательную обратную связь социальных явлений (процессов), общественного мнения; 4) проблематику интеллектуализации социума. Рассмотрим коротко этот принятый и освоенный социологией безвозмездный вклад кибернетики.

Моделирование понимается как исследование реально существующих объектов (процессов, явлений) на моделях с последующим переносом полученных знаний на моделируемый объект, т. е. переводом (и трансляцией) данных с языка модели на язык оригинала. Конечно, моделирование нельзя всецело отнести к инновациям кибернетики. Оно

является общепризнанным методическим приемом науки, особенно экспериментальной, включая мысленный эксперимент (типа лифта или ракеты в теории относительности Эйнштейна). Более того, моделирование можно отнести к универсальным приемам человеческой практики (на что не обращают внимания), в которой в качестве стихийной квазимодели выступают жизненный опыт, догадки, антиципации, требующие испытания (проверки), предположения и т. д. Возьмем, к примеру, рассказ Н. Н. Миклухо-Маклая о рыбной ловле папуасов. Она проходит только ночью. В пироге находятся 3 человека: рулевой на корме, осветитель на носу и добытчик на платформе (видимо, земляной насыпи для очага). Осветитель зажигает пучок длинной сухой травы, освещая поверхность воды перед лодкой. Секрет в том, что ночью рыба инстинктивно плывет на свет. Добытчик бьет юром (остройгой) и после каждого удара сбрасывает с юра пальцами ноги в лодку две-три рыбины. Автор не поясняет, как же туземцы додумались до столь эффективного приема [7, с. 111]. Пожалуй, помог случай. Как здравомыслящие люди, они пытались ловить рыбу днем, но с небольшим успехом, пока однажды одна из лодок не задержалась до темноты, которая здесь наступает мгновенно. Когда на лодке зажгли факел, то неожиданно обнаружили стаи рыб, привлеченных светом. Эту идею папуасы многократно проверили, усовершенствовали, стали готовить специальные экипажи, особенно тренировать добытчиков.

Так стихийная модель превратилась в универсальную практику, стала общепризнанным традиционным приемом. Аналогично в архаичную эпоху изобретались и многие другие практики: расчистка от леса земельных участков под огороды путем поджогов, отличие полезных даров природы от ядовитых, охота с помощью петель, капканов и иных устройств, приручение и одомашнивание животных и т. д.

Модель как код оригинала – это в широком смысле слова образ, образец, макет (увеличенный или уменьшенный), опока (форма для литья), матрица, аналог (схема, план, формула), выражающие собой объекты и явления действительности как их оригиналы при условии, что отношения между моделью и оригиналом изоморфны либо гомоморфны. Изоморфизм отношений означает, что каждому элементу, свойству и функции одной системы могут быть поставлены во взаимно однозначное соответствие элемент, свойство и функция другой системы. Поскольку это отношения равенства, тождества, то их называют симметричными, но модель здесь является не просто копией оригинала хотя бы потому, что может быть изготовлена из другого материала. В период испытаний реальный самолет, помещенный в аэродинамическую трубу, выступает изоморфной моделью для всех летательных аппаратов данного класса.

Гомоморфизм не требует симметричности отношений. Здесь модели достаточно быть конгруэнтной (подобной) оригиналу. Например, географическая карта гомоморфна местности. Все, что есть на правильной карте, присутствует и на местности, может быть перенесено на нее, но не все признаки местности отображаются на карте, ведь главное для ее составителя (топографа) – выделить и указать так называемые реперные точки (естественные и искусственные). Поэтому карта как модель есть лишь верное подобие местности.

В социологии модель правомерно считать референтом (представителем) оригинала, т. е. объекта исследования. Прежде всего такой гомоморфной моделью является республиканская выборка по отношению ко всему населению. Поскольку она строится по наиболее значимым квотируемым признакам (таким как пол, возраст, образование, место жительства и др.), то не может не быть подобной генеральной совокупности. Именно это правило, если оно выдержано тщательно, обеспечивает статистическую возможность переноса выборочных данных, т. е. полученных при изучении модели, на всю генеральную совокупность (выступающую в этом случае в качестве оригинала) построенной для исследовательских целей модели, что справедливо называется в социологии репрезентативностью (адекватной представленностью) выборки.

В теории моделирования традиционно выделяют три основных типа моделей – *физические, предметные и знаковые*. Социологическую выборку можно отнести к типу *физических моделей*. Для них характерны природное сходство с оригиналом и геометрическое подобие ему (в выборке это статистическое распределение квотируемых признаков). Физические модели отличаются от оригиналов главным образом численными значениями параметров. В выборке это доля респондентов от разных социальных групп и демографических категорий населения. Но, как известно из теории выборки, такое отличие правомерно и доступно. О широчайшем распространении физического моделирования спорить не приходится: оно и сегодня составляет основу экспериментальных методов в науке и технике.

Предметная модель конструируется, как правило (хотя и необязательно), из материалов иной природы, чем оригинал, более подходящих и дешевых, – дерева, пластмассы, перкаля и пр. Такие модели могут использоваться не только в познавательных целях, но и как объекты развлечения и коллекционирования (в качестве сувениров, игрушек и т. п.). Надо отметить, что при интерпретации этих моделей предмет часто отождествляется с материальным субстратом, т. е. понимается как вещь, что переводит его в категорию физических. Между тем для

науки более важно понимание предмета как темы, направленности и содержания исследования. Так, социологическая программа требует определения объекта и предмета конкретного социологического исследования. И если под объектом понимается некоторый относительно самостоятельный фрагмент социальной реальности (форма общественной жизни), то предметом является та его (фрагмента) сторона, функция, структура и т. д., в которых фиксируется проблемная ситуация («знание о незнании»), намеченная к изучению. Например, при исследовании маятниковой миграции объектом выступает территориальное перемещение населения. Предметом может быть выбран один из видов миграции: внешняя или внутренняя, реальная или потенциальная, трудовая или туристско-экскурсионная, постоянная или возвратная, т. е. вахтовая, командировочная, стажировочная, сезонная и т. д. Предметом может являться и весь комплекс особенностей миграционного поведения и установок мигрантов в целом. В любом случае специфика предмета состоит в следующем:

- 1) он конструируется по логике целей и задач исследования;
- 2) направлен на верификацию (подтверждение) и фальсификацию (отклонение) на основе социологических данных или статистических исследований;
- 3) учитывает диспозиции реальных и потенциальных мигрантов, в том числе градиацию удовлетворенности первых и степень актуальности миграционных настроений вторых.

Предметное поле исследования включает все разнообразие ожиданий и оценок изучаемого феномена, дифференцированных относительно социальных групп и демографических категорий населения. Предмет социологического исследования в принципе допускает использование математико-статистических методов, однако пока в данной области математика не получила широкого применения. Этим социология отличается от полностью математизированного современного естествознания. Скажем, механические и электрические колебания отличаются друг от друга по своей природе, однако изоморфны и описываются одним и тем же дифференциальным уравнением. Это позволяет с помощью механических колебаний моделировать электрические и наоборот. Такое моделирование вполне адекватно называют математическим. Сегодня оно распространено не только в технике, компьютерных и других технологиях, но и в некоторых направлениях экономической теории. В социологии одним из видов подобного моделирования можно считать модель управления этнонациональными отношениями с помощью интернета², а также модель управления экономическим поведением³.

²Макаров А. В. Управление межэтническими отношениями в контексте информационного противостояния : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.05. Минск, 2016.

³Кобяк О. В. Методология социологического моделирования экономического поведения в контексте теории М. Вебера : дис. ... д-ра социол. наук : 22.00.01. Минск, 2016.

Знаковая (или логико-математическая) модель строится из знаков (символов) и, следовательно, не имеет ничего общего с предметным содержанием оригинала. Напомним, в логике знаком называют «любой материальный предмет, который служит в процессе общения и мышления людей представителем какого-то другого объекта» [8, с. 39]. Соответственно, выделяются три вида знаков. К *знакам-индексам* относятся те, что связаны с представлением предмета каузально, т. е. только предметы являются причиной знаков (следы на снегу, дым из трубы). В языке это междометия – слова, выражающие непосредственное чувство (например, *ах*, *ох*). *Знаки-образы* являются в некоторой степени изображениями обозначаемых предметов (фото, чертежи, схемы, картины и др.). В языке такими знаками служат звукоподражательные слова, обозначающие, например, треск, звон, жужжание и т. п. *Знаки-символы* физически с предметами никак не связаны и возникают либо стихийно, либо по соглашению – конвенционально. Условность связи позволяет производить замену, например, вместо математического символа операции умножения ($\times$) сейчас используется точка ($\cdot$). К этому виду знаков относится большинство слов, в частности наименования терминов языка естественных наук.

Что же нового внесла кибернетика в моделирование? Рассматривая этот вопрос, можно выделить ряд фундаментальных положений. *Во-первых*, распространение данного метода на все области, где осуществляются процессы управления (взаимодействия управляющей и управляемой систем) на основе передачи, накопления и проработки информации: технические устройства – приборы, комплексы и т. п., биологические и социальные явления. *Во-вторых*, превращение этого метода, бывшего побочным, вспомогательным в таких науках, как аэродинамика, теплотехника, в их основной метод исследования. *В-третьих*, введение нового типа моделей, которые абстрагируются от анализа субстрата объекта, его структурных характеристик в пользу изучения исключительно поведенческих функций. Одним из примеров может быть модель гносеологического субъекта. Как известно, в ней отвлекаются от пола, возраста, статуса, роли и т. д., акцентируя внимание только на функции познания. Соответственно, изучается все, что способствует реализации познавательного поведения: потребности и способности, мотивы и стимулы, возможности и ограничения (с точки зрения их преодоления), инстинкты и операнты и т. д. В социологии аналогом может служить модель электропального поведения. Она также отвлекается от всех социодемографических признаков, сосредоточиваясь на двух моментах: готовности участвовать в выборах (голосовании); предпочтениях тому или иному кандидату. Следовательно, изучаются при-

чины абсентеизма (отказа от участия в выборах) и возможности их устранения, а также соответствие ценностно-нормативных установок избирателей положениям и лозунгам кандидатов.

В-четвертых, широкое применение в моделировании конгруэнтности (подобия) и аналогии. Кибернетика требует, чтобы модель была конгруэнтна оригиналу, что обеспечивается соблюдением критерия подобия. Так, треугольники являются конгруэнтными (при разной их площади) только в том случае, если у них одинаковое (равное) соотношение сторон и, следовательно, они совмещаются при наложении. Для тел, движущихся в жидкой среде, критерием подобия является угол атаки и так называемое число Рейнольдса, понимаемое как безразмерная величина их метрики.

Модель должна быть подобна оригиналу – это первое требование моделирования. Аналогия есть сходство разных предметов, явлений, но только в определенном отношении. Например, есть аналогия между крыльями птиц и насекомых, между органами дыхания – легкими и жабрами. Отмеченные новшества чрезвычайно важны для такого раздела кибернетики, как бионика, и широко в ней используются.

В социальных явлениях, изучаемых социологией, особенно в поведении людей, конгруэнтность и аналогия играют существеннейшую роль. С раннего детства ребенок усваивает привычки, правила гигиены, этикета и прочее по подобию, т. е. по примеру родителей, а с возрастом включается в компании сверстников и перенимает их нормы и ценности. Окончив школу, он выбирает будущую профессию и место обучения чаще всего по аналогии с представителями референтной для него группы. И эти модели – подобию и аналогии – оказывают заметное влияние не только на решение личных проблем, скажем матримониальных, но и на формирование идентичности и таких атрибутов жизненной позиции, как патриотизм, эмпатия, установки, мотивы, альтруизм, солидарность, справедливость и др. Не понимая таких моделей, трудно выяснить, почему некоторые молодые люди (и какие именно) приняли участие в уличных беспорядках 9–10 августа 2020 г.

Кибернетика распространила математические представления о преобразовании алгоритмов на вычислительную технику и органический и социальный миры. Так, например, она перенесла физиологический алгоритм обратной афферентации Анохина на весь универсум обратных связей, в том числе и социологических.

Метод черного ящика является в кибернетике важнейшим приемом моделирования. Суть его состоит в том, что приоритет отдается не изучению субстрата объекта (системы), т. е. элементного строения, анатомии организма, а закономернос-

тям связи входов и выходов системы. Под входом понимается совокупность экзогенных информационных сигналов, поступающих из внешней среды, под выходом – эндогенные реакции системы на эти сигналы. Имеется в виду, что исследование направлено на описание поведения системы. Обсуждение данного метода изначально сопровождалось выделением ряда дискуссионных вопросов. Два из них были поставлены У. Р. Эшби:

- метод черного ящика в чистом виде предполагает, что экспериментатор ничего не знает об объекте (явлении, процессе), который он намерен изучать;
- от искусства исследователя в этом методе ничего не зависит, поскольку взятая наугад последовательность входов якобы так же хороша, как и любая другая.

Эти тезисы вскоре были отвергнуты: первый – в силу маловероятности в современной науке ситуации *tabula rasa* (чистой доски), т. е. полного незнания изучаемого предмета; второй – потому что именно продуманность последовательности входов, а также обоснованность гипотетических вариантов выходов и их последствий определяются искусством исследователя или испытателя. Еще два вопроса возникли по логике анализа:

- описание поведения ничего не говорит о том, что находится в черном ящике (Г. Клаус);
- интерпретация черного ящика как познавательной схемы бихевиоризма.

Вскоре наука нашла ответы и на эти вопросы.

По поставленному Г. Клаусом вопросу их суть состояла, во-первых, в выяснении, что первоначально любой изучаемый объект выступает как черный ящик. Например, когда на рубеже XIX–XX вв. физики приступили к изучению атома, они знали о нем только то, что это, по утверждению Демокрита, «неделимая частица вещества». Метод черного ящика предлагал проникать в строение атома путем изучения его поведения, т. е. изменений входов и, соответственно, реакций на выходе. В качестве входов использовались разные виды облучений: катодными лучами (открыт электрон), рентгеновским излучением (открыто упругое рассеяние), фотонами при фотоэффекте, альфа-лучами и т. д. На основании сделанных открытий создавались все новые модели атомов. Самой плодотворной и эвристичной для науки стала квантовая модель датского физика Н. Бора, который за ее создание был удостоен Нобелевской премии (1922). Примечательны также поиски законов наследования чешским любителем Г. Менделем. Его подход называют гибридологическим, но фактически это был еще неизвестный тогда науке метод черного ящика. Исследователь применял разные варианты скрещивания сортов гороха, т. е. менял входы, и прослеживал, как проявляются изучаемые признаки в ряде поколений. Так он открыл законы наследственности организмов, послужившие основанием новой науки – генетики.

Во-вторых, расширение круга отношений вход-выход, т. е. все большее познание поведения изучаемого объекта (явления), позволяет постепенно раскрыть его внутреннее строение. Других путей познания неизвестного не существует, неслучаен известный тезис биологии «функция рождает орган», хотя иногда возникают и неработающие органы – аппендиксы и т. п.

В социологии метод черного ящика используется повсеместно, иногда в неявной, неэксплицированной форме. Любое социологическое исследование, будь то индивидуальная диссертация или многогранный коллективный проект, начинается с формулировки проблемной ситуации, понимаемой как «знание о незнании». Знание – потому что есть определенные сведения о состоянии предполагаемого объекта исследования (процессе, явлении и т. д.). (Понятно, что предметом исследования не может стать то, что известно во всех деталях.) Но главное, что имеющихся данных достаточно, чтобы понять, какой информации не хватает для прогнозирования возможных изменений в целях повышения эффективности и устойчивости развития, оптимального регулирования и полезного использования субъектом управления или действия. Исследование планируется для того, чтобы получить новую информацию, устраняющую или хотя бы снижающую существующее незнание.

Если, к примеру, изучается посещаемость музеев, то входами могут быть улучшение рекламы, снижение стоимости билетов, организация новых экскурсионно-туристических маршрутов, комплекс дополнительных услуг и др. При исследовании поведенческих предпочтений современной молодежи, т. е. жизненных позиций, на входы черного ящика целесообразно поместить модели с такими диспозициями, как конгруэнтность, аналогия, подражание, конформность, суггестия, стимулирование и т. д.

Положительная и отрицательная обратная связь – фундаментальный концепт, вошедший благодаря кибернетике в общенаучный терминологический аппарат и широкий обиход. Под обратной связью понимается возвратное (рекуррентное) влияние результатов текущего процесса на его дальнейшее протекание. Например, снижение аппетита по мере насыщения организма пищей, вообще уменьшение настоятельности (остроты) первичных витальных потребностей при их удовлетворении и т. д. Выделяют положительные и отрицательные обратные связи. Первые из них усиливают, укрепляют процесс, вторые стабилизируют или ослабляют его протекание.

Кибернетика, как наука об управлении на основе переработки информации, рассматривает в основном самоорганизующиеся системы, построенные по иерархическому принципу, в которых высший управляющий орган передает команды управляемым и, соответственно, получает от них информа-

ционные сигналы о ходе исполнения. Здесь положительная связь – это не только сообщение о принятии и адекватном понимании команды, но и о возможном ее усилении. Так, в социальной жизни решение правительства может быть серьезно усилено, если население, признав его своевременность, полезность и справедливость, легитимизирует данное решение своей единодушной поддержкой. И наоборот, те решения, которые большинство населения не приемлет и не поддерживает, вызывают массовые рестрикции (торможение работы, дела при формальной показной лояльности), саботаж и пр., что, безусловно, снижает их эффективность. Но в самоорганизующихся системах выделение двух типов обратных связей относительно. Главное для такой сложной системы, как организм или социальное общество, – получить необходимую информацию из «рассеянного знания», циркулирующего между ее элементами (прежде всего низовыми – исполнительными), для принятия органами управления оптимальных решений или их целерациональной корректировки. Таков кибернетический императив. В обществе «рассеянное знание» потому так и называется, что его нельзя собрать, сгустить, сгруппировать в одном месте (скажем, в центре, штабе управления) административными методами, даже если иметь огромное число контролеров – наблюдателей. Оно подвижно, текуче, эмерджентно (вновь рождается). Носителем (частично) такого знания является каждый человек.

Найти его, выделить, систематизировать и представить органу управления способна только социологическая наука, в этом ее высокая общественная миссия. Научная информация, как достоверные репрезентативные данные о настроениях, ожиданиях, социальном самочувствии, электоральных предпочтениях, ранжировании актуальных проблем, установках, ценностных ориентациях, удовлетворенности разными сторонами жизни и т. д., представляет собой обратную связь разных категорий и групп населения с органами местной и центральной власти, позволяющую последней правильно оценить ситуацию, прогнозировать возможное развитие событий, вносить упреждающие изменения для поддержания стабильности, порядка и общественной безопасности.

Обратим внимание на понимание обратной связи в физиологии. Любое внешнее или внутреннее раздражение, воздействующее на организм, воспринимается рецепторами, назначение которых заключается в том, чтобы трансформировать (преобразовывать) энергию раздражителя в нервное возбуждение. Рецептор состоит из центра и периферии. Центр осуществляет так называемую *оп*-реакцию, т. е. на основе сенсорного порога включает данный раздражитель в анализатор органов чувств. Периферия, наоборот, путем *off*-реакции должна

выключить раздражитель, когда его действие прекращается (устраняется), например остановить чихание и т. п. На периферии располагаются также нейроны-детекторы, которые обладают врожденной способностью реагировать только на один признак (скажем, тепло или давление), что позволяет выделять такие признаки из массы других, а значит, опознавать и строить образ раздражителя. Однако информация не может быть передана по нейронным сетям в натуральной форме (градусах, килограммах и т. п.), поэтому рецептор осуществляет ее кодирование. Для этого он преобразует энергию раздражителя в биоэлектрический феномен, называемый рецепторным потенциалом. В. И. Шостак отмечал: «Именно в этой части афферентной системы (в рецепторе. – С. III.) происходит логарифмическое преобразование сигнала, т. е. переход на гораздо более экономный код, позволяющий при помощи сравнительно небольших изменений биологического сигнала передавать информацию в диапазоне изменений на 9–12 порядков, возможных в естественных условиях» [9, с. 16–17]. Кодирование продолжается и на этапе передачи возбуждения (уже как нервного импульса) афферентной системой. Причем, как считает В. И. Шостак, «мы обнаруживаем гораздо большее разнообразие способов кодирования» [9, с. 17]. Как видим, кодированию здесь подлежит энергия внешнего раздражителя, воспринимаемая рецептором, который и осуществляет ее логарифмическое преобразование. Например, если на руку человека давит груз массой 10 000 г (10 кг), то десятичный логарифм 10 000 равен 4, значит, для передачи сигнала по афферентной системе в центр управления (мозг) достаточно энергии всего лишь 4 ед. в электрическом измерении, условно говоря, 4 мВт или 4 мкВт. На первый взгляд, это сугубо физиологический процесс, однако он позволяет понять и природу психологической деятельности. Отец русской физиологии И. М. Сеченов утверждал: «Все акты сознательной и бессознательной жизни по способу происхождения суть рефлексы» [9, с. 9]. В отличие от З. Фрейда И. М. Сеченов не разделяет, а соединяет сознание и бессознательное через рефлексы, исходя из того, что происхождение не только бессознательной жизни, но и сознания было бы невозможно без ответных реакций организма на внешние и внутренние раздражители.

Эта же идея присутствует у М. Вебера: «Граница между осмысленным действием и поведением чисто реактивным (назовем его так), не связанным с субъективно предполагаемым смыслом, не может быть точно проведена» [10, с. 603]. Чисто реактивное поведение, когда, например, человек укрывается от неожиданного дождя под деревом или кустом, есть акт рефлекторный, но ведь человек понимает, зачем он это делает, поэтому между чисто реактивным поведением и осмысленным действием не мо-

жет быть демаркационной границы. Значительная часть социологически релевантных действий находится на стыке того и другого. М. Вебер отмечает: «Осмысленное, т. е. доступное пониманию, действие в ряде психофизических случаев вообще отсутствует, в других – может быть обнаружено только специалистами. Мистические, т. е. адекватно не передаваемые словами, переживания не могут быть полностью поняты теми, кому они недоступны. <...> Полное сопереживание – важное, но не абсолютно непреложное условие понимания смысла. Доступные и недоступные пониманию компоненты какого-либо процесса часто переплетаются и связываются» [10, с. 603].

Для социологии первостепенное значение при концептуализации обратной связи имеют такие категории, как антиципация, врожденное знание и опережающее отражение.

Антиципация (от лат. *anticipo* – предвосхищение) – понятие, обозначающее способность предвосхищать те или иные еще не свершившиеся события либо будущие результаты предполагаемого действия. Термин введен древнегреческими философами: у стоиков антиципация – это дар пророчества (проникновения в будущее), доступный мудрецам, у эпикурейцев – инсайт, т. е. угадывание и выбор того, что полезно для счастливой жизни. Уже здесь видно, что антиципация легко сблизается с ясновидением, спиритуализмом, пророчеством и т. п. Именно это дало основание Ф. Бэкону изгонять предвосхищение из науки, заменяя его строгими методами познания. И. Кант понимал природу антиципации как априорные формы познания, присущие субъекту до начала процесса познавания, у А. Бергсона это было интуитивное постижение мира и т. д. Кстати, попытка вольного перевода латинского термина *anticipatio* как «доопытное представление» [11, с. 24], на наш взгляд, некорректна. Так, предсказание погоды по приметам является именно опытным предвосхищением. Понятно, что оно не существовало бы многие века, если бы вероятность «угадывания» была незначительной.

В конце XIX в. немецкий ученый В. Вундт ввел понятие антиципации в психологию главным образом для характеристики «представлений воображения», т. е. представлений об отсутствующих объектах или о результатах тех действий, которые еще не начаты, а лишь предполагаются. Позже это понятие вошло во все социогуманитарные науки. Оно позволяет, во-первых, объяснить, как достигается согласованность взаимных ожиданий двух и более акторов (путем предвосхищения возможных вариантов реагирования партнера в ответ на собственные действия); во-вторых, понять упорядоченность внутренних структур я-концепции (благодаря антиципирующей способности видеть себя со стороны, глазами других людей, а не только

интроспективно (самонаблюдательно)); в-третьих, концептуализировать мотивационный процесс. «Суть побуждения, – отмечают Л. И. Анцыферова и Б. М. Величковский, – состоит в предвосхищении возможных действий, которые приведут к влекущим за собой определенные последствия результатам. Качество и степень привлекательности антиципируемых последствий с точки зрения пользы, затрат времени и усилий, оценки другими и самооценки решающим образом зависят от мотивов» [12, с. 6]. Именно поэтому является правомерным и приобретает эвристическое значение термин «мотивационная установка», выражающий содержательную и структурную обусловленность установки со стороны мотивов.

Врожденное знание (врожденные идеи) – одна из категорий гносеологии. Она восходит к учению Платона об эйдосах (идеях-образах), которые заранее содержатся в душе наподобие матриц вещей и предметов внешнего мира. Познание и есть припоминание (анамнесис) эйдетических прообразов (врожденного знания) души. Такой вариант толкования врожденного знания разрабатывался в эйдологии Гуссерля, в неотомизме и др. Немецкий психолог Э. Йенш создал учение, названное им эйдетикой, согласно которому люди делятся на разные типы по критерию душевной предрасположенности, определяющей рецептивные и продуктивные различия. В психологию вошел термин «эйдетизм», обозначающий особенно яркие и точно воспроизводимые представления памяти («как сейчас вижу»). Считается, что основой эйдетических образований является остаточное возбуждение анализатора [13, с. 406], но поскольку эти образования сохраняются длительное время (порой годами), то логично предположить, что они коррелируют с ценностными аспектами (смыслами) установки.

Второе направление связано с пониманием природы знания. Сенсуалистская модель *tabula rasa* (чистая доска) (термин Аристотеля, категоризованный Дж. Локком) исключала саму возможность какого-либо внеопытного или доопытного знания. Известное положение Дж. Локка о том, что «ничего нет в интеллекте, чего не было бы в чувствах», Г. Лейбниц дополнил фразой: «...кроме самого интеллекта». Поддерживая положение Декарта о врожденных идеях, Г. Лейбниц говорит о существовании в душе известных предрасположений, благодаря чему из нее могут быть извлечены внеопытные истины. В своей теории рефлекса Декарт исходил из модели механического автомата, в которой имплицитно содержится допущение, что простейший регулятор, например, давления знает, «когда нужно открыть клапан», чтобы не допустить разрушения котла. Такое же знание по аналогии можно приписать и безусловному рефлексу. Характерна точка зрения социолога и криминолога Г. Тарда, который

писал: «Все, что человек умеет делать, не учась на чужом примере (ходить, есть, кричать), – физиологическое; но обладать какой-либо походкой, петь арии, предпочитать определенные блюда – все это социальное» [14, с. 3]. Поскольку умение делать есть технологизация знания, то речь идет о выделении того, что человек знает изначально, и того, чему должен учиться у других людей, что должен приобретать на основе прежде всего, как считал Г. Тард, законов подражания.

Заслуживает внимания идея лингвистических универсалий, выдвинутая американским социолингвистом Н. Хомским. Сравнив 4000 языков народов мира, он обнаружил, с одной стороны, их существенные отличия друг от друга звуками и символами, с другой – сходство в синтаксисе, т. е. способе сочетания слов в предложении, а значит, формах мысли. С точки зрения Н. Хомского, это обусловлено «глубинными структурами», в основе которых лежат укорененные в человеческой психике и мозге «врожденные настройки». Они-то и определяют правила («схема универсальной грамматики») образования «наполненных значениями предложений и объясняют переводимость одних языков на другие» [15, с. 79].

В этом далеко не беспредметном споре нетрудно заметить расхождения, источником которых являются разные понимания природы знания. При сугубо рационалистической трактовке знания (позитивизм) как логически правильного дедуктивного вывода или индуктивного обобщения чувственных и (или) экспериментальных данных врожденным оно быть не может. Более того, все внеопытные и доопытные сведения, не укладывающиеся в рациональную схему, к знанию не причисляются. Тем самым из совокупного тезауруса исключаются здравый смысл, интуиция, суждения вкуса (И. Кант), метафизические трансцендентные и ценностные умозаключения. Но если к знанию относят любые когнитивные формы (мнения, убеждения, верования и т. д.), которые способствуют правильной ориентации в мире и оптимизации решений в ситуации выбора, то ответ не столь очевиден. Можно сослаться на К. Юнга, считавшего, что в памяти есть область, в которой хранится опыт предшествующих поколений, образованный совокупностью архетипов. По этому поводу В. Н. Колесников заметил: «Но мы привыкли думать, что вспомнить можно только то, что сам видел, но забыл» [16, с. 89]. При таком подходе следует признать наличие у человека если не «готового» внеопытного и доопытного знания, то определенного когнитивного потенциала (задатков, априоризмов, архетипов и др.), составляющих содержание того, что именуют врожденным знанием.

Под *опережающим отражением* понимаются некоторые когнитивные акты относительно объек-

тов (явлений), которые актуально не присутствуют в познавательном поле (в сфере чувственного восприятия), хотя могут быть представлены в нем виртуально. Факты такого отражения широко известны по наблюдениям за животными. А. М. Коршунов писал: «Опережающее отражение у животных связано либо с врожденными программами – инстинктами, либо с программами, приобретаемыми в ходе индивидуальной жизнедеятельности, – пожизненно формирующимися функциональными системами» [17, с. 60].

У человека опережающее отражение проявляется в формах целеполагания, воображения, проектирования, инновационной деятельности, вообще во всем и везде, где требуется не просто репродукция, производство по шаблонам, а творческий подход. Однако, несмотря на повседневную представленность феноменов опережающего отражения, его природа длительное время оставалась невыясненной, а категориальный статус – неопределенным. Выдающийся русский физиолог П. К. Анохин раскрыл физиологический механизм опережающего отражения и показал, что оно является регулятором становления и развития любой функциональной системы. Как писал Л. Р. Грэхэм, «понятие “опережающее отражение” было разработано Анохиным в конце его жизни» [18, с. 206]. Хотя, пожалуй, правильнее сказать, что это было время опубликования результатов исследований, поскольку довольно долго теория отражения не допускала употребления данного понятия. П. К. Анохин смог преодолеть этот запрет, но не как философ, а как естествоиспытатель. Логика его анализа можно представить следующим образом.

Согласно традиционной модели, идущей от Декарта, рефлекторная деятельность является целенаправленной и адаптивной. Но возникает вопрос: «Как организм узнает о том, что желаемая цель достигнута?» «Весь имеющийся в арсенале нашей нейрофизиологии материал, – писал П. К. Анохин, – не может дать нам ответа на этот вопрос... Нет никаких видимых с обычной точки зрения причин, почему одна из афферентаций стимулирует *центральную нервную систему* на дальнейшую мобилизацию рефлекторных приспособительных актов, а другая – наоборот, останавливает приспособительные действия» [19, с. 26; 20, с. 44]. В поисках ответа были введены новые термины, приобретшие впоследствии общенаучное концептуальное и методологическое значение: «обратная афферентация», ставшая прообразом обратной связи в кибернетике⁴; «акцептор действия» (от лат. *acceptare* – принимать, одобрять) – контрольный аппарат в нервной системе, основанный на сильном наследственном безусловном рефлексе и связанный с условным раздражителем; «опережающее отражение» – заготов-

⁴Афферентация (от лат. *afferens* – приносящий) – возбуждение, передаваемое по нервным волокнам от иннервируемых тканей к центральной нервной системе, т. е. обратная связь.

ленный комплекс возбуждений, существующий в организме до того, как оформился сам рефлекторный акт. Организм узнает о достижении цели путем сравнения информации, поступающей по каналу обратной афферентации, с заготовленным комплексом возбуждений. В случае несовпадения возникает необходимость в дальнейшей мобилизации рефлекторных актов, т. е. продолжения действия. Заготовленный комплекс состоит из генетической программы и следов прошлого опыта. Это и есть физиологическая основа опережающего отражения. Благодаря ему организм знает цель и, соответственно, стимулирует или останавливает рефлекторные действия. Кроме того, он заранее умеет дифференцировать раздражители (стимулы), четко выделяя те, которые соответствуют наследуемым безусловным рефлексам.

Идеи П. К. Анохина позволяют понять и психологический уровень опережающего отражения. Безусловно, если исходить из абстрактной пассивно-

созерцательной модели гносеологического субъекта, то опережающее отражение невозможно. Восприятие, тем более копирование, фотографирование несуществующего объекта были бы не более чем фантомом, призраком. Но реальный человек – существо активное, адаптивно-адаптирующее, целеполагающее. Постановка цели связана прежде всего с предвидением (пусть и неточным, маловероятным и т. д.) результата деятельности, а следовательно, с формированием плана, созданием идеального образа объекта и схемы (проекта) его изменения. Человек, вообще, не работает непосредственно с объектами, он всегда конструирует предмет деятельности, исходя из цели и свойств объекта, существенных в данном отношении. Одно дело, когда дерево рубят на дрова, другое – для строительства дома. Таким образом, опережающее отражение и есть мысленное конструирование предмета деятельности из тех элементов действительности, которые доступны и адекватны целям человека.

Проблематика интеллектуализации социума

Кибернетика первой привлекла внимание к интеллектуализации человеческого познания и практической деятельности, тематизировала ее, выделив в самостоятельное научное направление, и концептуализировала сам ход возможной реализации данного проекта. Н. Винер рассказал, как была создана автоматическая система зенитного огня в годы войны за Англию, А. Тьюринг поведал о разработке в то же время системы «Ультра» для перехвата и декодирования переговоров немцев, защищенных якобы суперсовершенным комплексом «Энигма». Проект кибернетиков был подлинной новацией, хотя исследованием мышления занимались самые выдающиеся умы человечества – от Аристотеля до И. Канта, Г. В. Ф. Гегеля и классиков марксизма, а французский ученый Ж. Ламетри написал книгу «Человек-машина» (1747), в которой уподоблял человеческий организм самозаводящемуся механизму. Но никому не пришла мысль о возможности воспроизводства функции мышления техническим устройством. Правда, первая промышленная революция стала возможной и началась с освоения двух великих изобретений – регулятора Уатта, предохранявшего паровой котел от взрыва открытием клапана и сбросом давления, и поплавкового регулятора Ползунова, предотвращавшего переполнение жидкостью резервуара. Будучи усовершенствованными, эти автоматы и сегодня служат людям в быту и на производстве.

В кибернетике изначально очевиден технический уклон: воспроизведение функции мышления с помощью мыслящих машин, создание искусственного разума, точнее искусственного интеллекта. Но интеллектуализация не только техническая, но и социологическая проблема уже потому,

что речь идет о социуме. Стоит лишь обратиться к технологиям цветных революций с помощью интернета, произошедших уже в 40 странах. Мы далеки от того, чтобы возлагать вину на интернет. Это хотя и высокосложное, но все-таки техническое устройство, работающее исключительно с информацией, и, следовательно, ответственность за информационное обеспечение, за то, чему служат транслируемые в сетях ценности и смыслы, во благо ли они людям или во вред, несут организаторы таких революций и те, кто обеспечивает им доступ в интернет.

Для того чтобы раскрыть содержание и смысл процесса интеллектуализации социума, необходимо обратиться к его исходной категории – понятию интеллекта. Под интеллектом (от лат. *intellectus* – понимание) имеется в виду основная форма познания действительности и практической деятельности по ее преобразованию. Существуют дисциплинарные различия в определении интеллекта. Так, в гносеологии интеллект дефинируют как совокупность всех доступных человеку способов и приемов познания – от ощущений и восприятий до высших форм мышления. Акцент на познании ведет к недооценке праксеологического аспекта человеческой активности. В современной зарубежной психологии сохраняются некоторые прежние дефиниции: например, интеллект – это то, что измеряют тесты (А. Бине), конституциональный фактор, черта личности (Р. Кэттелл) и др. В отечественной психологии принципиальное значение придается ценности интеллекта и его социокультурным основаниям, а не биологическим характеристикам. Кибернетика, решая задачу создания искусственного интеллекта, понимает его как способность сложных систем

к обучению, переработке информации и саморегулированию, т. е. сохранению целостности и поддержанию динамического равновесия. В социологии интеллект трактуется как умственные способности человека, потенциал рациональной мысли и поведения [21, с. 250].

В структуре интеллекта чаще всего выделяют рассудок, разум, память и воображение. Рассудок представляет собой систематизацию, комбинирование, «придание формы» (И. Кант) ощущениям и восприятиям, как познание он конкретен, относителен и, как правило, локален. Разум есть высшая форма мышления, способность мыслить абстрактно – вести счет в уме, оперировать символами, создавать понятия и дефинировать их, использовать понятия и другие виды знания (когниции) для построения логически правильных суждений и умозаключений, формировать научные теории, раскрывающие сущность явлений, проводить поисковый анализ, реконструкцию изменяющегося знания и открытие нового. Разум – очень важная (возможно, самая важная) часть интеллекта, но далеко не единственная и не абсолютная. Иногда ему приходится отступать перед давлением бессознательных инстинктов и рефлексов, уступать свое доминирующее положение эмоциям, страстям, например, митингующей толпы и т. п. Великий русский ученый В. И. Вернадский, а вслед за ним француз Т. де Шарден с его концепцией сверхжизни с точки зрения Омега и другие раскрывали закономерность планетарной эволюции биосферы по направлению к ноосфере – сфере разума. Эту логику движения необходимо понять и принять, сосредоточивая все усилия на поддержании ее осуществления.

Память непосредственно связана с информацией, ее закреплением, сохранением и последующим воспроизведением. Память возникла вместе с жизнью благодаря созданным природой механизмам кодирования. Первоначально – на низших ступенях – кодирование носит исключительно генетический характер и передается потомству через рефлекторно-инстинктивные связи. У высших животных возникает обучение по схеме «делай как я». Однако это обучение касалось лишь самых простых навыков защиты и охоты. Только у человека на определенной стадии развития всего сообщества в связи с усложнением жизнедеятельности, возросшей подвижностью возникла потребность в иной форме кодирования сигналов, в создании нового языка, новых способов расшифровки, хранения и передачи информации. Это предполагало полный переворот отношений и всего уклада жизни, а главное – отказ от внутривидовой борьбы как основы биологического сохранения и совершенствования вида и переход к групповому отбору. Так возникли коллективное бессознательное (К. Юнг) с первоначальной моделью архетипов коллектив-

ной памяти и новая система обучения, названная академиком Н. Н. Моисеевым системой «Учитель» [22, с. 36]. (Иногда этот переворот именуют палеолитической революцией, хотя он длился многие тысячи лет.) Н. Н. Моисеев отмечал: «Без создания новой формы негенетической памяти, которую я называю системой “Учитель”, не могло бы возникнуть и общество» [22, с. 37].

Воображение есть психический процесс создания новых образов, неожиданных, часто невероятных представлений путем переработки информации из предшествующего опыта. Огромное значение для развития интеллекта через усиление воображения имеют влияния, названные И. Кантом fasciniрующими средствами, пробуждающие, оживляющие и облегчающие этот процесс. Неслучайно А. Эйнштейн утверждал: «Фантазия (воображение. – С. III.) выше знания» [23, с. 296], очевидно имея в виду, что использование готового знания – это путь к репродуктивному воспроизводству, а творчество требует обновления, поиска новых вариантов.

Отметим также, что известный русский психолог, специалист по проблеме гениальности Б. М. Теплов выделил «практический интеллект» как то, что в народе называют «золотые руки» типа «Левша, подковывающий блоху», считая его не менее ценным и важным, чем когнитивный (теоретический). В работе «Ум полководца» он изучал интеллект в связи с волевыми и эмоциональными качествами исследуемых личностей.

С социологической точки зрения в интеллекте целесообразно учитывать роль таких социабельных качеств, как альтруизм (помощь), каритативность (забота), толерантность (терпимость), справедливость (всеобщая мера как эквивалент распределения «по заслугам»), эмпатия (сопереживание), а также экспрессивных поведенческих реакций – чувств, эмоций, аффектов (страстей) – и социопсихических феноменов, таких как доверие, убежденность, консенсус, самоактуализация, оптимизм и др.

Основными функциями интеллекта являются: 1) способность к обучению; 2) оперирование символами; 3) интернализация (овладение) закономерностями окружающего мира (природы) и ценностно-нормативной системы общества; 4) готовность и способность к рациональному целеполаганию и стратегической балансировке целей и средств деятельности; 5) готовность к надситуативной активности, выходящей за пределы простых реакций на сложившуюся ситуацию, т. е. упреждение возможных ее бифуркаций.

Следовательно, интеллектуализация социума означает усиление во всех сферах и социальных институтах общества всех составляющих интеллекта – от дескриптивного логичного рассудка до невероятных образов воображения, преодоление расхождений между разумом и эмоциями, рационализацию ин-

дивидуальных действий и всей социальной практики, оптимизацию тех факторов, которые так или иначе связаны с интеллектом и влияют на него, усовершенствование и развитие функций интеллекта, придание как можно большей стратегичности социально-экономическим и политическим решениям, направленным на поддержание целостности, безопасности и устойчивого развития социума. Вклад кибернетики в этот грандиозный по масштабу процесс

переоценить невозможно, в том числе и в создание компьютерных мыслящих машин, искусственного разума, информационных технологий, цифровизацию и т. д. Вместе с тем нельзя не видеть, что по своей семантике это более широкий проект. Он носит общесистемный характер, весьма продолжительный по времени и универсальный по охвату всех сфер, институтов, производства и потребления, инфраструктуры и услуг, вообще всех видов деятельности.

Символично-информационная иерархия сфер общества

Заметным вкладом Т. Парсонса в социологическую науку является его концепция символично-информационной иерархии подсистем общества. В отличие от четырехфункциональной парадигмы, в которой функции субординированы по логике английской аббревиатуры AGIL (адаптация, целедостижение, интеграция и латентность (сохранение образца)), здесь аббревиатура меняется на рекуррентную (обратную) – LIGA (латентность, интеграция, целедостижение и адаптация). Т. Парсонс выделил следующие символические средства: ценностные обязательства, влияние, власть и деньги.

На вершине иерархии должно находиться ценностное обязательство, понимаемое как привязанность и обобщенная способность вносить ценности в жизнь. В процессах обмена и коммуникации ценностное обязательство является оборотным средством, которое может накапливаться (как и деньги) институтами, партиями и отдельными лицами, обладающими моральным авторитетом и высоким уровнем признания. Т. Парсонс считал одним из самых значительных достижений социологической науки веберовский анализ харизматического лидерства. Харизматик расширяет «банк ценностных обязательств» (число приверженцев и последователей) и на этой основе может реорганизовать существующую систему институционализированных ценностей, как это делали основатели мировых религий.

На втором месте – влияние как символическое средство социального сообщения и обмена. В его основе лежит социальная солидарность, перерастающая в идентификацию по признакам гражданства, партийности, ассоциации и др. Добровольные объединения людей можно рассматривать как «банки влияния», которое лидеры могут использовать для повышения своей репутации, завоевания электорального большинства.

Далее идут такие символические средства, как власть и деньги. Иерархия символических средств обеспечивает информационную регуляцию социального порядка. Так, подсистема латентности, производящая ценностные обязательства, информационно регулирует процессы интеграции и соответствующие ей «банки влияния». Подсистема интеграции, в свою очередь, информационно регулирует

подсистему целеполагания («банки власти»), а последняя – подсистему адаптации, т. е. экономику с ее символическим оборотным средством – деньгами.

Нарушение информационного порядка, когда, например, деньги становятся выше ценностных обязательств, влияния либо власти или же власть – выше ценностных обязательств и влияния (более высоких в иерархии), ведет к дезорганизации общества.

Таким образом, Т. Парсонс создал сложную разветвленную многоуровневую модель социального порядка. Важно учитывать, что это теоретико-аналитическая модель, а не отражение эмпирической реальности, но в ней есть определенная система координат (понятийная сетка), позволяющая ставить и исследовать конкретные социальные проблемы. Т. Парсонс отмечал: «Я берусь утверждать, что такой вклад может быть подлинно эмпирическим» [24, с. 24]. В отличие от Ф. А. фон Хайека Т. Парсонс не исключает из своей концептуальной схемы ни государства, ни общественные институты и не видит в рынке только экономическое явление. Он подчеркивает: «Молчаливая посылка экономистов состоит в том, что неэкономические факторы нельзя анализировать на столь же теоретически специализированном уровне, как уровень экономической теории» [24, с. 57]. В силу этого экономическая теория и сегодня рассматривает только три из шести выделенных Т. Парсонсом рынков (рынок ресурсов, рынок труда и рынок норм распределения), оставляя вне своего внимания рынок ценностных обязательств, рынок средств влияния и рынок политической поддержки. Термин «порядок» уточняется ученым применительно к конкретным уровням анализа: единичного действия, интерактивной диады, системы действия и социетального общества. На социетальном уровне порядок – это не просто некоторое состояние общества, а желательный тип социальной системы. Эта идея позволяет подойти к изучению социального порядка с учетом представлений людей о должном, их ожиданий и оценок, а значит, проводить компаративный анализ данного феномена в различных регионах страны.

Таким образом, четыре основные сферы общества когерентны (сцеплены друг с другом) следующим образом. К примеру, экономическая сфера получает от других такие вклады:

1) от сферы политики – цели и приоритеты, организованность всей общественной жизни, общую мобилизованность и др.;

2) от социальной сферы – доверие, лояльность, солидарность, упорядоченность конкурирующих притязаний, социальный капитал, минимизацию или смягчение конфликтов, дополнительные производственные эффекты сотрудничества и коллективизма;

3) от духовно-культурной сферы – высокий уровень готовности людей к экономической деятельности, социализированных и мотивированных индивидов, профессионализм работников, человеческий капитал, ценностные стандарты (обязательства).

В свою очередь, вклад экономики в другие сферы – это не только материальные средства к существованию, но и новые рабочие места, возможность выбора профессий, доступ к ресурсам и информации (новые средства связи, интернет и т. д.), социальным благам и услугам, вертикальная мобильность, иммиграция, условия самореализации индивида. На уровне взаимообменов между основными сферами общества прежние категории (консистентность

ориентации, согласование и взаимодополнение ожиданий и др.) не объясняют координированность действий институтов. Социетальный порядок требует эквивалентных обменов (входов-выходов) между подсистемами, например, если экономика ориентирована на производство ради производства или на прибыль любой ценой, то процессы обмена нарушаются, возникают явления дисбаланса, личностной демотивации, что отрицательно сказывается на устойчивости общества как целостной системы.

К сожалению, Т. Парсонс не применял в своих разработках сферный подход. Поэтому он включил в теоретический анализ общества биологический организм, а функцию латентности (сохранение образца) отнес к фидуциарной подсистеме, используя малоподходящий юридический термин. Мы полагаем, что высшим символическим средством следует признать не ценностное обязательство, а доверие как феномен, характеризующий не только межличностные связи, но и отношения к социальным институтам – государству и его органам, образованию, здравоохранению и др. Власть целесообразно заменить на авторитет.

Библиографические ссылки

1. Баженов ЛБ. Кибернетика, ее предмет, методы и место в системе наук. В: *Философия естествознания. Выпуск 1*. Москва: Политиздат; 1966. с. 336–359.
2. Берг АИ. Предисловие. В: Литинецкий ИБ. *Беседы о бионике*. Москва: Наука; 1968. с. 4–6.
3. Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Том 20*. 2-е издание. Москва: Политиздат; 1961. XXII, 827 с.
4. Ильичев ЛФ, Федосеев ПН, Ковалев СМ, Панов ВГ, редакторы. *Философский энциклопедический словарь*. Москва: Советская энциклопедия; 1983. 839 с.
5. Винер Н. *Кибернетика и общество*. Панфилов ЕГ, переводчик; Кольман ЭЯ, редактор. Москва: Издательство иностранной литературы; 1958. 200 с.
6. Ботвинник М. Еще о шахматной машине. *Шахматы*. 1965;12:29–30.
7. Міклуха-Маклай НН. *Падарожжы*. Мінск: Дзяржаўнае вучэбна-педагагічнае выдавецтва БССР; 1954. 345 с.
8. Войшвилло ЕК, Дегтярев МГ. *Логика*. Москва: Владос; 1998. 527 с.
9. Шостак ВИ. *Природа наших ощущений*. Москва: Просвещение; 1983. 127 с.
10. Вебер М. *Избранные произведения*. Давыдов ЮН, составитель; Левина МИ, Филиппов АФ, Гайденко ПП, переводчики. Москва: Прогресс; 1990. 808 с.
11. Губский ЕФ, Кораблева ГВ, Лутченко ВА, редакторы-составители. *Философский энциклопедический словарь*. Москва: Инфра-М; 1997. 575 с.
12. Анцыферова ЛИ, Величковский БМ. Предисловие. В: Хекхаузен Х. *Мотивация и деятельность. Том 1*. Величковский БМ, редактор. Москва: Педагогика; 1986. с. 5–7.
13. Давыдов ВВ, Запорожец АВ, Зинченко ВП, Ломов БФ, Лурия АР, Матюшкин АМ и др., редакторы. *Психологический словарь*. Москва: Педагогика; 1983. 448 с.
14. Тард Г. *Социальная логика*. Санкт-Петербург: Типография Ю. Н. Эрлих; 1901. VIII, 491 с.
15. Дорфман ЛЯ. *Эмпирическая психология: исторические и философские предпосылки*. Москва: Смысл; 2003. 107 с.
16. Колесников ВН. *Лекции по психологии индивидуальности*. Москва: Институт психологии; 1996. 224 с.
17. Коршунов АМ. *Теория отражения и творчество. Над чем работают, о чем спорят философы*. Москва: Политиздат; 1971. 255 с.
18. Грэхэм ЛР. *Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе*. Ахундов МД, Игнатъев ВН, переводчики. Москва: Политиздат; 1991. 480 с.
19. Анохин ПК. Особенности афферентного аппарата условного рефлекса и их значение для психологии. *Вопросы психологии*. 1955;6:16–38.
20. Анохин ПК. *Очерки по физиологии функциональных систем*. Москва: Медицина; 1975. 447 с.
21. Джери Д, Джери Дж. *Большой толковый социологический словарь. Том 1*. Москва: Вече; 1999. 544 с. Совместно с издательством «АСТ».
22. Моисеев НН. Человек во Вселенной и на Земле (по поводу книги И. Т. Фролова «О человеке и гуманизме»). *Вопросы философии*. 1990;6:32–45.
23. Березин Н, составитель. *Мудрость тысячелетий*. Москва: Олма-пресс; 2005. 830 с.
24. Парсонс Т. *О социальных системах*. Чеснокова ВФ, Белановский СА, редакторы. Москва: Академический проект; 2002. 832 с.

References

1. Bazhenov LB. [Cybernetics, its subject, methods and place in the system of sciences]. In: *Filosofiya estestvoznaniya. Vypusk 1* [Philosophy of natural science. Issue 1]. Moscow: Politizdat; 1966. p. 336–359. Russian.
2. Berg AI. [Preface]. In: Litinetskii IB. *Besedy o bionike* [Talk about bionics]. Moscow: Nauka; 1968. p. 4–6. Russian.
3. Marx K, Engels F. *Sochineniya. Tom 20* [Essays. Volume 20]. 2nd edition. Moscow: Politizdat; 1961. XXII, 827 p. Russian.
4. Il'ichev LF, Fedoseev PN, Kovalev SM, Panov VG, editors. *Filosofskii entsiklopedicheskii slovar'* [Philosophical encyclopedic dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya; 1983. 839 p. Russian.
5. Wiener N. *The human use of human beings. Cybernetics and society*. London: Eyre and Spottiswoode; 1954. 199 p. Russian edition: Wiener N. *Kibernetika i obshchestvo*. Panfilov EG, translator; Kol'man EYa, editor. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoi literatury; 1958. 200 p.
6. Botvinnik M. [More about the chess machine]. *Shakhmaty*. 1965;12:29–30. Russian.
7. Mikluha-Maklaj NN. *Padarozhzy* [Travellings]. Minsk: Dzjarzhavnae vuchebna-pedagogichnae vydavectva BSSR; 1954. 345 p. Belarusian.
8. Voishvillo EK, Degtyarev MG. *Logika* [Logic]. Moscow: Vldos; 1998. 527 p. Russian.
9. Shostak VI. *Priroda nashikh oshchushchenii* [The nature of our sensations]. Moscow: Prosveshchenie; 1983. 127 p. Russian.
10. Veber M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Davydov YuN, compiler; Levina MI, Filippov AF, Gaidenko PP, translators. Moscow: Progress; 1990. 808 p. Russian.
11. Gubskii EF, Korableva GV, Lutchenko VA, editors and compilers. *Filosofskii entsiklopedicheskii slovar'* [Philosophical encyclopedic dictionary]. Moscow: Infra-M; 1997. 575 p. Russian.
12. Antsyferova LI, Velichkovskii BM. [Preface]. In: Heckhausen H. *Motivatsiya i deyatel'nost'*. Tom 1 [Motivation and activity. Volume 1]. Velichkovskii BM, editor. Moscow: Pedagogika; 1986. p. 5–7. Russian.
13. Davydov VV, Zaporozhets AV, Zinchenko VP, Lomov BF, Luriya AR, Matyushkin AM, et al., editors. *Psikhologicheskii slovar'* [Psychological dictionary]. Moscow: Pedagogika; 1983. 448 p. Russian.
14. Tarde G. *Sotsial'naya logika* [Social logic]. Saint Petersburg: Tipografiya Yu. N. Erlikh; 1901. VIII, 491 p. Russian.
15. Dorfman LYa. *Empiricheskaya psikhologiya: istoricheskie i filosofskie predposylki* [Empirical psychology: historical and philosophical background]. Moscow: Smysl; 2003. 107 p. Russian.
16. Kolesnikov VN. *Lektsii po psikhologii individual'nosti* [Lecture on personality psychology]. Moscow: Institut psikhologii; 1996. 224 p. Russian.
17. Korshunov AM. *Teoriya otrazheniya i tvorchestvo. Nad chem rabotayut, o chem sporyat filosofy* [The theory of reflection and creativity. What philosophers are working on and arguing about]. Moscow: Politizdat; 1971. 255 p. Russian.
18. Graham LR. *Science, philosophy, and human behaviour in the Soviet Union*. New York: Columbia University Press; 1987. XIV, 565 p. Russian edition: Graham LR. *Estestvoznaniye, filosofiya i nauki o chelovecheskom povedenii v Sovetskom Soyuze*. Akhundov MD, Ignat'ev VN, translators. Moscow: Politizdat; 1991. 480 p.
19. Anokhin PK. [Features of the afferent apparatus of the conditioned reflex and their significance for psychology]. *Voprosy psikhologii*. 1955;6:16–38. Russian.
20. Anokhin PK. *Ocherki po fiziologii funktsional'nykh system* [Essays on the physiology of functional systems]. Moscow: Meditsina; 1975. 447 p. Russian.
21. Jary D, Jary J. *Bol'shoi tolkovyi sotsiologicheskii slovar'. Tom 1* [The big explanatory sociological dictionary. Volume 1]. Moscow: Veche; 1999. 544 p. Co-published by the «AST». Russian.
22. Moiseev NN. [Man in the Universe and on Earth (about the book by I. T. Frolov «About man and humanism»)]. *Voprosy filosofii*. 1990;6:32–45. Russian.
23. Berezin N, compiler. *Mudrost' tysyacheletii* [The wisdom of millennia]. Moscow: Olma-press; 2005. 830 p. Russian.
24. Parsons T. *O sotsial'nykh sistemakh* [About social systems]. Chesnokova VF, Belanovskii SA, editors. Moscow: Akademicheskii proekt; 2002. 832 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 08.09.2020.
Received by editorial board 08.09.2020.

УДК 316.74:94

ОБЩИЙ СОЦИАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗНАНИЕВЫХ И СТОИМОСТНЫХ ЦЕПОЧЕК

В. К. ЩЕРБИН¹⁾

¹⁾Центр системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси,
ул. Академическая, 1, 220072, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются две группы цепочек: *знаниевые* (дисциплинарные, инновационные, кадровые, производственные, технологические и собственно знаниевые цепочки), *стоимостные* (вертикально интегрированные цепочки добавленной стоимости, глобальные цепочки создания стоимости, международные цепочки стоимости, мировые цепочки добавленной стоимости, отраслевые стоимостные цепочки, региональные цепочки создания стоимости, умные цепочки стоимости). Выявляются общие черты, присущие каждой из этих групп. Описывается феномен «пересечения цепей», характеризующий многочисленные случаи объединения цепочек, относящихся к разным группам. Обосновывается возможность использования общего социального анализа для изучения и объединения знаниевых и стоимостных цепочек в процессе создания интегрированных корпоративных структур.

Ключевые слова: социальные науки; экономический империализм; общий социальный анализ; знаниевые цепочки; стоимостные цепочки; феномен «пересечения цепей»; интегрированные корпоративные структуры.

THE COMBINED SOCIAL ANALYSIS OF KNOWLEDGE AND VALUE CHAINS

V. K. SHCHERBIN^a

^aCenter for System Analysis and Strategic Research, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Akademičnaja Street, Minsk 220072, Belarus

The article considers two groups of chains: *knowledge chains* (disciplinary, innovative, personnel, production, technological chains and knowledge chains as such), *value chains* (vertically integrated added value chains, global value chains, international value chains, world value chains, industry value chains, regional value creation chains, smart value chains). The common features characterising each of the above groups of chains are revealed. The «overlapping chains» phenomenon is described, characterising multiple instances of the chains from different categories being merged. The possibility of using a combined social analysis for studying and combining of knowledge chains and value chains in the process of creating integrated corporate structures is substantiated.

Keywords: social sciences; economic imperialism; combined social analysis; knowledge chains; value chains; the «overlapping chains» phenomenon; integrative corporate structures.

Образец цитирования:

Щербин ВК. Общий социальный анализ знаниевых и стоимостных цепочек. Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2020;3:20–41.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-3-20-41>

For citation:

Shcherbin VK. The combined social analysis of knowledge and value chains. Journal of the Belarusian State University. Sociology. 2020;3:20–41. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-3-20-41>

Автор:

Вячеслав Константинович Щербин – кандидат филологических наук; заведующий сектором исследований макроэкономических рисков.

Author:

Vyacheslav K. Shcherbin, PhD (philology); head of the sector of macroeconomic risks research.
slavalex@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6217-1265>

Введение

Несмотря на то что история человечества насчитывает уже несколько тысячелетий и в течение этого времени во многих странах мира постоянно производилось, обрабатывалось и использовалось социальное знание (знание о социальных фактах, процессах, группах людей и пр.), отдельная научная дисциплина, главным объектом изучения которой было бы именно социальное знание, сформировалась достаточно поздно (по сравнению с естественными, точными, техническими и другими науками). Указанное «опоздание» социологии, по мнению А. Г. Теслинова, можно объяснить постепенным возрастанием сложности концептуальной работы в процессе познания вначале «материального мира, мира “вещей”, который мы можем наблюдать», затем психического «мира идей – абстракций, образов, представлений и всего прочего, что способно порождать наше сознание», воспринимаемого «лишь посредством выражения его различными средствами», и, наконец, «социального мира – бездны отношений, выстраиваемых людьми в коллективном бытии, постигаемых не столько наблюдением, сколько непосредственным проживанием» [1, с. 30–31]. Во всяком случае, как считает британский историк науки Р. Смит, «до XIX в. науки социологии не было. Социологические размышления были растворены в таких предметах, как моральная философия, история и юриспруденция. <...> На протяжении XIX в. политэкономы и революционеры вроде Маркса, политические мыслители типа Алексиса де Токвиля, представители расовой теории, а также реформаторы и филантропы всех сортов считали себя вправе с уверенностью выносить суждения о социальных фактах. В немецком академическом мире существовала тесная взаимосвязь между исследованиями истории, экономической наукой и социальной философией. А в середине XIX в. политическая экономия в трудах, например, Дж. С. Милля иногда приближалась к тому, чтобы стать всесторонней наукой о человеке: о его природе, экономической деятельности, а также политических и социальных институтах. Однако трактовка общества как абстрактного понятия не была общепринятой» [2, с. 345–346].

Тот факт, что понятие общества не стало для социальных исследований XIX в. основным и общепринятым концептом, является лучшим свидетельством явно недостаточной институциональной

оформленности этих исследований в указанный период. Тут уместно будет привести мнение академика Б. М. Кедрова: «Вопрос об основном научном понятии по сути дела вопрос о том, можно ли признать данную науку вообще наукой или же превратить ее в нечто неопределенное и лишить ее важнейшей понятийной основы» [3, с. 493].

Даже после того как в начале XX в. «социология получила статус академической дисциплины, имела место определенная неясность относительно ее границ с другими предметами (социальной психологией, политической наукой, социальной антропологией, географией, экономикой и историей) и относительно положения и авторитета социологов в общественных делах» [2, с. 347]. Между тем отсутствие четких дисциплинарных границ в общем массиве весьма отличающегося по своему содержанию социального знания вносило определенный хаос в процессы его использования, поскольку «дисциплины представляют различные и противоположные интересы – в первую очередь интересы по сохранению тех оснований, на которых базируется их знание. Экономика, какой мы представляем ее сегодня, зависит от существования рынков с их интересами экспансии; политология зависит от государства, заинтересованного в политической стабильности; в то время как социология зависит от гражданского общества с его интересом в расширении общественного» [4, с. 45].

Именно по причине наличия весьма отличающихся интересов различные социальные дисциплины (экономика, политология, социология, история, право, культурология, социальная психология, социальная философия и др.) «мирно никогда не уживаются, поскольку бьются примерно за одну и ту же территорию» [5, с. 132]. В итоге возник ряд дисциплинарных империализмов (в их числе экономический, политологический, исторический, социологический, культурологический, психологический и другие империализмы), которые ведут «непрерывную войну» друг с другом за контроль над финансовыми, кадровыми, геополитическими и прочими ресурсами для своего развития. И как считает американский социолог И. Валлерстайн, «ожесточенность идущих ныне так называемых научных и культурных войн свидетельствует о глубине раскола в среде интеллектуалов» [6, с. 214].

Период доминирования экономического империализма в системе социальных наук

В условиях «непрерывной войны» дисциплинарных империализмов, как считает российский философ Н. С. Розов, «по всем признакам геополитической модели экономическая наука могла и должна была расширять свои претензии на новые

области. Везде в мире, и особенно активно в США, учат бизнесу. Для этого требуются многие тысячи профессоров. Чтобы получать степени и академические позиции, им нужно вести оригинальные исследования, печататься в престижных профессио-

нальных журналах, выпускать книги в солидных сериях и издательствах. Благодаря корпорациям выпускников и многочисленным фондам, денег на такие исследования всегда достаточно, во всяком случае, гораздо больше, чем могут получить социологи, культурологи, психологи, правоведы и даже политологи. Нельзя не признать и преимущество по сравнению с другими исследователями современных ученых-экономистов в вооруженности математическими методами» [5, с. 136].

Анализируя причины сегодняшнего доминирования экономического империализма в системе социальных наук, следует признать наличие у него ряда очевидных достоинств, которые предоставляют экономистам «основания и средства многосторонней экспансии на “чужие” предметные области:

- широкие и гибкие понятия и модели рационального выбора, игры и правил игры, полезности, стратегий, интересов, стимулов, обменов, рынков, ресурсов, издержек, а также контрактов и институтов в социологизированных версиях;
- умение операционализировать такие общие понятия в применении к конкретным задачам (в том числе далеким от классических экономических) и имеющимся наборам численных данных;
- владение разнообразными, в том числе весьма рафинированными, математическими методами обработки данных и проверки гипотез;
- смелость нормативных суждений – постулирование критериев оптимальности (общественной пользы и пр.) в сочетании с умением переводить социальные проблемы в исследовательские задачи, а результаты решения последних – в конкретные практические рекомендации.

Нет ничего удивительного, что ученые-экономисты с такой внушительной экипировкой отважно и зачастую успешно вторгаются в области, традиционно считавшиеся епархиями социологии, правоведения, политических наук, психологии, истории и т. д.» [5, с. 137].

К сожалению, в последние десятилетия, несмотря на постоянно растущую сложность социального мира, в рамках экономической науки безраздельно господствует так называемый неолиберальный мейнстрим с его достаточно узким пониманием сложных социальных проблем, что определенно не способствует их своевременному решению. В этой связи французский философ и социолог, основатель Международного центра трансдисциплинарных исследований в Париже Э. Морен вполне обоснованно, на наш взгляд, пишет о «тупых доктринах, которые пытаются монополизировать науку, ограничивая ее одной-единственной ключевой идеей (альтюсеровский марксизм, либеральная эконократия). Эти идеи еще беднее, ибо прикидываются, что открывают все двери (благодаря ключевым понятиям,

таким как желание, мимесис, беспорядок и так далее), как будто истина заперта в хранилище и достаточно иметь от него ключ» [7, с. 85].

Между тем арсенал существующих в мире методов и подходов к решению экономических, хозяйственных, социальных и прочих проблем на самом деле намного шире, чем пресловутая неолиберальная доктрина рыночной экономики или столь же пресловутый казарменный социализм. В частности, французские исследователи Р. Харре и Г. Жиллетт еще в 1994 г. обратили внимание на тот факт, что естественно-научная (ньютоновская) онтология, в рамках которой вещи и события исследуются в пространстве и времени с последующим отражением результатов таких исследований в экономических текстах, не очень подходит для анализа хозяйственной деятельности. Целям изучения последней, по их мнению, больше соответствует дискурсивная онтология, объектом анализа в которой выступают речевые акты в определенной совокупности субъектов хозяйственной деятельности [8, р. 29]. Например, «для того, чтобы изучать финансовые рынки, нужно вступить в контакт с такими профессионалами, как трейдеры... <...> Непосредственный вербальный контакт, в результате которого исследователь получает доступ к определенной истории, и есть для экономической науки, как и для других социальных наук, то, что в естественных науках называется научным экспериментом. Работая с транскриптом бесед-интервью, исследователь формирует концепции и понятия, которые в сжатой форме отражают изучаемое явление и, образовав связную систему, дают исследователю понимание этого явления» [9, с. 29, 31].

На материале западных экономических исследований Э. Морен наглядно показал, к чему приводит слишком большая приверженность их участников чрезмерно узким канонам неолиберального экономического мейнстрима: «Так, например, экономика, которая математизирована в наибольшей степени по сравнению со всеми социальными науками, в социальном и гуманитарном отношении оказывается наиболее отсталой наукой, поскольку она абстрагируется от социальных, исторических, политических, психологических, экологических условий, неотделимых от экономической активности. Именно поэтому эксперты все чаще и чаще оказываются неспособными понять причины и следствия финансовых и биржевых потрясений, предвидеть и предсказывать экономические тенденции, даже на достаточно короткий срок. В результате – ошибка в экономической практике становится прямым следствием отсталости экономической науки» [10, с. 12–13].

Другой французский социолог Ф. Лебарон раскрывает иные достоинства и недостатки экономической науки (абстрактный, схоластический характер

и наличие нормативной функции), которые обеспечивают ей доминирующую позицию в системе социальных наук: «...если бы неоклассическая теория сводилась к схоластической ошибке или даже к “идеальному типу”, плохо адаптированному для интерпретации действительности, более реалистические теории (например, понятие ограниченной рациональности Герберта Саймона, институциональная теория рынка, разработанная Т. Б. Вебленом, и т. д.) давно бы уже заняли ее место. Однако ее позиция никогда еще не была настолько сильной, особенно в Соединенных Штатах. Основной причиной этого видимого “успеха” является тот факт, что неоклассическая экономическая теория есть воплощение, научная рационализация *illusio* экономического поля, чья власть тем более сильна в обществе, чем более этот *illusio* там распространен. Экономический *illusio* может быть определен как более или менее четко сформулированная вера в необходимость максимизировать свой денежный выигрыш. <...> ...“Истинность” неоклассической теории заключается в том, что по сути своей она достаточно верно передает в схоластической форме особый *illusio* экономического поля. Она его “укрепляет”, “формализует”, “отделяя” “экономическую” рациональность от любой другой логики... <...> Здесь становится отчетливо видна чисто нормативная функция экономической науки, о которой говорил Ф. Симиан: она участвует в общей работе по подчинению социального устройства доминирующей логике экономического пространства» [11, с. 84–85].

К сходным выводам приходят и российские исследователи феномена экономического империализма: «Слабость экономического империализма – обратная сторона его силы. Эта слабость – в отсутствии желания и (или) способности вступать в равноправный диалог с представителями других дисциплин, в неумении представить свои экономические и математические подходы как полезные для решения знакомых “местным” специалистам проблем и споров. Неслучайно результаты своей дисциплинарной экспансии экономисты публикуют именно в своих экономических же журналах» [5, с. 138]. Однако в российских экономических журналах сегодня можно встретить жесткую критику экономической науки за ее схоластичность и «оторванность» от текущей хозяйственной практики, за наличие в экономических трудах значительного количества псевдознаний.

В частности, В. Т. Рязанов обращает внимание на тот факт, что «в процессе обучения через познание истории экономической мысли и в ходе последующего становления экономиста-теоретика для него в первую очередь важны научные тексты. Многообразие экономических теорий и масштабность накопленного теоретического материала, который должен быть им освоен для занятия наукой, тако-

вы, что просто не оставляют времени для изучения реальной хозяйственной жизни. К тому же развитие экономической науки по пути аналитического усложнения, перенасыщенного математическим аппаратом, ориентирует профессиональную деятельность экономиста-теоретика в основном на изучение и интерпретацию сформировавшегося массива экономических знаний. Это превращает его в своеобразного “толкователя” экономических текстов, к тому же очень часто имеющего весьма приблизительное и книжное знание о настоящей экономике. Отсюда и специфика возникновения новых идей в области экономики. Чаще всего они появляются не от более глубокого и тщательного освоения хозяйственной жизни, а от очередного переосмысления уже существующего научного знания» [12, с. 9–10].

В свою очередь, член-корреспондент Российской академии наук Г. Б. Клейнер считает, что «в структуре общественного сознания, характерной для общества того или иного периода, необходимо различать истинные знания и псевдознания. Последние представляют собой информацию, соответствовавшую действительности в прошлом, но не релевантную по отношению к настоящему. Значительная часть теоретических знаний трансформируется в псевдознания по мере развития науки. Вместе с тем они не покидают общественное сознание одномоментно, остаются в нем в течение достаточно долгого порой периода в виде мифа. Особенно много таких мифов в экономической теории, поскольку в последнее двадцатилетие XX в. реальная экономика изменяется крайне высокими темпами. Это приводит к тому, что разрыв между теорией и реальностью растет» [13, с. 59].

Наконец, российский экономист, академик Российской академии наук В. М. Полтерович оценил феномен экономического империализма следующим образом: «С эпистемологической точки зрения в наблюдаемом феномене “империализма” нет ничего экономического, “экономический империализм” – не более чем фантом. На самом деле – это явление не эпистемологического, а социального порядка: речь идет о вмешательстве экономистов в распределение материальных ресурсов и статусных позиций, которые представители других дисциплин считали “своими”. На мой взгляд, разнородные явления, не вполне правомочно объединяемые термином “экономический империализм”, демонстрируют целесообразность интеграции ряда общественных дисциплин в единую науку об обществе – общий социальный анализ» [14, с. 105]. Вопрос, однако, заключается в том, методологические регулятивы какой именно социальной дисциплины лягут в основу такого общего социального анализа.

Отвечая на этот вопрос, В. М. Полтерович пишет следующее: «Для формирования общего социаль-

ного анализа как самостоятельной дисциплины необходимо постепенно менять образовательные программы общественных дисциплин и организацию исследований. Экономисты должны иметь (сначала – по выбору, а потом и обязательные) курсы социологии, политологии, демографии, психологии, права. А программы социологов, политологов, юристов-теоретиков, в свою очередь, должны пополниться курсами теории игр и эконометрики.

Мультидисциплинарные исследования должны постепенно стать нормой. Современный институциональный анализ с его методологической эклектикой мог бы стать удобной площадкой для синтеза. Нужно создавать большие коллективы, которые включали бы представителей разных областей наук; общий фундамент образования обеспечит взаимопонимание. Нужны междисциплинарные журналы» [14, с. 109].

Приоритет социологии в использовании дискурсивного подхода к изучению общественных явлений

Не возражая в принципе против необходимости формирования общего социального анализа и расширения практики мультидисциплинарных исследований, все же считаем возможным высказать мнение о том, что в качестве наиболее удобной методологической площадки для синтеза социальных наук следует выбрать не «современный институциональный анализ с его методологической эклектикой» [14, с. 109], а критический дискурс-анализ (КДА), который сегодня широко применяется не только в экономике (в таких направлениях, как дискурсивный анализ в экономике [9; 15] и дискурсивная экономика [16]), но и особенно в социологии [17–19], политологии [20; 21, с. 244–265], других социальных науках [22; 23]. По указанным выше причинам КДА уже давно приобрел качества мультидисциплинарного анализа (см., например, [24]).

В частности, определяя границы современного КДА как научного подхода, Е. Переверзев раскрывает историю формирования данного междисциплинарного направления: «Еще до того, как КДА сформировался в качестве самостоятельного научного подхода, его основные теоретики активно заявили о необходимости объединения разрозненных гуманитарных наук для решения как научно-академических, теоретических, так и практических социальных проблем. Теоретически унификация научных подходов стала отчасти возможна за счет того, что к концу восьмидесятых годов XX века категория дискурса внедрилась в качестве основы научных исследований в целый ряд теоретических и прикладных направлений. Уже на раннем этапе исследователям пришлось столкнуться с рядом актуальных вопросов о том, какие дисциплины следует включить в единый междисциплинарный комплекс, какова концептуальная модель взаимодействия между данными дисциплинами в рамках совместных научных исследований, каким образом можно преодолеть разрыв в научных подходах, в эпистемологических позициях, в понимании категории дискурса... В той или иной мере данные вопросы удалось решить за счет совместной работы лингвистов, антропологов, психологов, политологов над проблемами, связанными с общей

тематикой КДА, – неравенством, предрассудками, гегемонией, доминированием и т. д.» [25, с. 33–34].

Если же взять КДА в качестве методологической площадки для синтеза социальных наук и формирования на его основе общего социального анализа, то даже для экономистов становится очевидным первенство социологов, антропологов, представителей других социальных наук в использовании дискурсивного подхода в проводимых ими исследованиях. В частности, А. П. Заостровцев в своей рецензии на книгу В. Л. Тамбовцева «Экономическая теория неформальных институтов» делает вывод о том, что «социологи и особенно антропологи, отдающие приоритет включенному наблюдению как основному методу исследования поведения людей в их естественной среде (нередко глазами исследователя, притворяющегося инсайдером), обладают куда более результативным методом изучения неформальных институтов, чем стремящиеся подражать методам естественных наук экономисты» [26, с. 154].

Еще более определенно высказался по этому поводу российский экономист, академик Российской академии наук С. Ю. Глазьев: «Едва ли кто-либо из опытных хозяйственников станет оспаривать тезис о том, что любая экономическая политика является равнодействующей материальных интересов различных социальных групп. <...> ...Теория, оправдывающая и обосновывающая эту политику, есть не более чем наукообразное отражение этих интересов. Сами ученые, упражняющиеся в комбинировании абстрактных догм, могут даже не осознавать свою роль проводников чьих-то интересов» [27, с. 530].

Таким образом, завершая рассмотрение вопроса о том, методологические регулятивы какой именно социальной дисциплины должны лечь в основу общего социального анализа, можно сделать следующие предварительные выводы:

1. Социологи намного раньше, чем экономисты, поняли, что «нынешнее направление развития знания идет в сторону актуализации всех его пластов и сфер, их задействования в институтах науки и социальной политики» [17, с. 95].

2. Социологи первыми выступили в защиту трансдисциплинарных исследований, высказались против узкодисциплинарных и бюрократизированных парадигм: «Сегодня трансдисциплинарное означает не-дисциплинарное. Весь огромный бюрократизированный институт – наука, весь комплекс принципов сопротивляются малейшим сомнениям, применяя насилие, отвергают и презируют как ненаучное все, что не соответствует этой модели. <...> ...Наука стала слепой в своей способности мониторить, предвидеть, даже постигать свою социальную роль, в ее способности интегрировать, формулировать, размышлять о собственных знаниях. Если человеческий разум не может эффективно постигать огромную совокупность дисциплинарного знания, тогда что-то должно измениться – либо человеческий разум, либо дисциплинарные знания» [7, с. 133].

3. Социологи раньше других обществоведов осознали необходимость изменения социогуманитар-

ного образования путем его социализации и адаптации к сложному социальному миру: «...воспитатель должен быть социализирован и социологически образован, ибо социология воспитывает не морализаторством, негативными запретами (“нельзя”) и санкциями, а тем, что открывает дверь в тот сложный мир, в который, взрослея, войдет индивид; показывает, как устроен этот мир и каким нужно стать самому, чтобы чувствовать себя в нем комфортно, иметь возможность самореализации. В этом и заключается смысл и суть огромной популярности социологического образования в развитых странах...» [28, с. 23–24].

4. На наш взгляд, именно методологические подходы, первооткрывателями которых являются социологи (КДА, контент-анализ, когнитивный анализ, концептологический и семиотический подходы), будут положены в основу общего социального анализа.

Перспективы использования общего социального анализа

Дать более точную оценку методологическим возможностям общего социального анализа позволит его использование для решения наиболее острых социально-экономических и научно-инновационных проблем постсоветских стран. К числу таких проблем можно отнести следующие:

- проблему восстановления «сложных цепочек научно-технологической кооперации производственных предприятий, научно-исследовательских организаций, конструкторских бюро и учебных заведений», которые были разрушены в начале 1990-х гг. в новых независимых государствах «после ликвидации союзных контролирующих органов», когда «руководители Российской Федерации и большинства других постсоветских республик бездумно уничтожили сложные механизмы воспроизводства единого народно-хозяйственного комплекса» [27, с. 26];

- проблему объединения отечественных знаний цепочек и глобальных стоимостных цепочек, сложившихся в мировой экономике, без чего невозможно обеспечить нормальное развитие современной технoнауки и экономики знаний в постсоветских странах.

Решение указанных проблем требует выявления и изучения многих сотен различных типов и групп знаниевых и стоимостных цепочек, описанных в отечественных и зарубежных научных трудах. При этом если в материальном мире термин «цепочка» имеет два основных и достаточно конкретных значения: «1. Цепочкой называется маленькая и тонкая металлическая цепь, которая используется как украшение. *Серебряная, золотая цепочка.* <...> 2. Цепочкой называется небольшой ряд каких-либо объектов, который образует не строгую, но более или менее прямую линию. *Цепочка островов*»

[29, с. 1509], то в социальном мире термин «цепочка» имеет одно, но более абстрактное значение, у которого можно выделить множество различающихся оттенков: «Цепочкой называется череда, последовательность каких-либо явлений (связанных с памятью, ассоциациями и т. п.). *Цепочка воспоминаний*» [29, с. 1509]. Иными словами, в социальном мире цепочкой, как правило, является регулярно повторяющаяся логическая последовательность каких-либо социальных символов, знаков и т. п. (ср.: «Цепочка есть последовательность символов категорий слов» [30, с. 189]). И как показывает социальная практика, выявление и описание таких повторяющихся логических последовательностей знаков и взаимосвязей между ними способствует социальному познанию: «При определенных социальных условиях и процессах проявляются повторяющиеся зависимости, позволяющие формулировать законы общественного развития. Эти законы познаваемы, а потому люди могут ими овладеть и использовать их» [31, с. 119]. В частности, к настоящему времени в различных социальных дисциплинах для изучения цепочек разработаны такие методологические средства, как объединение цепочек в классы [30, с. 189], цепочечный анализ [32, с. 362], методика, именуемая цепочкой создания стоимости [33, с. 61], стратегия создания цепочек (филиалов) [34, с. 331] и многие другие.

Для определения методологических возможностей общего социального анализа в ходе проведения мультидисциплинарного исследования таких цепочек нами был обобщен опыт его использования на трех разных этапах исследования – на этапе изучения знаниевых цепочек, на этапе изучения стоимостных цепочек и на этапе объединения знаниевых и стоимостных цепочек.

Общий социальный анализ знаниевых цепочек

Изучение научной литературы, посвященной рассмотрению **знаниевых цепочек** (ЗЦ), позволило установить, что к числу последних можно отнести целый ряд весьма отличающихся групп цепочек. Среди них: 1) группа дисциплинарных цепочек (биологические, логические, математические, психологические, семиотические, социальные, экономические, языковые (лингвистические) и другие цепочки); 2) группа инновационных цепочек (совокупностей процессов и событий инновационного характера); 3) группа кадровых цепочек (совокупностей специалистов и их компетенций); 4) группа производственных цепочек (совокупностей машин и механизмов, а также выполняемых ими операций); 5) группа собственно знаниевых цепочек (совокупностей различных типов знаний и организаций, их нарабатывающих); 6) группа технологических цепочек (совокупностей технологий, карт технологических дорог и др.).

Так, наиболее разнообразной по составу объединяемых в ней разновидностей является **группа дисциплинарных цепочек**. В частности, именно к данной группе относятся:

- *биологические цепочки* (нуклеиновые цепочки [35, с. 24], пищевые цепочки [36], цепочки ДНК [37, с. 452], цепочки протеинов [38, с. 62] и др.);

- *логические цепочки* (логическая цепочка взаимосвязанных тематических модулей авторского курса [39, с. 2], логическая цепочка инновационного процесса [40, с. 12], причинно-следственные цепи [41, с. 147], процедурная цепочка запросов-ответов [42, с. 111], хронологические цепочки достижения долгосрочных целей [43, с. 77], цепи причинных зависимостей [44, с. 149], цепочки принятия решений [45, с. 235], цепочки действий, цепочки событий [46, с. 407], цепь мыслей и поступков [47, с. 384], цепь последствий и причин [48, с. 199], цепь силлогизмов [49, с. 586], цепь хронем [50, с. 386] и пр.);

- *математические цепочки* (буквенно-цифровые цепочки [51, с. 41], счетные цепи Маркова [52], цепочки математических символов [53, с. 23], цепочки цифр [51, с. 40] и т. д.);

- *психологические цепочки* (мемы как мыслительные цепи [54, с. 140], поведенческий текст как законченная цепь осмысленных поступков, заключенная между намерением и результатом [55, с. 38]; повторяющиеся схемы как основа «человеческой интуиции» [56, с. 41] и др.);

- *семиотические цепочки* (знаковые цепочки [57, с. 174], «колесо сансары – нескончаемая цепь перевоплощений» [47, с. 82], «научная традиция как цепь исследований на сходные темы» [58, с. 41], «разветвления [знака] в виде цепочки: основная форма базисного знака – производные от основной формы знака» [59, с. 176], рефлексивная традиция как цепь [60, с. 363], «формула как связь общих специ-

фических знаков» [61, с. 203], цепочка символов [62, с. 163], «цепь – в агни-йоге – тонкая энергетическая связь между адептами и космическими силами» [63, с. 919], эпистемическая цепочка концептов [64, с. 33] и т. п.);

- *социальные цепочки* (идеологический миф как замена цепочки ДНК [65, с. 180], история как сплошная цепь военных и социальных конфликтов [66, с. 362], сложная цепь социокультурной детерминации [67, с. 106], смысловые цепи мировоззрения [68, с. 11], социальная деятельность как механическая цепь событий [69, с. 21], социальная жизнь человека как постоянная цепь ограничений [70, с. 75], цепочка социальных интересов [71, с. 382], цепочка цветных революций [72, с. 11] и пр.);

- *экономические цепочки* (бартерные цепочки [73], непрерывные цепочки [экономических] действий [74, с. 33], цепочки неэквивалентного трансграничного обмена [27, с. 31], цепочки притворных сделок [27, с. 19], цепочка сменявших друг друга кризисов [75, с. 8], цепочка усилий, нацеленных на работу трудоспособного бизнеса [76, с. 60], экономическая «пищевая цепочка» [77, с. 128] и др.);

- *языковые (лингвистические) цепочки* (грамматические цепочки [30, с. 195], коммуникативные цепочки [78, с. 412; 79, с. 11], ряды-цепочки формульного языка [80, с. 230], цепочки букв как мемы [81, р. 7], цепочка междоковых переводов информации как мышление [82, с. 286], цепочка понятий [83, с. 9], цепочка [преемственности языковых знаний] из двух десятиков поколений англичан [84, с. 291], цепочки слов-состояний [85, с. 439], цепочки словесных ассоциаций [86, с. 169], языковая цепочка знаков [59, с. 165] и т. д.).

Общей для всех перечисленных выше дисциплинарных цепочек является только линейная последовательность знаков, поскольку сам состав и понятийное содержание знаков, входящих в структуру таких цепочек, существенно отличаются в зависимости от научной дисциплины.

В свою очередь, **группу инновационных цепочек**, представляющих собой совокупности процессов и событий инновационного характера, можно охарактеризовать:

1) с точки зрения присущих им недостатков, например отмечая разорванность таких цепочек (ср.: «Центральной проблемой белорусской НИС остается недостаточный уровень ее развития. Он обусловлен тем, что не сформированы устойчивые инновационные цепочки между ее основными элементами, разорванность которых снижает возможности производства подлинно инновационной продукции (прежде всего – новой для мирового рынка)» [87, с. 61]. В то же время, по мнению А. И. Столетова, «прирост качественно нового вряд ли может быть

объяснен однозначной причинно-следственной связью. Скорее наоборот, разрыв причинно-следственной цепочки на определенном этапе и обуславливает в каком-то смысле появление поистине нового...»¹);

2) по свойственным им положительным чертам: последовательному характеру объединяемых этапов, непрерывности смены этих этапов и др. (ср.: «...под инновационным процессом следует понимать последовательную цепь событий, в ходе которых инновация вызревает от идеи до конкретного продукта, технологии или услуги и распространяется в хозяйственной практике. В отличие от НТП инновационный процесс не заканчивается так называемым внедрением – первым появлением на рынке нового продукта, услуги или доведением до проектной мощности новой технологии. Этот процесс не прерывается и после внедрения, ибо по мере распространения (диффузии) новшество совершенствуется, делается более эффективным, приобретает новые потребительские свойства. Это открывает для него новые области применения, новые рынки, а следовательно, и новых потребителей, которые воспринимают данный продукт, технологию или услугу как новые именно для себя» [88, с. 7]).

Свой набор переменных, а также характерных особенностей имеет и такая разновидность ЦЦ, как **группа технологических цепочек**. В частности, в настоящее время выделяются следующие виды технологических цепочек:

- совокупности взаимосвязанных технологий [89, с. 101–102];
- наукоемкие технологии с замкнутым циклом [90, с. 212];
- карты технологических дорог [91, с. 239];
- цепочка «материал – технология – конструкция» [92];
- «гириандная цепь» (компьютерные программы, соединенные в серию) [93, с. 99];
- «цепочка овладения всем арсеналом современных технологий» [94, с. 129] и др.

Общими характеристиками всех технологических цепочек являются подчеркнутая алгоритмичность и строгая последовательность этапов их реализации.

Не менее разнообразна по составу **группа собственно знаниевых цепочек**, представляющих собой совокупности различных типов знаний и организаций, их нарабатывающих. К числу собственно знаниевых цепочек относятся следующие логические последовательности знаков:

- научно-организационные цепочки (ср.: «...цепочка превращения знаний в продукт, которая была действенной раньше: Академия наук и вузы – научные центры – конструкторские бюро» [92]);

• *цепочка Циолковского* (ср.: «...давайте начатый Вами ряд от новых идей продолжим в обратную сторону: новые идеи, качественная реализация старых идей, новая постановка старых вопросов – и так доведем его до сказки. Лучше смотреть со стороны сказки. Это “цепочка Циолковского”...» [95, с. 139]);

• *цепочки символов* (ср.: «...у сложных систем всегда куча проблем по сравнению с простыми, хотя они вроде бы и делают то же самое. Программу, которая два умножит на два, написать легко, а вот если надо два возвести в тысячную степень? Это придется попотеть, поскольку компьютер не умеет такие длинные целые числа хранить. Значит, надо работать с цепочкой символов. Это же принципиально другая сложность» [62, с. 162]);

• *цепочки мыслей и поступков, представляющих собой целостные культурные архетипы* (ср.: «Творчество вообще есть не однократный индивидуальный акт, а цепь мыслей и поступков, которые осознаются некоторым сообществом в качестве целостного культурного архетипа. Только тот, кто, ухитрившись побывать в ином мире, вернулся в мир обычной реальности с карманами, набитыми сокровищами, и сделал их достоянием людей, только тот осуществил творческий процесс во всем его объеме» [64, с. 384]);

• *цепочки взаимосвязанных мыслей и их материальных воплощений* (ср.: «Свойством давать людям все новые и новые знания обладают не только книги, но и произведения искусства, инженерные сооружения и т. д. В истории человечества существуют непрерывные цепочки взаимосвязанных мыслей и их материальных воплощений» [96, с. 43]);

• *цепочка «общество – художник – общество», являющаяся воплощением традиции* (ср.: «Мировоззрение личности базируется на творческом принципе отношения с окружающей действительностью и предполагает постоянную работу по освоению культурного опыта человечества, выработанных им ценностей, постоянную “навигацию” в мире искусства. Возникает своеобразная цепочка “общество – художник – общество”. Условно эту цепочку можно соотнести с традицией. Общественные идеи, социальное влияние, художественная традиция, наконец, архетипы дают питательную среду для раскрытия творческих способностей личности. Они представляют собой то наследие, из которого личность художника выбирает материал для дальнейшего роста, тот опыт, который невозможно приобрести самостоятельно в течение жизни. Художественно переработав это наследие в акте творчества, субъект “возвращает” обогащенный индивидуально-личностным содержанием опыт, становящийся, в зависимости от величины дарования, большой или малой частью

¹Столетов А. И. Онтология художественного творчества : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.91 / Башк. гос. пед. ун-т. Уфа, 2009. С. 15.

традиции, начиная новую или продолжая и углубляя старую»²).

Завершая краткий обзор различных видов собственно знаниевых цепочек, следует особо отметить присущие им общие черты:

1) метасемиотический характер, обусловленный тем, что собственно знаниевая цепочка в процессе своего использования нередко соотносится с другими семиотическими средствами (культурными архетипами, символами, схемами, традициями и др.);

2) подчеркнутый причинно-следственный характер взаимосвязей, сложившихся между отдельными звеньями таких цепочек: «...до новых идей нельзя дойти, пропустив некоторые звенья цепочки» [95, с. 139]. За тем, чтобы перечисленные выше собственно знаниевые цепочки исправно работали, в СССР следили обществоведы, выполнявшие функции «службы контроля за “технологией мысли”». На конференциях, совещаниях и в личных беседах разговор шел в ключе рациональности. Люди были связаны интеллектуальной дисциплиной – можно было определить проблему, договориться о понятиях, цели и средствах, о мере и критериях, о постулатах, гипотезах и логике. Все это со скрипом, но работало. Теперь этого нет в принципе. Нет площадок и жанра разговора, в которых можно было бы поставить и обсудить проблему. Люди пугаются самого предложения совершить такую операцию, как будто их вовлекают в подготовку террористического заговора» [97].

В современном народном хозяйстве широко используются цепочки, которые можно отнести к **группе производственных цепочек**, представляющих собой сложные совокупности машин и механизмов, а также выполняемых ими операций. Почему такие цепочки тоже можно с определенными оговорками считать разновидностью ЗЦ? Ответ на этот вопрос мы находим в статье российского экономиста, академика Российской академии наук Н. И. Ивановой: «...в современных условиях участие в глобальных производственных цепочках определяется не только возможностью обеспечить низкие производственные издержки, но и международные стандарты качества транспортных и информационных систем, корпоративного управления. Более того, уже сейчас наибольшие преимущества имеют страны, предлагающие научно-технические новинки в форме новых стандартов, патентов, лицензий и других интеллектуальных активов. Возможность перехода к такой форме участия в глобальных производственных цепочках является одним из центральных вопросов формирования инновационного будущего...» [98, с. 21].

К числу производственных цепочек сегодня относятся следующие логические последовательности знаков:

• **цепочки взаимосвязанных производственных процессов** (ср.: «Индустрия 4.0 – 1) система, состоящая из цепочки взаимосвязанных производственных процессов, неотъемлемым элементом которой является обмен данными в цифровой форме между звеньями системы с помощью цифровых технологий (людьми, машинами, облаком (дата-центрами)); 2) совокупность отношений, складывающихся в процессах производства, связанных с проникновением цифровых технологий (технологий *индустрии 4.0*), направленных на повышение конкурентоспособности бизнеса и страны» (здесь и далее курсив наш. – В. Ш.) [39, с. 354]);

• **цепочки действий** (ср.: «Большинство немецких компаний не являются общественной собственностью, и поэтому им не нужно ежеквартально представлять свои отчеты о росте и прибылях. Для немцев важно выстроить непрерывную цепочку действий. Поэтому, когда от них требуют ежеквартальные финансовые отчеты, им это кажется неудобным и разрушающим планы. Для некоторых отраслей немецкой промышленности планирование на 5 лет не предел, а многие компании по заведенному порядку составляют план на 10–20 лет вперед» [74, с. 33]);

• **производственные нанотехнологические цепочки** (ср.: «По оценке компании *LUX Research*, специализирующейся на анализе новых рынков, глобальный объем затрат на НИОКР в данной области достиг в 2006 г. 12 млрд долл. По этим же оценкам, рынок наноматериалов, нанокomпонентов и наносодержащих продуктов уже составляет 50 млрд долл., а к 2014 г. эти технологии создадут производственную цепочку масштаба 2,9 трлн долл.» [98, с. 22]);

• **производственные цепочки поставок** (ср.: «...цепи поставок в автомобильной промышленности включают сотни предприятий. Обработка полного объема информации чрезмерно дорога; анализ рисков всех компонентов цепи поставок становится невозможным и нецелесообразным, кроме того, бюджет антирисковых программ ограничен. Необходимо выявить те компоненты цепи, которые являются основными источниками стратегических экономических рисков и, следовательно, главными объектами антирисковых программ, направленных на снижение уровня рисков» [99, с. 66]);

• **логистические производственные цепочки** (ср.: «Чтобы силы не тратились впустую, необходимо максимально четко и ясно определять долгосрочные цели и расставлять ежедневные приоритеты в их достижении. Стремление к поставленным целям должно быть устойчивым, твердым и неизменным. Этот процесс можно максимально упростить, если стараться неукоснительно укладываться в цепочку “десятилетие – год – квартал – месяц – неделя – день”. Все ежедневные задачи при этом надо

²Столетов А. И. Онтология художественного творчества : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.91 / Башк. гос. пед. ун-т. Уфа, 2009. С. 26.

расставлять так, чтобы каждая из них приближала к поставленной цели, а остальное просто отсекало по причине низкой или нулевой приоритетности» [43, с. 77]).

Все перечисленные выше группы ЗЦ (инновационные, технологические, производственные, собственно знаниевые цепочки и др.) не смогли бы успешно работать без наличия **группы кадровых цепочек** – совокупностей специалистов и их компетенций. В частности, можно продемонстрировать это на примере тесных взаимосвязей, существующих между производственными и кадровыми цепочками: «Коллективная работа и специализация, требующиеся для реализации отдельных частей крупных проектов и достижения оптимального результата, являются одной из важнейших составляющих успешных экономических систем уже на протяжении не одной тысячи лет – еще со времен, когда об этом заговорили Платон и Ксенофонт. Однако с тех пор кое-что изменилось. <...> Соответствующим образом расширилось разделение труда: навыки и умения становятся все более специализированными, и это значит, что грубый просчет одного-единственного человека может нарушить огромную и дорогостоящую производственную цепочку. Нанимать недостаточно квалифицированного и надежного работника, работа которого не контролируется компетентным начальником, просто глупо – независимо от того, насколько мало такому работнику можно платить. Именно поэтому стать частью производственного коллектива удается далеко не каждому» [100, с. 42].

В частности, к группе кадровых цепочек сегодня можно отнести такие логические последовательности знаков:

- *цепочку Мертон* (ср.: «Концепция Мертон выстраивается в цепочку: амбивалентная мотивация – вклады – оценки – признание – научная карьера» [101, с. 7]);

- *инновационную цепочку специалистов* (ср.: «Логика научно-инновационного цикла (от фундаментальных НИР до коммерциализации изделий), последовательность его блоков (новая идея, открытие, изобретение, НИОКР, опытный образец изделия, опытное, затем серийное производство, реализация на рынке и т. д.) воплощаются в инновационной цепи специалистов (новатор, изобретатель, ученый-исследователь, конструктор, технолог, инженер-изготовитель нового изделия и др.), чьи профессиональные и личные (человеческие и гражданские) качества, интересы, вкус к новшествам в конечном счете определяют успех инноваций» [102, с. 79]);

- *цепочку преемственности знаний* (ср.: по свидетельству российского экономиста А. Варшавского, «сейчас в год на российскую науку тратят 6 миллиардов долларов, а каждые две недели золотовалютные резервы России – ее Стабилизационный фонд – возрастают на заметно большую сумму. Мо-

жет, зарубежные эксперты порекомендуют Правительству России просто больше уделять внимания науке в целом? У нас вот-вот нарушится цепочка преемственности знаний – сорокалетних нет в лабораториях, институтах, – и тогда нечего будет коммерциализировать» [103, с. 12]);

- *цепочку субъектов инновационного процесса* (ср.: «Можно выделить шесть основных групп участников инновационного процесса: авторы разработок; руководители научно-технических организаций; менеджеры, формирующие бизнес-предложение и управляющие проектами; чиновники, принимающие решения о государственной поддержке; стратегические партнеры, включающие инновации в свою стратегию, и инвесторы, рискующие реальными средствами» [104, с. 41]);

- *цепочку людей, конструирующих научные факты* (ср.: «Конструирование фактов, как и игра в регби, – процесс коллективный. Каждый элемент в этой цепочке людей, которые нужны, чтобы передавать друг другу черные ящики, может действовать разнообразными способами: ящик могут «уронить», оставить таким, как он есть, или изменить связанные с ним модальности, или изменить утверждение целиком, или приспособить его для своих нужд и поместить в совершенно другой контекст. <...> Чтобы понять сложность задачи, стоящей перед тем, кто хочет установить какой-то факт, представьте себе последовательность из тысяч людей, необходимых для того, чтобы утверждение превратилось в черный ящик, причем каждый из них может непредсказуемым образом передавать или не передавать дальше это утверждение, модифицировать его, изменять или превращать в артефакт. <...> ...Все вовлеченные акторы по-разному воздействуют на этот черный ящик. Даже в лучших случаях они не просто передают его, они постоянно привносят что-то свое, изменяя передаваемый аргумент, усиливая его и инкорпорируя его в новые контексты. <...> Это не просто коллективный акт передачи от одного актора к следующему, это процесс коллективного созидания» [35, с. 172]).

Как можно видеть, структура приведенных выше кадровых цепочек достаточно сильно варьирует в зависимости от ролевых функций, выполняемых различными участниками таких цепочек, инновационной, научной, образовательной, технологической и иных компетенций их участников, а также возрастных характеристик последних. Однако при всех отличиях в структуре кадровых цепочек их общим звеном неизменно остается человеческая, персональная составляющая.

Более общий сравнительный анализ содержательных и структурных характеристик различных групп ЗЦ, будь то дисциплинарные, инновационные, технологические, собственно знаниевые, производственные или кадровые цепочки, показывает, что между такими группами значительно больше

различий, чем между отдельными цепочками внутри таких групп. Тем не менее можно выделить несколько общих (универсальных) характеристик, которые присущи всем ЦЦ:

1) подчеркнутый акцент на знаниевой составляющей;

2) линейную, одновекторную направленность отдельных групп ЦЦ либо на производство и передачу знаний, либо на их использование, коммерциализацию и получение прибыли;

3) монопрофильный характер различных групп ЦЦ. К примеру, если дисциплинарные, технологические, собственно знаниевые и частично кадровые цепочки, используемые в научно-образовательной сфере, как правило, имеют бесприбыльный характер, то инновационные, производственные и частично кадровые цепочки, применяемые в области производства, сбыта и бизнес-сфере, обычно носят коммерческий характер и приносят участникам таких цепочек немалую прибыль.

Общий социальный анализ стоимостных цепочек

Совсем иными характеристиками (по сравнению с различными группами ЦЦ) обладает **группа стоимостных цепочек** (СЦ), используемых в мировой экономике. Сегодня в состав указанной группы можно включить следующие разновидности СЦ:

- вертикально интегрированные цепочки добавленной стоимости [105, с. 35];

- глобальные цепочки создания стоимости [106–121]. В настоящий момент среди глобальных СЦ отдельными исследователями выделяются производственно-сбытовые цепочки [118], производственные цепочки [122; 123], продуктовые цепочки [124; 125], сырьевые цепочки [121], товарные цепочки [121; 123], цепочки движения товаров и услуг [118], цепочки добавленной стоимости [98, с. 20; 126–130], цепочки поставок [39; 99; 118; 120; 131; 132] и пр.;

- международные цепочки стоимости [123; 133];
- мировые цепочки добавленной стоимости [134];
- отраслевые стоимостные цепочки [121];
- региональные цепочки создания стоимости [120];

- умные цепочки стоимости [135; 136] и др.

Наиболее общими характеристиками, позволяющими объединить выявленные СЦ в отдельную группу, можно считать следующие:

1) транснациональный характер СЦ, обусловленный тем, что главным звеном, а точнее актором, в цепочках указанного типа, как правило, являются международные транснациональные корпорации;

2) вертикально интегрированную организацию таких цепочек (ср.: «...многие организационные методы, включая проектирование вертикально интегрированных цепочек добавленной стоимости и организацию системы “точно вовремя”, составляют коммерческую тайну» [105, с. 35]);

3) нелинейную, многовекторную направленность глобальных СЦ, наличие обратных связей у отдельных звеньев таких цепочек. По мнению С. Ю. Глазьева, именно в этом состоят преимущества глобальных СЦ (по сравнению с российскими СЦ, в которых «так и не сложились положительные обратные связи трансформации сбережений в инвестиции, знаний – в новые технологии, природных богатств – в конечную продукцию, обеспечивающие рост производства и богатства» [27, с. 729]);

4) комплексный, многопрофильный характер СЦ, созданных на основе современной технотехники (см. [137]);

5) сетевую ориентацию многих звеньев СЦ (ср.: «Под влиянием четвертой промышленной революции (*индустрии 4.0*) глобальные цепочки создания стоимости преобразуются в адаптивные сети предприятий. Для того чтобы оставаться конкурентоспособными, компаниям необходимо встраиваться в них, что требует повышенной гибкости в плане реорганизации структуры бизнеса и портфеля компетенций» [119, с. 72]);

6) наличие региональных особенностей у многих СЦ (ср.: «Для Канады... подтвержден региональный характер цепочек создания стоимости в фармацевтической промышленности, где вклад Канады обеспечивается в первую очередь за счет взаимодействия с американскими партнерами. При этом доминирование фармкорпораций США не стало барьером на пути интеграции Канады в ГЦСС (глобальные цепочки создания стоимости. – В. Ш.), о чем свидетельствует, в частности, рост добавленной стоимости, созданной за пределами НАФТА, в экспорте фармацевтической продукции Канады. В 2002–2014 гг. ее доля возросла с 8 до 15 %. Увеличился и вклад иностранной добавленной стоимости в фармацевтический экспорт из Канады в США. Таким образом, несмотря на наличие доминирующего экономического партнера и связанные с ним риски сдерживания участия страны в ГЦСС, фармацевтическая промышленность Канады демонстрирует положительный опыт формирования, встраивания и поддержания собственной конкурентоспособности внутри ГЦСС» [120, с. 20]);

7) стремление в рамках СЦ к «созданию стоимости на всех операциях, связанных с производством» конечной продукции [138].

Именно сложным, комплексным, многопрофильным характером СЦ объясняется то, что «в последнее десятилетие глобальные цепочки создания стоимости (ГЦСС) стали объектом пристального внимания зарубежных и российских исследователей. Разнообразие тематики научных работ в данной области обусловлено, с одной стороны, неоднозначностью

процессов, влияющих на формирование и развитие ГЦСС, с другой – превращением самих ГЦСС в важный фактор изменений в мировой экономике» [120, с. 14].

В свою очередь, Т. Ф. Берестова описала различия в векторной направленности ЗЦ и СЦ следующим

образом: «...различия между наукой и инновацией в экономическом ракурсе наиболее точно можно обозначить так: наука – когда вкладываются деньги в добычу нового знания; инновации – когда из знаний или посредством знаний добываются деньги» [139, с. 14].

Общий социальный анализ и феномен «пересечения цепей»

В результате растущего интереса крупных высокотехнологичных транснациональных корпораций к возможностям коммерциализации новейших научных результатов буквально на наших глазах происходит постепенная интеграция ЗЦ в состав СЦ. Этот процесс хорошо описан белорусско-российским философом, академиком Российской академии наук В. С. Стёпиным: «До последней трети XX столетия применение научных знаний происходило преимущественно по схеме “фундаментальные исследования – прикладные исследования – разработка новых технологий – внедрение”. Предложения ноу-хау шли от науки, а проблема их внедрения осуществлялась как поиск тех или иных видов деятельности, в которых новые технологии будут использованы. Но по мере развертывания научно-технической революции 60–70-х гг. XX в. и развития мирового рынка запросы на новые технологии все чаще начинают идти от самого производства. Процесс технологического обновления становится условием успеха в конкурентной борьбе на мировом рынке. Новые технологии начинают изготавливаться под заказ производителей той или иной продукции. Проблемы внедрения в таких ситуациях практически устраняются. Площадка для внедрения готова заранее, остается найти научную организацию, которая выполнит технологический заказ. Расширение этого способа технологического обновления, продиктованного потребностями современного рынка, порождает особую деятельность по систематической разработке новых технологий с учетом новых потребностей рынка. Они становятся специфическим товаром, и их продажа образует особый расширяющийся сегмент мировой торговли. Все эти процессы, ускоренно развивающиеся в последней трети прошлого столетия, породили новую стадию развития науки и ее взаимодействия с обществом. Возникает технаука как своего рода симбиоз науки и технологий, ориентированный на запросы рынка» [140, с. 150]. Иными словами, на смену традиционной дисциплинарной науке, опиравшейся на ЗЦ, приходит технаука, максимально полно использующая как ЗЦ, так и СЦ.

Указанная смена глобальных научных парадигм происходит следующим образом: «Используя сотрудничество и стратегические альянсы, ведущие международные технологические компании разрабатывают новые решения, которые обеспечивают

гибкую сетевую инфраструктуру центров передовых технологий. Создание совместных исследовательских структур позволяет компаниям объединить ресурсы и риск, а также уменьшить дублирование исследований. Компании все чаще выполняют совместные исследовательские проекты, выбирая лучших партнеров, будь то другие фирмы или научные организации. Их поиск ведется в глобальном масштабе» [122, с. 39–40].

Таким образом, в последние десятилетия в наиболее развитых странах мира все чаще возникает феномен «пересечения цепей» (термин В. Н. Лифшица [141, с. 7]), суть которого состоит в том, что монопрофильные, национальные ЗЦ включаются в состав более комплексных, многопрофильных, глобальных СЦ. Однако для того чтобы это случилось, указанные страны должны были предварительно достичь высокого уровня социализированности (корпоративности) своей экономической и научно-технической деятельности. В частности, еще в середине прошлого столетия Дж. П. Грант сформулировал требование о необходимости наличия высокого уровня социализированности (корпоративности) государства и общества для своевременного усвоения новейших научных достижений: «Выскажем одну очевидную истину: при любых мыслимых политико-экономических обстоятельствах компьютеры могут существовать только в обществах, где есть большие корпоративные институты. В этом смысле они не нейтральные орудия, но такие, которые исключают некоторые формы сообществ и поощряют другие их формы» [142, с. 158].

Позднее историю постепенного повышения уровня социализированности (корпоративности) государства и общества и тесную связь с этим уровнем наиболее крупных научно-технических достижений описал историк Еврейского университета в Иерусалиме Ю. Харари: «Откуда у нас взялись межконтинентальные ракеты с ядерными боеголовками, если 30 тысяч лет назад имелись только палки с кремниевыми наконечниками? Чисто биологическая способность изготавливать инструменты за прошедшие тысячелетия ничуть не изменилась – Альберт Эйнштейн вряд ли превзошел бы по этой части древнего охотника-собирателя. Зато поразительно возросла способность взаимодействовать с незнакомыми людьми. Мастер-одиночка мог произвести кремниевый наконечник копья

за несколько минут, если пользовался помощью и советами двух-трех товарищей. Для изготовления ядерной боеголовки требуется сотрудничество миллионов людей во всем мире, начиная с тех, кто добывает из земных недр уран, и заканчивая физиками-теоретиками, которые своими длинными формулами описывают процессы, происходящие внутри атома» [143, с. 49–50]. Кроме того, мировая экономическая практика последних лет показывает, что разработка и производство современных компьютеров, сверхзвуковых пассажирских самолетов, новейших фармацевтических препаратов и прочих капиталоемких и интеллектоемких артефактов под силу только высокотехнологичным транснациональным корпорациям, в каждой из которых согласованно работают сотни тысяч высококвалифицированных рабочих и служащих.

Достижению высокого уровня социализированности (корпоративности) государства и общества, без которого невозможно решение сложнейших научно-технических проблем, на наш взгляд, способствуют следующие факторы:

1) формирование так называемых интегрированных корпоративных структур (ИКС), к числу которых исследователями чаще других относятся такие институциональные образования, как высокотехнологичные транснациональные корпорации (*Toyota Motor, Microsoft, Siemens, Intel, IBM, Nokia, Cisco* и др.), национальные инновационные кластеры, международные исследовательские ассоциации, научно-технологические и научно-образовательные консорциумы, научные системные интеграторы, предприятия спин-офф, технологические платформы, технохабы и пр.;

2) использование инструментов социального проектирования и реализация крупных техносоциальных проектов. Так, по мнению А. Г. Ваганова, сегодня «управление социумом возможно только через техносоциальные проекты. В футурологии, суть которой в формировании потенциальных сценариев

будущего, на мой взгляд, существуют три инструмента социального проектирования:

- гаджеты (от англ. *gadget* – приспособление, техническая новинка), т. е. технические и технологические инновации;
- создание знаковых систем, обладающих признаками вирусных инфекций, – так называемых семиотических фантомов (мемов);
- сознательное конструирование правовых систем (законодательства)» [144, с. 67];

3) использование общего социального анализа для решения сложных мультидисциплинарных проблем.

Причем если формирование многочисленных ИКС и реализация крупных техносоциальных проектов требуют больших инвестиций, то для освоения и использования общего социального анализа при решении мультидисциплинарных проблем необходимы только соответствующая компетенция (в области социологии) и добрая воля отечественных социологов. В частности, проведенное нами мультидисциплинарное исследование показывает, что использование общего социального анализа, методологическую основу которого составляют КДА, контент-анализ, когнитивный анализ, концептологический и семиотический подходы, позволяет решить следующие задачи:

- выявить и систематизировать весь массив ЗЦ и СЦ, используемых в социально-экономической и научно-технической сферах разных стран мира;
- определить те виды ИКС (в данном случае международные научно-технологические и научно-образовательные консорциумы), которые могут выступить в качестве системных интеграторов для объединения ЗЦ и СЦ [145];
- подобрать оптимальное соотношение ЗЦ и СЦ (на материале всего выявленного массива таких цепочек) для создания отечественных научно-технологических и научно-образовательных консорциумов.

Выводы

Изучение различных типов и видов ЗЦ и СЦ, а также методологических возможностей общего социального анализа в процессе выявления, описания и объединения ЗЦ и СЦ позволяет сделать следующие выводы:

1. В мировых социально-экономической и научно-технической сферах используются многие сотни различных типов и видов ЗЦ и СЦ, которые постоянно взаимодействуют между собой, создавая феномен «пересечения цепей».

2. Именно феномен «пересечения цепей» лежит в основе деятельности таких разновидностей ИКС, как научно-технологические и научно-образовательные консорциумы, максимально способствующие формированию технонауки и экономики знаний.

3. Выявление и объединение ЗЦ и СЦ в процессе формирования отечественных научно-технологических и научно-образовательных консорциумов можно значительно ускорить, если использовать для решения указанных задач общий социальный анализ.

Библиографические ссылки

1. Теслинов А. Г. *Концептуальное проектирование сложных решений*. Санкт-Петербург: Питер; 2009. 288 с. (Мастерская Андрея Теслинова).
2. Смит Р. *История гуманитарных наук*. 2-е издание. Москва: Издательский дом ГУ ВШЭ; 2008. 392 с.

3. Кедров БМ. *Классификация наук. Книга 3. Прогноз К. Маркса о науке будущего*. Москва: Мысль; 1985. 543 с.
4. Буравой М. За публичную социологию. В: Романов П, Ярская-Смирнова Е, редакторы. *Общественная роль социологии*. Москва: Вариант; 2008. с. 8–51.
5. Розов НС. От дисциплинарного империализма – к Обществознанию Без Границ! («Шенгенский» проект интеграции социальных наук). *Общественные науки и современность*. 2009;3:132–142.
6. Валлерстайн И. *Конец знакомого мира. Социология XXI века*. Иноземцев ВИ, редактор. Москва: Логос; 2004. 368 с.
7. Морен Э. *О сложности*. Свирский Я, переводчик. Москва: Институт общегуманитарных исследований; 2019. 272 с. (Современная философская мысль).
8. Harre R, Gillett G. *The discursive mind*. London: Sage Publications; 1994. VIII, 192 p. DOI: 10.4135/9781452243788.
9. Ефимов ВМ. Дискурсивный анализ в экономике: пересмотр методологии и истории экономической науки. *Экономическая социология* [Интернет]. 2011 [процитировано 12 мая 2015 г.];12(3):15–53. Доступно по: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1259552085/ecsoc_t12_n3.pdf#page=15.
10. Морен Э. Принципы познания сложного в науке XXI века. В: Удумян НК, редактор. *Вызов познанию: стратегии развития науки в современном мире*. Москва: Наука; 2004. с. 7–26.
11. Лебарон Ф. Социология Пьера Бурдьё и экономические науки. В: *Социология под вопросом. Социальные науки в постструктуралистской перспективе. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской академии наук*. Москва: Праксис; 2005. с. 79–90. (Образ общества). Совместное издание с Институтом экспериментальной социологии.
12. Рязанов ВТ. Понимание и истолкование в экономической науке: роль языка. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 5. Экономика*. 2008;4:3–21.
13. Клейнер ГБ. Становление общества знаний в России: социально-экономические аспекты. *Общественные науки и современность*. 2005;3:56–69.
14. Полтерович ВМ. Становление общего социального анализа. *Общественные науки и современность*. 2011;2: 101–111.
15. Крысов В. Развитие экономических дискурсов: какую реальность изучает экономика. *Современный дискурс-анализ. Институциональные дискурсивные практики* [Интернет]. 2014 [процитировано 12 мая 2015 г.];11:21–24. Доступно по: <http://discourseanalysis.org/ada1/st77.shtml>.
16. Балацкий ЕВ. Дискурсивная экономика и ее возможности. *Общественные науки и современность*. 2014;1:163–176.
17. Астафьев ЯУ. Научные картины мира, рациональность и социологический дискурс. *Социологический журнал*. 1994;1:84–95.
18. Ухванова-Шмыгова ИФ. *Дискурсивные методики в социологическом исследовании*. Минск: Издательский центр БГУ; 2003. 191 с.
19. Коцыба Г. Дисциплинирование Фуко. Дискурс-анализ как социология знания. *Современный дискурс-анализ. Методология: концептуальные обоснования* [Интернет]. 2009 [процитировано 12 мая 2015 г.];1(1):97–113. Доступно по: <http://discourseanalysis.org/ada1/st7.shtml>.
20. Шейгал ЕИ. *Семиотика политического дискурса*. Волгоград: Перемена; 2000. 440 с.
21. Алтунян АГ. *Анализ политических текстов*. Москва: Логос; 2014. 384 с.
22. ван Дейк ТА. Принципы критического анализа дискурса. В: *Перевод и лингвистика текста*. Москва: ВЦП; 1994. с. 169–217.
23. Гаврилова МВ. *Критический дискурс-анализ в современной зарубежной лингвистике*. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета; 2003. 24 с.
24. Русакова ОФ, редактор. *Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ. Выпуск 1*. Екатеринбург: Издательский дом «Дискурс-Пи»; 2006. 210 с. (Дискурсология).
25. Переверзев Е. Критика КДА: некоторые ограничения критического дискурс-анализа как научного подхода. *Современный дискурс-анализ. Методология: концептуальные обоснования* [Интернет]. 2009 [процитировано 12 мая 2015 г.];1(1):31–38. Доступно по: <http://discourseanalysis.org/ada1/st2.shtml>.
26. Заостровцев АП. Понять неформальное (о книге В. Л. Тамбовцева «Экономическая теория неформальных институтов»). *Вопросы экономики*. 2015;6:151–158. DOI: 10.32609/0042-8736-2015-6-151-158.
27. Глазьев СЮ. *Рывок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах*. Москва: Книжный мир; 2018. 768 с.
28. Шавель СА. *Общественная миссия социологии*. Минск: Беларуская навука; 2010. 730 с.
29. Дмитриев ДВ, редактор. *Толковый словарь русского языка. Около 7000 словарных статей. Свыше 35 000 значений. Более 70 000 иллюстративных примеров*. Москва: АСТ; 2003. 1582 с. (Словари Академии Российской).
30. Сейгер Н. Синтаксический анализ естественного языка. В: Кулагина ОС, Мельчук ИА, редакторы. *Автоматический перевод. Сборник статей*. Москва: Прогресс; 1971. с. 182–213.
31. Рихтаржик К. *Социология на путях познания*. Орлова ТА, Мельцер РЕ, переводчики; Мансуров НС, редактор. Москва: Прогресс; 1981. 262 с.
32. Никитина СЕ. *Тезаурус по теоретической и прикладной лингвистике (автоматическая обработка текста)*. Москва: Наука; 1978. 376 с.
33. Нонака И, Такеучи Х. *Компания – создатель знания. Зарождение и развитие инноваций в японских фирмах*. Трактинский А, переводчик. Москва: Олимп-Бизнес; 2011. 384 с.
34. Сазерленд Дж, Кэнзуэлл Д. *Стратегический менеджмент. Ключевые понятия*. Днепропетровск: Баланс-Клуб; 2005. 440 с.
35. Латур Б. *Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества*. Федорова К, переводчик. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге; 2013. 414 с.
36. Аствацатурян М. Пещерный рацион. Настоящая палеодиета содержала токсичные металлы. Об этом сообщает Quaternary International. *Поиск*. 2020, 28 февраля;9:15 (колонки 3–4).
37. Уэльбек М. *Элементарные частицы*. Васюченко И, Зингер Г, переводчики. Москва: Иностранка; 2007. 527 с. (The best of «Иностранка»).

38. Штумпф Р. Тренды и инновации: лучшие идеи. *Deutschland*. 2008;1:60–65.
39. Липидус ЛВ. *Цифровая экономика: управление электронным бизнесом и электронной коммерцией*. Москва: Инфра-М; 2019. 381 с.
40. Жуков СВ. *Продвижение технологий. Часть 1. Теоретические аспекты*. Саарбрюккен: LAP Lambert Academic Publishing; 2015. 148 с.
41. Бибихин ВВ. *Язык философии*. Москва: Прогресс; 1993. 403 с.
42. Стригалева А. Пираты XXI века. *Беларуская думка*. 2002;11–12:109–116.
43. Трепольский Д. 19 трендов технологий и продвижения бренда в 2019 году. *Business Excellence*. 2019;4:76–79.
44. Назаретян АП. *Интеллект во Вселенной: истоки, становление, перспективы. Очерки междисциплинарной теории прогресса*. Москва: Недра; 1991. 224 с.
45. Гринфилд А. *Радикальные технологии: устройство повседневной жизни*. Кушнарева И, переводчик. Москва: Дело; 2018. 424 с.
46. Жукова ИН, Лебедев МГ, Прошина ЗГ, Юзефович НГ. *Словарь терминов межкультурной коммуникации*. Лебедев МГ, Прошина ЗГ, редакторы. Москва: Флинта; 2013. 632 с. Совместно с издательством «Наука».
47. Касавин ИТ. *Миграция. Креативность. Текст. Проблемы неклассической теории познания*. Санкт-Петербург: Русская христианская гуманитарная академия; 1998. 408 с.
48. Эко У. *Полный назад! «Горячие войны» и популизм в СМИ*. Костюкович Е, переводчик. Москва: Эксмо; 2007. 592 с. (ЕСО-логия).
49. Кондаков НИ. *Логический словарь*. Москва: Наука; 1971. 656 с.
50. Клейн ЛС. *Археологическая типология*. Ленинград: АН СССР; 1991. 442 с.
51. Плотицкий БА. *Семиотика текста. Параграфемика*. Минск: Вышэйшая школа; 1992. 191 с.
52. Кемени Дж, Снелл Дж, Кнэпп А. *Счетные цепи Маркова*. Москва: Наука; 1987. 416 с.
53. Стивенсон Н. *Криптономикон*. Доброхотова-Майкова Е, переводчик. Москва: АСТ; 2014. 912 с.
54. Беккер К. *Словарь тактической реальности: культурная интеллигенция и социальный контроль*. Киреев О, переводчик. Москва: Ультра. Культура; 2004. 224 с. (Cybertime/nonfiction).
55. Лотман ЮМ. Декабрист в повседневной жизни (бытовое поведение как историко-психологическая категория). В: Базанов ВГ, Вацуру ВЭ, редакторы. *Литературное наследие декабристов*. Ленинград: Наука; 1975. с. 25–74.
56. Харари ЮН. *21 урок для XXI века*. Гольдберг Ю, переводчик. Москва: Синдбад; 2019. 416 с.
57. Соломоник А. *Философия знаковых систем и язык*. 2-е издание. Минск: МЕТ; 2002. 403 с.
58. Роджерс ЭМ. *Дифузія інновацій*. Старк В, переводчик. Киев: Киево-Могилянська академія; 2009. 592 с. (Бібліотека журналіста).
59. Соломоник А. *Позитивная семиотика (о знаках, знаковых системах и семиотической деятельности)*. Крейдлин Г, редактор. Минск: МЕТ; 2004. 192 с.
60. Рикёр П. *Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике*. Сергеева ИА, переводчик. Москва: Медиум; 1995. 415 с. (Первые публикации в России).
61. Кассирер Э. *Философия символических форм*. В: Мамонтов СП, Мамонтов АС, авторы-составители. *Антология культурологической мысли*. Москва: РОУ; 1996. с. 203–204.
62. Губайловский ВА. *Учитель цинизма*. Москва: Эксмо; 2014. 288 с. (Index Librorum).
63. Солодовников СЮ, главный редактор. *Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эротизм, политэкономика*. Минск: Минская фабрика цветной печати; 2002. 1008 с.
64. Комарова ЗИ. *Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике*. 3-е издание. Москва: Флинта; 2014. 1640 с.
65. Харари ЮН. *Ното Deus. Краткая история будущего*. Андреев А, переводчик. Москва: Синдбад; 2019. 496 с. (Big Ideas).
66. Столяров АМ. *Освобожденный Эдем*. Москва: АСТ; 2008. 416 с. (Philosophy).
67. Рыбакова ВВ. Современная американская социология науки. *Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского*. 2014;2(34):103–108.
68. Икеда Д, Садовничий ВА. Рубежи веков: диалоги об образовании и воспитании. В: Шульц ВЛ, редактор. *Парадигмы социологии знания*. Москва: Наука; 2007. с. 9–69.
69. Гидденс Э. *Социология*. В: Волков ЮГ, Мостовая ИВ, составители. *Социология*. Москва: Гардарики; 2003. с. 13–27.
70. Винник В, Седегов Р. Протекционизм вчера, сегодня, завтра. *Беларуская думка*. 1998;1:75–79.
71. Суименко ЕИ. Интерес как социальное явление и его новейшие модификации. *Социологический альманах*. 2014; 5:377–383.
72. Глазьев СЮ. Последняя геополитическая партия: США начинают и проигрывают. *Международная жизнь*. 2015; 8:2–24.
73. Полтерович ВМ. FAQ: Институциональные ловушки: 7 фактов о неэффективных и самоподдерживающихся нормах решения экономических задач [Интернет]. 4 февраля 2013 г. [протитировано 24 февраля 2020 г.]. Доступно по: <https://postnauka.ru/faq/9192>.
74. Холл Э, Холл М. Точное планирование, медленный темп (глава из книги «Понимание культурных различий: путь к успеху в Германии, Франции, Соединенных Штатах»). *Беларуская думка*. 1995;1:32–34.
75. Заславская ТИ. О социальном механизме посткоммунистических преобразований в России. *Социологические исследования*. 2002;8:3–16.
76. Вялічка У, Марціновіч А. Там, дзе пачыналася Бярэсце. *Беларуская думка*. 2004;8:56–60.
77. Переслегин С, Переслегина Е. «Дикие карты» будущего. *Форс-мажор для человечества*. Клименко АЮ, редактор. Москва: Алгоритм; 2015. 480 с. (Каким будет мир).
78. Эко У. *Отсутствующая структура. Введение в семиологию*. Погоняйло АГ, Резник ВГ, переводчики; Ермакова МГ, редактор. Санкт-Петербург: Петрополис; 1998. 432 с.
79. Зенкин СН. Ролан Барт и семиологический проект. В: Барт Р. *Система моды. Статьи по семиотике культуры*. Москва: Издательство имени Сабашниковых; 2003. с. 5–28.

80. Карпов ВА. Аксиоматика формульного языка. В: *Сборник научных статей профессора В. А. Карпова*. Минск: ИВЦ Минфина; 2018. с. 229–240.
81. Powell G. Memes. In: Brown K, editor. *Encyclopedia of language and linguistics. Volume 8*. 2nd edition. Oxford: Elsevier; 2006. p. 6–8.
82. Мечковская НБ. *Философия языка и коммуникации*. Москва: Флинта; 2017. 517 с.
83. Голованова ЕИ. Особенности интерпретации объектов в профессиональном субстандарте (когнитивный аспект). В: *Актуальные проблемы лингвистики, педагогики и методики преподавания иностранных языков – 2015. Сборник научных трудов*. Калининград: Калининградский государственный технический университет; 2016. с. 4–15.
84. Докинз Р. *Эгоистичный ген*. Фомина НО, переводчик. Москва: АСТ; 2016. 512 с. (Династия). Совместно с издательством «Corpus».
85. Пинкер С. *Язык как инстинкт*. Каидалова ЕВ, переводчик; Мазо ВД, редактор. Москва: Едиториал УРСС; 2004. 456 с.
86. Норман БЮ. *Лингвистическая прагматика*. Минск: БГУ; 2009. 183 с.
87. Гончаров ВВ. Концептуальные подходы к созданию эффективной системы «наука – технологии – инновации» в Беларуси. В: Гончаров ВВ, редактор. *Система «наука – технологии – инновации»: методология, опыт, перспективы. Материалы Международной научно-практической конференции; 1 декабря 2016 г.; Минск, Беларусь*. Минск: Центр системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси; 2016. с. 59–73.
88. Казанцев АК, Завлин ПН, Миндели ЛЭ, редакторы. *Инновационный менеджмент*. Санкт-Петербург: Наука; 1997. 560 с.
89. Рогозин ДО, Шеремет ИА, Гарбук СВ, Губинский АМ. *Высокие технологии в США. Опыт министерства обороны и других ведомств*. Москва: МГУ; 2013. 380 с.
90. Иваницкий ГР. Новый старт или последний финиш? *Вестник Российской академии наук*. 2000;70(3):203–213.
91. Оболенская ЛВ, Зудина АБ. Технологическая функция российской науки: проблема проектирования карты технологических дорог. В: Аллахвердян АГ, Семенова НН, Юревич АВ, редакторы. *Наука в условиях глобализации. Сборник статей*. Москва: Логос; 2009. с. 221–240.
92. Самарцев Д. Евгений Каблов: «Необходимо активно пропагандировать моду на интеллект» [Интернет]. 15 февраля 2018 г. [процитировано 26 февраля 2018 г.]. Доступно по: https://infra-m.ru/opinions/evgeniy_kablov_neobkhodimo_aktivno_propagandirovat_modu_na_intellekt/.
93. Богост Иен. *Чужая феноменология, или Каково быть вещью?* Коломиец ГГ, переводчик. Пермь: HylePress; 2019. 200 с.
94. Кудрявцева ОВ, Митенкова ЕН, Маликова ОИ, Головин МС. Развитие альтернативной энергетики в России в контексте формирования модели низкоуглеродной экономики. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*. 2019;4:122–139.
95. Батурин ЮМ. *История науки и техники: импровизация в стиле jazz. Сборник научных докладов, статей, выступлений и интервью директора ИИЕТ РАН. 2010–2015*. Москва: Космоскоп; 2016. 719 с.
96. Гражданников ЕД. *Метод систематизации философских категорий*. Семенов ЕВ, редактор. Новосибирск: Наука; 1985. 104 с.
97. Кара-Мурза СГ. Без компаса скептического разума. *Литературная газета*. 2007, 10 октября;41(6141):2.
98. Иванова НИ. Инновационная динамика мировой экономики. В: *Инновационное развитие: международный опыт и стратегия России. Сборник статей*. Москва: МГИМО-Университет; 2009. с. 9–29.
99. Птускин АС, Левнер ЕВ. Идентификация критических объектов цепей поставок для снижения уровня стратегического экологического риска. *Экономическая наука современной России*. 2017;4(79):63–78.
100. Коуэн Т. *Среднего больше не дано. Как выйти из эпохи Великой стагнации*. Матвеев А, переводчик. Москва: Издательство Института Гайдара; 2015. 320 с.
101. Шарабчиев ЮТ. *Коммуникации в науке: социометрический аспект*. Минск: Право и экономика; 1995. 256 с.
102. Шимов ВН, Крюков ЛМ. *Инновационное развитие экономики Беларуси: движущие силы и национальные приоритеты*. Минск: БГЭУ; 2014. 199 с.
103. Понарина Е. Приоритет 01: в сфере инноваций государству пора переходить от политических концепций к конкретным действиям. *Поиск*. 2005, 23 декабря;51:11–12.
104. Зинов ВГ. Субъекты инновационного процесса. *Науковедение*. 2003;4:41–44.
105. Губанов СС. Беларусь: системный выбор в условиях попытки либерального реванша. *Новая экономика*. 2009; 5–6:27–36.
106. Giuliani E, Pietrobelli C, Rabellotti R. Upgrading in global value chains: lessons from Latin American clusters. *World Development*. 2005;33(4):549–573. DOI: 10.1016/j.worlddev.2005.01.002.
107. Pietrobelli C. Global value chains in the least developed countries of the world: threats and opportunities for local producers. *International Journal of Technological Learning, Innovation and Development*. 2008;1(4):459–481. DOI: 10.1504/IJTLID.2008.021964.
108. Dedrick J, Kraemer KL, Linden G. Who profits from innovation in global value chains? A study of the iPod and notebook PCs. *Industrial and Corporate Change*. 2010;19(1):81–116. DOI: 10.1093/icc/dtp032.
109. Pietrobelli C, Rabellotti R. Global value chains meet innovation systems: are there learning opportunities for developing countries? *World Development*. 2011;39(7):1261–1269. DOI: 10.1016/j.worlddev.2010.05.013.
110. Gereffi G, Luo X. Risks and opportunities of participation in global value chains. *Policy Research Working Paper*. 2014;6847.
111. Ulbrich M. Changes of global value chains in the industrial production sector? *Central European Review of Economics and Finance*. 2015;10(4):35–51.
112. Бирюкова ОВ. Участие сектора услуг в развитии глобальных цепочек создания стоимости. *Известия Уральского государственного экономического университета*. 2016;3(65):115–125.
113. Дементьев ВЕ, Устюжанина ЕВ. Включение отечественной экономики в глобальные цепочки создания стоимости: созидательный потенциал и риски. *Российский экономический журнал*. 2016;2:19–34.

114. Кукушкина ЮМ. Глобальные цепочки создания стоимости и корпоративные интересы транснациональных корпораций. *Современная конкуренция*. 2016;2(56):107–117.
115. Мешкова ТА, Моисеичев ЕА. Анализ глобальных цепочек создания стоимости: возможности Форсайт-исследований. *Форсайт*. 2016;10(1):69–82. DOI: 10.17323/1995-459x.2016.1.69.82.
116. Нефедов КС, Панибратов АЮ. Глобальные цепочки ценности: основные аспекты и актуальные направления исследований. *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Менеджмент*. 2017;16(3):364–397. DOI: 10.21638/11701/spbu08.2017.302.
117. Сагинов ЮЛ, Строганов ИА. Глобальные цепочки стоимости и вопросы экономического развития. *Российское предпринимательство*. 2018;19(4):1229–1238. DOI: 10.18334/rp.19.4.38998.
118. Варнавский ВГ. ЕС и Россия в глобальных цепочках создания стоимости. *Современная Европа*. 2019;1:92–103. DOI: 10.15211/soveurope1201992103.
119. Гётц М. Потенциал кластеров по формированию востребованных компетенций и развитию гибкости компаний. *Форсайт*. 2019;13(2):72–83. DOI: 10.17323/2500-2597.2019.2.72.83.
120. Ключко ОА, Мануйлов ИА. Фарминдустрия Канады в глобальных цепочках создания стоимости: влияние доминирующего партнера. *Мировая экономика и международные отношения*. 2019;63(4):14–21. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-4-14-21.
121. Кондратьев ВБ. Глобальные цепочки стоимости в отраслях экономики: общее и особенное. *Мировая экономика и международные отношения*. 2019;63(1):49–58. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-1-49-58.
122. Семенова НН. Наука как фактор глобализации. В: Аллахвердян АГ, Семенова НН, Юревич АВ, редакторы. *Наука в условиях глобализации. Сборник статей*. Москва: Логос; 2009. с. 16–51.
123. Капица ЛМ. Природные ресурсы и социально-экономический прогресс. *Вестник МГИМО-Университета*. 2014;4(37):168–186.
124. Gerefi G, Korzeniewicz M, editors. *Commodity chains and global capitalism*. Westport: Praeger; 1994. XIV, 336 p.
125. Давыденко Е, Гринчик М. Глобальные цепочки создания стоимости: теоретические и практические аспекты. *Банкаўскі веснік*. 2014;4(609):22–27.
126. Чепик ИН. Применение концепции глобальных цепочек создания добавленной стоимости в мировой экономике. *Вестник Беларускага дзяржаўнага эканамічнага ўніверсітэта*. 2015;3(110):32–40.
127. Синицын МВ. Цепочка добавленной стоимости при производстве батарей для электромобилей: есть ли ограничения со стороны предложения металлов? *Инновации и инвестиции*. 2018;3:186–192.
128. Глухова НМ. Международный обмен технологиями в глобальных цепочках добавленной стоимости. *Белорусский экономический журнал*. 2019;1:81–94.
129. Лукин ЕВ. Отраслевая и территориальная специфика цепочек добавленной стоимости в России: межотраслевой подход. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2019;12(6):129–149. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.7.
130. Осадчая ГИ. Евразийская интеграция: принципы, идеология, практика. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2020;1:31–43.
131. Costinot A, Vogel J, Wang S. An elementary theory of global supply chains. *Review of Economic Studies*. 2013;80(1):109–144. DOI: 10.1093/restud/rds023.
132. Овечкина О. Виртуальные цепи поставок как система бизнес-функций. *Наука и инновации*. 2020;1(203):45–49. DOI: 10.29235/1818-9857-2020-1-45-49.
133. Blyde JS. What it takes to join an international value chain: the firm-level evidence. In: Blyde JS, editor. *Synchronized factories. Latin America and the Caribbean in the era of global value chains*. New York: Springer; 2014. p. 75–104. DOI: 10.1007/978-3-319-09991-0_4.
134. Улюкаев АВ. Не обороняться, а наступать. *Международная экономика*. 2014;12:14–17.
135. Шульцева ВК. Земля в иллюминаторе: умные цепочки стоимости. Часть 1. Разделяя, объединяя... и властвуя! *Первая миля*. 2018;5(74):72–80. DOI: 10.22184/2070-8963.2018.74.5.72.80.
136. Шульцева ВК. Земля в иллюминаторе: умные цепочки стоимости. Часть 2. Инновационный эгоизм. *Первая миля*. 2018;7(76):72–79. DOI: 10.22184/2070-8963.2018.76.7.72.79.
137. Витязь ПА, Щербин ВК. Современная технонаука: механизм функционирования и организационные отличия. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2019;2:66–78.
138. Цепочка создания стоимости [глоссарий]. В: *Создание условий, способствующих повышению конкурентоспособности и эффективности национальных инновационных систем. Уроки опыта стран – членов ЕЭК ООН*. Нью-Йорк: ООН; 2007. с. 136.
139. Берестова ТФ. Инновационная деятельность в вузе культуры: разберемся с понятиями. *Научно-техническая информация. Серия 1. Организация и методика информационной работы*. 2009;4:12–16.
140. Стёпин ВС. Изменения в структуре науки и современный статус фундаментальных исследований. В: Арутюнов ВС, Лисичкин ГВ, Малинецкий ГГ, редакторы. *Наука России. От настоящего к будущему*. Москва: Либроком; 2009. с. 150–157.
141. Лифшиц ВН. *Основы системного мышления и системного анализа*. Москва: Институт экономики РАН; 2013. 54 с.
142. Грант ДжП. *Философия, культура, технология: перспективы на будущее*. В: Гуревич ПС, редактор. *Новая технологическая волна на Западе*. Москва: Прогресс; 1986. с. 153–162.
143. Харари ЮН. *Sapiens. Краткая история человечества*. Москва: Синдбад; 2018. 520 с.
144. Ваганов АГ. Скелет будущего. Заметки к практическому пособию по конструированию социальных реальностей. *Форсайт*. 2008;2(6):66–73.
145. Витязь ПА, Щербин ВК. Институциональное развитие Международной ассоциации академий наук: от научных советов к международным научно-технологическим консорциумам. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2020;2:4–19. DOI: 10.33581/2521-6821-2020-2-4-19.

References

1. Teslinov AG. *Kontseptual'noe proektirovanie slozhnykh reshenii* [The conceptual projecting of complicated decisions]. Saint Petersburg: Piter; 2009. 288 p. (Masterskaya Andrey A. Teslinova). Russian.
2. Smith R. *Istoriya gumanitarnykh nauk* [The history of the human sciences]. 2nd edition. Moscow: HSE Publishing House; 2008. 392 p. Russian.
3. Kedrov BM. *Klassifikatsiya nauk. Kniga 3. Prognoz K. Marksa o nauche budushchego* [The classification of sciences. Book 3. The prognosis of K. Marx about the science of future]. Moscow: Mysl'; 1985. 543 p. Russian.
4. Burawoy M. [For public sociology]. In: Romanov P, Yarskaya-Smirnova E, editors. *Obshchestvennaya rol' sotsiologii* [The public role of sociology]. Moscow: Variant; 2008. p. 8–51. Russian.
5. Rozov NS. [From the disciplinary imperialism – to the Humanities Without Borders! («Schengen» project of integration of social sciences)]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2009;3:132–142. Russian.
6. Wallerstein I. *The end of the world as we know it. Social science for the twenty-first century*. Inozemtsev VI, editor. Moscow: Logos; 2004. 368 p. Russian.
7. Morin E. *O slozhnostnosti* [On complexity]. Svirskii Ya, translator. Moscow: Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy; 2019. 272 p. (Sovremennaya filosofskaya mysl'). Russian.
8. Harre R, Gillett G. *The discursive mind*. London: Sage Publications; 1994. VIII, 192 p. DOI: 10.4135/9781452243788.
9. Efimov VM. [The discursive analysis in economics: revision of methodology and history of the economic science]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Internet]. 2011 [cited 2015 May 12];12(3):15–53. Available from: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1259552085/ecsoc_t12_n3.pdf#page=15. Russian.
10. Morin E. [The principles of cognition of the complexity in the science 21st century]. In: Udumyan NK, editor. *Vyzov poznaniyu: strategii razvitiya nauki v sovremennoy mire* [The challenge to cognition: strategies of the development of science in the contemporary world]. Moscow: Nauka; 2004. p. 7–26. Russian.
11. Lebaron F. [The sociology of Pierre Bourdieu and economic sciences]. In: *Sotsiologiya pod voprosom. Sotsial'nye nauki v poststrukturalistской perspektive. Al'manakh Rossiisko-frantsuzskogo tsentra sotsiologii i filosofii Instituta sotsiologii Rossiiskoi akademii nauk* [The sociology call in question. Social sciences in the poststructural perspective. The anthology of Russian-French Center of Sociology and Philosophy of the Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences]. Moscow: Praxis; 2005. p. 79–90. (Obraz obshchestva). Co-published by the Institut eksperimental'noi sotsiologii. Russian.
12. Ryazanov VT. [The understanding and interpretation in the economic science: the role of language]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 5. Ekonomika*. 2008;4:3–21. Russian.
13. Kleiner GB. [The formation of knowledge society in Russia: social-economic aspects]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2005;3:56–69. Russian.
14. Polterovich VM. [Formation of the general social analysis]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2011;2:101–111. Russian.
15. Krysov V. [The development of economic discourses: what reality has studies the discourse-analysis]. *Sovremennyy diskurs-analiz. Institutsional'nye diskursnye praktiki* [Internet]. 2014 [cited 2015 May 12];11:21–24. Available from: <http://discourseanalysis.org/ada1/st77.shtml>. Russian.
16. Balatskii EV. [The discursive economics and its possibilities]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2014;1:163–176. Russian.
17. Astaf'ev YaU. [The scientific pictures, rationality and sociological discourse]. *Sotsiologicheskii zhurnal*. 1994;1:84–95. Russian.
18. Ukhvanova-Shmygova IF. *Diskursnye metodiki v sotsiologicheskoy issledovaniy* [The discourse methods in the sociological research]. Minsk: Publishing Center of the Belarusian State University; 2003. 191 p. Russian.
19. Kocyba H. [Die Dosziplinierung Foucaults. Diskursanalyse als Wissenssociologie]. *Sovremennyy diskurs-analiz. Metodologiya: kontseptual'nye obosnovaniya* [Internet]. 2009 [cited 2015 May 12];1(1):97–113. Available from: <http://discourseanalysis.org/ada1/st7.shtml>. Russian.
20. Sheigal EI. *Semiotika politicheskogo diskursa* [The semiotics of political discourse]. Volgograd: Peremena; 2000. 440 p. Russian.
21. Altunyan AG. *Analiz politicheskikh tekstov* [The analysis of political texts]. Moscow: Logos; 2014. 384 p. Russian.
22. van Dijk TA. Principles of critical discourse analysis. *Discourse and Society*. 1993;4(2):249–283. Russian edition: van Dijk TA. [The principles of critical analysis of discourse]. In: *Perevod i lingvistika teksta* [The translation and linguistics of text]. Moscow: VTSP; 1994. p. 169–217.
23. Gavrilova MV. *Kriticheskii diskurs-analiz v sovremennoy zarubezhnoy lingvistike* [The critical discourse-analysis in the contemporary foreign linguistics]. Saint Petersburg: Publishing House of the Saint Petersburg University; 2003. 24 p. Russian.
24. Rusakova OF, editor. *Sovremennyye teorii diskursa: mul'tidistsiplinarnyy analiz. Vypusk 1* [The contemporary theories of discourse: the multidisciplinary analysis. Issue 1]. Ekaterinburg: Izdatel'skii dom «Diskurs-Pi»; 2006. 210 p. (Diskursologiya). Russian.
25. Pereverzev E. [The critics of KDA: some restrictions of the critical discourse-analysis as the scientific approach]. *Sovremennyy diskurs-analiz. Metodologiya: kontseptual'nye obosnovaniya* [Internet]. 2009 [cited 2015 May 12];1(1):31–38. Available from: <http://discourseanalysis.org/ada1/st2.shtml>. Russian.
26. Zaostrovtshev AP. [To understand the informal (on the book by V. L. Tambovtsev «Economics of informal institutions»)]. *Voprosy ekonomiki*. 2015;6:151–158. Russian. DOI: 10.32609/0042-8736-2015-6-151-158.
27. Glaz'ev SYu. *Ryvok v budushchee. Rossiya v novykh tekhnologicheskoy i mirokhozaystvennoy ukladakh* [The spurt in the future. The Russia in the new technologic and economical world's structures]. Moscow: Knizhnyi mir; 2018. 768 p. Russian.
28. Shavel' SA. *Obshchestvennaya missiya sotsiologii* [The public mission of sociology]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2010. 730 p. Russian.
29. Dmitriev DV, editor. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka. Okolo 7000 slovarnykh statei. Svyshe 35 000 znachenii. Bolee 70 000 illyustrativnykh primerov* [An explanatory dictionary of Russian. About 7000 entries. More 35 000 meanings. More 70 000 illustrative examples]. Moscow: AST; 2003. 1582 p. (Slovari Akademii Rossiiskoi). Russian.

30. Sager N. Syntactic analysis of natural language. In: Alt FA, Rubinoff M, editors. *Advances in computers. Volume 8*. [S. l.]: Academic Press; 1967. p. 153–188.
- Russian edition: Sager N. [The syntactical analysis of natural language]. In: Kulagina OS, Mel'chuk IA, editors. *Avtomaticheskii perevod. Sbornik statei* [The automatic translation. Collection of papers]. Moscow: Progress; 1971. p. 182–213.
31. Rychtařík K. *Sociologie na cestách poznání*. Praha: Academia; 1978. 273 s.
- Russian edition: Rychtařík K. *Sotsiologiya na putyakh poznaniya*. Orlova TA, Mel'tser RE, translators; Mansurov NS, editor. Moscow: Progress; 1981. 262 p.
32. Nikitina SE. *Tezaurus po teoreticheskoi i prikladnoi lingvistike (avtomaticheskaya obrabotka teksta)* [The thesaurus on the theoretical and applied linguistics (the automatic processing of text)]. Moscow: Nauka; 1978. 376 p. Russian.
33. Nonaka I, Takeuchi H. *Kompaniya – sozdatel' znaniya. Zarozhdenie i razvitiye innovatsii v yaponskikh firmakh* [The knowledge-creating company. How Japanese companies create the dynamics of innovation]. Traktinskii A, translator. Moscow: Olimp-Biznes; 2011. 384 p. Russian.
34. Satherland J, Canwell D. *Strategicheskii menedzhment. Klyuchevye ponyatiya* [Key concepts in strategic management]. Dnepropetrovsk: Balans-Klub; 2005. 440 p. Russian.
35. Latour B. *Nauka v deistvii: sleduya za uchenymi i inzhenerami vnutri obshchestva* [Science in action: how to follow scientists and engineers through society]. Fedorova K, translator. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge; 2013. 414 p. Russian.
36. Astvatsaturyan M. [The cave-ration. The real paleodiet contained toxic metals. Reported by Quaternary International]. *Poisk*. 2020 February 28;9:15 (columns 3–4). Russian.
37. Houellebecq M. *Elementarnye chastitsy* [Les particules elementaires]. Vasyuchenko I, Zinger G, translators. Moscow: Inostranka; 2007. 527 p. (The best of «Inostranka»). Russian.
38. Shtumpf R. [Trends and innovations: the best ideas]. *Deutschland*. 2008;1:60–65. Russian.
39. Lapidus LV. *Tsifrovaya ekonomika: upravlenie elektronnyim biznesom i elektronnoi kommersiei* [The digital economics: the management of digital business and digital commerce]. Moscow: Infra-M; 2019. 381 p. Russian.
40. Zhukov SV. *Prodvizhenie tekhnologii. Chast' 1. Teoreticheskie aspekty* [The advancement of technologies. Part 1. The theoretical aspects]. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing; 2015. 148 p. Russian.
41. Bibikhin VV. *Yazyk filosofii* [The language of philosophy]. Moscow: Progress; 1993. 403 p. Russian.
42. Strigalev A. [The Pirates of 21st century]. *Belaruskaja dumka*. 2002;11–12:109–116. Russian.
43. Trepol'skii D. [19 trends of technologies and advancement of brend in 2019]. *Business Excellence*. 2019;4:76–79. Russian.
44. Nazaretyan AP. *Intellect vo Vselennoi: istoki, stanovlenie, perspektivy. Ocherki mezhdistsiplinarnoi teorii progressa* [The intellect in the Universe: origins, formation, prospects. The essays of interdisciplinary theory of progress]. Moscow: Nedra; 1991. 224 p. Russian.
45. Grinfeld A. *Radikal'nye tekhnologii: ustroystvo povsednevnoi zhizni* [Radical technologies: the design of everyday life]. Kushnareva I, translator. Moscow: Delo; 2018. 424 p. Russian.
46. Zhukova IN, Lebed'ko MG, Proshina ZG, Yuzefovich NG. *Slovar' terminov mezhkul'turnoi kommunikatsii* [Terminological dictionary of intercultural communication]. Lebed'ko MG, Proshina ZG, editors. Moscow: Flinta; 2013. 632 p. Co-published by the «Nauka». Russian.
47. Kasavin IT. *Migratsiya. Kreativnost'. Tekst. Problemy neklassicheskoi teorii poznaniya* [Migration. Creativity. Text. Problems of non-classical theory of knowledge]. Saint Petersburg: Russkaya khristianskaya humanitarnaya akademiya; 1998. 408 p. Russian.
48. Eko U. *Polnyi nazad! «Goryachie voyny» i populizm v SMI* [In full swing back! «Hot wars» and populism in media]. Kostyukovich E, translator. Moscow: Eksmo; 2007. 592 p. (ECO-logiya). Russian.
49. Kondakov NI. *Logicheskii slovar'* [The logic dictionary]. Moscow: Nauka; 1971. 656 p. Russian.
50. Klein LS. *Arkheologicheskaya tipologiya* [The archaeological typology]. Leningrad: Academy of Sciences of USSR; 1991. 442 p. Russian.
51. Plotnikov BA. *Semiotika teksta. Paragrafemika* [The semiotics of text. Paragraphemics]. Minsk: Vyshhejschaja shkola; 1992. 191 p. Russian.
52. Kemeny J, Snell J, Knepp A. *Schetnye tsepi Markova* [Finite Markov chains]. Moscow: Nauka; 1987. 416 p. Russian.
53. Stivensov N. *Kriptonomikon* [Cryptonomicon]. Dobrokhotova-Maikova E, translator. Moscow: AST; 2014. 912 p. Russian.
54. Becker K. *Tactical reality dictionary: cultural intelligence and social control*. New York: Autonomedia; 2002. 131 p.
- Russian edition: Becker K. *Slovar' takticheskoi real'nosti: kul'turnaya intelligentsiya i sotsial'nyi kontrol'*. Kireev O, translator. Moscow: Ul'tra. Kul'tura; 2004. 224 p. (Cybertime/nonfiction).
55. Lotman YuM. [Dekabrist in the everyday life (the everyday life behaviour as the historical-psychological category)]. In: Bazanov VG, Vatsuro VE, editors. *Literaturnoe nasledie dekabristov* [Literary heritage of the dekabrists]. Leningrad: Nauka; 1975. p. 25–74. Russian.
56. Harari YuN. *21 urok dlya XXI veka* [21 lessons for the 21st century]. Goldberg Yu, translator. Moscow: Sindbad; 2019. 416 p. Russian.
57. Solomonik A. *Filosofiya znakovykh sistem i yazyk* [The philosophy of sign systems and language]. 2nd edition. Minsk: MET; 2002. 403 p. Russian.
58. Rodzhers EM. *Difuziya innovacij* [The diffusion of innovations]. Stark V, translator. Kyiv: Kyjevo-Mogylyans'ka akademija; 2009. 592 p. (Biblioteka zhurnalista). Ukrainian.
59. Solomonik A. *Pozitivnaya semiotika (o znakakh, znakovykh sistemakh i semioticheskoi deyatel'nosti)* [The positive semiotics (about signs, systems of signs and semiotic activity)]. Kreidlin G, editor. Minsk: MET; 2004. 192 p. Russian.
60. Ricœur P. *Le conflit des interprétations. Essais d'herméneutique*. Paris: Éditions du Seuil; 1969. 500 p.
- Russian edition: Ricœur P. *Konflikt interpretatsii. Ocherki o germenевtike*. Sergeeva IA, translator. Moscow: Medium; 1995. 415 p. (Pervye publikatsii v Rossii).
61. Kassirer E. [The philosophy of symbolic forms]. In: Mamontov SP, Mamontov AS, compilers. *Antologiya kul'turologicheskoi mysli* [Anthology of cultural thought]. Moscow: ROU; 1996. p. 203–204. Russian.
62. Gubajlovskij VA. *Uchitel' tsinizma* [The teacher of cynicism]. Moscow: Eksmo; 2014. 288 p. (Index Librorum). Russian.

63. Solodovnikov SYu, chief editor. *Bol'shoi entsiklopedicheskiy slovar': filosofiya, sotsiologiya, religiya, ezoterizm, politekonomiya* [The great encyclopedic dictionary: philosophy, sociology, religion, esoterizm, political economy]. Minsk: Minskaya fabrika tsvetnoi pechati; 2002. 1008 p. Russian.
64. Komarova ZI. *Metodologiya, metod, metodika i tekhnologiya nauchnykh issledovaniy v lingvistike* [The methodology, method, procedure and technology of scientific researches in the linguistics]. 3rd edition. Moscow: Flinta; 2014. 1640 p. Russian.
65. Harari JuN. *Homo Deus. Kratkaya istoriya budushchego* [Homo Deus. A brief history of tomorrow]. Andreev A, translator. Moscow: Sindbad; 2019. 496 p. (Big Ideas). Russian.
66. Stolyarov AM. *Osvobodivshiy Edem* [The free Edem]. Moscow: AST; 2008. 416 p. (Philosophy). Russian.
67. Rybakova VV. [The contemporary American sociology of science]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo*. 2014;2(34):103–108. Russian.
68. Ikeda D, Sadovnichii VA. [The borders of centuries: the dialogs about the education and the upbringing]. In: Shul'ts VL, editor. *Paradigmy sotsiologii znaniya* [Paradigms of the sociology of knowledge]. Moscow: Nauka; 2007. p. 9–69. Russian.
69. Giddens A. [Sociology]. In: Volkov YuG, Mostovaya IV, compilers. *Sotsiologiya* [Sociology]. Moscow: Gardariki; 2003. p. 13–27. Russian.
70. Vinnik V, Sedegov R. [The protectionism yesterday, today, tomorrow]. *Belaruskaya dumka*. 1998;1:75–79. Russian.
71. Suimenko EI. Interest as the social phenomenon and its latest modification. *Sotsiologicheskii al'manakh*. 2014;5:377–383. Russian.
72. Glaz'ev SYu. [The last geopolitic party: USA begin and lose]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. 2015;8:2–24. Russian.
73. Polterovich VM. FAQ: institutional traps: 7 facts about non-effective and self-supporting norms of the economic problems decision [Internet]. 2013 February 4 [cited 2020 February 24]. Available from: <https://postnauka.ru/faq/9192>. Russian.
74. Hall E, Hall M. [The exact planning, slow rate (the extracts from the book «The understanding of cultural differences: the way to success in Germany, France, the United States»)]. *Belaruskaya dumka*. 1995;1:32–34. Russian.
75. Zaslavskaya TI. [About the social mechanism of postcommunism reforms in Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2002;8:3–16. Russian.
76. Vyalichka U, Martsinovich A. [Where had begun Brest]. *Belaruskaya dumka*. 2004;8:56–60. Belarusian.
77. Pereslegina S, Pereslegina E. «Dikie karty» budushchego. *Fors-mazhor dlya chelovechestva* [The «wild cards» of the future. The force majeure for mankind]. Klimenko AYU, editor. Moscow: Algoritm; 2015. 480 p. (Kakim budet mir). Russian.
78. Eko U. *La struttura assente introduzione alla ricerca semiologica*. Pogonyailo AG, Reznik VG, translators; Ermakova MG, editor. Saint Petersburg: Petropolis; 1998. 432 p. Russian.
79. Zenkin SN. [Roland Bart and semiological project]. In: Bart R. *Sistema mody. Stat'i po semiotike kul'tury* [The system of mode. The articles on the semiotics of culture]. Moscow: Izdatel'stvo imeni Sabashnikovykh; 2003. p. 5–28. Russian.
80. Karpov VA. [The axiomatics of formulaic language]. In: *Sbornik nauchnykh statei professora V. A. Karpova* [Collection of scientific articles by professor V. A. Karpov]. Minsk: Informatsionno-vychislitel'nyi tsentr Ministerstva finansov; 2018. p. 229–240. Russian.
81. Powell G. Memes. In: Brown K, editor. *Encyclopedia of language and linguistics. Volume 8*. 2nd edition. Oxford: Elsevier; 2006. p. 6–8.
82. Mechkovskaya NB. *Filosofiya yazyka i kommunikatsii* [The philosophy of language and communication]. Moscow: Flinta; 2017. 517 p. Russian.
83. Golovanova EI. Special features of the interpretation of objects in the professional substandard (cognitive aspect). In: *Aktual'nye problemy lingvistiki, pedagogiki i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov – 2015. Sbornik nauchnykh trudov* [Actual problems of linguistics, pedagogy and methods of teaching foreign languages – 2015. Collection of scientific papers]. Kaliningrad: Kaliningrad State Technical University; 2016. p. 4–15. Russian.
84. Dawkins R. *The selfish gene*. Oxford: Oxford University Press; 1990. 368 p.
Russian edition: Dawkins R. *Egoistichnyi gen*. Fomina NO, translator. Moscow: AST; 2016. 512 p. (Dinastiya). Co-published by the «Corpus».
85. Pinker S. *The language instinct*. Kaidalova EV, translator; Mazo VD, editor. Moscow: Editorial URSS; 2004. 456 p. Russian.
86. Norman BYu. *Lingvisticheskaya pragmatika* [The linguistic pragmatics]. Minsk: Belarusian State University; 2009. 183 p. Russian.
87. Goncharov VV. [The conceptual approaches to creation of effective system «science – technology – innovations» in Belarus]. In: Goncharov VV, editor. *Sistema «nauka – tekhnologii – innovatsii»: metodologiya, opyt, perspektivy. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 1 dekabrya 2016 g.; Minsk, Belarus'* [System «science – technologies – innovations»: methodology, experience, prospects. Proceedings of the International scientific-practical conference; 2016 December 1; Minsk, Belarus]. Minsk: Tsentr sistemnogo analiza i strategicheskikh issledovaniy NAN Belarusi; 2016. p. 59–73. Russian.
88. Kazantsev AK, Zavlin PN, Mindeli LE, editors. *Innovatsionnyi menedzhment* [The innovative management]. Saint Petersburg: Nauka; 1997. 560 p. Russian.
89. Rogozin DO, Sheremet IA, Garbuk SV, Gubinskii AM. *Vysokie tekhnologii v SShA. Opyt ministerstva oborony i drugikh vedomstv* [The high technologies in the USA. The experience of ministry of defense and other ministries]. Moscow: Moscow State University; 2013. 380 p. Russian.
90. Ivanitskii GR. [The new start or the last finish?]. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk*. 2000;70(3):203–213. Russian.
91. Obolenskaya LV, Zudina AB. [Technological function of Russian science: the problem of projecting of map of technological ways]. In: Allakhverdyan AG, Semenova NN, Yurevich AV, editors. *Nauka v usloviyakh globalizatsii. Sbornik statei* [Science in conditions of globalization. Collection of papers]. Moscow: Logos; 2009. p. 221–240. Russian.
92. Samartsev D. Evgenii Kablov: «It is necessary to actively promote the fashion for intelligence» [Internet]. 2018 February 15 [cited 2018 February 26]. Available from: https://infra-m.ru/opinions/evgeniy_kablov_neobkhodimo_aktivno_propagandirovat_modu_na_intellekt/. Russian.
93. Bogost Ien. *Chuzhaya fenomenologiya, ili Kakovo byt' veshch'yu?* [The another phenomenology, or What to be a thing?]. Kolomiets GG, translator. Perm: HylePress; 2019. 200 p. Russian.
94. Kudryavtseva OV, Mitenkova EN, Malikova OI, Golovin MS. [The development of alternative power engineering in Russia in the context of formation of model of the low-carbon economics]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6. Ekonomika*. 2019;4:122–139. Russian.

95. Baturin YuM. *Istoriya nauki i tekhniki: improvizatsiya v stile jazz. Sbornik nauchnykh dokladov, statei, vystuplenii i interv'yu direktora IIET RAN. 2010–2015* [The history of science and technology: the improvisation in the style of Jazz. The collection of scientific papers, articles, speeches, interviews of director of the Institute of History of Natural Sciences and Technology, Russian Academy of Sciences. 2010–2015]. Moscow: Kosmoskop; 2016. 719 p. Russian.
96. Grazhdannikov ED. *Metod sistematizatsii filosofskikh kategorii* [The method of systematization of philosophic categories]. Semenov EV, editor. Novosibirsk: Nauka; 1985. 104 p. Russian.
97. Kara-Murza SG. [Without the compass of sceptical mind]. *Literaturnaya gazeta*. 2007 October 10;41(6141):2. Russian.
98. Ivanova NI. [The innovative dynamics of world economics]. In: *Innovatsionnoe razvitie: mezhdunarodnyi opyt i strategiya Rossii. Sbornik statei* [The innovative development: international experience and strategy of Russia. The collection of articles]. Moscow: MGIMO-Universitet; 2009. p. 9–29. Russian.
99. Ptuskin AS, Levner EV. Identification of critical objects of supply chains to reduce the level of strategic environmental risks. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii*. 2017;4(79):63–78. Russian.
100. Cowen T. *Srednego bol'she ne dano. Kak vyiti iz epokhi Velikoi stagnatsii* [Average is over. Powering America beyond the age of the Great stagnation]. Matveenko A, translator. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaidara; 2015. 320 p. Russian.
101. Sharabchiev YuT. *Kommunikatsii v nauke: sotsiometricheskii aspekt* [Communications in the science: sociometrical aspect]. Minsk: Pravo i ekonomika; 1995. 256 p. Russian.
102. Shimov VN, Kryukov LM. *Innovatsionnoe razvitie ekonomiki Belarusi: dvizhushchie sily i natsional'nye priority* [The innovative development of economics of Belarus: motive forces and national priorities]. Minsk: Belarus State Economic University; 2014. 199 p. Russian.
103. Ponarina E. [In the sphere of innovations state must to pass from political concepts to real actions]. *Poisk*. 2005 December 23;51:11–12. Russian.
104. Zinov VG. [Subjects of the innovative process]. *Naukovedenie*. 2003;4:41–44. Russian.
105. Gubanov SS. [Belarus: the systemic choice in the conditions of efforts of the liberal retaliation]. *Novaya ekonomika*. 2009;5–6:27–36. Russian.
106. Giuliani E, Pietrobelli C, Rabellotti R. Upgrading in global value chains: lessons from Latin American clusters. *World Development*. 2005;33(4):549–573. DOI: 10.1016/j.worlddev.2005.01.002.
107. Pietrobelli C. Global value chains in the least developed countries of the world: threats and opportunities for local producers. *International Journal of Technological Learning, Innovation and Development*. 2008;1(4):459–481. DOI: 10.1504/IJTLID.2008.021964.
108. Dedrick J, Kraemer KL, Linden G. Who profits from innovation in global value chains? A study of the iPod and notebook PCs. *Industrial and Corporate Change*. 2010;19(1):81–116. DOI: 10.1093/icc/dtp032.
109. Pietrobelli C, Rabellotti R. Global value chains meet innovation systems: are there learning opportunities for developing countries? *World Development*. 2011;39(7):1261–1269. DOI: 10.1016/j.worlddev.2010.05.013.
110. Gereffi G, Luo X. Risks and opportunities of participation in global value chains. *Policy Research Working Paper*. 2014; 6847.
111. Ulbrych M. Changes of global value chains in the industrial production sector? *Central European Review of Economics and Finance*. 2015;10(4):35–51.
112. Biryukova OV. Participation of the services sector in the development of the global value chains. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. 2016;3(65):115–125. Russian.
113. Dementiev VE, Ustyuzhanina EV. [Incorporation of national economy in global value chains: creative potential and risks]. *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal*. 2016;2:19–34. Russian.
114. Kukushkina YM. Global value chains and corporate interests of multinational corporations. *Journal of Modern Competition*. 2016;2(56):107–117. Russian.
115. Meshkova TA, Moiseichev EYa. Foresight applications to the analysis of global value chains. *Foresight and STI Governance*. 2016;10(1):69–82. Russian. DOI: 10.17323/1995-459x.2016.1.69.82.
116. Nefedov KS, Panibratov AY. Global value chain analysis: main dimensions and further research agenda. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Menedzhment*. 2017;16(3):364–397. Russian. DOI: 10.21638/11701/spbu08.2017.302.
117. Saginov YuL, Stroganov IA. Global value chains and economic development issues. *Rossiiskoe predprinimatel'stvo*. 2018;19(4):1229–1238. Russian. DOI: 10.18334/rp.19.4.38998.
118. Varnavskii VG. The EU and Russia in global value chains. *Sovremennaya Evropa*. 2019;1:92–103. Russian. DOI: 10.15211/soveurope1201992103.
119. Gotz M. The Industry 4.0 induced agility and new skills in clusters. *Foresight and STI Governance*. 2019;13(2):72–83. Russian. DOI: 10.17323/2500-2597.2019.2.72.83.
120. Klochko OA, Manuylov IA. Canadian pharmaceutical industry in global value chains: influence of dominant trading partner. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2019;63(4):14–21. Russian. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-4-14-21.
121. Kondrat'ev VB. Global value chains in industries: common and specific features. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2019;63(1):49–58. Russian. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-1-49-58.
122. Semenova NN. [The science as a factor of globalization]. In: Allakhverdyan AG, Semenova NN, Yurevich AV, editors. *Nauka v usloviyakh globalizatsii. Sbornik statei* [Science in the conditions of globalization. Collection of papers]. Moscow: Logos; 2009. p. 16–51. Russian.
123. Kapitsa LM. Natural resources and socio-economic progress. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 2014;4(37):168–186. Russian.
124. Gereffi G, Korzeniewicz M, editors. *Commodity chains and global capitalism*. Westport: Praeger; 1994. XIV, 336 p.
125. Davydenko E, Grinchik M. [The global value chains: the theoretical and practical aspects]. *Bankavski vesnik*. 2014; 4(609):22–27. Russian.
126. Chepik IN. Application of global value chain approach in world economics. *Vesnik Belaruskaga dzjarzhavnaga jekanamichnaga wniversitjeta*. 2015;3(110):32–40. Russian.

127. Sinitsyn MV. [The chain of supplied value in the production of batteries for electrocars: have the limitations from the side of the proposal of metals?]. *Innovatsii i investitsii*. 2018;3:186–192. Russian.
128. Gluhova NM. International technology exchange in global value added chains. *Belarusian Economic Journal*. 2019; 1:81–94. Russian.
129. Lukin EV. Sectoral and territorial specifics of value-added chains in Russia: the input-output approach. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*. 2019;12(6):129–149. Russian. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.7.
130. Osadchaya GI. Eurasian integration: principles, ideology, practice. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2020;1:31–43. Russian.
131. Costinot A, Vogel J, Wang S. An elementary theory of global supply chains. *Review of Economic Studies*. 2013;80(1): 109–144. DOI: 10.1093/restud/rds023.
132. Ovechkina O. [The virtual chains of supplies as the system of business-functions]. *Nauka i innovatsii*. 2020;1(203): 45–49. Russian. DOI: 10.29235/1818-9857-2020-1-45-49.
133. Blyde JS. What it takes to join an international value chain: the firm-level evidence. In: Blyde JS, editor. *Synchronized factories. Latin America and the Caribbean in the era of global value chains*. New York: Springer; 2014. p. 75–104. DOI: 10.1007/978-3-319-09991-0_4.
134. Ulyukaev AV. [Not to defence, but to advance]. *Mezhdunarodnaya ekonomika*. 2014;12:14–17. Russian.
135. Shul'tseva VK. Earth in porthole: smart value chains. Part 1. Sharing, uniting... and conquer! *Pervaya milya*. 2018; 5(74):72–80. Russian. DOI: 10.22184/2070-8963.2018.74.5.72.80.
136. Shul'tseva VK. Earth in porthole: smart value chains. Part 2. Innovative egoism. *Pervaya milya*. 2018;7(76):72–79. Russian. DOI: 10.22184/2070-8963.2018.76.7.72.79.
137. Vityaz PA, Shcherbin VK. Modern technoscience: mechanism of operation and organizational differences. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2019;2:66–78. Russian.
138. [The value chain (the glossary)]. In: *Sozdanie uslovii, sposobstvuyushchikh povysheniyu konkurentosposobnosti i effektivnosti natsional'nykh innovatsionnykh sistem. Uroki opyta stran – chlenov EEK OON* [The creation of conditions improving the increase of competitiveness and effectiveness of national innovative systems. Lessons of experience of countries – members of EEK UNO]. New York: United Nations; 2007. p. 136. Russian.
139. Berestova TF. [Functions of various information types as a basis for multilevel information space]. *Nauchno-tehnicheskaya informatsiya. Seriya 1. Organizatsiya i metodika informatsionnoi raboty*. 2009;4:12–16. Russian.
140. Stepin VS. [The changes in the structure of science and the contemporary status of fundamental researches]. In: Arutyunov VS, Lisichkin GV, Malinetskii GG, editors. *Nauka Rossii. Ot nastoyashchego k budushchemu* [The science of Russia. From today to tomorrow]. Moscow: Librokom; 2009. p. 150–157. Russian.
141. Lifshits VN. *Osnovy sistemnogo myshleniya i sistemnogo analiza* [Fundamentals of systemic thinking and systemic analysis]. Moscow: Institut ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk; 2013. 54 p. Russian.
142. Grant DzhP. [The philosophy, culture, technology: the perspectives of future]. In: Gurevich PS, editor. *Novaya tekhnokraticheskaya volna na Zapade* [The new technocratic wave at the West]. Moscow: Progress; 1986. p. 153–162. Russian.
143. Harari YuN. *Sapiens. Kratkaya istoriya chelovechestva* [Sapiens. A brief history of humankind]. Moscow: Sindbad; 2018. 520 p. Russian.
144. Vaganov AG. [The skeleton of future. Notes to practical text-book on the designing of social realities]. *Foresight*. 2008; 2(6):66–73. Russian.
145. Vityaz PA, Shcherbin VK. The institutional development of International Association of Academies of Sciences: from scientific councils to international scientific-technological consortia. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2020; 2:4–19. Russian. DOI: 10.33581/2521-6821-2020-2-4-19.

Статья поступила в редакцию 12.07.2020.
Received by editorial board 12.07.2020.

КОНЦЕПЦИЯ ЕВРАЗИЙСТВА: РОССИЙСКАЯ vs ЗАПАДНАЯ ПЕРСПЕКТИВЫ

И. ШУБРТ¹⁾, И. ШУЛЬЦ¹⁾

¹⁾Карлов университет, ул. У. Кржиже, 8, 158 00, г. Прага, Чехия

Рассматривается концепция евразийства в контексте двух подходов: российского и западного. Основное внимание уделено развитию евразийской идеи с течением времени сначала среди русских эмигрантов в Чехословакии, Франции и США в период между двумя мировыми войнами (П. Савицкий, Н. Трубецкой, Г. Вернадский), позже – со второй половины XX вв. – в СССР и в самой России (Л. Гумилев, А. Дугин) и, наконец, в настоящее время в рамках западной социологии (К. Ханн). Цель статьи – получить представление о том, какие идеи продвигала данная концепция в разное время и как менялось ее содержание в зависимости от личности исследователя и его мировоззрения. Новизна используемого подхода состоит в противопоставлении российской и западной концепции евразийства. Российская концепция говорит о Евразии в рамках Российской империи или Советского Союза. Западная концепция намного шире российской: она охватывает Европу и Азию. Сформировалась западная концепция в контексте социально-антропологических исследований как попытка объяснить процессы, происходящие в посткоммунистических странах, однако она была подвержена критике. Фундаментальный исследовательский вопрос, на который авторы пытаются ответить, касается профессионального статуса этой концепции: евразийство – это просто идеологическая конструкция или концепция, имеющая научное обоснование?

Ключевые слова: евразийство; фашизм; идеократия; П. Савицкий; Л. Гумилев; А. Дугин; К. Ханн.

THE EURASIANISM CONCEPT: RUSSIAN vs WESTERN PERSPECTIVES

J. ŠUBRT^a, I. ŠULC^a

^aCharles University, 8 U. Kříže Street, Prague 158 00, Czechia

Corresponding author: I. Šulc (irina.sulc@gmail.com)

This article is dedicated to the concept of Eurasianism in the context of two approaches: Russian and Western. It will focus on how the idea of Eurasia has evolved over time first among Russian emigrants in Czechoslovakia, France and the USA in the period between the two world wars (P. Savitskii, N. Trubetskoy, G. Vernadsky), later – from the late 20th century in the USSR and in Russia itself (L. Gumilev, A. Dugin), and finally today, in the framework of Western social sciences (K. Hann). The aim of this paper is to give an indication of how this concept has served at different times and how its content has changed depending on the personality of the researcher and his worldview. The novelty of the approach is in contrasting the Russian and Western concepts of Eurasianism. The Russian perspectives speak of Eurasia within the framework of the Russian Empire or within the framework of the Soviet Union. The Western perspective is much wider than the Russian one and covers Europe and Asia. It was formed in the context of socio-anthropological research as an attempt to explain the processes taking place in post-communist countries, but it was also criticised. The fundamental question concerns its professional status – is it merely an ideological construction or does it have scientific substance?

Keywords: Eurasianism; fascism; ideocracy; P. Savitskii; L. Gumilev; A. Dugin; C. Hann.

Образец цитирования:

Шубрт И, Шульц И. Концепция евразийства: российская vs западная перспективы. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2020;3:42–48 (на англ.).
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-3-42-48>

For citation:

Šubrt J, Šulc I. The Eurasianism concept: Russian vs Western perspectives. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2020;3:42–48.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-3-42-48>

Авторы:

Иржи Шубрт – доктор философии, доцент; заведующий кафедрой исторической социологии факультета гуманитарных наук.

Ирина Шульц – аспирантка кафедры исторической социологии факультета гуманитарных наук.

Authors:

Jiří Šubrt, doctor of philosophy, docent; head of the department of historical sociology, faculty of humanities.

jiri.subrt@ff.cuni.cz

<https://orcid.org/0000-0002-4947-7251>

Irina Šulc, postgraduate student at the department of historical sociology, faculty of humanities.

irina.sulc@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-5164-3917>

Introduction

The Russian post-revolutionary diaspora was not a stream of consensus but internally differentiated into various political currents and groupings. One of the typologies of Russian exile groupings comes from the lawyer N. Alexeyev (who was involved in the Eurasian movement).

In the late 20th century, N. Alexeyev [1, p. 4–8] identified three basic strands within Russian emigration: the first represented those who wanted Russia to become a Western-style democracy. The second wanted Russia to go back to the traditional «national» monarchist regime. The third wished Russia to return to the political status formed after the first revolution (1905), which meant creating a dualistic, monarchist-parliamentary system.

Let us add that members of the Eurasian movement cannot be unambiguously incorporated into any of these three tendencies. Eurasianism originated among Russians living in Europe, arising from a rejection of Europe.

The idea of Eurasianism was born among Russian emigrants in Sofia, and then developed in Prague, Berlin and Paris. Its origins are associated with the year 1921 [2]. A special role was played by Prague, at that time nicknamed the «Russian Oxford». In Prague neither the aristocratic nor the entrepreneurial part of Russian emigration was concentrated, but rather the intelligencia.

Among the founders of Eurasianism connected with Prague were the geographer and economist P. Savitskii¹, and linguistic scientist and ethnographer N. Trubetskoy². G. Vernadsky, a historian, also contributed to the development of the concept of Eurasianism. In geography and geology the term Eurasia refers to the largest contiguous continent, constituted by Europe and Asia. It was in this sense that the term appeared in the 19th century. However, P. Savitskii and the Eurasians gave this term fresh, specific content. It is said that the idea of Eurasia was based on two perspectives: the culturological research of N. Trubetskoy and the geographical studies of P. Savitskii.

N. Trubetskoy's work «Europe and Humanity» [3], which has been subjected to criticism for Eurocentrism for seeing non-Romanesque-Germanic nations as second-rate, is considered a precursor to Eurasianism for its view that the values inherent in European civilisation should be rejected. Responding to this work, P. Savitskii [4, p. 120–138] noted that only Eurasian culture can challenge European culture. P. Savitskii introduced the term «topo-genesis» – «mestorazvitie» (in Russian literally «topo-development»), and alongside this outlined the specific developmental history of Russia. G. Vernadsky enriched P. Savitskii's theory with the concept of «historical cycles» (i. e. a process that goes through several cycles within Eurasia).

Eurasians gradually developed an image of the state which was rather vague, which critics blame for being similar to B. Mussolini's concept of the fascist state. Among their fundamental ideas are the idea of a combination of a folk administration (organised into autonomous self-governing circles) with a 300-member central executive committee, a ministerial council and a strong presidential system.

The political system in Eurasianism means, on the one hand, the denial of parliamentary democracy [5], but, on the other hand, the affirmation of the development of diverse traditional forms of the local self-government. The two basic principles of Eurasian philosophy are the spiritual is above the material, the common over the private. Eurasianism speaks of an ideocratic state [6], where the national idea penetrates into all spheres of the social life very much like blood through blood vessels into the body of the living organism. If spirituality is to be above the material, the representatives of Eurasian elites must not fall victim to greed. Their own temperance and austerity must be in truth typical of them. If the common stands above the private, then the representative of the ruling class should be the bearer of the spirit of his nation, and the government's powers should serve as a tool of service for the national idea.

At the head of the political system is to stand the sovereign (possibly a monarch). Membership in this system is not hereditary. In view of the fact that spirituality stands above the material, the economy is subject to political leadership. Eurasian philosophy is not against the material prosperity of people, even if it does not regard it as the only goal. The two pillars of social-monarchist statehood are to be strong government and social justice, in accordance with which social-monarchism does not recognise the rule of capital (struggling for state power) and bourgeois democracy (as a compensation for equality and justice). The Eurasianists have sometimes been called the «White Bolsheviks». Their ideology has oftentimes been compared to fascism. Essential ideas include criticism of the West, the rejection of Europe, its culture, liberal ideology and individualism. A certain messianic role is associated with Russia.

Eurasianism and fascism were related by an ideocratic form of government with one state ideology and the concept of a «third way» between Bolshevism and the bourgeois system. P. Savitskii contrasted Bolshevism with fascism, criticizing the latter from the standpoint of its chances in the world struggle, its internal potential and geopolitical shortcomings, noting the provincialism of Italy (with its inability to lead a European world), the absence of an industrial and great-power base, and the religious character of Catholicism, which could not unite around ecumenical and national principles [7, p. 71].

¹Also spelled as Petr Savitsky and Petr Sawitskii.

²Also spelled as Nikolai Trubetskoy.

The birth of the Eurasian concept

The concept of Eurasia was born out of the efforts of Russian emigrants to understand the historical development that had impacted their lives. It was an attempt to comprehend what had arisen in Russia in terms of the wider historical context, and where Russia's future development should be directed.

According to I. Savitskii, Eurasianists opposed a straightforward assessment of the outcome of events by attempting to present a «global theory» capable of expressing reasons for the revolution and indicating a direction of development for Russia and the ideal reform of this path [8, p. 240]. In 1927, P. Savitskii illegally entered the USSR to organise an underground movement. Later it emerged that he had fallen into a trap staged by the Soviet secret service of the State Political Directorate (GPU).

One of the fundamental questions related to this issue concerns the relationship between Russia and the West, a question discussed by Russian intellectuals since the time of Peter the Great, which led to a controversy between so-called *zapadniki* (westernisers) and *slavyanofily* (slavophiles). Eurasianists from the beginning emphasised the historical distinctness of the Russian odyssey; their predecessors they called slavophiles. One forerunner of the Eurasianists may also have been D. Mendeleev, who proposed applying

an interdisciplinary scientific approach to the study of Russia – «Russian studies».

P. Savitskii (1895) graduated at the faculty of economics of the Polytechnic Institute in Saint Petersburg. During the civil war in Russia he was a white guard officer (a member of the general Wrangel's general staff). In 1920 he emigrated from Russia. In 1921, together with N. Trubetskoy in Sofia, he co-founded the so-called Eurasian movement, moving to Prague in 1922. He lectured there at the Russian law faculty. In 1926 he made a secret (but unsuccessful) trip to Russia, in order to organise the Eurasian movement there. From 1940 to 1944 he was the principal of the Russian Grammar School in Prague. In 1945, after the Red Army liberated Prague, P. Savitskii, like many other emigrants, was arrested by Soviet counterintelligence and taken to the USSR, where he was sentenced to 10 years in a labour camp. After his release, he returned to Czechoslovakia, but in 1961 was convicted in Czechoslovakia for his collection of patriotic poems published in Paris under the pseudonym of P. Vostkov (including verses written in the Soviet camp). In 1962, thanks to the intervention of influential Western intellectuals (e. g. B. Russell), he obtained early release. On 13 April 1968 he died in Prague (being buried in the Orthodox part of Olšany cemetery).

Circle Eurasia – Continent Ocean

Eurasia was metaphorically conceived of as a vast continent – ocean [9], unified both from the geographic and cultural-historical point of view. For the sake of simplification, it can be said that Eurasia was understood as a space in principle corresponding to the area of the Russian Empire, or of the Soviet Union³. Eurasia was seen as a specific unified cultural zone, based on the interconnection of Eastern Slavic civilisations with Turkic-Tartar and Finno-Ugric peoples. At the same time, it was stressed that the Russian nation did not have any purely Slavic features from the ethnographic point of view. It was a concept of unity among the Slavic and non-Slavic nations within Eurasia. Eurasia was seen as an economic, historical and culturally closed unit. The Russian culture was considered to be a very specific Eurasian culture which could not be counted either European or Asian [10]. The Eurasians considered

the period of Tartar oppression to have been beneficial for Russia (P. Savitskii used to say that without the Tartar language there would be no Russia). At the same time, it is paradoxical that the problem of Islam, a religion traditional for Russia, was poorly elaborated by the Eurasianists, since they considered it the epigone of Christianity.

Eurasian teaching in exile became widely popular, predominantly among young people, degenerating gradually from an attempt at forming a «global theory» into an ideological trend. Eurasianism, constituted by talented scientists, has never represented anything monolithic; it has incorporated many concepts, and the most radical ideological trends, which initially led to the withdrawal of N. Trubetskoy and then to its splitting, and to a left wing, fully loyal to the politics of the Soviet Union, emerging in France.

Further development of the idea

After World War II, the idea of Eurasia was promoted by G. Vernadsky⁴ in the USA, and L. Gumilev in the Soviet Union and afterwards Russia.

L. Gumilyov (1912–1992) was a Russian historian, geographer, ethnologist and orientalist. His parents

were the poets N. Gumilev and A. Akhmatova. In the first half of his life, L. Gumilev spent several years in Soviet labour camps.

At the time of the Soviet Union his theories were rejected, but at the time of M. Gorbachev's perestroika

³Bordered from the North by the tundra and from the south by the barrier of the mountains, this formation almost does not touch the «world ocean». Its enormous extent and natural wealth forces Eurasia to consider economic self-sufficiency and autonomy.

⁴G. Vernadsky [11] talks about historical cycles (the process of forming the state on the territory of Eurasia has undergone several cycles).

ka they began to be more talked about, but even then with reservations – L. Gumilev was criticised both for isolationist imperialism, which could give rise to Russian fascist ideology, and for the pseudoscientific character of his works. However, after both the USSR and the ideology of Marxism-Leninism collapsed, his ideas became widespread.

L. Gumilev [12] dealt with the vanished nation of Turkic Khazars; his main interest was the lost Khazar Empire (he wrote a book which calls «The discovery of the Khazar Empire»)⁵.

According to L. Gumilev [13], there is a certain degree of passion (passionarity) and vital force for each ethnic group that determines its activity and can be recorded. He entitled such groupings super-ethnicity, which can also be referred to as culture or civilisation. Each group goes through several predictable and determined stages of this power: birth, development, climax, inertia, decline, and transformation into memorial of the great past⁶.

L. Gumilev saw contemporary Europe at the threshold of decadence, or more precisely at the introduction of obscurity. By contrast, he perceived Arabic culture at the height of its passionarity, and anticipated its mighty aggressions. L. Gumilev regarded the Russians as a superethnos, kindred to the Turkic-Mongol peoples of the Eurasian steppes (so not an ethnic group of

Slavs in essence), whose greatest threat was the Catholic Western destructive influence which would take away from them their steppe identity⁷.

L. Gumilev's last publication was the book «From Rus to Russia» [14]. He did not understand Russia's history as a continuous development, but as two different processes: the first phase he connected with the Kievan Rus (this phase ended with its disintegration in the 12th century), the second phase began with Russia's ethnogenesis in the 13th century and continues to this day.

Within this theme, L. Gumilev noted wider, Asian and also European connections to Russia's development [15]. The more the author thought about Russian history, the more he arrived at the conclusion that the Russians were neither Europeans nor Asians. He himself liked to repeat that we are different; we walk along our own paths, so it has always been in our history.

A French scientist M. Laruelle engaged in the rigorous research of Eurasianism and the legacy of L. Gumilev, takes the position that he, despite all clichés, cannot be considered an adherent of Eurasianism in a strict sense for many reasons, but mainly because his discourse is not reduced to proving the existence and unity of the Eurasian community; his vision of the world and history is social and biological, characteristic of ethnic trends in Soviet science [16].

Neo-Eurasianism and A. Dugin

Neo-Eurasianism acquired urgency after the collapse of the USSR. Its leading contemporary representative is A. Dugin. He is an author whose geopolitics gained a significant response at home and also abroad and it is the framework for his Eurasian theory, which shows how some Russians are contemplating Russia and Europe today. Western commentators often say that his concept of Eurasianism corresponds to moods which yearn for the revival of Russian imperial policy. A. Dugin criticises the West for not understanding Russia, and rejects the universalistic claims of the Western system of values. Russia, in his view, must look for its own way of development.

A. Dugin's concept of geopolitics is based on his 4PT concept, which assumes the multipolar space differentiation of the global power arena into zones [18]. These are the Euro-African zone, the Asia Pacific zone, the Anglo-American zone and finally the Eurasian continental zone.

4PT (The fourth political theory) is A. Dugin's multipolar world theory. Each of the four geopolitical zones is sub-divided into the following parts:

1) the Euro-African zone comprises of three great spaces: the European Union, Islamic-Arab Africa and sub-tropical Africa;

2) the Asian-Pacific belt includes Japan, the countries of South-Eastern Asia and China;

3) the Anglo-American belt includes America as a continent (further divided into three large spaces: North, Central and South America), Australia, New Zealand, and the Pacific area;

4) the Eurasian continental belt contains four large spaces: Russia and the Commonwealth of Independent States (CIS) and continental Islamic countries.

This type of geopolitical organisation is designed to minimise the threat of global conflict, large-scale wars, and extreme forms of confrontation.

In his geopolitical theory, A. Dugin puts emphasis on bipolarity, formed on the one hand by the Eurasian continental powers, inclining to an autocratic system of government, and on the other hand the Atlantic powers (the United States, Great Britain) with their liberal democratic systems. Their coexistence brings increasing problems.

⁵At present, the main centre of L. Gumilev's studies is Kazakhstan, whose ex-president Nursultan Nazarbayev is an admirer. He decided to name the university in the newly-built Astana city after him (L. N. Gumilyov Eurasian National University).

⁶This view recalls O. A. G. Spengler and A. J. Toynbee.

⁷This has also led him to support the Tatar and Kazakh national movements (hence his influence in Kazakhstan and his attractiveness for N. Nazarbayev).

A. Dugin understands Eurasianism as an alternative to advancing globalisation, through which the Atlantic powers enforce their model of operation. Russia should therefore restore its positions of great power and take the leading role in Eurasia. Russia should be a politically centralised state, but one that enables cultural pluralism so that different peoples, cultures and religions can coexist.

In the future, A. Dugin predicts a conflict within the Euro-Atlantic Alliance, its subsequent splitting, and the rapprochement of Germany with Russia⁸. It is a sort of idea about the future unification of the continental

Europe with Russia into common Eurasian space, to defend the traditional values of European nations against the disruptive world-ruling and multicultural attacks of Euro-Atlantic globalists.

Neo-Eurasianists led by A. Dugin cannot be considered successors to traditions of classical Eurasianism; however, they are related by the ideological desire to enter state power in order to influence it. Just as the emigrants were taken with the idea of expanding into the soviet elite in order to form an internal liberation movement, neo-Eurasianists strive to get closer to the political elite of Russia or Kazakhstan [20].

Western concept of Eurasia

Besides the Russian concept of Eurasia, today there is also a Western conception of this theme, of which a leading light is British anthropologist Ch. Hann. He is a founding director of the Max Planck Institute for Social Anthropology in Halle (Saale). He constructed his concept on the social anthropology of his teacher, J. Goody. Another stimulus was K. Polanyi's economic ideas.

J. Goody based the idea of Eurasia on arguments arising from the differences between Africa and the Euro-Asian culture. K. Polanyi inspired Ch. Hann primarily through his thoughts on the integrative function of economic processes taking place in the Euro-Asian space.

In addition to these two names, Ch. Hann [21, p. 3] also refers to other researchers, such as historian W. H. McNeill [22] (who in this context used the term «supercontinent»), M. Hodgson [23], representative of Islamic studies (who even talked about Afro-Eurasia) and historical sociologist J. P. Arnason (in whose work we find the phrase Eurasian macroregion) [24].

Ch. Hann understands Eurasia in a wider sense than Russian authors. For him, from the geographic point of view, it represents the whole of Europe and Asia

[21, p. 1–10]. His starting point is not geography, but social anthropology. Ch. Hann's ambition is to formulate a Eurasian concept useful for anthropological research. His argumentation therefore focuses on three problem areas:

1) Ch. Hann understands Eurasia as a whole, with a certain common history stretching from the end of the Bronze Age to the present (meaning a history lasting generally about three millennia);

2) it is a whole, which today is shaped by ongoing historical (the transition from communism to capitalism) and globalisation processes;

3) Ch. Hann understands Eurasia as a concept that can give anthropology fresh stimuli for anthropological research as it leaves the Euro-centric position, on which Europe is built in relation to the rest of the world. Ch. Hann himself tries to develop such research on an anthropological basis [22, p. 1–10].

Alongside this, Ch. Hann typically disassociates himself very much from the concept of Eurasia, which was born in the world of Russian emigration and which is now being developed in background in Russia by A. Dugin and his followers.

Discussion on Ch. Hann's concept of Eurasia

In 2016, in the pages of the first issue of the journal «Current Anthropology» a fairly extensive discussion took place about Ch. Hann's attempt to establish the concept of Eurasia in the context of socio-anthropological research [25, p. 10–27]. Opinions on this attempt varied widely. While for some, this concept is a useful tool that helps to better understand the pro-

cesses that are taking place in this area (especially in the post-communist countries) for others its introduction is problematic, not only because it concerns an internally highly differentiated complex, but also because it does not correspond to the approaches and scales through which anthropological research is currently carried out.

Conclusion. Professional concept or chimera?

In conclusion, one should ask what professional status can be attributed to the concept of Eurasia in the context of the two mentioned approaches: the Russian or the Western one. We admit that we do not have a clear, unambiguous answer to this question.

We believe that the Russian concept is more developed, sophisticated and coherent. However, this does not mean that one can straightforwardly go along with its conclusions. Among the more provocative elements are:

⁸In A. Dugin's vision there is no place for the Central European countries. Some of them would be connected to Germany and the rest to Russia [19].

1) the speculative and, in principle, undemocratic visions of the political system most appropriate for the given territory;

2) specific controversial ideas about the future geopolitical organisation of the world.

The Western approach to the subject of Eurasia may be less developed and elaborate than the Russian one, but its concept of Eurasia is not linked to such provocative and problematic theses. On the other hand,

it is a concept so widely understood that it is difficult to imagine what its contribution could be to current anthropological research, in whatever framework it is expressed. Much may be suggested by findings from the field research currently underway by Ch. Hann and his working team at various locations of the Eurasian space, but for now doubts remain about the explanatory potential of the Eurasian concept of social anthropology.

Библиографические ссылки

1. Алексеев НН. *На путях к будущей России: (Советский строй и его политические возможности)*. Париж: Евразийское книгоиздательство; 1927. 80 с.
2. Савицкий ПН, Сувчинский ПП, Трубецкой НС, Флоровский ТВ. *Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев*. София: [б. и.]; 1921. 125 с.
3. Трубецкой НС. *Европа и Человечество*. София: [б. и.]; 1920. 113 с.
4. Савицкий ПН. Европа и Евразия (по поводу брошюры Н. С. Трубецкого «Европа и Человечество»). *Русская мысль*. 1920;1–2:120–138.
5. Алексеев НН. *Куда идти? К вопросу о новой советской Конституции*. Берлин: [б. и.]; 1936. 98 с.
6. Трубецкой НС. *О государственном строе и форме правления. История. Культура. Язык*. Москва: Прогресс; 1995. 799 с.
7. Глебов С. *Евразийство между империей и модерном. История в документах*. Москва: Новое издательство; 2010. 632 с.
8. Savický I. *Osudová setkání. Češi v Rusku a Rusové v Čechách 1914–1938*. Praha: Academia; 1999. 464 s.
9. Савицкий ПН. *Континент – океан (Россия и мировой рынок). Континент Евразия*. Москва: Аграф; 1997. 464 с.
10. Исаев ИА, редактор. *Евразийство. Опыт систематического изложения. Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России*. Москва: Русская книга; 1992. 429 с.
11. Вернадский ГВ. *Начертание русской истории. Часть 1*. Прага: Евразийское книгоиздательство; 1927. 264 с.
12. Гумилев ЛН. *Открытие Хазарии*. Москва: Айрис-Пресс; 2004. 200 с.
13. Гумилев ЛН. *Этногенез и биосфера Земли*. Санкт-Петербург: Кристалл; 2001. 400 с.
14. Гумилев ЛН. *От Руси до России: очерки этнической истории*. Москва: Айрис-Пресс; 2015. 576 с.
15. Гумилев ЛН. *Древняя Русь и Великая степь*. Москва: Астрель; 2012. 839 с.
16. Ларюэль М. Когда присваивается интеллектуальная собственность, или О противоположности Л. Н. Гумилева и П. Н. Савицкого. *Вестник Евразии*. 2001;4:5–19.
17. Дугин АГ. *Геополитика постмодерна*. Санкт-Петербург: Амфора; 2007. 382 с.
18. Dugin A. *The fourth political theory*. Berwich-Upon-Tweed: Arktos; 2012. 214 p.
19. Дугин АГ. *Евразийский реванш России*. Москва: Алгоритм; 2014. 256 с.
20. Ларюэль М. (Нео)евразийцы и политика: «вхождение» в госструктуры и безразличие к общественному мнению? *Вестник Евразии*. 2006;1:30–43.
21. Hahn Ch. A concept of Eurasia. *Current Anthropology*. 2016;1(57):1–10.
22. McNeill WH. *The rise of the West*. Chicago: University of Chicago Press; 1963. 880 p.
23. Hodgson MGS. *The venture of Islam*. Chicago: University of Chicago Press; 1974. 469 p.
24. Arnason JP. State formation and empire building 500–1500. In: Kedar BZ, Wiesner-Hanks ME, editors. *The Cambridge World History. Volume 5. Expanding webs of exchange and conflict, 500 CE – 1500 CE*. Cambridge: Cambridge University Press; 2015. p. 483–512.
25. Hann Ch. Comments. *Current Anthropology*. 2016;1(57):10–27.

References

1. Alekseev NN. *Na putyakh k budushchei Rossii: (Sovetskii stroi i ego politicheskie vozmozhnosti)* [On the way to future Russia: (Soviet system and its political capabilities)]. Paris: Evrazijskoe knigoizdatel'stvo; 1927. 80 p. Russian.
2. Savitskii PN, Suvchinskii PP, Trubetskoy NS, Florovskii GV. *Iskhod k Vostoku. Predchuvstviya i sversheniya. Utverzhdenie evraziitsev* [Exodus to the East. Premonitions and accomplishments. The affirmation of the Eurasians]. Sofia: [s. n.]; 1921. 125 p. Russian.
3. Trubetskoy NS. *Evropa i Chelovechestvo* [Europe and Humanity]. Sofia: [s. n.]; 1920. 113 p. Russian.
4. Savitskii PN. [Europe and Eurasia (regarding the brochure of N. S. Trubetskoy «Europe and Humanity»)]. *Russkaya mysl'*. 1920;1–2:120–138. Russian.
5. Alekseev NN. *Kuda idti? K voprosu o novoi sovetskoi Konstitutsii* [Where to go? To the question of the new Soviet Constitution]. Berlin: [s. n.]; 1936. 98 p. Russian.
6. Trubetskoy NS. *O gosudarstvennom stroe i forme pravleniya. Istoriya. Kul'tura. Yazyk* [On the state system and form of government. History. Culture. Language]. Moscow: Progress; 1995. 799 p. Russian.
7. Glebov S. *Evraziistvo mezhdru imperiei i modernom. Istoriya v dokumentakh* [Eurasianism between the empire and modernity. A history in documents]. Moscow: Novoe izdatel'stvo; 2010. 632 p. Russian.
8. Savický I. *Osudová setkání. Češi v Rusku a Rusové v Čechách 1914–1938*. Prague: Academia; 1999. 464 p.

9. Savitskii PN. *Kontinent – okean (Rossiya i mirovoi rynok). Kontinent Evraziya* [Continent – ocean (Russia and the world market). Continent Eurasia]. Moscow: Agraf; 1997. 464 p. Russian.
10. Isaev IA, editor. *Evrasiistvo. Opyt sistematicheskogo izlozheniya. Puti Evrazii. Russkaya intelligentsiya i sud'by Rossii* [Eurasianism. The experience of systematic exposition. Ways of Eurasia. Russian intelligencia and the fate of Russia]. Moscow: Russkaya kniga; 1992. 429 p. Russian.
11. Vernadsky GV. *Nachertanie russkoi istorii. Chast' 1* [The inscription of Russian history. Part 1]. Prague: Evraziiskoe knigoizdatel'stvo; 1927. 264 p. Russian.
12. Gumilev LN. *Otkrytie Khazarii* [Discovery of the Khazars]. Moscow: Iris Press; 2004. 200 p. Russian.
13. Gumilev LN. *Etnogenez i biosfera Zemli* [Ethnogenesis and the biosphere of the Earth]. Saint Petersburg: Crystal; 2001. 400 p. Russian.
14. Gumilev LN. *Ot Rusi do Rossii: ocherki etnicheskoi istorii* [From Rus to Russia: Essays on ethnic history]. Moscow: Iris Press; 2015. 576 p. Russian.
15. Gumilev LN. *Drevnyaya Rus' i Velikaya step'* [Ancient Russia and the Great steppe]. Moscow: Astrel'; 2012. 839 p. Russian.
16. Laruelle M. [When intellectual property is appropriated, or On the opposite of L. N. Gumilev and P. N. Savitskii]. *Vestnik Evrazii*. 2001;4:5–19. Russian.
17. Dugin AG. *Geopolitika postmoderna* [Post-modern geopolitics]. Saint Petersburg: Amphora; 2007. 382 p. Russian.
18. Dugin A. *The fourth political theory*. Berwich-Upon-Tweed: Arktos; 2012. 214 p.
19. Dugin AG. *Evrasiiskii revansh Rossii* [Russia's Eurasian revenge]. Moscow: Algorithm; 2014. 256 p. Russian.
20. Laruelle M. [(Neo)Eurasians and politics: «entering» into government agencies and indifference to public opinion?]. *Vestnik Evrazii*. 2006;1:30–43. Russian.
21. Hahn Ch. A concept of Eurasia. *Current Anthropology*. 2016;1(57):1–10.
22. McNeill WH. *The rise of the West*. Chicago: University of Chicago Press; 1963. 880 p.
23. Hodgson MGS. *The venture of Islam*. Chicago: University of Chicago Press; 1974. 469 p.
24. Arnason JP. State formation and empire building 500–1500. In: Kedar BZ, Wiesner-Hanks ME, editors. *The Cambridge World History. Volume 5. Expanding webs of exchange and conflict, 500 CE – 1500 CE*. Cambridge: Cambridge University Press; 2015. p. 483–512.
25. Hann Ch. Comments. *Current Anthropology*. 2016;1(57):10–27.

Received by editorial board 16.05.2020.

УДК 101.1.316

РАЦИОНАЛЬНЫЕ ИДЕИ ПРОЕКТА НОВОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ И КОНТУРЫ ДОСТИЖЕНИЯ БЕЗОПАСНОГО БУДУЩЕГО

П. А. ВОДОПЬЯНОВ¹⁾, И. Н. СИДОРЕНКО²⁾

¹⁾Белорусский государственный технологический университет,
ул. Свердлова, 13А, 220006, г. Минск, Беларусь

²⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Общество потребления превратило разум в утилитарное средство насилия над природой. Выявляются основные риски и опасности этой категории, преодолеть которые можно при переходе к новому Просвещению, базирующемуся на реализации стратегии достаточного развития и формирования ноосферного мировоззрения. Обосновывается идея о том, что преодоление экологических затруднений во взаимодействии человека и природы сугубо техническими средствами является лишь одним из обязательных требований достижения стабильного будущего. Раскрывается сущность нового Просвещения как необходимого условия гармоничных взаимоотношений общества и природы, осуществить которые можно за счет стратегии достаточного развития; реализации оптимальной экологической политики, направленной на преодоление кризисных явлений; соединения действий по поступательно-прогрессивному развитию и обеспечению безопасности в одну систему.

Ключевые слова: природа; общество потребления; деструкция; насилие; разум; новое Просвещение; стратегия достаточного развития; ноосферное мировоззрение; экологическая политика.

Образец цитирования:

Водопьянов ПА, Сидоренко ИН. Рациональные идеи проекта нового Просвещения и контуры достижения безопасного будущего. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2020;3:49–54.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-3-49-54>

For citation:

Vodopiyanov PA, Sidorenko IN. Rational ideas of new Enlightenment project and the contours of achieving a safe future. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2020;3:49–54. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-3-49-54>

Авторы:

Павел Александрович Водопьянов – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор философских наук, профессор; профессор кафедры философии и права факультета технологии органических веществ.

Ирина Николаевна Сидоренко – доктор философских наук, доцент; профессор кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук.

Authors:

Pavel A. Vodopiyanov, corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (philosophy), full professor; professor at the department of philosophy and law, faculty of organic substances technology.

pva1940@bk.ru

Irina N. Sidorenko, doctor of science (philosophy), docent; professor at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences.

iri_na2000@rambler.ru

RATIONAL IDEAS OF NEW ENLIGHTENMENT PROJECT AND THE CONTOURS OF ACHIEVING A SAFE FUTURE

P. A. VODOPIYANOV^a, I. N. SIDORENKO^b

^aBelarusian State Technological University, 13A Sviardlova Street, Minsk 220006, Belarus

^bBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: I. N. Sidorenko (iri_na2000@rambler.ru)

The authors of this article reveal the main risks and dangers of a consumer society that has turned reason into a utilitarian means of violence against nature, which can be overcome on the way to the new Enlightenment based on the implementation of the strategy of sufficient development and the formation of a noospheric worldview. Substantiates the idea that to overcome the ecological difficulties in the relationship between man and nature purely technical means is just one of the necessary conditions for achieving a sustainable future the essence of the new Enlightenment as a prerequisite for the harmonization of relations between society and nature through the implementation of adequate strategy of development and implementation of an optimal environmental policy in overcoming the crisis and combining actions for progressive development and security into a single system.

Keywords: nature; consumer society; destruction; violence; reason; new Enlightenment; sufficient development strategy; noospheric worldview; environmental policy.

Введение

В условиях обострения всемирных проблем современности, когда перед человечеством нависла угроза его ближайшему развитию, крайне важно правильно выбрать такие стратегические направления, которые ориентированы на достижение безопасного будущего. Вектор развития, основанный на потребительской идеологии, оказался деструктивным, поскольку не соответствовал природным законам эволюции биосферы. В результате выбранный путь привел к непредсказуемым последствиям. Об этом свидетельствуют проявления глобального экологического кризиса: нарастающее загрязнение окружающей среды, истощение природных ресурсов, недостаток жизненного пространства, проблемы голода и, что

самое опасное, появление заболеваний пандемического характера, охвативших в настоящее время практически все страны мирового сообщества. Те колоссальные достижения, с помощью которых повысился уровень жизни, увеличилась ее средняя продолжительность, исчезли многие заболевания, начали успешно развиваться различные сферы жизни общества, были созданы современные технологии, расширились средства коммуникаций и перемещений, в целом горизонты мира, не должны заслонять того бесспорного факта, что все это привело к деградации природы, снижению качества окружающей среды и ныне представляет реальную угрозу существованию человека.

Основная часть

Без преувеличения можно сказать, что и в начале XXI в. доминирующей является установка на радикальное преобразование реальности. Более того, уверенность многих политических лидеров в правоте своих воззрений и верований повышает риск насильственного навязывания этих взглядов вопреки требованиям природных законов. Парадокс современной ситуации заключается в том, что обратной стороной такого преобразующего процесса является лишь видимость действия и нивелирование ответственности.

Именно по этой причине в нынешних условиях первоочередной задачей будет поиск новых путей социально-экономического развития, направленных на преодоление господствующего антропоцентристского отношения к природе на основе его согласования с законами эволюции биосферы. Таким

образом, потребуются утверждение новых нравственных принципов, человеческих качеств, гуманизма, формирование которых возможно с ориентацией на новое Просвещение или ноосферное мировоззрение.

Так, представители франкфуртской школы неомарксизма Т. Адорно и М. Хоркхаймер в работе «Диалектика Просвещения. Философские фрагменты» [1] поставили вопрос о возможности исторического и научно-технического прогресса и акцентировали внимание на проблеме Просвещения как «перевертыше» определенной установки сознания, т. е. когда нацеленность на полное познание оборачивается сверхрационализацией и безумием. Ученые придали Просвещению негативный смысл: раскрыли деструктивность прогресса и критиковали приоритет разума в решении проблем общества.

Просвещение рассматривалось ими как диалектический процесс – от созидательной силы до господства человека над природой и другими индивидами. Диалектика Просвещения, с их точки зрения, заключается в том, что возвышенные и разумные начинания заканчиваются кровавым XX веком. В начале XXI в. можно отметить как радикализацию этого процесса (от кровавых войн XX в. до современного глобального кризиса человечества), так и осознание необходимости преодоления «перевертыша» Просвещения в его новой проекции ноосферного мировоззрения.

Идеи и выводы о разрушительном влиянии науки на природу, обозначенные представителями негативной диалектики Просвещения, обладают методологическим потенциалом для описания и объяснения причин укоренения глобальных кризисов современности, поскольку в них отражены основные социальные деструкции и эскалации различных форм насилия. К ним можно отнести следующие:

1. Взаимодействие человека с природой в процессе исторического развития оказалось деструктивным, поскольку в качестве источника насилия как социального явления выступило господствующее отношение человека к подавляемой природе. В связи с этим выделение человека из природы и противопоставление ей стали поворотным пунктом в истории и определили ее дальнейшее развитие: цивилизация пошла по деструктивному пути. Отношение человека к природе из непосредственного превратилось в насильственную установку, цель которой заключается в утилитарной пользе. В итоге «путь разума» стал средством построения властных отношений между человеком и природой. Однако господство над ней обернулось против мыслящего субъекта, приводя к его низведению до уровня ничтожности [1].

2. Подчеркивается инстинкт агрессии и практически полное отсутствие сдерживающего ее механизма у человека как биологического вида. Акцент с межклассового конфликта на репрессивное отношение человека к природе сместили Т. Адорно и М. Хоркхаймер, отметив, что развитие человека осуществляется через подавление и разрушение. Реализуя утилитарную полезность, разум становится техническим, т. е. превращается в универсальный инструмент для осуществления господства над природой. Человек также начинает представлять собой нечто инструментальное, чисто функциональное, а значит, и легко заменимое. Таким образом, признав властные отношения определяющим фактором взаимодействия природы и человека, сам он не мог не стать и объектом насильственного подавления.

3. Человек перестает воспринимать деструкцию как негативное явление. Происходит овеществление мышления, и Просвещение становится обра-

зом, регрессируя в мифологию [1, с. 168]. Разделение на субъект и объект, на того, кто подавляет, и того, что подавляется, не могло не привести к отчуждению господствующего субъекта от объекта подчинения. Природа лишается своего подлинного многообразия, нивелируется как объект, тем самым предоставляя возможность утвердить в себе всеобщую повторяемость, подчиняющуюся принципу «все предрешено» [2, с. 318].

Т. Адорно и М. Хоркхаймер определили природу насилия как амбивалентную. С одной стороны, в самой природе человека укоренена деструктивность, с другой стороны, эта деструктивность может иметь и созидательный характер, так как человек одарен творческой силой. Соответственно, насилие и деструктивность выступают неотъемлемыми составляющими самосохранения и развития как человека, так и общества в целом. В силу этого насилие предстает как своеобразный способ отношения человека к миру, выражающийся в его «расколдовании», схематизации и упрощении. В итоге человек оказывается в понятном, просчитываемом мире, который, однако, утрачивает свою целостность, обесмысливается, превращается в объект потребления и переработки. Человек, будучи частью данного мира, также вовлечен в этот процесс овеществления. Человеческая установка на сверхрациональность, стремление все унифицировать и держать под контролем оборачиваются безумием. В результате происходит формализация отношений, утрачивается смысл жизни и начинает торжествовать насилие. Именно насилие над природой обернулось социальной деструкцией. Таким образом, общество стало «инстанцией насилия» [1, с. 208], которое продуцирует все новые формы подавления, прикрываясь нормативностью и легитимностью власти. Такое самосокрытие также предстает как следствие деструкции. Проект Просвещения, согласно оценке представителей франкфуртской школы, есть насильственное «насаждение» разума, поэтому нет ничего удивительного в том, что подавление начинает рассматриваться как необходимая позитивная основа жизни общества. Покрывалом, скрывающим эту тираническую основу, выступает социальная иерархия и «эстетизация насилия» [1, с. 209].

Что же касается безумия как предельной рационализации, то оно порождается из потребительского отношения к миру, из отсутствия способности к творчеству и стремления к разрушению. Безумие проявляется в утрате целостности мира, т. е. ценным становится только то, что обладает утилитарной полезностью. Человек хочет упростить мир, тем самым превращая его в некую удобную для использования схему. Рационализация социального бытия человека через потребление, приобретая характер безумия, приводит к эскалации насилия

в обществе, что еще больше углубляет отчужденность человека от природы и его тягу к саморазрушению. Следовательно, деструктивность насилия – это потребительское использование разума в целях подавления и господства. Так, предельная рациональность проекта Просвещения оборачивается безумием, а развитие западной цивилизации напрямую связывается с деструктивным отношением человека как к природе, так и к самому себе [2].

Одним из примеров насилия как самодеструкции явились идея самоотречения, мотив жертвы. Представители франкфуртской школы через анализ сущности жертвоприношения обосновали необходимость самодеструкции для осуществления проекта Просвещения. Рациональный способ отношения к миру оказывается тождествен жертвоприношению: как жрец, так и человек (общество в целом) стремятся воздействовать на природу, получить от нее определенные блага в обмен на жертву. Таким образом, жертвоприношение содержит в себе рациональный компонент – выгодный обмен. Специфика проекта Просвещения – это установка на расширенное использование рационального обмена как схемы жертвоприношения, проекция на отношения общества, природы и человека. Жертвой в этом выгодном обмене оказывается сначала природа, а потом и сам человек, превращаясь в процессе индустриализации и урбанизации в утилитарную вещь, средство. Соответственно, деформация взаимоотношений техногенной цивилизации и природы приводит к разрыву между природой и человеком, к их отчуждению, превращая обмен в обман, вследствие которого человек продолжает обманываться сам. «Неэквивалентность обмена выражается в том, что отношения человека и природы строятся на обмане. Недаром Т. Адорно и М. Хоркхаймер избрали в качестве примера образ хитреца-обманщика Одиссея, чей обман – рациональное сопротивление, которое позволяет человеку избежать участи быть обреченным. Одиссей, просчитывая свою возможную участь, нивелирует силу, которая направлена против него, и через обман возвышается до уровня самосознания, используя обман как оружие разума» [2, с. 320]. В техногенной цивилизации хитрость Одиссея оборачивается против него: в ловушку попадает сам человек, стремящийся обмануть природу. Именно поэтому Т. Адорно и М. Хоркхаймер определили историю современной цивилизации как «историю интроверсии» [1, с. 75], т. е. возникновения жертвы, вставшей на путь самоотречения, самообмана и растворившейся в массе.

Итак, ученые франкфуртской школы предвосхитили и наметили многие проблемы, порождаемые обществом потребления, и раскрыли опасность сверхрационализации в технократическом мире.

Негативные последствия достижений науки и техники являются свидетельством того, что именно человек может дойти до массового самоубийства и заодно уничтожить и все иные формы жизни.

Ввиду этой реальной опасности крайне важно учитывать основные глобальные риски, представляющие угрозу для нормальной жизнедеятельности людей, и разрабатывать меры по их устранению. Помимо опасности ядерной катастрофы, к такого рода рискам относятся всевозрастающее загрязнение окружающей среды, приводящее к изменению климатических условий; недостаток невозобновимых и возобновимых природных ресурсов; ограничения, связанные с недостатком энергии, продовольствия, воды, и многое другое.

Для ряда стран третьего мира особую опасность представляет нехватка воды и продуктов питания, лекарственных препаратов, денег и других важных источников, необходимых для нормальной жизнедеятельности людей. Более того, дефицит основных средств приводит к возникновению конфликтов и военных действий между различными странами, а всевозрастающий спрос на ресурсы вызывает опасность появления все новых глобальных проблем.

В современном мире особое значение имеют два вида рисков: неравенство между бедными и богатыми и неэффективность управления процессами всеобщего экономического развития. По имеющимся данным, в настоящее время 1 млн человек обладает богатством, которое должно принадлежать половине всех жителей планеты. Глобальный финансово-экономический кризис, начавшийся в 2008 г., имеет не структурный, а системный характер и связан с тем, что многие страны мирового сообщества не могут устранить существующие угрозы рисков, управлять которыми экономически развитые страны смогли только на достаточно низком уровне. Экономический упадок может нарушить глобальную стабильность и ухудшить развитие уже в ближайшем будущем. Такого рода опасность, как полагают многие эксперты, в скором времени может оказаться вполне реальной. Экономические риски, как следствие дисбалансов макроэкономики, негативных явлений в бюджетно-налоговой сфере, слабых финансовых рынков, выражают совокупность фактов, приводящих к отрицательным последствиям в финансовой области [3]. Кроме этого, постарение населения в экономически развитых странах создает особую напряженность в финансовой среде, а возрастание роли теневой экономики (организованная преступность, незаконная торговля, коррупция и т. д.) усиливает риски криминального порядка.

Увеличение численности населения сопровождается ростом насилия в обществе, что выливается в народный массовый протест против властных структур и государственных порядков в целом [4].

Более того, эти опасные тенденции порождают безудержное стяжательство, упование властью, агрессивность отдельных политических деятелей, пренебрегающих гуманистическими ценностями, и приводят к развязыванию военных конфликтов, на предотвращение которых требуются бесконечные расходы. Эти, казалось бы, несвойственные человеческой природе саморазрушительные качества отражают отчуждение человека от самого себя и от общества в целом. В данном случае ближайшее будущее человечества зависит от того, сможет ли

оно справиться с опасностями, порожденными наукой и техникой.

В современных условиях особую угрозу представляют внутренний кризис самого человека, его стремление обеспечить свое благополучие за счет интенсивного и нерационального использования природных ресурсов. Приходится признать, что коллизии во взаимоотношениях человечества и природы порождены самим человеком, его стремлением безрассудно употреблять ее дары и максимально освободиться от ее зависимости.

Заключение

В настоящее время возникает острая необходимость в поиске новых путей социально-экономического развития, ориентированных на снижение индустриального давления на биосферу и обеспечение нормальной жизнедеятельности людей. Следует модернизировать производства, вписывающиеся в структуру биохимических циклов биосферы. Такого рода ценностные тенденции намечают контуры стратегии достаточного развития, устремленной к жизни в безопасном будущем. Не вызывает сомнения и тот факт, что преодоление экологических затруднений во взаимодействии человека с природой сугубо техническими средствами – лишь одно из необходимых условий достижения стабильного будущего.

В современном неустойчивом мире приходится все больше тратить усилий и средств на обеспечение безопасности. Здесь «защитная» деятельность и развитие разделены и фактически противоречат друг другу, поскольку каждая из сфер для своего расширения и реализации отбирает ресурсы у другой (так своеобразно проявляется закон сохранения энергии в социальной деятельности). Стратегия дальнейшей неизменной эволюции глобальных процессов предполагает соединение действий по поступательно-прогрессивному развитию и обеспечению безопасности в единую систему, в которой эффект достигается в основном через этот тип развития и частично через защиту. Здесь реализуются более сильная взаимосвязь устойчивого развития и обеспечения глобальной безопасности, ее более равномерное «распределение» по всем направлениям планетарной социальной и социоприродной активности [3].

Вопросы безопасности в современной модели существования и неустойчивого развития человечества выходят на первое место и становятся основными, оттесняя проблему развития. Однако

в будущей модели устойчивого развития безопасность все больше станет обеспечиваться главным образом не благодаря защите, а преимущественно через развитие (самоподдерживающееся и сбалансированное, т. е. устойчивое), которое не будет порождать и существенно умножать опасности, угрозы, негативные последствия и т. п. Соответственно, очень важно расширить предметное поле исследования проблемы глобальной стабильности, совершенствовать концепцию устойчивого развития, сделать ее многовекторной, системно-целостной и тем самым адекватной, способной к более эффективной реализации с помощью формирующихся технологий социально-экономической и гуманитарно-ноосферной направленности.

Таким образом, особое значение в преодолении кризисных явлений имеет разработка оптимальной экологической политики, базирующейся на утверждении новых мировоззренческих ориентаций во взаимодействии общества и природы, а также на реализации установки социума на достаточное развитие в условиях всемирной трансформации. Безопасность общества и государства в глобализирующемся мире зависит от формирования современного (так называемого ноосферного) мировоззрения (нового Просвещения), системы новых гуманистических знаний и ценностей, благодаря которым открывается возможность формулировать продуктивные ответы на вызовы и риски глобализации, антропологического и экологического кризисов, трансформации и эскалации насилия. Речь идет о формировании установок нового экологически ориентированного мышления, основанного на принципах совместного сбалансированного взаимодействия человека, общества и природы и выбора стратегии достаточного развития в социально-экономическом аспекте, учитывающем потребность в сохранении окружающей среды и изменения человеческих качеств.

Библиографические ссылки

1. Хоркхаймер М, Адорно Т. *Диалектика Просвещения. Философские фрагменты*. Кузнецов М, переводчик. Москва: Медиум; 1997. 312 с. Совместно с издательством «Ювента».
2. Сидоренко ИН. Франкфуртская школа о социальном насилии как деструкции. В: Демчук МИ, редактор. *Философско-гуманитарные науки. Выпуск 16*. Минск: Республиканский институт высшей школы; 2017. с. 316–323.

3. Водопьянов ПА, Крисаченко ВС. *Стратегия бытия человечества: от апокалиптики к ноосферному веку*. Минск: Беларуская навука; 2018. 305 с.
4. Бодрийяр Жан. Общество потребления. Его мифы и структуры [Интернет]. 2008 [процитировано 20 марта 2020 г.]. Доступно по: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/3464>.

References

1. Horkheimer M, Adorno TW. *Dialektik der Aufklärung. Philosophische Fragmente*. Frankfurt am Main: Fischer; 1969. 275 p. Russian edition: Horkheimer M, Adorno T. *Dialektika Prosveshcheniya. Filosofskie fragmenty*. Kuznetsov M, translator. Moscow: Medium; 1997. 312 p. Co-published by the «Yuventa».
2. Sidorenko IN. [Frankfurt school of social violence as destruction]. In: Demchuk MI, editor. *Filosofsko-gumanitarnye nauki. Vypusk 16* [Philosophy and humanities. Issue 16]. Minsk: National Institute of Higher Education; 2017. p. 316–323. Russian.
3. Vodopiyarov PA, Krisachenko VC. *Strategiya bytiya chelovechestva: ot apokaliptiki k noosfernomu veku* [Humanity's strategy of being: from apocalyptic to noospheric age]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2018. 305 p. Russian.
4. Baudrillard Jean. *La société de consommation. Ses mythes et ses structures* [Internet]. 2008 [cited 2020 March 20]. Available from: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/3464>. Russian.

Статья поступила в редколлегию 15.06.2020.
Received by editorial board 15.06.2020.

ТЕРМИНОЛОГИЯ МАТЕРИАЛОВ О НОВЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ДВИЖЕНИЯХ В ПЕЧАТНЫХ СМИ

В. А. МАРТИНОВИЧ¹⁾

¹⁾Минская духовная академия, ул. Зыбицкая, 27, 220030, г. Минск, Беларусь

Анализируются результаты исследования терминологии статей о новых религиозных движениях в печатных СМИ Республики Беларусь 1988–2015 гг. В выборочную совокупность вошла 631 статья, где было выявлено 76 разных спецтерминов, используемых прессой для именования организованных форм нетрадиционной религиозности. Показано, что практически все, в том числе изначально нейтральные, термины достаточно быстро после попадания в прессу приобретают негативные коннотации. Негативно нагруженные термины могут использоваться даже в нейтральных статьях о новых религиозных движениях. При этом терминология в целом оказалась второстепенным компонентом в процессе освещения проблематики нетрадиционной религиозности. В значительной группе статей (48,5 %) какие-либо специальные термины отсутствуют вообще. Печатные СМИ критикуют новые религиозные движения и идентифицируют религиозные сообщества как с использованием специальных терминов, так и без них. Дискурс печатных СМИ отличается наименьшей среди всех институтов общества чувствительностью к простейшим смысловым оттенкам и различиям между спецтерминами. Выявлена степень распространенности и частотности употребления в прессе всех найденных спецтерминов.

Ключевые слова: новые религиозные движения; печатные средства массовой информации; терминология; нетрадиционная религиозность.

TERMINOLOGY OF MATERIALS ABOUT NEW RELIGIOUS MOVEMENTS IN PRINT MEDIA

V. A. MARTINOVICH^a

^aMinsk Theological Academy, 27 Zybickaja Street, Minsk 220030, Belarus

This article analyses the results of a study of the terminology of articles on new religious movements in the print media of the Republic of Belarus in 1988–2015. The sample included 631 press articles; 76 different special terms were used by the press to name organised forms of unconventional religiosity. It is shown that practically all, including initially neutral terms, acquire negative connotations rather quickly after getting into the press. Negatively loaded terms can be used even in neutral articles on new religious movements. At the same time, terminology as a whole turned out to be a secondary component in the process of covering the problems of unconventional religiosity. In a significant group of articles (48.5 %), there are no special terms at all. Print media criticise new religious movements and identify religious communities, both with and without specific terms without any substantive difference. The discourse of the print media is distinguished by the least sensitivity to the simplest semantic shades and differences between special terms among all other institutions of society. The degree of prevalence and frequency of use in the press of all found special terms was revealed.

Keywords: new religious movements; printed massmedia; terminology; unconventional religiosity.

Образец цитирования:

Мартинovich ВА. Терминология материалов о новых религиозных движениях в печатных СМИ. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2020;3:55–63.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-3-55-63>

For citation:

Martinovich VA. Terminology of materials about new religious movements in print media. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2020;3:55–63. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-3-55-63>

Автор:

Владимир Александрович Мартинович – доктор теологии, кандидат социологических наук; заведующий кафедрой апологетики.

Author:

Vladimir A. Martinovich, doctor of science (theology), PhD (sociology); head of the department of apologetics.
nrmsect@yandex.ru

Введение

Проблема терминов, используемых печатными СМИ в отношении организованных форм нетрадиционной религиозности, или новых религиозных движений (НРД), привлекала внимание как западных, так и отечественных ученых, в частности Дж. Ричардсона [1], А. Шэффлера [2, S. 148–178], А. В. Пчелинцева [3, с. 224–230] и др. В подавляющем большинстве работ специальной терминологии прессы придается неоправданно большое значение, а сами труды ученых выстраиваются по трехчастной схеме: 1) выявление нескольких наиболее распространенных в прессе терминов, например «секта» и др.; 2) установление у найденных терминов негативных коннотаций; 3) замечание о недопустимости использования негативно эмоционально нагруженных терминов в материалах СМИ, так как это может привести к стигма-

тизации НРД и прочим отрицательным последствиям. Научная ценность этих трудов весьма сомнительна не потому, что их авторы неправы в своих выводах (напротив, выводы достаточно точны), а потому, что не исчерпывают эвристический потенциал данной темы и не замечают более серьезных и важных проблем и вопросов, с ней связанных. Без внимания исследователей остаются диапазон вариативности терминологии, ее характеристики, функции, место и роль в системе репортажей о НРД, распространенность, частотность, разность контекстов употребления спецтерминов и т. д. В настоящей статье предпринята попытка разрешения ряда обозначенных вопросов, но в целом она является введением в заявленную проблематику и не может претендовать на полноту их освещения.

Исследование терминологии

В выборку предшествующих исследований рекламы и идентификации НРД в белорусской прессе входили статьи из 76 печатных СМИ (28 республиканских, 14 областных, 11 районных и 23 городских) [4; 5]. В настоящем исследовании количество печатных СМИ, равно как и хронологические рамки (1988–2015), осталось прежним. Как и при изучении идентификации НРД, в выборку включались все материалы СМИ, посвященные анализу проблематики нетрадиционной религиозности. На стадии формирования выборочной совокупности специально не делалось никакой поправки на наличие либо отсутствие специфической терминологии в статьях. Учет публикаций без спецтерминологии был необходим для анализа места последней в материалах о нетрадиционной религиозности в целом. В результате к статьям из исследования идентификации НРД, проводившегося в 2017 г., была приобщена большая группа из 110 статей о НРД, найденных автором за прошедшие 3 года. Генеральная совокупность статей, посвященных НРД, неизвестна, а искомые материалы для выборки неравномерно распределены среди печатных СМИ разных типов. В силу этого отбор публикаций для анализа производился методом доступной выборки. В итоге в выборочную совокупность вошла 631 статья. Для исключения негативного влияния на выборку в нее не включа-

лись рекламные статьи НРД, а также материалы из религиозной прессы (например, «Церковное слово»), иностранных газет, имеющих официальные представительства в Беларуси («Аргументы и факты в Беларуси» и т. п.), специализированных анти-сектантских СМИ («Личность» и др.).

Анализ статей производился методом стандартизированного опроса текста, технология которого была разработана Центром социологических и политических исследований БГУ под руководством Д. Г. Ротмана [6]. Бланк опроса текста включал в себя несколько релевантных для данной статьи вопросов: 1) «Какая терминология используется в процессе идентификации религиозных групп в качестве НРД?»; 2) «Какая терминология используется для обозначения нетрадиционных религиозных сообществ?»; 3) «Как часто используются специальные термины в тексте?». Разделение первого и второго вопросов обосновано тем, что специальная терминология в статьях может присутствовать не только для идентификации конкретных групп, но и без всякой привязки к данному процессу, например в рамках общих рассуждений о феномене нетрадиционной религиозности в целом. Помимо этого, в исследовании учитывались тип СМИ, время и место издания, авторство материала, перечень идентифицируемых в статьях НРД с их типологическими характеристиками.

Диапазон вариативности спецтерминологии

В рамках других исследований автору удалось найти 403 специализированных термина, используемых для обозначения малых религиозных сообществ. Большинство из них были разработаны в качестве альтернативы термину «секта», передают различные смысловые оттенки последнего и призва-

ны его уточнить или полностью заменить. За каждым из этих терминов стоит более или менее развитая теория (иногда сразу несколько теорий). Многие частично либо полностью сливаются по смыслу, большая часть не представляет особой ценности для науки. Тем не менее они в различной степени

отражают особенности восприятия феномена нетрадиционной религиозности с позиций разных институтов общества. Задачей будущих исследований являются деление данных терминов на группы по разнообразным признакам, выяснение частотности и специфики их использования в различных дискурсивных практиках. Настоящее исследование позволило установить факт употребления в печатных СМИ Беларуси не менее 76 спецтерминов¹. История их появления и развития, а также пути проникновения в СМИ являются темой отдельного исследования. Можно только предположить, что, несмотря на достаточно внушительное количество, они не исчерпывают собой все многообразие русскоязычных терминов, используемых печатными СМИ в отношении малых религиозных сообществ. В рамках настоящего исследования также не представляется возможным выделить спецтермины, употребляемые исключительно в печатных СМИ, так как до сих пор не изучена соответствующая терминологическая палитра дискурсивных практик иных институтов белорусского общества.

Одни и те же термины как в разных, так и в одной дискурсивной среде могут получать отличные друг от друга определения. Так, например, в науке термин «секта» трактуется как религиозная организация, образовавшаяся в результате откола от другой религиозной организации с изменением ее вероучения и культовой практики, хотя встречаются и иные формулировки. В печатных СМИ термин «секта» периодически означает деструктивную религиозную организацию, пагубно влияющую на физическое и психическое здоровье человека, подрывающую устои общества. При этом в прессе можно встретить статьи, заимствующие в целом чуждые для нее стили, жанры и подходы к освещению

проблематики НРД, а вместе с тем разные научные и иные дефиниции термина «секта». Качественный анализ определений терминов играет важную роль в целостном анализе заявленной темы, но по своим масштабам выходит за рамки настоящей работы.

Не все спецтермины из статей, посвященных НРД, имели непосредственное отношение к малым религиозным сообществам и учитывались в исследовании. Так, в выборку не вошла большая группа терминов, которыми в статьях о НРД обозначались традиционные религии: «церковь», «конфессия», «культурообразующая конфессия», «деноминация», «традиционная религия» и др. В число спецтерминов, относящихся к малым религиозным сообществам, также не были включены 4 спецтермина, отличающихся наиболее высоким уровнем обобщения и полной зависимостью от контекста употребления: «организация», «община», «религиозная организация» и «религиозная община». Их прочтение зависело от контекстуально обусловленной референции к одному из типов религиозной организации, традиционным религиям или НРД, а порой к тем и другим в одном материале одновременно. Смысловая нагрузка этих терминов отличалась общим характером («быть структурированными в виде общины или организации, в том числе обладающей религиозными характеристиками»), и только особенности контекста определяли, о каком типе организаций идет речь. В отличие от любого из 76 приведенных спецтерминов, равно как и в отличие от терминологии, относящейся к традиционным религиям, вышеупомянутые 4 термина не являлись идентификационным маркером, дифференцирующим религиозное пространство на отдельные группы, а, скорее, наоборот, стирали какие-либо различия между ними.

Негативные коннотации спецтерминологии

С каждым из 76 спецтерминов в печатных СМИ сопряжены негативные коннотации. Не менее чем с 30 из них негативный смысл связывается не только в СМИ, но и в большинстве других контекстов из-за наличия слов «деструктивный», «тоталитарный», приставок *псевдо-* и *лже-*. Остальные 46 спец-

терминов в иных дискурсивных средах, в частности науке, могут и не иметь никаких эмоционально нагруженных значений и смыслов (см., например, использование П. Бергером термина «ересь» [7], общераспространенное со времен М. Вебера употребление в социологии термина «секта» и др.).

¹Аудиторный культ, деструктивная группа, деструктивная организация, деструктивная религиозная организация, деструктивная религиозная секта, деструктивная религия, деструктивная секта, деструктивная тоталитарная секта, деструктивный культ, деструктивный неокульт, ересь, еретическая религиозная организация, еретическое лжеучение, клиентурный культ, культ, культ нового времени, культовая группа, лжерелигия, лжеучение, неокульт, неокультизм, неокультное объединение, неомистическая культовая организация, неомистический культ, неорелигиозная секта, неорелигиозное течение, неорелигия, нетрадиционное вероучение, нетрадиционная духовность, нетрадиционная конфессия, нетрадиционная религиозность, нетрадиционная религия, нетрадиционная секта, нетрадиционное религиозное движение, нетрадиционное религиозное объединение, нетрадиционное религиозное течение, нетрадиционное сектантское течение, нетрадиционное сектантское течение, нетрадиционный культ, нетрадиционный религиозный культ, новая культовая организация, новая религиозная организация, новая религиозная секта, новая религия, новая секта, новое религиозное движение, новое религиозное направление, новое религиозное объединение, новое религиозное течение, новый культ, новый нетрадиционный культ, псевдорелигиозная деструктивная группа, псевдорелигиозная организация, псевдорелигиозная секта, псевдорелигиозное движение, псевдорелигиозное течение, псевдорелигиозное формирование, псевдорелигиозность, псевдорелигиозный культ, псевдорелигиозный неокульт, псевдорелигия, психокульт, психопатическая секта, религия нового века, секта, сектантство, сектантская организация, сектантское движение, сектомафия, сектоподобное общество, тоталитарная секта, тоталитарный культ, церковь-секта, чужеродный религиозный культ, экстремистская секта, эрзац-религия.

Для сферы публичного обсуждения сектантства, протекающего по большей части вне границ научного дискурса, эмоциональность, безосновательность критериев, а также терминология, отягощенная негативными коннотациями, являются нормой, а нейтральные материалы и обоснованный понятийный и терминологический аппарат – исключением из правила. Даже в тех случаях, когда отдельные термины, например «секта», «новая религия», «НРД» и т. д., в научном дискурсе негативных значений не имеют, в прессе они их автоматически приобретают практически сразу после начала использования. Процесс формирования негативной смысловой нагрузки вокруг изначально нейтральных терминов носит комплексный характер и заслуживает отдельного исследования. В настоящей работе можно только наметить некоторые контуры для будущего разрешения данного вопроса.

Во-первых, этот процесс выходит за рамки исключительно специфики массмедиа и связан со всеми институтами общества, вовлеченными в разные формы реакции на феномен нетрадиционной религиозности. Основная масса общественных реакций далека от продуманного, отстраненно-объективного и независимого осмысления данного феномена и бросается в две крайности: необдуманно-восторженное и некритическое принятие малых религиозных групп; неотрефлексированную слепую и агрессивную их критику. Такие настроения поддерживаются и развиваются, с одной стороны, самими НРД, вкладывающими серьезные ресурсы в создание благоприятного имиджа, а с другой – людьми, организациями и институтами общества, видящими в НРД угрозу для себя и окружающих. СМИ с учетом уже своих специфики и интересов отражают и усиливают эти настроения. Позитивный импульс со стороны НРД к СМИ приводит к их массовой рекламе, которая, как это было показано ранее, охватывает в 4,4 раза больше НРД по сравнению с количеством критикуемых на страницах СМИ малых религиозных групп [4]. Негативный импульс доминирует среди материалов СМИ, посвященных анализу данного феномена. При этом основным, часто незамечаемым профильными специалистами контекстом, на фоне которого происходит критика НРД в СМИ, является некритическая, неотрефлексированная, эмоционально позитивная массированная их же реклама, многократно превышающая объемы критики [4].

Во-вторых, сами НРД достаточно часто используют соответствующую терминологию с негативными коннотациями. Даже поверхностное изучение их литературы и материалов обнаруживает многочисленные обращения к проблематике сектантства. НРД предупреждают своих членов и население в целом о возможных опасностях со стороны

каких-то «вредоносных сект» и видят единственное спасение от всех бед в собственной организации. Периодически такие материалы НРД попадают и в СМИ. В исключительно редких случаях НРД как в своих внутренних публикациях, так и на страницах печатных СМИ последовательно отвергают весь спектр негативно нагруженных терминов в качестве некорректных и изначально неприменимых ни к каким религиозным группам в принципе. Но даже в этих случаях они используют какие-то свои собственные термины. Не реагировать на тему сектантства НРД не могут, поскольку такая реакция является значимой частью их позиционирования самих себя в обществе, относительно наиболее важных составляющих которого они вынуждены давать своим членам позитивные, негативные и нейтральные оценки и объяснения. Отсутствие механизма формирования четких границ с другими религиозными организациями может стать причиной перехода в последние их собственных членов. Существенным элементом таких границ являются и особые термины, которыми НРД обозначают все иное, чужое, не свое. Наиболее часто НРД избирательно отвергают одни общераспространенные термины и употребляют другие, не менее распространенные.

Таким образом, НРД в основной своей массе выступают не столько против «негативной» терминологии в целом, сколько против ее использования по отношению к ним самим. Для НРД несогласие с «плохими» терминами является частью религиозной полемики об основах веры. В рамках данной борьбы за правильные названия малые религиозные группы достаточно враждебно воспринимают любые несанкционированные ими новые термины, которые применяют к ним журналисты. Самый нейтральный термин СМИ может быть увиден НРД как опасный, дискредитирующий и оскорбительный даже в тех случаях, когда журналист никаких соответствующих коннотаций и смыслов с ним не связывает. В качестве примера можно привести весьма примечательный факт недовольства одной религиозной группы в США использованием в отношении нее в прессе якобы дискредитирующего термина «НРД». Произошло это в 1952 г., т. е. на начальной стадии формирования данного термина, до появления антикульта школы, раньше каких-либо системных попыток его употребления в СМИ применительно к малым религиозным группам и задолго до того, как многие сектантские сообщества станут стремиться к тому, чтобы их именovali именно НРД².

В-третьих, сама логика и специфика СМИ в открытом обществе ориентируют журналистов на рассказ о животрепещущих проблемах. Феномен нетрадиционной религиозности, как и множество иных

²См.: Correction // Eugene Register-Guard. 1952. 19 Jan. P. 4.

тем, интересует их исключительно в конфликтном и проблемном аспектах. Широкий диапазон заурядных и повседневно скучных НРД, равно как и позитивные стороны деятельности НРД, для СМИ не представляет интереса. Они избирательно обращаются к наиболее проблемным случаям и ситуациям, некорректно обобщают их и получают достаточно красочный развлекательный материал, соответствующий ожиданиям публики.

На уровне системы СМИ в целом в любой отдельно взятой стране процесс наделения нейтральных терминов негативными коннотациями не поддается контролю и регулированию на макроуровне, даже в условиях цензуры СМИ и полного подавления свободы слова. Тоталитарные режимы не могут и не хотят позитивно или даже нейтрально освещать деятельность религиозных организаций, тем более иностранного происхождения, поскольку воспринимают такие репортажи как идеологическую диверсию. В демократических обществах религиозные группы активно рекламируют себя в СМИ за большие деньги, но незаинтересованное и не связанное с влиянием религиозных организаций нейтральное повествование об их деятельности также является исключением из правила в силу обозначенной выше специфики свободных СМИ.

История знает примеры, когда на микроуровне как отдельными учеными, так и целыми группами предпринимались искусственные попытки поменять «плохие» термины в СМИ на «хорошие». Так, с конца 1970-х гг. группа ученых из разных стран мира начала согласованно употреблять в работе со СМИ термины «НРД» и «новая религия» с открыто декларируемой целью замещения ими негативно нагруженной терминологии прессы. На нехарактерную для ученых активную работу с прессой этих людей вдохновили активная социальная позиция и конструктивистская вера в возможность искусственной корректировки института СМИ в нужном направлении «снизу». Они давали СМИ интервью, в которых протестовали против негативных коннотаций терминов «секта» и «культ» в прессе, на страницах газет и различных журналистских форумах говорили о необходимости использования в СМИ нейтральной терминологии, озвучивали и небезуспешно опровергали уже сложившиеся стереотипы в отношении сектантства, сами активно употребляли термины «НРД» и «новая религия». Находясь в самой гуще баталий в СМИ вокруг малых религиозных сообществ, эта группа обоснованно и последовательно защищала новые нейтральные термины. Однако многочисленные выступления в прессе

Дж. Нидлмана³, Т. Роббинса и Д. Энтони⁴, Л. Доусона⁵ и других авторитетных ученых, в том числе и социологов – борцов с «плохими» терминами, не возымели ожидаемого эффекта. Одни из них достаточно быстро поняли невозможность и бесперспективность этого начинания и прекратили эксперимент (так, еще в 1981 г. немецкий социолог Г. Керер отметил, что термин «новая религия» уже обладает негативными коннотациями в общественном дискурсе [8, S. 7–11]). Другие уже вне всякой связи с данной группой пытаются до сих пор воспитывать прессу.

Тем не менее этими учеными был упущен (а может быть, и проигнорирован) тот факт, что благодаря их настойчивым усилиям, пусть и помимо их воли и желания, термины «НРД» и «новая религия» практически сразу трансформировались из «хороших» в «плохие» и обрели в прессе полный спектр негативных коннотаций. Без промедлений они были подхвачены представителями антикультовой школы и журналистами в качестве синонимов терминов «деструктивная секта», «тоталитарный культ» и т. д.⁶ Та легкость, с которой это произошло, очередной раз показывает, что для журналиста, усмотревшего что-то негативное в малой религиозной группе, не так уж и важно, с опорой на какие термины описывать этот негатив. В результате попытка замены «плохих» терминов привела лишь к увеличению количества *разных* терминов, используемых в СМИ с негативными коннотациями. Вслед за западной прессой с такими же ярко выраженными негативными коннотациями термины «НРД» и «новая религия» перенимают и печатные СМИ русскоязычного пространства. При этом по степени распространенности в материалах белорусских СМИ употребляемый с негативными смысловыми оттенками термин «НРД» стоит на 9-м месте, а термин «новая религия» – на 13-м месте, опережая тем самым основную массу других негативно нагруженных терминов, например «псевдорелигия», «деструктивная религиозная организация», «деструктивная тоталитарная секта», «деструктивная религия» и пр.

Иллюзия нейтральности термина «НРД» и иных схожих терминов в печатных СМИ является частью некорректного допущения некоторых ученых и общественных деятелей о возможности устойчивого использования нейтральной терминологии в отношении нетрадиционной религиозности в печатных СМИ в целом. Ученый может добиться от конкретной газеты публикации нейтрального материала с терминологией, выдержанной в строго научном ключе (в подборку вошло несколько статей подобного плана). Однако наука не сможет добиться того,

³Up to 26 million believed involved in 5000 religious cults in America // Toledo Blade. 1978. 25 Nov. P. 4.

⁴Religious scholars say authoritarian cults declining // Colorado Springs Gazette. 1978. 14 Dec. P. 5F.

⁵Boyne I. Why cults are growing // The Sunday Gleaner. 1997. 13 Apr. P. 19A.

⁶См.: Buurams B. Rabbi says Jews lured to cults // Santa Ana Orange County Register. 1980. 8 Nov. P. 61; Brothers J. Cults carry appeal // Arlington Daily News. 1977. 19 May. P. 4; Eastham T. R. Christianity battles the influence of «new» cults // Burlington Hawk Eye. 1980. 26 Sept. P. 6; Rodden B. «Moonies» open training center in Hudson // Portsmouth Herald. 1978. 29 Aug. P. 20; Quiz: Youth and the new religions // Gazette Telegraph (Colorado Springs). 1977. 1 May. P. 3E и др.

чтобы все, простое большинство либо даже малая доля материалов печатных СМИ, выходящих без жесткой цензуры и контроля, содержали нейтральные термины, не соскальзывающие в область негативных коннотаций. В тех редких случаях, когда журналисты обращаются к нейтральному описанию феномена (6 % от выборки), в 89,7 % подобных материалов это делается без использования специальной терминологии вообще.

Настоящее исследование позволило также уточнить широко распространенное представление о связи используемых в статьях терминов с отношением авторов к освещаемой теме. Изначально предполагалось существование прямой зависимости между негативно нагруженной терминологией и отрицательным отношением автора к НРД: «плохие» термины употребляются только в критических материалах о НРД. Анализ статей выборки показал иной результат. Были выявлены 4 статьи, в которых использовались негативно нагруженные термины из основной выборки, но при этом отмечены следующие нюансы:

- 1) они употреблялись без негативных коннотаций;
- 2) авторы открыто дистанцировались от придаваемых им кем-то негативных значений;
- 3) авторы открыто дистанцировались от самих терминов с оговоркой, что употребляют их только для того, чтобы была понятна обсуждаемая тема;
- 4) проводилось различие между религиозными группами (из числа НРД), к которым эти термины ни в коем случае неприменимы, и организациями, которые можно и нужно так именовать.

Встречались также разные комбинации этих 4 вариантов. Иначе говоря, негативные коннотации термина сами по себе не всегда являются свидетельством негативного отношения автора к феномену НРД и конкретному религиозному сообществу. Примечателен тот факт, что среди спецтерминов, использовавшихся без негативных коннотаций в этой группе статей, термин «НРД» встретился всего в 1 материале и только 1 раз. Гораздо чаще с нейтральными смысловыми оттенками употреблялся термин «секта».

Место спецтерминологии в материалах печатных СМИ о НРД

Анализ количества материалов о НРД, содержащих спецтерминологию, дал неожиданный результат. В 306 из 631 статьи (48,5 %) специальные термины отсутствовали. При этом в 179 случаях упоминались конкретные НРД, а в 127 статьях, полностью посвященных проблематике сектантства, не использовались ни термины, ни названия НРД.

Первая группа (179 статей, или 28,4 % от выборки) расширяет представления о феномене идентификации НРД как процессе установления полного совпадения характеристик той или иной религиозной группы с одним из типов организации нетрадиционной религиозности. В предшествующих исследованиях печатных СМИ были описаны два варианта такой идентификации: с соответствующей спецтерминологией и обоснованием; со спецтерминологией, но без обоснования (так называемая идентификация по отсутствующему основанию, которая может являться причиной стигматизации НРД) [5]. Результат настоящего исследования позволяет выделить третью разновидность идентификации НРД – без спецтерминологии, но с развернутым обоснованием. В таких материалах, часто в негативном ключе, описываются учение, культовая практика и методы работы разных групп, но специальные термины не используются. Попытки выявить зависимость между типом описываемого НРД по структуре и содержанию и наличием спецтерминологии не увенчались успехом. Религиозные сообщества, относимые к нетрадиционной религиозности в группе статей без специальных терминов,

в оставшихся 325 статьях тоже идентифицировались, но уже с использованием специальных терминов. Более того, статьи с терминами и без них, посвященные одним и тем же НРД, часто встречались в пределах одного СМИ, а следовательно, тип печатного СМИ не оказывал влияния на использование спецтерминологии. Ввиду описания одних и тех же НРД аргументация в обеих группах статей повторялась. Одни и те же факты истории, учения и культовой практики воспроизводились со спецтерминами и без них. Также не было выявлено существенной зависимости между типом авторов статей (журналисты, читатели, чиновники, ученые, специалисты по НРД и др.) и использованием специальной терминологии. Наконец, вопреки мнению целой группы исследователей не установлена взаимосвязь между степенью жесткости критики НРД и наличием в материале специальных терминов. Негативно нагруженная терминология не является основополагающим фактором при формулировании и трансляции негативного отношения к конкретной группе. Там, где она есть, спецтерминология – гармоничная часть негативно нагруженного материала. Но и без нее журналисты достаточно негативно описывают малые религиозные группы, нисколько не теряя при этом в красочности и жесткости содержания текста. В качестве примера можно привести материал, подвергавший суровой критике «Великое белое братство»⁷, а также не менее жесткую статью с обвинением кришнаитов в формировании «рабов – биороботов»⁸.

⁷ Дементьевский А. «...А внутри суть волки хищные» // Знамя юности. 1993. 5 янв. (№ 2). С. 2.

⁸ Титовец А. Сократ бы умер от инфаркта // 7 дней. 1993. № 29. С. 4.

Одно существенное отличие статей с терминологией и без нее все же было выявлено. Большая часть группы статей без терминов посвящена только 1 НРД (69,8 %), а в среднем на 1 статью упоминаются названия 1,6 НРД. В то же время средняя частота упоминаний разных НРД в материалах, содержащих спецтерминологию, почти в 3 раза выше и составляет 4,4 НРД на статью. Таким образом, в статьях без спецтерминологии авторы в большей степени привязаны к описанию конкретных ситуаций и групп. Они несколько реже предпринимают попытки обобщений, а когда к ним прибегают, то делают это на более скудном материале.

Иначе говоря, терминология сама по себе оказалась второстепенным компонентом в процессе освещения проблематики нетрадиционной религиозности. Печатные СМИ критикуют НРД и идентифицируют какие-то религиозные сообщества в качестве одной из форм нетрадиционной религиозности как с использованием специальных терминов, так и без них. В контексте полученных результатов критика негативно нагруженной терминологии в СМИ представляется критикой последствий, но не причин, процессом, изначально обреченным на провал в достижении поставленной цели. Во-первых, на смену одним «плохим» терминам всегда придут другие. Во-вторых, сами термины не являются значимой составляющей критики НРД в СМИ. На первый план выходит вопрос, на который чуть ранее частично уже был дан ответ: «Почему журналисты стран с разным политическим строем, культурой и доминирующей религией, работающие в разных типах СМИ, находясь под влиянием самых разных факторов, регулярно, не сговариваясь друг с другом, публикуют критические материалы в СМИ по самым разным представителям нетрадиционной религиозности?»

Во второй группе (127 статей, или 20,1 % от выборки) авторам удалось без спецтерминов и названий

НРД написать материал о феномене нетрадиционной религиозности. В этих статьях рассказывалось о сектантстве в целом, отдельных его разновидностях, реже – группах. В 75,6 % подобных статей предупреждалось об опасности данного явления, в некоторой степени культивировались страхи перед ним, но у рядового читателя не было шансов понять, о каких именно организациях так расплывчато написал журналист. Человек усваивал информацию о некой присутствующей для него в обществе опасности, но никаких организационных и иных выводов для себя сделать не мог, так как из материалов до конца не было понятно, что же надо делать, чтобы не попасть в эти «вредоносные группы», где-то рядом действующие и что-то плохое делающие. Этот тип материалов наглядно показывает, к чему приводит воздержание от упоминания конкретных названий НРД, а также их более подробного описания. Независимо от того, является ли такая подача материала целенаправленной и осознанной стратегией разных журналистов, результатом их слабого погружения в тему, неспособности в сжатые сроки подготовить серьезный материал или же имеет какие-то иные причины, данная группа статей выполняет определенную функцию: способствует поддержанию в информационном пространстве проблематики нетрадиционной религиозности и создает определенный фон для обсуждения ее конкретных проявлений.

Как уже отмечалось, 6 % от выборочной совокупности, или 39 статей, относились к редкой для печатных СМИ группе нейтральных материалов о НРД. Их авторам в большей или меньшей степени удалось выдержать нейтралитет и не перейти к рекламе или критике НРД. В 35 из них была попытка без терминов, а в 33 – без идентификации НРД разобраться в ситуации и максимально нейтрально ее описать.

Распространенность и частотность спецтерминологии

Полученные результаты позволили распределить все спецтермины печатных СМИ по двум параметрам:

- *распространенности спецтермина* – количеству разных статей, его содержащих;
- *частотности спецтермина* – общему числу его упоминаний в статьях.

Безусловным лидером по распространенности и частотности использования в материалах СМИ является термин «секта», который встречается в 278 разных статьях 1724 раза. Затем с разрывом в 3 раза по распространенности и почти в 9 раз по частотности следует термин «деструктивная секта». В таблице приводится список спецтерминов, употреблявшихся в 5 и более статьях разных СМИ.

Оставшиеся спецтермины по степени распространенности распределены следующим образом: 2 употребляются в 4 статьях, 7 – в 3 статьях, 8 – в 2 статьях, и, наконец, самая многочисленная группа, куда входят 35 терминов, встречающихся только в 1 статье. Термины слабого распространения в печатных СМИ представляют не меньший интерес, чем наиболее популярная терминология. Например, во внушительной группе из 43 спецтерминов, употребляемых всего в 1 или 2 статьях, присутствуют термины, широко распространенные в дискурсивных практиках иных институтов общества. Так, в выборке из 631 статьи спецтермин «ересь» встречается всего в 2 статьях, а спецтермин «лжеучение» – только в 1 статье. Оба являются заимство-

ваниями из дискурса традиционных христианских конфессий Беларуси, где они лидируют по степени распространенности. Термин «ересь» прямо упоминается еще в Библии (например, Деян. 5:17; 15:5 и др.), а термин «лжеучение» является производной формой от также упоминающегося в Новом Завете слова «лжеучитель» (2 Петр. 2:1). Их незначительное присутствие в прессе Беларуси может свиде-

тельствовать о ничтожно малом влиянии традиционного христианства на дискурсивные практики печатных СМИ по теме нетрадиционной религиозности, однако еще ничего не говорит о степени их распространения в других дискурсивных средах и обществе в целом. Это же касается и всех остальных малоупотребительных и низкочастотных в печатных СМИ спецтерминов.

Распространенность и частотность спецтерминов
Distribution and frequency of special terms

Специальный термин	Распространенность	Частотность
Секта	278	1724
Деструктивная секта	85	196
Тоталитарная секта	60	117
Куль	47	132
Сектантство	33	68
Неокульт	31	75
Деструктивный культ	25	44
Нетрадиционная религия	16	28
НРД	13	33
Нетрадиционный культ	13	23
Псевдорелигиозная секта	12	14
Тоталитарный культ	9	32
Новая религия	9	12
Псевдорелигия	9	10
Деструктивная религиозная организация	6	16
Нетрадиционная религиозность	6	11
Нетрадиционное религиозное объединение	6	9
Психокульт	6	6
Нетрадиционное религиозное течение	5	13
Новый культ	5	9
Деструктивный неокульт	5	8
Псевдорелигиозная организация	5	8
Нетрадиционное религиозное движение	5	7
Новое религиозное объединение	5	5

Достаточно часто термины из разных дискурсов используются журналистами в рамках одной статьи, в том числе в качестве синонимов. Можно предположить, что дискурс печатных СМИ отличается наименьшей среди всех институтов общества чувствительностью к простейшим смысловым оттенкам и различиям между спецтерминами, что и является причиной достаточно свободного их использования.

В ходе настоящего исследования также были получены данные о динамике использования спецтерминов в печатных СМИ для периода 1988–2015 гг., позволяющие проследить всплески употребления отдельных терминов и связать их с определенными событиями или явлениями в жизни общества в целом и отдельных его институтов в частности. Однако эти данные выходят за рамки статьи.

Заключение

Настоящая статья является лишь кратким введением в проблему анализа терминологии материалов о НРД в печатных СМИ. В ней описаны

основные направления изучения заявленной проблематики и по некоторым из них представлены результаты авторского исследования. Так, выявлены

диапазон вариативности спецтерминологии, распространенность и частотность использования каждого термина, расширены представления о возможных вариантах идентификации НРД в СМИ, уточнены место и роль спецтерминологии в материалах о нетрадиционной религиозности. Показано, что, несмотря на наличие негативных коннотаций у всего диапазона используемых специальных

терминов, негативно нагруженная терминология не является основополагающим фактором при формулировании и трансляции негативного отношения к конкретным НРД. Отмечен феномен неизбежной трансформации позитивной и нейтральной смысловой нагрузки спецтерминов в негативную при попадании последних в дискурс печатных СМИ.

Библиографические ссылки

1. Richardson JT, van Driel B. Journalists' attitudes toward new religious movements. *Review of Religious Research*. 1997; 39(2):116–136. DOI: 10.2307/3512177.
2. Scheffler AC. «Jugendsekten» in Deutschland. *Öffentliche Meinung und Wirklichkeit. Eine religionswissenschaftliche Untersuchung*. Frankfurt am Main: Peter Lang; 1989. 229 S.
3. Пчелинцев АВ. Свобода религии и права верующих в современной России. Москва: Юриспруденция; 2007. 392 с.
4. Мартинович ВА. Реклама новых религиозных движений в печатных СМИ. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2019;3:17–24.
5. Мартинович ВА. Идентификация новых религиозных движений в печатных СМИ Беларуси. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2017;4:56–65.
6. Ротман ДГ. Новые подходы к сбору и анализу информации (из опыта полевых исследований). *Социологические исследования*. 2015;5:145–149.
7. Berger PL. *The heretical imperative. Contemporary possibilities of religious affirmation*. New York: Anchor Press; 1980. 206 p.
8. Kehrер G, Herausgeber. *Das Entstehen einer neuen Religion. Das Beispiel der Vereinigungskirche*. München: Kösel-Verlag; 1981. 253 S.

References

1. Richardson JT, van Driel B. Journalists' attitudes toward new religious movements. *Review of Religious Research*. 1997; 39(2):116–136. DOI: 10.2307/3512177.
2. Scheffler AC. «Jugendsekten» in Deutschland. *Öffentliche Meinung und Wirklichkeit. Eine religionswissenschaftliche Untersuchung*. Frankfurt am Main: Peter Lang; 1989. 229 S.
3. Pchelintsev AV. *Svoboda religii i prava veruyushchikh v sovremennoi Rossii* [Religious freedom and the rights of believers in contemporary Russia]. Moscow: Yurisprudentsiya; 2007. 392 p. Russian.
4. Martinovich VA. Advertising of new religious movements in print media. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2019;3:17–24. Russian.
5. Martinovich VA. Identification of new religious movements in printed media in the Republic of Belarus. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2017;4:56–65. Russian.
6. Rotman DG. [New approaches to the collection and analysis of information (from the experience of field research)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2015;5:145–149. Russian.
7. Berger PL. *The heretical imperative. Contemporary possibilities of religious affirmation*. New York: Anchor Press; 1980. 206 p.
8. Kehrер G, Herausgeber. *Das Entstehen einer neuen Religion. Das Beispiel der Vereinigungskirche*. München: Kösel-Verlag; 1981. 253 S.

Статья поступила в редколлегия 13.08.2020.
Received by editorial board 13.08.2020.

НЕЗАЩИЩЕННОСТЬ ОТ КИБЕРБУЛЛИНГА И ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТЬ ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК: СВЯЗИ И СВОЙСТВА

В. П. ШЕЙНОВ¹⁾, В. А. КАРПИЕВИЧ²⁾, Н. В. ДЯТЧИК³⁾, Г. Н. ПОЛХОВСКАЯ⁴⁾

¹⁾Республиканский институт высшей школы, ул. Московская, 15, 220007, г. Минск, Беларусь

²⁾Университет гражданской защиты МЧС Беларуси, ул. Машиностроителей, 25, 220118, г. Минск, Беларусь

³⁾Слонимский государственный медицинский колледж, ул. Комсомольская, 12, 231799, г. Слоним, Беларусь

⁴⁾Пинский государственный медицинский колледж, ул. Рокоссовского, 6, 225710, г. Пинск, Беларусь

Цель настоящего исследования – выявить в русскоязычном социуме связи и свойства незащищенности от кибербуллинга и интернет-зависимости. Показано, что незащищенность от кибербуллинга у девушек и юношей положительно связана с интернет-зависимостью и отрицательно – с удовлетворенностью жизнью, а у девушек еще и положительно соотносится со стрессом, тревожностью и депрессией, тягой к курению и отрицательно – с самоэффективностью в делах. Интернет-зависимость у девушек и юношей положительно сопряжена с тревожностью, депрессией и стрессом и отрицательно – с самоуважением, удовлетворенностью жизнью и самоэффективностью в деловых отношениях, а у девушек – еще и с самоэффективностью в межличностном общении. Интернет-зависимость у девушек сильнее, чем у юношей, она связана с незащищенностью от кибербуллинга со стрессом, понижением самоэффективности в делах и межличностных отношениях, поэтому для девушек интернет-зависимость и незащищенность от кибербуллинга в большей степени, чем для юношей, чреваты негативными последствиями. Связь успеваемости и интернет-зависимости оказалась статистически незначимой, что отличается от выводов ряда зарубежных психологов, обнаруживших наличие отрицательной корреляции между интернет-зависимостью и успеваемостью. Выявлены отрицательная связь успеваемости с курением у девушек и положительная связь успеваемости со стрессом у юношей и девушек. Тяга к курению у девушек положительно коррелирует со стрессом. В русскоязычном обществе большинство связей между незащищенностью от кибербуллинга и интернет-зависимостью, с одной стороны, и тревожностью, депрессией, стрессом, самоуважением, самоэффективностью, удовлетворенностью жизнью, тягой к курению, с другой стороны, созвучны зарубежным результатам о соответствующем взаимодействии кибербуллинга и интернет-зависимости.

Ключевые слова: кибербуллинг; незащищенность от кибербуллинга; интернет-зависимость; тревожность; депрессия; стресс; самоуважение; самоэффективность; удовлетворенность жизнью; успеваемость; курение; юноши; девушки.

Образец цитирования:

Шейнов ВП, Карпиевич ВА, Дятчик НВ, Полховская ГН. Незащищенность от кибербуллинга и интернет-зависимость юношей и девушек: связи и свойства. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2020;3:64–72.

<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-3-64-72>

For citation:

Sheinov VP, Karpievich VA, Dyatchik NV, Polkhovskaya GN. Danger of cyberbullying and Internet dependence of teenagers: interrelations and properties. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2020;3:64–72. Russian. <https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-3-64-72>

Авторы:

Виктор Павлович Шейнов – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры психологии и педагогического мастерства.

Виктор Александрович Карпиевич – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры гуманитарных наук.

Наталья Васильевна Дятчик – педагог-психолог.

Галина Николаевна Полховская – психолог.

Authors:

Viktor P. Sheinov, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of psychology and pedagogical excellence.

sheinov1@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2191-646X>

Viktor A. Karpievich, PhD (history), docent; associate professor at the department of humanities.

karpievich68@yandex.by

<https://orcid.org/0000-0002-6198-618X>

Natal'ya V. Dyatchik, teacher-psychologist.

nat-pileckaya@mail.ru

Galina N. Polkhovskaya, psychologist.

pinskmedkol@tut.by

DANGER OF CYBERBULLYING AND INTERNET DEPENDENCE OF TEENAGERS: INTERRELATIONS AND PROPERTIES

V. P. SHEINOV^a, V. A. KARPIEVICH^b, N. V. DYATCHIK^c, G. N. POLKHOVSKAYA^d

^aNational Institute of Higher School, 15 Maskoŭskaja Street, Minsk 220007, Belarus

^bUniversity of Civil Protection of the Ministry for Emergency Situations,
25 Maŭšynabudaŭnikoŭ Street, Minsk 220118, Belarus

^cSlonim State Medical College, 12 Kamsamoŭskaja Street, Slonim 231799, Belarus

^dPinsk State Medical College, 6 Rakasoŭskaha Street, Pinsk 225710, Belarus

Corresponding author: V. P. Sheinov (sheinov1@mail.ru)

Cyberbullying is a form of violence through bullying, harassment, bullying, humiliation, intimidation carried out using the Internet, mobile phones and other electronic devices. Cyberbullying is very common in modern society and causes significant harm to its victims, negatively affecting their mental and physical health. The purpose of this study is to identify in the Russian-speaking society the connections and properties of insecurity from cyberbullying and Internet addiction. The article shows that vulnerability to cyberbullying of adolescents is positively associated with Internet addiction and negatively with life satisfaction, while in girls it is also positively associated with stress, anxiety and depression, a craving for smoking and negatively associated with self-efficacy in affairs. Internet addiction of adolescents is positively associated with anxiety, depression and stress and negatively with self-esteem, life satisfaction and self-efficacy in business relationships, and in girls – also with self-efficacy in interpersonal relationships. Internet addiction in girls is stronger than in young men associated with insecurity from cyberbullying, with stress, with a decrease in self-efficacy in business and in interpersonal relationships, therefore, for girls, Internet addiction and insecurity from cyberbullying is more likely than for boys, is fraught with negative consequences. The connection between academic performance and Internet addiction turned out to be statistically insignificant, which differs from the conclusions of a number of foreign psychologists who found that there is a negative correlation between Internet addiction and academic performance. A negative relationship between academic performance and smoking in girls and a positive relationship between academic performance and stress in boys and girls were revealed. Craving for smoking in girls positively correlates with stress. Most of the relationships established in this study in Russian-speaking society between insecurity from cyberbullying and Internet addiction on the one hand and anxiety, depression, stress, self-esteem, self-efficacy, life satisfaction, and craving for smoking are consonant with foreign results on the corresponding relationships of cyberbullying and Internet addiction.

Keywords: cyberbullying; insecurity from cyberbullying; Internet addiction; anxiety; depression; stress; self-esteem; self-efficacy; life satisfaction; academic performance; smoking; boys; girls.

Введение

В современном обществе весьма распространены кибериздевательства, которые причиняют значительный вред своим жертвам, негативно влияя на их психическое и физическое здоровье. Кибербуллинг – это многократные преднамеренные действия одного или нескольких лиц, использующих современные средства коммуникации для выражения агрессии, направленной на жертву, которая не может защититься [1]; вид насилия, осуществляемый посредством издевательств, оскорблений, травли, унижения, запугивания с применением интернета, мобильных телефонов и других электронных устройств.

Интернет-зависимость – навязчивое стремление использовать интернет, проведение большого количества времени в интернете [2].

«Показатели распространения кибербуллинга в разных странах различаются. По некоторым оценкам, в школьные годы издеваются над 10–20 % молодых людей, а от 5 до 15 % подростков сами издеваются над другими. При этом многие дети, которые подвергаются издевательствам, испытывают повтор-

ную и устойчивую виктимизацию в последующем» [3, р. 545]. Есть и множество других примеров распространенности кибербуллинга [4].

«В России 10 % детей и 9 % родителей указали, что дети были жертвами кибербуллинга. Это превышает данные по странам Европы, где по 6 % детей и родителей свидетельствовали о кибербуллинге» [5, с. 105].

Первые попытки исследовать явление кибербуллинга в Беларуси выявили схожую картину: «...20 % участников выступали в роли жертвы, 14 % – в качестве агрессора, а 6 % – в роли свидетеля травли» [6, с. 48].

Ранее в аналитическом обзоре зарубежных исследований кибербуллинга [4] показано, что «кибериздевательства причиняют его жертвам значительный вред. Обнаружено негативное влияние кибербуллинга на психическое и физическое здоровье. Кибериздевательства положительно коррелируют с серьезными психосоциальными, аффективными проблемами, с меньшим самоуважением и самоэффективностью, с повышенными стрессом, тревожностью, депрессивными симптомами, экс-

тернальностью. Кибербуллинг отрицательно связан с показателями эмоционального благополучия. Онлайн-опыт издевательств положительно коррелирует с усилением неудовлетворенности жизнью и негативно отражается на учебе. Между кибербуллингом и традиционными издевательствами существует двусторонняя связь: одно содействует другому, и наоборот. Главными факторами, способствующими кибериздевательствам, являются рискованное использование информационно-коммуникационных технологий и традиционные (например, школьные) издеательства. Интернет-зависимость также предсказывает агрессию посредством кибербуллинга. Значительно рискуют пострадать от кибериздевательств индивиды с низким уровнем самоконтроля, активные онлайн-покупатели и люди, участвующие в онлайн-форумах. Школьники чаще сообщают о кибериздеательствах в отношении сверстников, которые больше времени проводят за компьютером и дают свои пароли друзьям. Размещение студентами нескромного или негативного контента, наличие друзей в *Facebook*, которые публикуют такой контент, и общее количество друзей в *Facebook* являются надежными предсказателями кибербуллинга. Наиболее значительными предикторами кибериздеательств являются экстраверсия и открытость» [4, с. 77].

Кибербуллинг приводит к виктимизации, при этом зарубежными исследователями установлено, что «виктимизация детей, подростков и взрослых порождает отрицательные эмоциональные состояния – депрессию, тревогу, уныние, страх, дистресс, гнев, отрицательную аффективность, самообвинение, низкую самооценку и посттравматический стресс» [7, с. 94].

В иноязычных социумах определена и обратная связь: «Виктимизацию с большой вероятностью предсказывают низкий уровень удовлетворенности жизнью, низкая самооценка индивида, его депрессивные симптомы, тревожность, отрицательная аффективность» [8, с. 154].

Зарубежными исследователями также показано, что кибербуллинг положительно коррелирует с тревожностью [9], депрессией [9–12], низким уровнем самоуважения и самоэффективности, повышенным стрессом [9] и отрицательно – с удовлетворен-

ностью жизнью [13]. Кроме того, кибербуллинг ведет к ухудшению школьной успеваемости [12].

Распространенность кибербуллинга, многочисленные факторы риска и негативные последствия кибериздевательств обуславливают необходимость изучения причин, из-за которых у индивида возникает незащищенность от кибербуллинга. Полученные знания позволяют предупреждать потенциальных жертв о грозящей им опасности.

Аналогичная ситуация складывается в отношении кибербуллинга и интернет-зависимости: между ними существует значительная положительная связь [14–16].

Так, интернет-зависимость положительно сопряжена с депрессией, тревогой, стрессом [17–19], отрицательно – с самооценкой [20–22] и социальной самоэффективностью и навыками решения проблем [23; 24].

Исследования зарубежных ученых показали, что интернет-зависимость негативно влияет на успеваемость [21; 25; 26].

В работах [27; 28] представлено, что неудовлетворенность жизнью стимулирует повышенную зависимость от интернета. Однако в других работах установлено, что в различных странах эта зависимость может иметь противоположную направленность. Например, в Италии интернет-зависимость связана с большей удовлетворенностью жизнью, а в США – с меньшей [29].

Юноши и девушки по-разному подвержены интернет-зависимости, причем ее уровень был выше у юношей, чем у девушек [30]. При этом в возрасте от 16 до 18 лет гендерные различия, связанные с этим явлением, постепенно увеличиваются, поэтому факторы (включая кибербуллинг), влияющие на данную зависимость, необходимо изучать отдельно как для юношей, так и для девушек [31].

Цель настоящего исследования – выявить для русскоязычных юношей и девушек связи и свойства незащищенности от кибербуллинга и интернет-зависимости.

Практическая значимость полученной при этом информации состоит в том, что она позволит предупреждать молодых людей об опасных факторах и соответствующих негативных последствиях длительного пребывания в интернете.

Материалы и методы исследования

В исследовании использовался тест «Оценка степени незащищенности индивидов от кибербуллинга» [32], удовлетворяющий стандартным критериям надежности (внутренней согласованности, гомогенности (однородности), надежности частей теста, ретестовой надежности) и валидности (тест соответствует валидации в процессе конструирования теста, а также содержательной, очевидной, текущей, прогностической, конструктивной и конвергентной валидности).

Тест стандартизован: приводятся нормы для юношей и девушек, представленные в средних величинах и показателях стандартного отклонения.

Интернет-зависимость выявлялась с помощью теста Янга [2].

Уровни тревожности и депрессии определялись посредством госпитальной шкалы тревоги и депрессии (*hospital anxiety and depression scale, HADS*), разработанной А. С. Зигмондом и Р. П. Снайтом, в адаптации М. Ю. Дробизева [33].

Удовлетворенность жизнью измерялась с помощью опросника, предложенного Э. Дине, Р. А. Эммонсом, Р. Д. Ларсенем и Ш. Гриффином, в адаптации и валидации Е. Н. Осина и Д. А. Леонтьева [34].

Уровень самоэффективности оценивался с применением методики, разработанной американскими психологами Дж. Маддукс и М. Шеер (переведена и адаптирована А. В. Бояринцевой) [35, с. 217–219]. Данная методика позволяет операционализировать попытки личности достичь высоких результатов в предметной деятельности и межличностном общении.

Самооценка определялась по методике Овчаровой [36].

Использовались шкала самоуважения Розенберга и тест самооценки стрессоустойчивости Коухена и Виллиансона [37].

В исследовании принимал участие 721 человек (421 учащийся Пинского и Слонимского медицинских колледжей и 300 курсантов Университета гражданской защиты МЧС Беларуси). Среди общего числа испытуемых было 359 девушек и 362 юноши.

Статистический анализ осуществлялся с помощью пакета *SPSS-20*. Уровень значимости определялся как $p = 0,05$.

Результаты и их обсуждение

Проверка выборок, полученных в результате тестирования, показала, что многие из участников исследования имеют распределение, отличное от нормального. Кроме того, отыскиваемые связи мо-

гут носить нелинейный характер. Для их выявления использован критерий Кендалла.

Результаты корреляционного анализа (по критерию Кендалла) приведены в табл. 1–4.

Таблица 1

Корреляции интернет-зависимости и незащищенности от кибербуллинга со стрессом, самоэффективностью и тягой к курению

Table 1

Correlations of Internet addiction and cyberbullying insecurity with stress, self-efficacy and smoking cravings

Параметры	Участники исследования	Незащищенность от кибербуллинга	Интернет-зависимость	Стресс	Самоэффективность	
					в делах	в межличностных отношениях
Интернет-зависимость	Девушки	0,474**	1	0,396**	-0,373**	-0,151*
	Юноши	0,318*	1	0,197*	-0,252*	-0,126
Незащищенность от кибербуллинга	Девушки	1	0,474**	0,463**	-0,295**	-0,040
	Юноши	1	0,318*	0,012	0,117	-0,087
Курение	Девушки	0,306**	0,185*	0,205**	-0,026	-0,024
	Юноши	0,001	0,094	0,085	-0,093	0,004

Примечание. * – корреляции значимы при $p = 0,05$; ** – корреляции значимы при двустороннем уровне значимости $p = 0,01$. Полу жирным шрифтом выделены статистически значимые корреляции.

Данные табл. 1 свидетельствуют о следующем:

- интернет-зависимость у девушек и юношей положительно связана с незащищенностью от кибербуллинга и стрессом и отрицательно коррелирует с самоэффективностью в деловых отношениях, а у девушек – еще и с самоэффективностью в межличностном общении;

- незащищенность от кибербуллинга у девушек и юношей положительно связана с интернет-зависимостью, а у девушек – еще и со стрессом, тягой к курению и отрицательно – с самоэффективностью в делах;

- тяга к курению у девушек также положительно коррелирует со стрессом.

Установленная нами в русскоязычном социуме положительная связь между незащищенностью от

кибербуллинга и интернет-зависимостью аналогична результатам иностранных исследований [14–16].

Представленная в табл. 1 отрицательная связь интернет-зависимости со стрессом и социальной самоэффективностью идентична результатам, полученным за рубежом [23; 24], а отрицательная корреляция незащищенности девушек от кибербуллинга с социальной самоэффективностью созвучна факту о том, что кибербуллинг сопряжен с меньшей самоэффективностью и повышенным стрессом [9].

Самоэффективность в делах у учащихся можно трактовать как эффективность в учебе, поскольку это основной вид деятельности для всех испытуемых. Обнаруженная нами отрицательная связь между интернет-зависимостью и самоэффективностью согласуется с результатами зарубежных исследова-

ний, которые показали, что интернет-зависимость негативно влияет на успеваемость [21; 25; 26].

Из табл. 1 видно, что интернет-зависимость у девушек проявляется сильнее, чем у юношей, и связана с незащищенностью от кибербуллинга, стрессом,

понижением самооффективности в делах и межличностных отношениях. Таким образом, для девушек интернет-зависимость и незащищенность от кибербуллинга в большей степени, чем для юношей, чревата негативными последствиями.

Таблица 2

Корреляции интернет-зависимости с незащищенностью от кибербуллинга, тревожностью, депрессией и удовлетворенностью жизнью

Table 2

Correlations of Internet addiction with cyberbullying insecurity, anxiety, depression and life satisfaction

Участники исследования	Незащищенность от кибербуллинга	Тревожность	Депрессия	Удовлетворенность жизнью
Девушки	0,292**	0,288**	0,188*	-0,333**
Юноши	0,318**	0,359**	0,366**	-0,188*

Примечание. * – корреляции значимы при $p = 0,05$; ** – корреляции значимы при двустороннем уровне значимости $p = 0,01$. Полужирным шрифтом выделены статистически значимые корреляции.

Таблица 3

Корреляции незащищенности от кибербуллинга с интернет-зависимостью, тревожностью, депрессией и удовлетворенностью жизнью

Table 3

Correlations of cyberbullying insecurity with Internet addiction, anxiety, depression and life satisfaction

Участники исследования	Интернет-зависимость	Тревожность	Депрессия	Удовлетворенность жизнью
Девушки	0,292**	0,354**	0,201**	-0,151*
Юноши	0,318**	0,065	0,027	-0,184*

Примечание. * – корреляции значимы при $p = 0,05$; ** – корреляции значимы при двустороннем уровне значимости $p = 0,01$. Полужирным шрифтом выделены статистически значимые корреляции.

Таблица 4

Корреляции интернет-зависимости с самооценкой и самоуважением

Table 4

Correlations of the Internet addiction indicator with self-esteem and self-esteem

Участники исследования	Самооценка	Самоуважение
Девушки	-0,023	-0,274**
Юноши	-0,058	-0,271**

Примечание. * – корреляции значимы при $p = 0,05$; ** – корреляции значимы при двустороннем уровне значимости $p = 0,01$. Полужирным шрифтом выделены статистически значимые корреляции.

Информация, представленная в табл. 2, показывает, что интернет-зависимость у юношей и девушек положительно сопряжена с незащищенностью от кибербуллинга, тревожностью, депрессией и отрицательно – с удовлетворенностью жизнью.

Выявленная в табл. 1 и 2 положительная связь интернет-зависимости со стрессом, депрессией и тре-

вогой соотносится с аналогичными результатами, полученными за рубежом [17–19].

Согласно данным табл. 3, у девушек незащищенность от кибербуллинга положительно коррелирует с тревожностью и депрессией, а у юношей наблюдается отрицательная связь между незащищенностью от кибербуллинга и удовлетворенностью жизнью.

Такой результат у девушек соответствует установленной зарубежными психологами положительной корреляции кибербуллинга с тревожностью [9] и депрессией [9–12] и отрицательной – с удовлетворенностью жизнью [13], но расходится у юношей ввиду отсутствия связи между незащищенностью от кибербуллинга и тревожностью и депрессией. Возможной причиной такого отличия является то, что незащищенность от кибербуллинга и наличие кибербуллинга – это хотя и родственные, но не тождественные состояния.

Из табл. 4 видно, что интернет-зависимость у юношей и девушек связана со снижением показателя самоуважения.

Выявленное отсутствие связи между интернет-зависимостью и самооценкой (см. табл. 4) отличается от полученной в иных социумах отрицательной связи интернет-зависимости с самооценкой [20–22].

В настоящем исследовании установлено, что незащищенность от кибербуллинга не коррелирует с самооценкой и самоуважением, что отличается от данных зарубежных исследований, показавших, что кибербуллинг положительно соотносится с меньшим самоуважением [9]. Возможно, такое расхож-

дение наблюдается, потому что незащищенность от кибербуллинга и наличие у индивида кибербуллинга – это не тождественные состояния.

Связь успеваемости с интернет-зависимостью оказалась статистически незначимой. Этот результат отличается от выводов ряда зарубежных психологов [12], обнаруживших наличие отрицательной корреляции между интернет-зависимостью и успеваемостью.

Однако выявлены отрицательная связь успеваемости с курением у девушек ($R = -0,222^{**}$, $p = 0,002$) и положительная связь успеваемости со стрессом у юношей ($R = 0,233$, $p = 0,020$) и девушек ($R = 0,233$, $p = 0,020$). Последнее можно объяснить тем, что состояние стресса и сопутствующая ему тревога заставляют больше готовиться к проверкам знаний (семинары, опрос на занятиях, контрольные работы, зачеты, экзамены), что и приводит к лучшей успеваемости. Участники настоящего исследования мотивированы получать более высокие отметки, так как при наличии низких оценок они могут лишиться стипендии, а курсанты – еще и долгожданного отпуска на время каникул. Недостаточную успеваемость демонстрируют те, кто спокойно относится к контролю знаний.

Выводы

1. Незащищенность от кибербуллинга у девушек и юношей положительно связана с интернет-зависимостью и отрицательно – с удовлетворенностью жизнью, а у девушек еще и положительно коррелирует со стрессом, тревожностью и депрессией, тягой к курению и отрицательно – с самоэффективностью в делах.

2. Интернет-зависимость у девушек и юношей положительно сопряжена с тревожностью, депрессией и стрессом и отрицательно – с самоуважением, удовлетворенностью жизнью и самоэффективностью в деловых отношениях, а у девушек – еще и с самоэффективностью в межличностном общении.

3. Интернет-зависимость у девушек проявляется сильнее, чем у юношей, и соотносится с незащищенностью от кибербуллинга, стрессом, снижением уровня самоэффективности в делах и межличностных отношениях, поэтому для девушек интернет-зависимость и незащищенность от кибербуллинга в большей степени, чем для юношей, чреват негативными последствиями.

4. Связь успеваемости с интернет-зависимостью оказалась статистически незначимой. Этот результат отличается от выводов некоторых зарубежных психологов, обнаруживших наличие отрицательной корреляции между интернет-зависимостью и успеваемостью.

5. Выявлены отрицательная взаимосвязь успеваемости и курения у девушек и положительная взаимосвязь успеваемости и стресса у юношей и девушек.

6. Тяга к курению у девушек положительно коррелирует со стрессом.

7. Большинство установленных в настоящем исследовании связей в русскоязычном социуме между незащищенностью от кибербуллинга и интернет-зависимостью, с одной стороны, и тревожностью, депрессией, стрессом, самоуважением, самоэффективностью, удовлетворенностью жизнью и тягой к курению, с другой стороны, созвучны зарубежным результатам о соответствующих связях кибербуллинга и интернет-зависимости.

Библиографические ссылки

1. Smith P, Mahdavi J, Carvalho M, Tippett N. An investigation into cyberbullying, its forms, awareness and impact, and the relationship between age and gender in cyberbullying [Internet]. 2020 [cited 2020 May 15]. Available from: <https://static.lgfl.net/LgflNet/downloads/online-safety/LGfL-OS-Research-Archive-2006-Goldsmiths-Cyberbullying.pdf>.
2. Young KS. Internet addiction: the emergence of a new clinical disorder. *Cyber Psychology & Behavior*. 2009;1(3):237–244. DOI: 10.1089/cpb.1998.1.237.
3. Gini G, Espelage DL. Peer victimization, cyberbullying, and suicide risk in children and adolescents. *AMA*. 2014;312(5):545–546. DOI: 10.1001/jama.2014.3212.

4. Шейнов ВП. Кибербуллинг: предпосылки и последствия. *Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология*. 2019;4(2):77–98.
5. Солдатова Г, Рассказова Е, Зотова Е, Лебешева М, Роггендорф П. Дети России онлайн. Результаты международного проекта EU Kids Online II в России [Интернет]. Москва: [б. и.]; 2012 [процитировано 15 апреля 2020 г.]. с. 213. Доступно по: http://cyberpsy.ru/literature/russian_kids_online/.
6. Белковец ОС. Феномен кибербуллинга среди подростков в социальных сетях. *Весці БДПУ. Серыя 1. Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія*. 2016;2:46–49.
7. Шейнов ВП. Психологическая виктимизация жертв издевательств как источник их отрицательных эмоциональных состояний. *Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология*. 2019;4(1):94–123.
8. Шейнов ВП. Внутриличностные предикторы виктимизации. *Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда*. 2019;4(1):154–182.
9. Fredstrom BK, Adams RE, Gilman R. Electronic and school-based victimization: unique contexts for adjustment difficulties during adolescence. *Journal of Youth and Adolescence*. 2011;40(4):405–415. DOI: 10.1007/s10964-010-9569-7.
10. Chen L, Ho SS, Lwin MO. A meta-analysis of factors predicting cyberbullying perpetration and victimization: from the social cognitive and media effects approach. *New Media & Society*. 2017;19(8):1194–1213. DOI: 10.1177/1461444816634037.
11. Perren S, Dooley J, Shaw T, Cross D. Bullying in school and cyberspace: associations with depressive symptoms in Swiss and Australian adolescents. *Child and Adolescent Psychiatry and Mental Health*. 2010;4:28. DOI: 10.1186/1753-2000-4-28.
12. Schneider SK, O'Donnell L, Stueve A, Coulter RWS. Cyberbullying, school bullying, and psychological distress: a regional census of high school students. *American Journal of Public Health*. 2012;102(1):171–177. DOI: 10.2105/AJPH.2011.300308.
13. Geel M, Vedder P, Tanilon J. Relationship between peer victimization, cyberbullying, and suicide in children and adolescents. A meta-analysis. *JAMA Pediatr*. 2014;168(5):435–442. DOI: 10.1001/jamapediatrics.2013.4143.
14. Stodt B, Wegmann E, Brand M. Predicting dysfunctional Internet use: the role of age, conscientiousness, and Internet literacy in Internet addiction and cyberbullying. *International Journal of Cyber Behavior, Psychology and Learning*. 2016;6(4):1–16. DOI: 10.4018/IJCBPL.2016100103.
15. Navarro JN, Marcum CD, Higgins GE, Ricketts ML. Addicted to the thrill of the virtual hunt: examining the effects of Internet addiction on the cyberstalking behaviors of juveniles. *Deviant Behavior*. 2016;37(8):893–903. DOI: 10.1080/01639625.2016.1153366.
16. Casas JA, Rey RD, Ortega-Ruiz R. Bullying and cyberbullying: convergent and divergent predictor variables. *Computers in Human Behavior*. 2016;29(3):580–587.
17. Gorgich EAC, Moftakhar L, Barfroshan S, Arbabisarjou A. Evaluation of Internet addiction and mental health among medical sciences students in the southeast of Iran. *Shiraz E-Medical Journal*. 2018;19:1. DOI: 10.5812/semj.55561.
18. Bodhi V, Kaur J. Psychological correlates of Internet addiction among college students. *Indian Journal of Health & Wellbeing*. 2017;8(11):1404–1408.
19. Gholamian B, Shahnazi H, Hassanzadeh A. The prevalence of Internet addiction and its association with depression, anxiety, and stress, among high-school students. *International Journal of Pediatrics*. 2017;5(4):4763–4770. DOI: 10.22038/IJP.2017.22370.1874.
20. Servidio R. A discriminant analysis to predict the impact of personality traits, self-esteem, and time spent online on different levels of internet addiction risk among university students. *Studia Psychologica*. 2019;61(1):56–70. DOI: 10.21909/sp.2019.01.772.
21. Baturay MH, Toker S. Internet addiction among college students: some causes and effects. *Education and Information Technologies*. 2019;24(5):2863–2885.
22. Servidio R, Gentile A, Boca S. The mediational role of coping strategies in the relationship between self-esteem and risk of Internet addiction. *Europe's Journal of Psychology*. 2018;14(1):176–187. DOI: 10.5964/ejop.v14i1.1449.
23. Ibili E. Internet addiction levels and problem-solving skills in the teaching profession: an investigation. *Acta Didactica Napocensia*. 2017;10(4):93–107.
24. Rahmati S, Keramati H. The relationship between the Internet addiction and students' social self-efficacy, identity styles and gender differences. *Health System Research*. 2016;12(1):21–26.
25. Javaeed A, Jeelani R, Gulab S, Ghauri SK. Relationship between Internet addiction and academic performance of undergraduate medical students of Azad Kashmir. *Pakistan Journal of Medical Sciences*. 2020;36(2):229–233. DOI: 10.12669/pjms.36.2.1061.
26. Sert H, Yilmaz FT, Kumsar AK, Aygin D. Effect of technology addiction on academic success and fatigue among Turkish university students. *Fatigue: Biomedicine, Health & Behavior*. 2019;7(1):41–51. DOI: 10.1080/21641846.2019.1585598.
27. Lachmann B, Sindermann C, Sariyska RY, Luo R, Melchers MC, Becker B, et al. The role of empathy and life satisfaction in Internet and smartphone use disorder. *Frontiers in Psychology*. 2018;9:398. DOI: 10.3389/fpsyg.2018.00398.
28. Longstreet P, Brooks S. Life satisfaction: a key to managing Internet and social media addiction. *Technology in Society*. 2017;50:73–77. DOI: 10.1016/j.techsoc.2017.05.003.
29. Błażnio A, Przepiorka A, Benvenuti M, Mazzoni E, Seidman G. Relations between Facebook intrusion, Internet addiction, life satisfaction, and self-esteem: a study in Italy and the USA. *International Journal of Mental Health and Addiction*. 2019;17:793–805.
30. Shao Y-J, Zheng T, Wang Y-Q, Liu L, Chen Y, Yao YS. Internet addiction detection rate among college students in the People's Republic of China: a meta-analysis. *Child and Adolescent Psychiatry and Mental Health*. 2018;12:25. DOI: 10.1186/s13034-018-0231-6.
31. Stavropoulos V, Griffiths MD, Burleigh TL, Kuss DJ, Doh YY, Gomez R. Flow on the Internet: a longitudinal study of Internet addiction symptoms during adolescence. *Behavior & Information Technology*. 2018;37(2):159–172. DOI: 10.1080/0144929X.2018.1424937.
32. Шейнов ВП. Опросник «Оценка степени незащищенности индивидов от кибербуллинга»: разработка и предварительная валидизация. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*. 2020;17(3):521–541. DOI: 10.22363/2313-1683-2020-17-3-521-541.

33. Госпитальная шкала тревоги и депрессии. В: Белова АН, Щепетова ОН, редакторы. *Шкалы, тесты и опросники в медицинской реабилитации*. Москва: Антидор; 2002. с. 80–83.
34. Осин ЕН, Леонтьев ДА. Апробация русскоязычных версий двух шкал экспресс-оценки субъективного благополучия. В: *Социология и общество: проблемы и пути взаимодействия. Материалы III Всероссийского социологического конгресса; 21–24 октября 2008 г.; Москва, Россия*. Москва: Институт социологии РАН; 2008. с. 162–172. Совместное издание с Российским обществом социологов.
35. Митина ЛМ. *Психология развития конкурентоспособной личности*. Москва: Издательство Московского психолого-социального института; 2002. 400 с. Совместно с издательством «Модэк».
36. Овчарова РВ. *Справочная книга социального педагога*. Москва: Сфера; 2004. 480 с.
37. Воробейник ЯН. *Руководство по аутопсихотерапии (история, теория, практика)*. Одесса: Одесса; 2004. 360 с.

References

1. Smith P, Mahdavi J, Carvalho M, Tippet N. An investigation into cyberbullying, its forms, awareness and impact, and the relationship between age and gender in cyberbullying [Internet]. 2020 [cited 2020 May 15]. Available from: <https://static.lgfl.net/LgflNet/downloads/online-safety/LGfL-OS-Research-Archive-2006-Goldsmiths-Cyberbullying.pdf>.
2. Young KS. Internet addiction: the emergence of a new clinical disorder. *Cyber Psychology & Behavior*. 2009;1(3):237–244. DOI: 10.1089/cpb.1998.1.237.
3. Gini G, Espelage DL. Peer victimization, cyberbullying, and suicide risk in children and adolescents. *AMA*. 2014;312(5):545–546. DOI: 10.1001/jama.2014.3212.
4. Shejnov VP. Cyberbullying: prerequisites and consequences. *Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya*. 2019;4(2):77–98. Russian.
5. Soldatova G, Rasskazova E, Zotova E, Lebesheva M, Roggendorf P. Children of Russia online. Results of the international project EU Kids Online II in Russia [Internet]. Moscow: [s. n.]; 2012 [cited 2020 April 15]. p. 213. Available from: http://cyberpsy.ru/literature/russian_kids_online/. Russian.
6. Belkovets OS. Phenomenon of cyberbullying among adolescents in social networks. *Vesci BDPU. Seryja 1. Pedagogika. Psihologija. Filalogija*. 2016;2:46–49. Russian.
7. Sheinov VP. Victimization of mockeries' victims as the source of their negative emotional states. *Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya*. 2019;4(1):94–123. Russian.
8. Sheinov VP. Intrapersonal predictors of victimization. *Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk. Organizatsionnaya psikhologiya i psikhologiya truda*. 2019;4(1):154–182. Russian.
9. Fredstrom BK, Adams RE, Gilman R. Electronic and school-based victimization: unique contexts for adjustment difficulties during adolescence. *Journal of Youth and Adolescence*. 2011;40(4):405–415. DOI: 10.1007/s10964-010-9569-7.
10. Chen L, Ho SS, Lwin MO. A meta-analysis of factors predicting cyberbullying perpetration and victimization: from the social cognitive and media effects approach. *New Media & Society*. 2017;19(8):1194–1213. DOI: 10.1177/1461444816634037.
11. Perren S, Dooley J, Shaw T, Cross D. Bullying in school and cyberspace: associations with depressive symptoms in Swiss and Australian adolescents. *Child and Adolescent Psychiatry and Mental Health*. 2010;4:28. DOI: 10.1186/1753-2000-4-28.
12. Schneider SK, O'Donnell L, Stueve A, Coulter RWS. Cyberbullying, school bullying, and psychological distress: a regional census of high school students. *American Journal of Public Health*. 2012;102(1):171–177. DOI: 10.2105/AJPH.2011.300308.
13. Geel M, Vedder P, Tanilon J. Relationship between peer victimization, cyberbullying, and suicide in children and adolescents. A meta-analysis. *JAMA Pediatr*. 2014;168(5):435–442. DOI: 10.1001/jamapediatrics.2013.4143.
14. Stodt B, Wegmann E, Brand M. Predicting dysfunctional Internet use: the role of age, conscientiousness, and Internet literacy in Internet addiction and cyberbullying. *International Journal of Cyber Behavior, Psychology and Learning*. 2016;6(4):1–16. DOI: 10.4018/IJCBPL.2016100103.
15. Navarro JN, Marcum CD, Higgins GE, Ricketts ML. Addicted to the thrill of the virtual hunt: examining the effects of Internet addiction on the cyberstalking behaviors of juveniles. *Deviant Behavior*. 2016;37(8):893–903. DOI: 10.1080/01639625.2016.1153366.
16. Casas JA, Rey RD, Ortega-Ruiz R. Bullying and cyberbullying: convergent and divergent predictor variables. *Computers in Human Behavior*. 2016;29(3):580–587.
17. Gorgich EAC, Moftakhar L, Barfroshan S, Arbabisarjou A. Evaluation of Internet addiction and mental health among medical sciences students in the southeast of Iran. *Shiraz E-Medical Journal*. 2018;19:1. DOI: 10.5812/semj.55561.
18. Bodhi V, Kaur J. Psychological correlates of Internet addiction among college students. *Indian Journal of Health & Wellbeing*. 2017;8(11):1404–1408.
19. Gholamian B, Shahnazi H, Hassanzadeh A. The prevalence of Internet addiction and its association with depression, anxiety, and stress, among high-school students. *International Journal of Pediatrics*. 2017;5(4):4763–4770. DOI: 10.22038/IJP.2017.22370.1874.
20. Servidio R. A discriminant analysis to predict the impact of personality traits, self-esteem, and time spent online on different levels of internet addiction risk among university students. *Studia Psychologica*. 2019;61(1):56–70. DOI: 10.21909/sp.2019.01.772.
21. Baturay MH, Tokar S. Internet addiction among college students: some causes and effects. *Education and Information Technologies*. 2019;24(5):2863–2885.
22. Servidio R, Gentile A, Boca S. The mediational role of coping strategies in the relationship between self-esteem and risk of Internet addiction. *Europe's Journal of Psychology*. 2018;14(1):176–187. DOI: 10.5964/ejop.v14i1.1449.
23. Ibili E. Internet addiction levels and problem-solving skills in the teaching profession: an investigation. *Acta Didactica Napocensia*. 2017;10(4):93–107.
24. Rahmati S, Keramati H. The relationship between the Internet addiction and students' social self-efficacy, identity styles and gender differences. *Health System Research*. 2016;12(1):21–26.
25. Javaeed A, Jeelani R, Gulab S, Ghauri SK. Relationship between Internet addiction and academic performance of undergraduate medical students of Azad Kashmir. *Pakistan Journal of Medical Sciences*. 2020;36(2):229–233. DOI: 10.12669/pjms.36.2.1061.

26. Sert H, Yilmaz FT, Kumsar AK, Aygin D. Effect of technology addiction on academic success and fatigue among Turkish university students. *Fatigue: Biomedicine, Health & Behavior*. 2019;7(1):41–51. DOI: 10.1080/21641846.2019.1585598.
27. Lachmann B, Sindermann C, Sariyska RY, Luo R, Melchers MC, Becker B, et al. The role of empathy and life satisfaction in Internet and smartphone use disorder. *Frontiers in Psychology*. 2018;9:398. DOI: 10.3389/fpsyg.2018.00398.
28. Longstreet P, Brooks S. Life satisfaction: a key to managing Internet and social media addiction. *Technology in Society*. 2017;50:73–77. DOI: 10.1016/j.techsoc.2017.05.003.
29. Błachnio A, Przepiorka A, Benvenuti M, Mazzoni E, Seidman G. Relations between Facebook intrusion, Internet addiction, life satisfaction, and self-esteem: a study in Italy and the USA. *International Journal of Mental Health and Addiction*. 2019;17:793–805.
30. Shao Y-J, Zheng T, Wang Y-Q, Liu L, Chen Y, Yao YS. Internet addiction detection rate among college students in the People's Republic of China: a meta-analysis. *Child and Adolescent Psychiatry and Mental Health*. 2018;12:25. DOI: 10.1186/s13034-018-0231-6.
31. Stavropoulos V, Griffiths MD, Burleigh TL, Kuss DJ, Doh YY, Gomez R. Flow on the Internet: a longitudinal study of Internet addiction symptoms during adolescence. *Behavior & Information Technology*. 2018;37(2):159–172. DOI: 10.1080/0144929X.2018.1424937.
32. Sheinov VP. Questionnaire on Assessing individual vulnerability to cyberbullying: development and preliminary validation. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*. 2020;17(3):521–541. DOI: 10.22363/2313-1683-2020-17-3-521-541. Russian.
33. [Hospital Anxiety and Depression Scale]. In: Belova AN, Shchepetova ON, editors. *Shkaly, testy i oprosniki v meditsinskoj reabilitatsii* [Scales, tests and questionnaires in medical rehabilitation]. Moscow: Antidor; 2002. p. 80–83. Russian.
34. Osin EN, Leont'ev DA. [Approbation of Russian-language versions of two scales for rapid assessment of subjective well-being]. In: *Sotsiologiya i obshchestvo: problemy i puti vzaimodeistviya. Materialy III Vserossiiskogo sotsiologicheskogo kongressa; 21–24 oktyabrya 2008 g.; Moskva, Rossiya* [Sociology and society: problems and ways of interaction. Materials of the III All-Russian Sociological Congress; 2008 October 21–24; Moscow, Russia]. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; 2008. p. 162–172. Co-published by the Russian Society of Sociologists. Russian.
35. Mitina LM. *Psikhologiya razvitiya konkurentosposobnoi lichnosti* [Development psychology of a competitive personality]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo psikhologo-sotsial'nogo instituta; 2002. 400 p. Co-published by the «Modek». Russian.
36. Ovcharova RV. *Spravochnaya kniga social'nogo pedagoga* [Social educator reference book]. Moscow: Sfera; 2004. 480 p. Russian.
37. Vorobejnik YaN. *Rukovodstvo po autopsikhoterapii: istoriya, teoriya, praktika* [Autopsychotherapy guide: history, theory, practice]. Odessa: Odessa; 2004. 360 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 12.07.2020.
Received by editorial board 12.07.2020.

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ЗАДАННУЮ ТЕМУ

REFLECTIONS ON A GIVEN THEME

УДК 316.74:001

СПАСЕТ ЛИ НАУКА ЧЕЛОВЕЧЕСТВО?

Е. М. БАБОСОВ¹⁾

¹⁾Институт социологии Национальной академии наук Беларуси,
ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются глобальные вызовы современности (глобализация, глобальная нестабильность, глобальное изменение климата, цифровизация и др.) и роль науки в их разрешении. История науки доказывает, что новые идеи и теории выдвигаются чаще всего тогда, когда в рамках существующих знаний появляются определенные явления и процессы, причины возникновения которых неизвестны. Отмечается, что в Беларуси действует комплексная программа внедрения цифровых технологий в производство, а также в здравоохранение, образование, культуру. Базовыми компонентами полноформатного цифрового технологического пакета являются мощные централизованные и распределенные вычислительные средства; программное обеспечение, основанное на системах искусственного интеллекта; сетевые ресурсы нового поколения, объединяющие большие данные (*Big Data*). Осмысливается роль науки в движении человечества к будущему. Утверждается необходимость возникновения человеческой цивилизации, в центре которой будет жить и действовать всесторонне развитый, многомерный, творчески преобразующий окружающую реальность человек.

Ключевые слова: наука; И. Р. Пригожин; С. Ф. Хантингтон; Ё. Ф. Фукуяма; Ю. Н. Харари; А. А. Болонкин; Р. Курцвейл; современные вызовы; глобализация; глобальная нестабильность; глобальное изменение климата; цифровизация.

Образец цитирования:

Бабосов ЕМ. Спасет ли наука человечество? *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2020;3:73–82.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-3-73-82>

For citation:

Babosov EM. Will science save humanity? *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2020;3:73–82. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-3-73-82>

Автор:

Евгений Михайлович Бабосов – академик НАН Беларуси, доктор философских наук, профессор; главный научный сотрудник.

Author:

Evgenii M. Babosov, academician of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (philosophy), full professor; chief researcher.
babosov@yandex.ru

WILL SCIENCE SAVE HUMANITY?

E. M. BABOSOV^a

^a*Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Surhanava Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus*

The article examines the global challenges of our time (globalisation, global instability, global climate change, digitalisation, etc.) and the role of science in resolving them. The history of science testifies that new ideas and theories are put forward most often when, within the framework of existing knowledge, an area of ignorance of the causes of a certain range of phenomena and processes appears. It is noted that Belarus is implementing a comprehensive program for the introduction of digital technologies in production, as well as in the health care, education, and culture systems. The basic components of a full-format digital technology package are powerful centralised and distributed computing resources, software based on artificial intelligence systems. Here, new generation network resources are being mastered, combining *Big Data*. The role of science in the movement of humanity towards the future is comprehended. The need for the emergence of human civilisation, in the center of which man will live and act, is affirmed. This person is comprehensively developed, multidimensional, creatively transforming the surrounding reality.

Keywords: science; I. R. Prigozhin; S. Ph. Huntington; Yo. F. Fukuyama; Yu. N. Harari; A. A. Bolonkin; R. Kurzweil; contemporary challenges; globalisation; global instability; global climate change; digitalisation.

Когда объектом изучения становится всевозрастающая роль науки не только в исследовании ныне осуществляющихся процессов окружающей реальности, но и возможных их изменений в будущем, тогда необходимо принимать во внимание очень важную в теоретико-методологическом значении, разработанную лауреатом Нобелевской премии И. Р. Пригожиным и его последователями теорию неравновесных, необратимых процессов и наполнения бифуркациями хаотических систем, которые дают вероятностное описание исследуемых событий в образах стрелы времени и научных терминах сжатия траекторий. Подчеркивая активное творческое включение субъекта познания в проникновение сущности прошлого и предвиденного в вероятностной парадигме предстоящего будущего, знаменитый физикохимик писал: «Человек отвечает и за стрелу времени, и за переход от квантовой “потенциальности” к квантовой “актуальности”, т. е. за все особенности, связанные со становлением и событиями в нашем физическом описании». Ученый считал, что все содержание развиваемой им теории «может служить иллюстрацией созидательной роли человека в истории науки» [1, с. 10].

Конкретизируя тезис о фундаментальной роли стрелы времени, И. Р. Пригожин подчеркивал, что «жизнь эволюционирует по вероятностным законам» [2, с. 158]. Однако при всем многообразии таких вероятностей «везде мы наблюдаем стрелу времени: будь это в биологии, космологии или в нашей собственной жизни... Стрела времени существует, и она является необратимой последовательностью событий» [3, р. 42]. Понимать их возникновение, как истолковывает И. Р. Пригожин, следует в связи

с бифуркациями, при которых прежние основы организации и регулирования системы распадаются, она оказывается в ситуации неуправляемого хаоса с непредсказуемыми для всей системы последствиями. Бифуркация вследствие отсутствия в ней предопределенности разворачивающихся событий может привести как к более высокой организации системы, так и к полной ее дезинтеграции. Если с этих позиций проследить развитие Вселенной, то мы, по мнению И. Р. Пригожина, «видим Вселенную, которая ориентирована во времени и находится далеко от положения равновесия». Чтобы понять, каким образом это произошло, необходимо иметь в виду, что «в момент Большого взрыва уже существовала стрела времени... Поэтому я думаю, что для того, чтобы даже качественно понять Вселенную, окружающую нас, необходима теория, включающая в себя необратимость, стрелу времени» [2, с. 44].

Этот постулат И. Р. Пригожин понимал так: созидательная мощь физики и космологии, в целом науки, раскрывающей в своем развитии все новые и новые тайны природы, заключается в ее созидательной сущности, неотрывной от постоянной восприимчивости к расширению и необратимости научного познания. По словам И. Стенгерс, «для Пригожина... необратимость должна была обрести фундаментальный смысл или же превратиться в иллюзию не только человеческого опыта, но и всех биологических и исторических процессов, свидетельствовавших в пользу стрелы времени» [2, с. 92].

И. Р. Пригожин был убежден, что основные теоретические положения развиваемой им концепции

диссипативных структур «применимы ко многим областям исследований, включая даже экономические и социальные науки» [2, с. 173]. Все происходящее в данных сферах социально-экономической реальности связано с бифуркациями, поэтому будущее неопределенно. Ученый утверждал: «В наше время глобализации и коммуникационной революции поведение на индивидуальном уровне играет как никогда ключевую роль при формировании эволюции всего человеческого рода... Роль отдельных личностей сейчас более важна, чем когда-либо» [2, с. 198].

Подробно исследуя феномен «парадокс времени», И. Р. Пригожин выделял три «различных уровня времени: время, выражаемое понятием классической или квантовой механики; время, связанное с необратимостью процесса через функцию Ляпунова; время, характеризующее «историю» системы через бифуркацию». Он утверждал, что «на основе проведенного выделения различных концепций времени можно добиться лучшей интеграции теоретической физики и химии с другими науками» [2, с. 215].

В своем послании будущим поколениям выдающийся ученый и мыслитель современности подчеркивал, что человеческие решения зависят от памяти в прошлом и от того, что можно ждать в будущем. Чтобы эти ожидания сбылись, «наконец-то должен совершиться переход от культуры войны к культуре мира». После наступления такого долгожданного события «человек постоянно испытывает новые возможности, которые могут привести к более гармоничным отношениям человека с человеком и человека с природой... <...> Мы приближаемся к точке бифуркации, которая связана с прогрессом в развитии информационных технологий и со всем тем, что к ним относится, как то: средства массовой информации, робототехника и искусственный интеллект. <...> Сохранение плюрализма культур и уважения к другим культурам потребует внимания будущих поколений. <...> Дело будущих поколений – создать новую связь, которая воплотит как человеческие ценности, так и науку, нечто такое, что покончит с пророчествами о “конце Науки”, “конце Истории” или даже о наступлении эры “пост-Человечества”. <...> Мы не нуждаемся ни в каком “пост-Человечестве”. Человек, каким он является сегодня, со всеми его проблемами, радостями и печалью, в состоянии понять это и сохранить себя в следующих поколениях. Задача в том, чтобы найти узкий путь между глобализацией и сохранением культурного плюрализма, между насилием и политическими методами решения проблем, между культурой войны и культурой разума. Это ложится на нас как тяжкое бремя ответственности. Однако я остаюсь оптимистом... верю в возникновение необходимых

флуктуаций, посредством которых те опасности, которые мы ощущаем сегодня, могли бы быть успешно преодолены»¹ [2, с. 223–226].

Человеку как индивиду и человеку как общепланетарному роду людскому всегда свойственно задумываться о предстоящем будущем. Причем такое осмысление чаще всего сопрягает воедино представления об открывающихся перед ним возможных путях развития и познание человеком самого себя в категориях этого будущего. Именно так объясняет ориентированность человеческого существования выдающийся немецкий философ-экзистенциалист К. Ясперс: «Ответить на вопрос “Что же произойдет?” нельзя. Человек, живой человек будет отвечать на него всю жизнь и бытие в ходе своей деятельности. Прогноз на будущее (активный прогноз, который станет одним из детерминантов будущего) может быть нацелен на введение человечества в осмысление себя» [3, р. 228].

Подобного рода варианты понимания человечеством самого себя в перспективе будущего чаще всего возникают и распространяются в интеллектуальной среде в такие периоды времени, в которые одно столетие принимает эстафету поколений и их действий от своего предшественника. В последние годы наиболее резонансными с точки зрения воздействия на мировое общественное мнение стали сформулированные С. Ф. Хантингтоном, Ё. Ф. Фукуямой и Ю. Н. Харари предсказания о более или менее отдаленном будущем человечества.

Влиятельный американский социолог С. Ф. Хантингтон в своей книге «Столкновение цивилизаций» утверждает, что основным продуктом «потрясающей экспансии научных и инженерных знаний» в ближайшей перспективе станут глобальные конфликты между различными цивилизациями, неизбежно перерастающие в «столкновение цивилизаций» [4].

Американский политолог японского происхождения Ё. Ф. Фукуяма в своей широко известной работе «Конец истории» заявляет, что мировая история как продукт соперничества идеологий подошла к своему завершению, поскольку после крушения коммунизма в качестве «единственного принципа» политической ориентации человечества утверждается концепция либеральной демократии. В его представлении конец истории – это не конец событийной истории, а конец века идеологических противоборств, глобальных революций и войн и одновременное возвышение личных свобод, неотрывных от искусства, философии, знаний [5].

Наконец, большой интерес у читающей публики вызвал ставший всемирной сенсацией труд профессора, футуролога Еврейского университета в Иерусалиме Юваль Ной Харари «Homo Deus. Краткая история будущего», переведенный в 2018 г. на русский

¹Здесь и далее цитаты приводятся с сохранением языковых особенностей оригинала. – Е. Б.

язык и опубликованный в издательстве «Синдбад» в 2020 г. в Москве. Автор предрекает, что главным продуктом экономики XXI в. станет не вооружение, автомобили или одежда, а тела, мозги и интеллект. Одновременно с этим крупномасштабным действием технологическая революция создаст обширный класс неработающих, бесполезных людей и приведет к тому, что социальные сети *Google* и *Facebook* будут знать нас лучше, чем мы себя сами, а власть, технология и компетенции перейдут от живых людей к сетевым алгоритмам, которые сольются в единое целое с людьми.

Воплощая в себе следующий после *Homo Sapiens* и качественно своеобразный этап эволюции, *Homo Deus* наполняет глубоким содержанием не только бессмысленный мир на нашей планете, но и за ее пределами. Ю. Н. Харари утверждает, что «подлинный голос моего истинного “я”... является источником смысла и права во Вселенной» [6, с. 340].

У названных трех всемирно известных бестселлеров имеется как огромное количество восторженных приверженцев, так и масса яростных противников. Такая оценка в сущности своей применима к любому предвидению, предчувствию, предсказанию, предупреждению о человеческом будущем.

Представленные концепции человеческого будущего при всех различиях имеют общую характерную особенность: доказывая свои представления о будущем, они в той или иной степени опираются на авторитет научного знания. Это вполне объяснимо, ведь даже самая фундаментальная идея не может существовать сегодня, не используя научные аргументы, тем более когда речь идет о возможных путях, ведущих род человеческий в будущее.

Американский писатель Дж. Лондон очень верно подметил, что окружающий мир был бы плоским и неинтересным, если бы в нем не было тайн. Их изучение является важнейшей прерогативой науки. Раскрытие одной тайны природы побуждает к исследованию новых (в этом и состоит основной социально-психологический механизм прогрессирующего научного развития). Первая особенность научной проблемы, которая возникает у мыслителя, заключается в том, что в своем стремлении изучить сущность того или иного явления или процесса он пытается разгадать некую неизвестную до сих пор причину происхождения этого явления.

История науки свидетельствует о том, что новые идеи и теории выдвигаются чаще всего тогда, когда в рамках существующих знаний появляется более или менее обширная область незнания причин определенного круга явлений и процессов, составляющих для ученого пока не изведенную тайну, которую надо раскрыть. В конце 1920-х гг. при экспериментальных исследованиях процесса бета-распада, состоящего в самопроизвольном испускании отрицательных электронов атомными ядрами,

оказалось, что энергии электронов, вылетающих из ядра, не строго определенные, а самые разнообразные. В большинстве случаев этой энергии явно не хватало (по сравнению с той, какую они должны были иметь). Создавалось впечатление, что она куда-то исчезает, как будто нарушался закон сохранения энергии. Трудности были настолько серьезными, что некоторые крупные физики предлагали даже отказаться от этого фундаментального закона. Возникла новая и сложная научная проблема: следовало определить причины такой парадоксальной ситуации, узнать, что именно приводит к кажущемуся (или реальному) нарушению закона сохранения энергии.

Данную проблему стремился решить выдающийся швейцарский физик В. Паули. Кажущееся несохранение энергии обусловлено тем, что в процессе бета-распада действует какая-то странная, таинственная, еще неизвестная науке, ненаблюдаемая нейтральная (потому практически не обнаруживаемая) частица, уносящая с собой «исчезнувшую» часть энергии. Итогом мучительных раздумий этого физика стал сделанный им в 1931 г. теоретический вывод о том, что в природе должна существовать еще одна, пока неизвестная нейтральная частица с массой, намного меньшей, чем у нейтрона, – нейтрино (т. е. маленький нейтрон, нейтрончик).

После того как гипотеза о существовании нейтрино была сформулирована, в многочисленных экспериментах, продолжавшихся более четверти века, в том числе и с использованием ядерных реакторов, опытным путем была доказана истинность теоретической концепции о существовании и удивительных свойствах нейтрино. Эти частицы вследствие присущих им слабых взаимодействий с окружающими веществами обладают огромной проникающей способностью (они, в частности, могут легко пронизывать Солнце); участвуют в ряде процессов, происходящих внутри звезд; в огромных количествах ежесекундно пронизывают каждый квадратный сантиметр земной поверхности, входя в состав энергетических потоков, идущих от Солнца к Земле. Эти и другие особенности «неуловимых» частиц привели в 1960-х гг. к возникновению нейтринной астрономии, способной решать широкую гамму новых научных вопросов, в том числе и кажущуюся многим фантастической проблему существования антимиров.

Приведенный пример (а их в истории науки можно найти очень много) выражает основные тенденции развития науки: стремление к более глубокому научному познанию и переход через некоторый барьер, ограничивающий современный уровень знаний. Задача ученого – очертить не только границы доступного знания, но и пределы незнания тех неизвестных сторон, особенностей исследуемого объекта, которые требуется рас-

крыть. Таким образом, намечаются пути научного поиска, т. е. определяется направление, в котором должна двигаться научная мысль, проявляются проблески потенциального решения возникающей проблемы. Творчески мыслящий ученый в этой ситуации встречается с нелинейностью, противоречивостью, поливероятностью развития научного знания.

При таких обстоятельствах нужно активно заниматься поиском возможных путей преодоления новой проблемы. Требуются смелость и волевое усилие, чтобы выбрать тот или иной вариант возможного решения этой задачи. Именно тогда у исследователя возникает (сначала в приблизительной, а затем во все более определенной форме) стремление провести абсолютно новые научно-поисковые процедуры. Иными словами, все отчетливее проявляется необходимость предвосхищения, предвидения таких действий, которые с большой долей вероятности приведут к желаемому научному успеху.

Одна из важнейших особенностей науки заключается в ее способности предвидеть, т. е. предполагать будущее состояние изучаемых явлений природы и общества, основываясь на познании тенденций и закономерностей развития определенной сферы действительности и возможных вариантов развертывания событий. Высшей формой научного предвидения является определение главных трендов событийных трансформаций, формирующих будущее человечества в его жизнеутверждающем и смылосозидающем творчестве.

В органическом взаимодействии с научными исследованиями в области здравоохранения важную спасительную роль в преодолении и предупреждении жизненно опасных угроз, с которыми приходится сталкиваться современному человечеству, играют генетические исследования и их практико-ориентированные применения в форме геной (или генетической) инженерии. В своей сущности геновая инженерия – это многоаспектная система концептуальных установок, методов, технологий и практических приемов получения рекомбинантных рибонуклеиновых и дезоксирибонуклеиновых кислот (РНК и ДНК), выделения генов из организмов, осуществления манипуляций с генами, введения их в другие организмы и выращивания искусственных организмов после удаления выбранных генов из ДНК. Теоретическую основу геной инженерии составляет расшифровка генетического кода как универсального биологического механизма конструирования новых живых систем и управления их жизнедеятельностью. Геновая инженерия представляется как эффективно действующий биотехнологический инструмент, в разработке и применении которого используются методы следующих наук: молекулярной и клеточной биологии, гене-

тики, микробиологии, иммунобиологии, нейробиологии, вирусологии [7].

Столь обширная научно-теоретическая база создает предпосылки и новые возможности для генетической диагностики и ее крупномасштабного применения. В последние годы в среде художественной и научно-преподавательской интеллигенции все чаще звучат опасения по поводу того, что новейшие цивилизационные трансформации, предоставившие человеку возможность мгновенно получать большие потоки информации, «укорачивают память» (по словам выдающегося современного кинорежиссера А. Кончаловского). Этот весьма нежелательный и опасный для человека и всего человечества процесс происходит, по данным американских медицинских генетиков, при стимулировании у человека определенной области мозга, в результате чего возможности памяти и в целом интеллекта возрастают в два раза.

Быстрое развитие генетики человека и все более широкие практические исследования ее результатов могут обеспечить человека донорскими органами (с помощью клонирования). Однако этот процесс имеет и отрицательную сторону: накапливает в генофонде нации плохой геномный материал. Таким образом, чем активнее станут лечить человека, тем хуже будет генофонд.

В связи с этим следует иметь в виду, что чем сильнее развит человеческий мозг, тем более сложные операции он может осуществлять, что в значительной степени обусловлено активным применением познавательных способностей (фантазии, воображения, логики и индукции), необходимых для того, чтобы прогнозировать будущее.

Развитие генетики человека привело к появлению персонализированной медицины, которая позволяет подобрать оптимальные схемы и пути лечения каждого пациента с учетом его генетических особенностей. В Республиканском центре геномных биотехнологий, функционирующем в Институте генетики и цитологии НАН Беларуси, активно осваивается фармакогенетика (определяет индивидуальную чувствительность человека к тем или иным лекарствам), а также нутригеномика (позволяет составить персональную диету с учетом генетических особенностей метаболизма); ведется генетическая паспортизация (выявляет индивидуальную predisposition к 20 социально значимым недугам, среди которых – сердечно-сосудистые заболевания, диабет, остеопороз и др.). Также в Институте генетики и цитологии НАН Беларуси реализуется совместно с российскими коллегами крупный научный проект «ДНК-идентификация». Результаты исследования могут пользоваться правоохранительные органы, в частности осуществлять поиск преступников с учетом данных молекулярно-генетического анализа, который может подсказать осо-

бенности внешности, возраста и даже характера криминальной личности².

В соответствии с приведенными несколькими аспектами использования генной инженерии в повседневной жизнедеятельности отдельных личностей и человечества как планетарной целостности (в настоящее время разобщенной) ученые приходят к умозаключению, что жизненно необходимо осуществлять социально-этическое и гуманистическое регулирование всех нововведений и использовать их в сфере научного знания и практического действия. Речь идет в первую очередь о возможности применения генетических методов и способов воздействия на биологические основы жизни, развитие здоровья отдельного человека и всего человечества. При таком подходе, ориентированном на человека, генная инженерия и весь цикл биологических наук с успехом и желаемыми результатами выполняют миссию по спасению человеческого рода как в современном мире, так и в процессе активного и уверенного участия в построении предпочтительного будущего.

Генная инженерия – специфическая сложноструктурированная и многофункциональная часть биотехнологий, включающая в себя действия по перестройке генотипов, в том числе человеческих. Их можно целенаправленно программировать, включать в активную деятельность отдельные гены и выключать их, переносить генетические инструкции из одного организма в другой, получая тем самым важные практические результаты, например устойчивость к радиации или способность к регенерации поврежденных органов.

С применением метода генной терапии можно лечить диабет, анемию, гепатит, онкологические заболевания, очищать кровеносные артерии, восстанавливать нормальную деятельность различных органов путем излечения травм.

Необходимо иметь в виду, что целенаправленный контроль над генами и их функционированием позволит человеку в ближайшей перспективе усилить и сделать более разнообразными свои собственные способности, а также формировать и развивать способности своих детей. Один из первооткрывателей ДНК Дж. Уотсон считает, что человеческая глупость является по своей сути генетическим заболеванием и в будущем станет излечимой благодаря применению методов и технологий генной терапии [8, с. 1–2].

Непрестанно расширяются области практического применения генной инженерии, которая включает в себя ряд направлений: генотерапию; биоиндустрию; технологии, с помощью которых получают генетически модифицированные организмы растений и животных, а также технологии, основанные на

использовании стволовых клеток. Они все активнее применяются в кардиологии, травматологии и ортопедии, гематологии, онкологии. Именно со стволовыми клетками связывают надежды на успешный исход в лечении инфаркта миокарда, инсульта мозга, различных травм [9]. Генетических паспортов уже выдано 17 тыс. (как белорусам, так и жителям других стран). Данная услуга широко востребована, за ней в Институт генетики и цитологии НАН Беларуси обращались граждане из 22 стран, в частности из США, Китая, Маврикия³.

Среди угроз и опасностей, с которыми придется сталкиваться человечеству, специалисты одной из важнейших называют глобальное изменение климата, вызванное среднегодовым увеличением температуры, приводящим к таянию ледников и повышению уровня Мирового океана, а также к разбалансировке всех природных систем, температурным аномалиям, частому возникновению таких экстремальных явлений, как наводнения, засухи и ураганы. Климатологи предупреждают, что в ближайшие десятилетия необратимые негативные последствия для экологии наступят уже при потеплении более чем на 2 %, а при нынешних темпах потепления, если не начать всерьез заниматься охраной окружающей среды, температура на планете может подняться на 3,7–4,8 %.

Следует иметь в виду, что изменение климата происходит по двум причинам. Первая из них естественная, обусловленная эволюционным развитием самой планеты, включающим в себя формирование вулканов, ледников, долин, гор и плато, зарождение и выживание животных. Вторая – это совокупность искусственных факторов, вызываемых деятельностью человека: развитием электростанций, промышленных предприятий, использованием ископаемого топлива, стремительным развитием автотранспорта.

Многочисленные научные исследования, осуществляемые в области климатологии и экологии, свидетельствуют о том, что главной причиной глобального потепления являются парниковые газы. Возникающий в результате нагревания атмосферы тепловой энергией парниковый эффект в XX – начале XXI в. становится объектом климатической озабоченности научного сообщества. Главной причиной глобального потепления начиная с 1950 г. считается концентрация диоксида углерода (CO₂) в атмосфере. Согласно данным Межгосударственной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК) за 2007 г., концентрация CO₂ в атмосфере в 2005 г. составила 379 чнм (частей на миллион), а в доиндустриальный период она достигала 280 чнм. Чтобы предотвратить резкое глобальное потепление в ближайшие годы, концентрация углекислоты

²Беларусь сегодня. 2020. 22 июня. С. 10.

³Леснова В. Бренд генетиков // Наука. 2020. 27 июля. С. 1–2.

должна быть снижена до 350 чнм. В настоящее же время она составляет 385 чнм и ежегодно увеличивается в основном из-за сжигания ископаемого топлива и вырубки лесов [10].

Необходимо учитывать и международный аспект рассматриваемой проблемы. Глобальное потепление и вызванные им климатические изменения могут спровоцировать не только нежелательные изменения в природной среде, но и обострить межгосударственные противоречия, которые связаны с поиском и добычей энергоносителей, дефицитом водных и продовольственных ресурсов.

Полностью предотвратить изменение климата человечеству вряд ли удастся, но активное и целенаправленное применение достижений науки по сдерживанию глобального потепления позволит спасти человечество от климатической катастрофы мирового масштаба. Речь в данном случае должна идти как о развитии новых теоретических концепций в изменении климата, так и о реализации на основе этих концепций принципиально новых энергосберегающих и природоохранных технологий и их неуклонном внедрении, особенно в области возобновляемых источников энергии: гидроэнергетики, ветра, солнечного тепла, приливов и отливов.

Начиная с 2021 г. должно вступить в силу подписанное 185 странами Парижское соглашение по климату, участники которого обязаны определить объемы выбросов парниковых газов, принять национальные планы по технологическому перевооружению и адаптации к климатическим изменениям, разработать национальные стратегии перехода на безуглеродную экономику, наладить международный обмен зелеными технологиями в сфере энергоэффективности, промышленности, строительства, сельского хозяйства. Выполнение пунктов данного соглашения поможет отсрочить (или избежать) самые катастрофические последствия климатических изменений.

В Беларуси в последние годы началась реализация комплексной программы внедрения цифровых технологий в производство, а также в системы здравоохранения, образования, культуры, что очень важно с точки зрения осуществления наукой функции спасения и развития человека. Базовыми компонентами полноформатного цифрового технологического пакета являются мощные централизованные и распределенные вычислительные ресурсы (квантовые и суперкомпьютеры, облачные и периферийные вычисления), программное обеспечение, основанное на системах искусственного интеллекта. Здесь же осваиваются сетевые ресурсы нового поколения, объединяющие большие данные (*Big Data*), снабжающие органы государственного управления, субъекты хозяйствования и конкретных потребителей.

Возрастающие масштабы сложных и эффективных технологий, создаваемых на основе научных достижений, как подчеркивал председатель Президиума НАН Беларуси академик В. Г. Гусаков, приведут в ближайшем будущем не только к трансформации производственных мощностей, но и к изменению на рынке труда. Прежде всего это должно быть во многом индивидуализированное или персонифицированное производство, география размещения которого претерпит большие перемены. Они будут приближены к конечному потребителю на основе использования компактных устройств и аддитивных технологий. Принципиально улучшатся традиционно востребованные потребительские качества товаров и услуг, возможно, известные продукты приобретут новые характеристики. Повсеместно станут применяться сенсорные устройства, которые позволят отслеживать состояние продукта на всем жизненном цикле, формировать превентивный заказ производственным и сервисным структурам, оптимизировать инфраструктуру поставок. Беспилотные транспортные средства сменят традиционные. Многие из названного уже можно наблюдать на практике.

С технологической точки зрения предполагается осуществление перехода к децентрализованному цифровому производству. Процесс сборки технических средств будет информатизирован и роботизирован. Он станет управляться с помощью искусственного интеллекта. Цифровизация позволит внести кардинальные улучшения в производственные процессы, проектно-конструкторские работы, использование сырья и материалов, а также в управление цепочками поставок и в регулирование жизненного цикла производимого продукта. Например, в агропромышленном комплексе базовой станет концепция точного земледелия, в здравоохранении – персонализированная медицина, в строительстве – интеллектуальное здание.

Главным итогом всех нововведений, основанных на достижениях науки, станет формирование высокоинтеллектуального общества, в котором потребности каждого человека должны быть гармонизированы с потребностями всего социума для получения максимума общественных благ. Средоточие нового общества, его главная движущая сила – высокоинтеллектуальный человек-творец, т. е. человек новой формации, постоянно повышающий свои компетенции, мотивированный, думающий, обладающий широтой познаний и нацеленный на созидание⁴.

Ряд интересных, не всегда бесспорных суждений о спасительной роли науки в развитии человечества в XXI в. высказал израильский историк и футуролог Ю. Н. Харари (о нем уже говорилось в начале данной работы). Во все времена, считает он, человечеству

⁴Гусаков В. Г. COVID-19 – это сигнал к смене образа мышления // Беларусь сегодня. 2020. 26 мая. С. 6.

не хватает основных жизненных ресурсов, а в современном, технологически стремительно развивающемся мире данная проблема очень обострилась. «Решение предложила наука», – утверждает он. В настоящее время для развития человечества есть три необходимых вида ресурсов: «...сырье, энергия и знания. Сырье и энергия невозобновляемы – чем больше вы их используете, тем меньше у вас остается. Знание, напротив, накапливаемый ресурс – чем больше вы его используете, тем больше его у вас становится. Кроме того, увеличение объема знаний может обеспечить больше сырья и энергии... <...> Когда люди поняли, как мало они знают о мире, у них появился сильнейший стимул к получению новых знаний, который разблокировал пути к прогрессу науки. Каждому новому поколению наука помогала открывать новые незнакомые ранее источники энергии, новые виды сырья, лучшие механизмы и более эффективные методы производства» [6, с. 250–251].

Нынешнему человечеству, убежден Ю. Н. Харари, угрожает «экологический апокалипсис». В связи с этим неизбежно встает вопрос: «Всегда ли наука будет способна одновременно спасать экономику от охлаждения и экологию от перегрева?» Чтобы выкарабкаться из мертвящих объятий экологического коллапса, считает он, «человечеству нужно двигаться так, чтобы хотя бы на шаг опережать экологический Армагеддон». Здесь опять-таки наука способна предоставить спасательный круг человечеству, находящемуся в зоне экологической глобальной угрозы [6, с. 253].

Ю. Н. Харари напоминает, что до сегодняшнего дня высокий интеллект всегда шел рядом с высоко развитым сознанием. Теперь же в лабораториях ученых «разрабатываются новые типы интеллекта без сознания, которые справляются с возникающими задачами намного лучше, чем люди, поэтому лишённые сознания технологические алгоритмы могут скоро превзойти человеческое сознание» [6, с. 362]. Возникает технологическая система, которая знает нас лучше, чем мы себя сами, может предсказывать наши чувства и решения, манипулировать ими, а в конечном счете и решать за нас. Единственным способом избежать скатывания в эту антигуманную антиутопию, считает Ю. Н. Харари, становится умение наделять жизнь смыслом. Крупнейшим политическим, художественным и религиозным проектом современной эпохи, по его убеждению, стал поиск смысла жизни. Более того, «люди должны черпать из своих впечатлений и переживаний не только смысл собственных жизней, но и смысл всей Вселенной. Это первейшая заповедь гуманизма: наполняй смыслом бессмысленный мир». Важнейшее предназначение науки и философии состоит в том, чтобы «убедить человечество, что оно способно придать Вселенной

смысл» [6, с. 206–262]. Решить эту задачу может только «появление сверхлюдей с их исключительными физическими, эмоциональными и интеллектуальными способностями» [6, с. 409], что вполне возможно «с помощью генной инженерии, нанотехнологий и нейрокомпьютерных интерфейсов». Базирующийся на таких научно-технологических основаниях «техногуманизм стремится раздвинуть границы человеческого разума и открыть нам неизвестные переживания и незнакомые состояния сознания» [6, с. 413].

По мере того как глобальная система обработки данных становится всезнающей и всемогущей, подключенность к ней, как утверждает Ю. Н. Харари, превращается в источник всего смысла. Поиск и нахождение его внутри себя составят сущность возникающего в реальном времени нового мировоззрения, которое следует назвать датаизмом. Его развитие «может в скором времени создать такие стремительные и необъятные потоки данных, что обработка их даже модернизированным человеческим алгоритмам будет не под силу». В связи с этим «обработка данных должна быть доверена электронным алгоритмам, намного более мощным, чем человеческий мозг. Алгоритм *Homo Sapiens* просто не приспособлен к тому, чтобы справиться с нарастающими потоками данных XXI века. Для решения этой планетарной сверхзадачи потребуется совершить важную когнитивную революцию, связанную с перенастройкой мозга и коренными изменениями в нашем геноме, и перейти к следующему этапу человеческой эволюции – *Homo Deus* (сверхчеловек). Благодаря первой когнитивной революции, провозглашает Ю. Н. Харари, *Homo Sapiens* получил доступ в интерсубъективное пространство и сделался хозяином планеты, благодаря второй *Homo Deus* может получить доступ в невообразимые новые сферы и сделаться повелителем Галактики» [6, с. 412–413].

Автор призывает людей и человечество в целом «более творчески относиться к будущему и мыслить масштабами не месяцев и даже не десятилетий, а мыслить масштабами бытия» [6, с. 463–464]. Для формирования некоего интеллектуального и могущественного сверхчеловека не существует реальных предпосылок.

Автор данного текста абсолютно убежден в верности высказанного И. Р. Пригожиным постулата, согласно которому, опираясь на творческую мощь науки, будущие поколения покончат с пророчествами о наступлении эры пост-Человечества.

И хотя доктор технических наук А. А. Болонкин в книге «Бессмертие людей и электронная цивилизация» отмечает, что цифровой человек (или *E-человек*) имеет огромные преимущества перед своим ближайшим предшественником и все человеческое общество постепенно трансформируется

в электронное, но все-таки к достоинствам представителей нынешнего общества следует отнести их гуманность.

Известный американский футуролог Р. Курцвейл⁵ предсказал в своем эссе «Сингулярность рядом», что к 2045 г. «небиологический интеллект будет соответствовать в размерах и точностях человеческому, и, начиная с данного момента, машины смогут превзойти человеческий интеллект. С наступлением технологической сингулярности Земля превратится в один гигантский компьютер, а к концу столетия, к 2099 году, процесс технологической сингулярности будет распространяться на всю Вселенную» [11].

Еще более технологизированную версию преобразования человеческой цивилизации под воздействием реализованной и овеществленной в технических средствах мощи научного познания представил профессор А. А. Болонкин⁶. Он утверждает, что к середине XXI в. стремительно развивающаяся компьютерная техника по своей мощи сравняется с потенциалом и памятью человеческого мозга, а затем достигнет и после вовсе превысит силу мыслительной деятельности всего человечества. За короткий срок электронный мозг превзойдет человеческий в сотни и тысячи раз. Наступление этих событий будет означать, что человечество выполнило свою историческую миссию, оно не нужно более ни природе, ни Богу. На смену ему придет электронный человек (*Е*-человек, *Е*-существо), бессмертный и не уничтожаемый, обладающий огромными преимуществами перед биологическим человеком (сможет жить без пищи, воды, воздуха, практически не зависеть от внешних условий: температуры, влажности, радиации и т. п.). Для функционирования самого *Е*-мозга достаточно будет небольших батареек на радиоактивных изотопах, работающих без замены десятки и сотни лет.

Е-человек сможет беспрепятственно путешествовать по дну океана, в космосе, в Солнечной системе и за ее пределами, питаться энергией прямо от Солнца. Любые знания, накопленные или полученные в результате исследования другими *Е*-мозгами, легко получать по радио и анализировать за доли секунды. Способность к тиражированию (размножению) приведет к возникновению коллектива, потом сообщества *Е*-сущест, работающих над разными проблемами, но обладающих равными умственными способностями. Такое *Е*-общество может мгновенно переключаться с простых вопросов на наиболее перспективные научные и технологические проблемы, быстро реализовать различные технические и производственные идеи. Распространение *Е*-цивилизации будет происходить быстро и начнется в Солнечной системе, потом перейдет

в нашу Галактику, а затем распространится и во Вселенной.

На основании изложенного А. А. Болонкин заключает: «Человечество выполнило историческую миссию, подошло к своему концу, дав начало более высокой электронной цивилизации. И оно должно уйти с исторической сцены. Уйти достойно, не цепляясь за существование и не чиня всевозможных препятствий появлению нового электронного общества» [12].

Необходимо воздать должное американским футурологам Р. Курцвейлу и А. А. Болонкину, которые, опираясь на возрастающую мощь научного знания и высоких технологий, выдвигали предсказания о том, что именно наука способна привести в наш стремительно изменяющийся в техническом отношении мир. Вместе с тем следует обратиться к самому существенному. О каких бы научно-технологических нововведениях ни шла речь, какими бы поразительными, завораживающими наше воображение они ни были, надлежит всегда помнить, что изобретателем и творцом всех этих новшеств, несомненно, всегда останется человек. Ни наступление технологической сингулярности, ни появление мощного искусственного интеллекта не приведут к концу истории и возникновению некоего технологического *Е*-человека, сверхчеловека. Скорее всего, все произойдет наоборот: завершится предыстория человечества, и начнется его подлинная история, базирующаяся на достижениях науки, культурных ценностях и опыте существования системы международного сотрудничества всех стран и принятых ими единых правовых и нравственных установок по развитию и функционированию искусственного интеллекта.

В настоящее время специалисты и эксперты, задумывающиеся о роли науки в движении человечества к будущему, соглашаются с тем, что машину можно научить мыслить по-человечески. Для этого достаточно внедрить в ее память цифровую человеческую модель, компьютерное воплощение человека, своеобразную аватару [13, с. 40]. Такие аватары уже создаются. Человек живет, потом уходит, а его сознание, загруженное в компьютер, продолжает существовать. Однако, помимо сознания, человек наделен неизмеримым богатством чувств и эмоций, и этого не отнять и не перенять. Человек навсегда останется человеком, и не нужна человечеству никакая замена на компьютеризированную человекоподобную *Е*-цивилизацию. Необходимо общество, подлинно ориентированное на человека, в центре которого будет жить и действовать все-сторонне развитая, многомерная, творчески преобразующая окружающую реальность, духовно чувствующая, меняющая и созидаящая лучший мир личность.

⁵Технический директор Google, возглавляет Университет сингулярности в США.

⁶Ранее ученый работал в МВТУ (Московское высшее техническое училище имени Н. Э. Баумана (ныне – Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана)). В настоящее время профессор живет и трудится в США.

Библиографические ссылки

1. Пригожин И, Стенгерс И. *Время, хаос, квант. К решению парадокса времени*. Москва: Наука; 2000. 270 с.
2. Пригожин И. *Определено ли будущее?* Ижевск: Институт компьютерных исследований; 2005. 240 с.
3. Jaspers K. *Man in the Modern Age*. New York: Doubleday; 1957. 517 p.
4. Хантингтон С. *Столкновение цивилизаций*. Королев К, редактор; Велимеев Т, Новиков Ю, переводчики. Москва: АСТ; 2003. 640 с. Совместно с издательством «Terra Fantastica».
5. Фукуяма Ф. *Конец истории*. Левин МБ, переводчик. Москва: АСТ; 2004. 588 с.
6. Харари ЮН. *Homo Deus. Краткая история будущего*. Москва: Синдбад; 2020. 496 с.
7. Сингер М, Берг П. *Гены и геномы. Том 1*. Москва: Мир; 1998. 373 с.
8. Уотсон Дж. *Молекулярная биология гена*. Энгельгардт ВА, редактор. Москва: Мир; 1978. 706 с.
9. Сукало А, Сердюченко Н. Стратегия отечественной медицинской науки. *Наука и инновации*. 2017; спецвыпуск: 56–60.
10. Воробьев ВН, Саруханян ЭИ, Смирнов НП. «Глобальное потепление» – гипотеза или реальность? *Ученые записки Российской государственной гидрометеорологической академии наук*. 2005;7:6–21.
11. Kurzweil R. *The singularity is near: when humans transcend biology*. New York: Viking; 2005. 652 p.
12. Болонкин А. *Бессмертие людей и электронная цивилизация (сборник статей, интервью, дискуссий о путях достижения бессмертия людей и будущем человечества)*. Москва: Lulu; 2017. 130 с.
13. Чумаков В. А те, кто с аватарой, сидели как живые. *Союзное государство*. 2020;7(161):40–41.

References

1. Prigogine I, Stengers I. *Vremya, khaos, kvant. K resheniyu paradoksa vremeni* [Time, chaos, quantum. Towards a solution to the paradox of time]. Moscow: Nauka; 2000. 270 p. Russian.
2. Prigogine I. *Opredeleno li budushchee?* [Is the future determined?]. Izhevsk: Institute of Computer Science; 2005. 240 p. Russian.
3. Jaspers K. *Man in the Modern Age*. New York: Doubleday; 1957. 517 p.
4. Huntington S. *The clash of civilizations and the remaking of world order*. [S. l.]: Simon & Schuster; 1996. 367 p. Russian edition: Huntington S. *Stolknovenie tsivilizatsii*. Korolev K, editor; Velimeev T, Novikov Yu, translators. Moscow: AST; 2003. 640 p. Co-published by the «Terra Fantastica».
5. Fukuyama F. *The end of history and the last man*. New York: The Free Press; 1992. 418 p. Russian edition: Fukuyama F. *Konets istorii*. Levin MB, translator. Moscow: AST; 2004. 588 p.
6. Harari YuN. *Homo Deus. Kratkaya istoriya budushchego* [Homo Deus. A brief history of the future]. Moscow: Sindbad; 2020. 496 p. Russian.
7. Singer M, Berg P. *Geny i genomy. Tom 1* [Genes and genomes. Volume 1]. Moscow: Mir; 1998. 373 p. Russian.
8. Watson J. *Molecular biology of the gene*. New York: W. A. Benjamin; 1965. 494 p. Russian edition: Watson J. *Molekulyarnaya biologiya gena*. Engel'gardt VA, editor. Moscow: Mir; 1978. 706 p.
9. Sukalo A, Serdyuchenko N. [Strategy of domestic medical science]. *Nauka i innovatsii*. 2017; special number: 56–60. Russian.
10. Vorobyev VN, Sarukhanyan EI, Smirnov NP. Global warming: hypothesis or reality? *Hydrometeorology and ecology Proceedings of the Russian State Hydrometeorological University*. 2005;7:6–21. Russian.
11. Kurzweil R. *The singularity is near: when humans transcend biology*. New York: Viking; 2005. 652 p.
12. Bolonkin A. *Bessmertie lyudei i elektronnaya tsivilizatsiya (cbornik statei, interv'yu, diskussii o putyax dostizheniya bessmertiya lyudei i budushchem chelovechestva)* [Human immortality and electronic civilization (collection of articles, interviews, discussions on ways to achieve immortality for people and the future of mankind)]. Moscow: Lulu; 2017. 130 p. Russian.
13. Chumakov V. [And those with the avatar sat as if they were alive]. *Soyuznoe gosudarstvo*. 2020;7(161):40–41. Russian.

Статья поступила в редколлегию 20.08.2020.
Received by editorial board 20.08.2020.

ЧТО ТАКОЕ СУБЪЕКТОЛОГИЯ?

В. Ф. БЕРКОВ¹⁾

¹⁾Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
ул. Московская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь

Обосновывается предположение о том, что субъектология, синтезируя результаты некоторых частных дисциплин о человеке (социологии, политологии, психологии, методологии науки, теории управления и т. д.), возникает как трансдисциплинарная наука. В ее становлении решающую роль играют идеи конструктивизма. Марксистский принцип деятельности составляет ее философско-методологическую основу.

Ключевые слова: субъектология; деятельность; принцип деятельности; трансдисциплинарная наука; триада цель – средство – результат; сдвиг «в сторону»; конструктивизм.

WHAT SUCH OF SUBJECTOLOGY?

V. F. BERKOV^a

^aAcademy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus,
17 Maskoŭskaja Street, Minsk 220007, Belarus

The assumption is based that subjectology, synthesising the results of a number of particular disciplines about the man (sociology, politologii, psychology, the methodology of science, theory of control, etc.), it appears as transdisciplinary science. In its formation the ideas of constructivism play the decisive role. The Marxist principle of activity composes its philosophic methodological basis.

Keywords: subjectology; activity; the principle of activity; transdisciplinary science; triad is *purpose – means – result*; shift «into the side»; the constructivism.

Термин «субъектология» появился в научном обиходе совсем недавно. На данный момент не существует однозначного его истолкования. В. А. Чигирев связывает с этим понятием становление прикладной науки как «системы знаний, получаемых исследователями, занятыми изучением конкретного субъекта»¹. По мнению С. Е. Кургиняна, субъектология – теория политического субъекта [1]. Столкнувшись с трудностью определения данного термина, Л. А. Гуцаленко решил создать лишь прообраз субъектологии и «осуществить, начиная

с античной философии, реконструкцию идей об индивидуальном субъекте как ведущем социотворческом агенте» [2, с. 5]. Автор настоящей статьи также не претендует на последнее слово в решении этого вопроса, помня о том, что правильное определение есть не столько начало, сколько завершение длительного исследовательского процесса.

Становление субъектологии началось уже давно (и не только как имеющего отношение к индивидуальному сознанию понятия). В Москве в 1983 г. состоялась научная конференция, на которой обо-

¹Субъектоведение как новое научное направление и практическая наука XXI века – субъектология [Электронный ресурс]. URL: <https://ast.social/679-sub-ektovedenie-kak-novoe-nauchnoe-napravlenie-i-prakticheskaya-nauka-xxi-veka-sub-ektologiya.html>.

Образец цитирования:

Берков ВФ. Что такое субъектология? *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2020; 3:83–88.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-3-83-88>

For citation:

Berkov VF. What such of subjectology? *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2020;3:83–88. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-3-83-88>

Автор:

Владимир Федотович Берков – доктор философских наук, профессор; профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Института управленческих кадров.

Author:

Vladimir F. Berkov, doctor of science (philosophy), full professor; professor at the department of social and humanitarian disciplines, Managerial Personnel Institute.
vlad-berkov@yandex.ru

значилась острая познавательная проблема: на каких логических и философских основаниях можно преобразовать научные направления, исследующие человека в его частных дисциплинах, в синтетическую, единую науку о человеке? При этом в докладе И. Т. Фролова было отмечено, что главным предметом внимания исследователей становятся регулятивные аксиологические факторы, табуирующие в ряде случаев научный поиск [3, с. 286–290].

Исходя из приведенных (и не только) характеристик, можно сказать, что сегодня известно лишь об интуитивном понимании предмета субъектологии. Вместе с тем есть серьезное основание полагать, что изучать данный предмет следует как настоящую научную дисциплину. Стоит обратиться к произведениям К. Маркса и Ф. Энгельса.

Когда К. Маркс в своих «Тезисах о Фейербахе» критиковал предшествующий материализм за то, что в подходе к познанию действительности отсутствует такая существенная предпосылка, как его (подхода) субъективность [4, с. 1], то не сомневался в необходимости соответствующей научной программы. Неслучайно Ф. Энгельс назвал «Тезисы о Фейербахе» заметками, подлежащими дальнейшей разработке [5, с. 371].

К сожалению, левые политические партии, в том числе и коммунистические, не придали должной значимости этим высказываниям учителей. Г. В. Плеханов снизил проблему субъективности познания до психологического уровня. «*Субъективная сторона <...> жизни, – писал он, – и есть как раз психологическая сторона “человеческий дух”, чувства и идеи людей*» [6, с. 138]. Не получили «Тезисы о Фейербахе» адекватного истолкования и у В. И. Ленина. В статье «Карл Маркс (краткий биографический очерк с изложением марксизма)», написанной в 1914 г. для «Энциклопедического словаря Гранат», содержанию первого тезиса, где освещается вопрос о месте и роли субъективного момента в познавательных методах предшественников-материалистов, дается интерпретация, с которой вряд ли можно согласиться. Данное обстоятельство не могло не оказать влияния на то, что в Советском Союзе субъективная сторона познавательного процесса долгое время находилась «на задворках» общественных наук [7, с. 69–75].

Лишь в 1960-х гг. были предприняты попытки (и довольно плодотворные) переосмысления всего философского наследия марксизма, особенно под воздействием опубликованных тогда на русском языке ранних рукописей К. Маркса. В «прорывных» работах Г. П. Щедровицкого, В. С. Стёпина, И. С. Алексеева, Э. Г. Юдина, В. С. Швырева, В. М. Межуева и других исследователей было показано, что проблема происхождения теоретического знания, принципы и способы его построения могут быть осознаны только с позиций заложенной К. Марксом фундаментальной идеи о мире не как об объ-

екте познания, а как о результате практической, субъективной деятельности людей. При движении в этом направлении стала выделяться в своем эмпирическом, теоретическом и философском обликах и наука об этой деятельности, ее формах и методах – субъектология.

Фрагменты субъектологии можно обнаружить у многих представителей частных наук: у психологов, педагогов, историков, социологов, экономистов, естествоиспытателей. Среди них особо следует отметить С. Л. Рубинштейна (предложил принцип деятельности как средство осмысления процессов, изучаемых в психологии и педагогике), Л. С. Выготского (создал культурно-историческую концепцию развития высших психических функций), В. П. Зинченко, В. М. Мунипова и других ученых (продемонстрировали продуктивность деятельностного подхода к изучению процессов оптимизации средств и условий труда), А. Н. Колмогорова (является одним из создателей конструктивистского направления в логике и математике). Еще раньше во многих исторических произведениях К. Маркса («Капитал», «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарт», «Гражданская война во Франции» и др.) проявлялись яркие образцы применения деятельностного принципа.

Сказанное наводит на предположение о том, что, во-первых, субъектология должна быть *трансдисциплинарной* наукой, характерной чертой которой является наличие возможности свести частные знания в более общую, согласованную науку, основанную на едином комплексе понятий и метаязыковых средств. Во-вторых, для освоения и использования этих знаний целесообразно обратиться к *категории деятельности* как особому роду действительности, основное свойство которой – целенаправленное изменение и преобразование внешнего мира в интересах людей. В процессе деятельности человек (субъект) практически противостоит объективному миру (объекту) и его фрагменту (предмету) как материалу, из которого непосредственно получается необходимый человеку продукт.

Типы деятельности весьма многообразны, прежде всего различают практическую и духовную. Практическая деятельность (практика) – это материальное, чувственно-предметное освоение и преобразование природы или общества. Духовную деятельность, которую можно понять только на основе анализа практики, связывают с изучением и преобразованием внешнего мира лишь в сознании человека и рассматривают, с одной стороны, как продолжение и результат развития практической деятельности, а с другой – как важнейший регулятор (не всегда надежный) осуществления последней.

Абстрагирование и обобщение самых разнообразных, многократно повторяющихся «фигур» деятельности привели к становлению и принятию *принципа деятельности*. Это уже не только продукт

отображения внешнего мира, но и предпосылка его дальнейшего исследования и преобразования.

Отношение деятельности как части объективного мира к своему целому, т. е. к противостоящей ей природе и обществу, является коренным философским вопросом, на котором зиждется основная гносеологическая проблематика. В марксизме (диалектическом материализме) она занимает центральное место. В теории познания марксизма подчеркивается объективная обусловленность человеческой деятельности. Доказывается, что объективные потребности есть в конечном счете идеальный, внутренне побуждающий ее мотив [8, с. 717].

Логическое содержание принципа деятельности «развертывается» прежде всего в категориях цели, средства и результата. Их соотношение имеет объективные основания. О феномене человеческой деятельности интересно и убедительно одним из первых писал Н. Н. Трубников: «Отношение цели, средства и результата включает отношение причины и действия, характеризующее стихийный процесс природы, в принципиально иную категориальную структуру, в которой реальному отношению вещей оказывается предпосланным их *проект* в виде их логически всеобщего, а потому в значительной мере абстрактного аналога. При этом в роли так называемых причин здесь выступают *средства реализации*, более или менее соответствующие поставленной цели. Действие же приобретает форму идеально положенного в виде цели результата, воспроизводя содержание самой деятельности и ее средств» [9, с. 461]. При этом под термином «цель» понимается (в его самом распространенном смысле) идеальное, мысленное предвосхищение результата труда. *Результат* (продукт) – то, что получено в завершение какой-то работы и может быть непосредственно использовано или служить предпосылкой другой деятельности. Проектирование и постановка целей, стремление к результату – специфические качества человека, его исключительное достояние.

Определить, является ли цель реальной и определенной, помогает ее отношение к *средствам*, т. е. к вещам, материальным условиям, завоеваниям человеческой культуры, обеспечивающим получение определенного результата. Подобно тому как причина вызывает некоторое действие и следствие, средство обуславливает идеально положенный в виде цели результат, предопределяет и ограничивает ее. Средства, таким образом, – это важнейший критерий отбора целей. Последние находят в средствах свою «земную» основу.

Однако отношение цели и средства нельзя сводить к простой причинно-следственной связи. Однажды возникнув, цель сама становится основой деятельности и как закон определяет способ и характер действий.

Следует заметить, что в марксизме представленное выше общее изложение содержания принципа деятельности не является новым. К сожалению, последнее в советской философской литературе в учебном процессе не получило всеобщего признания. Триада *цель – средство – результат*, как правило, исключалась из перечня философских категорий. Сторонники деятельностного подхода нередко отождествлялись с авторами издававшегося в Югославии журнала «Праксис», где игнорировалось марксистское положение о зависимости практики от закономерностей объективной действительности и, таким образом, проповедовались субъективно-идеалистические воззрения.

Для субъектологии принцип деятельности, который следует не только признавать, но и применять в качестве методологической основы этой дисциплины, имеет решающее значение. Лишь при таких условиях субъектология сможет приобрести законченный вид, преодолев признание в том, что субъективной реальностью в первую очередь является человеческое общество. Формы и процессы функционирования действующего субъекта в сфере науки – одна из проблем субъектологии.

Начиная с XVII в. понятие субъекта, как и соотносительное с ним понятие объекта, употреблялось прежде всего в гносеологическом смысле. В традицию вошло понимание субъекта как активно действующего и познающего, обладающего сознанием и волей индивида или социальной группы и объекта как всего того, что противостоит субъекту и на что направлены его предметно-практические, познавательные и иные действия. В советской философской литературе на изучении отношения субъекта и объекта была сконцентрирована основная проблематика теории познания.

Л. А. Маркова выделила три варианта взаимоотношений науки и социума [10, с. 69–76]. Во-первых, основы истории общества интерпретируются как законы развития научных идей. Вектор воздействия при этом направлен от науки к социуму. Во-вторых, научное знание определяется обществом, т. е. влияние происходит в обратном порядке – от социума к науке. Наконец, в-третьих, наука и общество развиваются параллельно по своим законам. Представляется, что этим выводам можно придать более общий вид и рассмотреть как воздействие, направленное от субъекта к объекту; воздействие, нацеленное от объекта к субъекту; изменение субъекта в относительной независимости от объекта, сдвиг «в сторону» от самого себя. Последний вариант заслуживает особого внимания. Прежде всего здесь определяется специфика субъектологии как науки. Для этого необходимо обратиться к историко-научному материалу.

В 1543 г. вышел в свет труд польского астронома Н. Коперника «Об обращениях небесных сфер»,

содержащий изложение гелиоцентрической системы мира, в соответствии с которой в центре мироздания находится статичное Солнце, а вокруг него по круговым орбитам движутся Земля и планеты. Окончательно система Коперника была принята научным сообществом лишь в следующем столетии благодаря исследованиям И. Кеплера и Г. Галилея, пополнивших ее новыми данными и соображениями.

Система Коперника пришла на смену геоцентрической идеи Птолемея, где в центре располагалась Земля, а ее окружали восемь сфер, несущих на себе Луну, Солнце, звезды и пять планет, известных в то время (Меркурий, Венера, Марс, Юпитер и Сатурн). Планеты движутся по окружностям меньших радиусов, которые связаны с соответствующими сферами. Это требовалось, чтобы объяснить их достаточно сложные наблюдаемые траектории движения по небу. На восьмой внешней сфере расположены так называемые неподвижные звезды, которые сохраняют свое положение относительно друг друга, но все вместе совершают круговое движение по небу.

Модель Коперника не является обобщением модели Птолемея. Она представляет собой сдвиг как бы в сторону от последней, и вряд ли можно считать, что они выступают аналогами различных объектов, т. е. разных солнечных систем. Фактически эти модели обладают одинаковой объяснительной и предсказательной силой. (Лишь с одним фактом не справлялась модель Птолемея – с траекторией движения Луны, но, несмотря на это, она все же принималась подавляющим большинством астрономов, тем более что получила одобрение христианской церкви как картина мира, согласующаяся со Священным Писанием.) Только одно обстоятельство вызывало хлопоты у сторонников Птолемея – сложности, с которыми они сталкивались при практическом применении его идеи.

Рассматривается пример из истории биологической науки. Следует сравнить две системы взглядов на проблему эволюции организмов – ламаркизм и дарвинизм. Учение Ж. Б. Ламарка, сводя природу эволюции к влиянию среды, в то же время приносило в объяснения идеалистическую, телеологическую окраску. Дарвин же, опираясь на огромный эмпирический материал, показал, что эволюция организмов имеет материальную основу и состоит из трех взаимосвязанных факторов: наследственности, изменчивости и отбора.

У Ж. Б. Ламарка нашлось немало последователей (Г. Осборн, А. Паули, А. Вагнер и др.), пытавшихся уточнить, дополнить или даже возродить его учение, но в конечном счете их конструкции не были приняты научным сообществом в силу их умозрительности, априорности и внеисторичности. Что же касается Ч. Дарвина, то он пошел сво-

им путем («в сторону») и, как убедительно показал И. Т. Фролов, «дал толчок для детального исследования указанного явления (эволюционного процесса. – В. Б.), и именно отсюда берет свои истоки генетика как наука» [11, с. 46].

Не только в естествознании, но и в обществоведческих дисциплинах (особенно на стадии их практического применения) есть случаи, когда приходится жертвовать сложившимися познаниями и уходить от них в сторону. В теории воспитания используется термин «трудновоспитуемые дети». Им обозначают детей, которые наименее склонны следовать существующим педагогическим предписаниям и проявляют крайнюю невосприимчивость к традиционным педагогическим воздействиям. Успехи педагогов-новаторов – А. С. Макаренко, В. А. Сухомлинского, Ш. А. Амонашвили и др. – были обусловлены тем, что им было чуждо слепое, педантичное следование какой-либо определенной доктрине (при верности основным принципам гуманизма). Они смело отходили от педагогических догм и принимали неординарные решения, снимающие напряжение в общении с трудновоспитуемыми детьми. Исчезала сложность в этих отношениях, они становились простыми, ясными и продуктивными. Вместе с тем шло содержательное обогащение субъекта, в качестве которого выступала педагогическая наука. Сдвигаясь «в сторону», субъект (познающий агент) отправляется как бы в свободное плавание, но не по волнам океана, а по реке, с ее ограничениями и рубежами. Необходимо обратить внимание на приближенную картину этого проблемного сдвига, создаваемую представителями современных идейных течений, которые объединяются под общим названием «конструктивизм» (работы К. Гегена, Дж. Келли, Т. ван Дейка, И. Паркера и др.). Основная конструктивистская идея состоит в том, что предметы и отношения, которые воспринимаются индивидом в любой момент и фиксируются его познавательными средствами (понятиями, представлениями и пр.), являются конструкциями, основанными на познавательных стратегиях человеческого общества, предшествующем опыте, пристрастиях, ожиданиях, мотивации, внимании и т. д.

В русскоязычной литературе первые работы по собственно конструктивизму, его критическому анализу и оценке появились лишь в начале XXI в. Возникают варианты конструктивных (проективных) методик. В книге [12] отмечается, что особенно влиятельны радикальный эпистемологический конструктивизм (претендующий на философские выводы в области нейрокибернетики и нейропсихологии) и социальный (особенно значимый в психологии и социальном анализе научного знания). Эпистемологическому конструктивизму В. А. Лекторский противопоставляет собственную точку зрения, названную им конструктивным реа-

лизмом. Его концепция учитывает определенные аспекты философского конструктивизма, идущие от Дж. Гибсона, Ф. Варелы и др., и развивает деятельностный (С. Л. Рубинштейн и др.) и культурно-исторический (Л. С. Выготский и др.) подходы. В ней действительность открывается познающему агенту в рамках возможностей его труда: реальность для пчелы, летучей мыши и человека будет разной. Познавательная конструкция не то же самое, что настоящие объекты. У одних познавательных конструкций есть реальные референты, а у других нет. Сам мир идеальных образований (т. е. мир сконструированный), который способен обнаруживать лишь то, что неизвестно тем, кто его создал, может быть понят как объективная реальность особого рода и иметь содержание, независимое от сознания отдельных людей и от познания ими этого содержания, и поэтому относительно него появляется возможность строить теории (оказывающиеся истинными или ложными). Такие идеальные сконструированные образования, как язык, социальные институты, научные теории и т. д., можно изучать как нечто реальное, хотя все это создано людьми и вне их деятельности не существует [13, с. 37].

Признавая ценность многих идей и выводов конструктивизма, В. А. Лекторский (и не только он) указывает на недостатки крайних его форм, подчеркивая, что все на свете не может конструироваться, что есть реальный мир, который напрямую не зависит от активности человека и существует сам по себе.

Очевидно, есть основания считать конструктивизм (особенно в его подлинно материалистическом понимании) одним из методов, играющих важную роль не только в собственно «конструктивистских» философских концепциях, но и в частных науках о человеке.

Итак, следует высказать некоторые предположения:

1. Субъектология, синтезируя результаты ряда частных дисциплин о человеке (социологии, политологии, психологии, методологии науки, теории управления и т. д.), возникает как трансдисциплинарная наука.

2. В становлении субъектологии решающую роль играют идеи конструктивизма, понимаемые в духе подлинного материализма.

3. Философско-методологическую основу субъектологии составляет марксистский принцип деятельности.

Библиографические ссылки

1. Кургинян С. Спаситель России и человечества. *Литературная газета*. 2020, 22–28 апреля.
2. Гуцаленко ЛА. Субъектология. *Социология*. 2011;2:4–17.
3. В. Р. К проблеме создания единой науки о человеке. В: Фролов И, редактор. *Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1983*. Москва: Наука; 1985. с. 286–290.
4. Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Том 3*. 2-е издание. Москва: Государственное издательство политической литературы; 1955. 630 с.
5. Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Том 21*. 2-е издание. Москва: Государственное издательство политической литературы; 1961. 880 с.
6. Плеханов ГВ. *Очерки по истории материализма*. Ленинград: Государственное издательство политической литературы; 1938. 160 с.
7. Берков ВФ. Судьба работы К. Маркса «Тезисы о Фейербахе» в советской философской литературе. *Социология*. 2016;1:69–75.
8. Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Том 12*. 2-е издание. Москва: Государственное издательство политической литературы; 1955. 828 с.
9. Трубников НН. Цель. *Философская энциклопедия. Том 5*. Москва: Советская энциклопедия; 1970. 740 с.
10. Маркова ЛА. Трансформация оснований историографии науки. В: Тимофеев ИС, редактор. *Принципы историографии естествознания: XX век*. Санкт-Петербург: Алетея; 2001. с. 69–76. Совместное издание с Институтом естествознания и техники.
11. Фролов ИТ. *Философия и история генетики – поиски и дискуссии*. Москва: Наука; 1988. 416 с.
12. Лекторский ВА, редактор. *Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке*. Москва: Канон+; 2009. 368 с.
13. Лекторский ВА, Пружинин БИ, Дубровский ДИ, Иванов ДВ, Левин ГД, Карпенко АС и др. «Реалистический поворот» в современной эпистемологии, философии сознания и философии науки? Материалы круглого стола. *Вопросы философии*. 2017;1:5–38.

References

1. Kurginyan S. [Rescuer of Russia and humanity]. *Literary newspaper*. 2020 April 22–28. Russian.
2. Gutsalenko LA. Subektologiya. *Sociology*. 2011;2:4–17. Russian.
3. V. R. [To the problem of the creation of the united science about the man]. In: Frolov I, editor. *Filosofiya i sotsiologiya nauki i tekhniki. Ezhegodnik 1983* [Philosophy and sociology of science and technology. Annual 1983]. Moscow: Nauka; 1985. p. 286–290. Russian.
4. Marx K, Engels F. *Sochineniya. Tom 3* [Compositions. Volume 3]. 2nd edition. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1955. 630 p. Russian.

5. Marx K, Engels F. *Sochineniya. Tom 21* [Compositions. Volume 21]. 2nd edition. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1961. 880 p. Russian.
6. Plekhanov GV. *Descriptions on the history of materialism*. Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1938. 160 p. Russian.
7. Berkov VF. Destiny of «Theses on Feuerbach» by K. Marx in soviet philosophic literature. *Sociology*. 2016;1:69–75. Russian.
8. Marx K, Engels F. *Sochineniya. Tom 12* [Compositions. Volume 12]. 2nd edition. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1955. 828 p. Russian.
9. Trubnikov NN. Tsel'. *Filosofskaya entsiklopediya. Tom 5* [Purpose. Philosophical encyclopedia. Volume 5]. Moscow: Soviet Encyclopedia; 1970. 740 p. Russian.
10. Markova LA. [Transformatsiya of the bases of the historiography of science]. In: Timofeev IS, editor. *Printsipy istoriografii estestvoznaniya: XX vek* [Principles of the historiography of the natural science: 20th century]. Saint Petersburg: Aleteyya; 2001. p. 69–76. Co-published by the Institute of Natural Science and Technology. Russian.
11. Frolov IT. *Filosofiya i istoriya genetiki – poiski i diskussii* [Philosophy and the history of genetics – searches and discussion]. Moscow: Nauka; 1988. 416 p. Russian.
12. Lektorsky VA, editor. *Konstruktivistskii podkhod v epistemologii i naukakh o cheloveke* [Constructivist approach in epistemology and human sciences]. Moscow: Kanon+; 2009. 368 p. Russian.
13. Lektorsky VA, Pruzhinin BI, Dubrovsky DI, Ivanov DV, Levin GD, Karpenko AS, et al. «Realistic turn» in contemporary epistemologii, philosophy of mind and philosophy of science? Materials of round table. *Voprosy filosofii*. 2017;1:5–38. Russian.

Статья поступила в редколлегию 09.06.2020.
Received by editorial board 09.06.2020.

С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГА

FROM THE WORKING TABLE OF A SOCIOLOGIST

УДК 316.732

ПРОБЛЕМЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ И ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИИ ОТНОШЕНИЯ К ИММИГРАНТАМ В МЕЖСТРАНОВЫХ СРАВНИТЕЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Д. С. ГРИГОРЬЕВ¹⁾

¹⁾Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
ул. Мясницкая, 20, 101000, г. Москва, Россия

Рассматривается текущая дискуссия среди специалистов, подробно исследуется проблемная непоследовательность в концептуализации и операционализации отношения к иммигрантам в межстрановых сравнительных исследованиях. Показаны истоки обозначенных проблем, которые прежде всего связаны с теоретическим тупиком, а именно с замкнутостью и тиражированием теории конкурентной угрозы и излишней опорой на литературу (особенно американскую) по расовой предубежденности (отношение к иммигрантам и отношение к афроамериканскому населению США – это далеко не одно и то же). Поднимаются вопросы, вызванные необходимостью четкого определения границ между группами (иммигрантами и принимающим населением), применения группоспецифического подхода, преодоления терминологического разнообразия, большей дифференциации взаимосвязанных конструктов, перехода от отражающего (*reflective*) подхода к измерительным моделям к формирующему (*formative*) для введения специального сравнительного индекса отношения к иммигрантам, учитывающего страновую (региональную) специфику, решения проблемы измерения в рамках опросного метода при подборе пунктов для анкеты (включая избегание пунктов, которые несут двойственный характер). Также рассмотрены варианты прикладной концептуализации отношения к иммигрантам с помощью метафоры расстояния (социальная дистанция) и температуры («термометр чувств») и сопутствующие вопросы их операционализации. При необходимости приводятся иллюстрации и примеры, актуальные для российской действительности.

Образец цитирования:

Григорьев ДС. Проблемы концептуализации и операционализации отношения к иммигрантам в межстрановых сравнительных исследованиях. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2020; 3:89–100.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-3-89-100>

For citation:

Grigoryev DS. Problems of conceptualisation and operationalisation of attitudes toward immigrants in cross-national comparative research. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2020;3:89–100. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-3-89-100>

Автор:

Дмитрий Сергеевич Григорьев – кандидат психологических наук; научный сотрудник Центра социокультурных исследований.

Author:

Dmitry S. Grigoryev, PhD (psychology); researcher at the Center for Sociocultural Research.
dgrigoryev@hse.ru

Ключевые слова: отношение к иммигрантам; межстрановые сравнительные исследования; группоспецифический подход; социальная дистанция; «термометр чувств»; аккультурация; принимающее общество; дискриминация иммигрантов.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

PROBLEMS OF CONCEPTUALISATION AND OPERATIONALISATION OF ATTITUDES TOWARD IMMIGRANTS IN CROSS-NATIONAL COMPARATIVE RESEARCH

D. S. GRIGORYEV^a

^aNational Research University «Higher School of Economics»,
20 Myasnitskaya Street, Moscow 101000, Russia

The paper continues the ongoing discussion among experts by considering in detail the problematic inconsistency in the conceptualisation and operationalisation of attitudes toward immigrants in cross-national comparative research. The sources of the identified problems, which are primarily associated with a theoretical impasse, namely the isolation and replication of the tradition of the theory of competitive threat and excessive reliance on literature (especially American) on racial prejudice (but attitudes toward immigrants and attitudes toward the African American population of the United States are far from the same thing). Suggestions are being raised regarding the need for a clear definition of the boundaries between groups (immigrants and host population), applying group-specific approach, overcoming terminological diversity, greater differentiation of related constructs, transition from *reflective* approach to measurement models to *formative* one to compile a special comparative index of attitudes toward immigrants taking into account country (regional) specifics, solving the measurement problem in the framework of the survey method when selecting items for the questionnaire (including avoiding *double-barreled items*). It is also considered options for applied conceptualisation of attitudes toward immigrants within metaphors of distance (social distance) and temperature («feeling thermometer») and related issues of their operationalisation. If necessary, illustrations and examples relevant to Russian reality are given.

Keywords: attitudes toward immigrants; cross-national comparative research; group-specific approach; social distance; «feeling thermometer»; acculturation; host society; discrimination of immigrants.

Acknowledgements. The article was prepared within the framework of the Higher School of Economics University Basic research program.

Исследования, связанные с иммигрантами, как правило, прежде всего ассоциируются именно с социологией. Как писал еще более полувека назад Э. Шилз, изучение жизни иммигрантов действительно являлось одним из первых оправданий для существования американской социологии. Это отчасти было вызвано тем, что никакие другие социальные науки в то время не занимались проблемами, связанными с иммиграцией [1]. Сегодня же в связи с ростом количества миграционных потоков по всему миру дискриминация иммигрантов и негативное отношение к ним представляют собой серьезное препятствие для успешной интеграции иммигрантов и их детей в принимающее общество, становятся все более очевидной и заметной проблемой [2; 3]. Существует множество свидетельств, что дискриминация оказывает негативное влияние как на благополучие иммигрантов, так и на социально-

экономическое состояние принимающего общества [4–6]. Например, она сокращает инвестиции иммигрантов в их собственное образование и профессиональную квалификацию, что впоследствии приводит к значительным экономическим потерям для принимающей страны¹ [2; 7]. Все эти вызовы, с которыми сталкиваются принимающие иммигрантов общества, в первую очередь проблемы социоэкономической интеграции, имеют негативные последствия для сплоченности социума [10]. Поскольку количество желающих иммигрировать в развитые страны, вероятно, увеличится в ближайшие годы, негативное отношение к иммигрантам может перерасти в серьезную долгосрочную проблему, требующую всеобъемлющего решения. Таким образом, чтобы планировать меры по регулированию данных вопросов на программном уровне, необходимо четко представлять отноше-

¹Неспособность иммигрантов вкладываться в собственное образование и профессиональную подготовку, а также отчуждение и недоверие, которые они постоянно испытывают от принимающего общества, могут привести к тому, что иммигранты будут заполнять низкоквалифицированные рабочие места или станут безработными [8], что, в свою очередь, только усиливает отрицательное отношение к ним, поскольку негативные стереотипы, а следом предубеждения и дискриминация являются во многом следствием положения (статус и типичные социально-ролевые позиции) группы в социальной структуре [9].

ние принимающего общества к иммигрантам на групповом и индивидуальном уровнях, особенно с учетом того, что множество процессов здесь являются реципрокными [11].

Отношение принимающего общества к иммигрантам и отношение последних к миграционной политике государства – важные факторы, способствующие теплому или холодному приему представителей других культур [12], что в целом формирует определенный климат для межкультурных отношений в стране. Таким образом, страны отличаются не только по политике интеграции, но также по уровню общественной поддержки (или противодействия) иммиграции и иммигрантов. В то время как антииммигрантские настроения и противодействие иммиграции в одних странах относительно слабы, в других они, наоборот, довольно выражены. Тем не менее постоянно растущий объем исследований по вопросам отношения принимающего общества к иммигрантам показывает, что негатив в сторону последних широко распространен во всей Европе [13]. Американцы же исторически предпочитали контролировать иммиграцию, устанавливая качественные (определяются иммигранты, которым разрешен въезд в США) или количественные (лимитируется численность мигрантов) ограничительные меры. Нativизм – предпочтение защищать интересы коренного населения вопреки интересам иммигрантов – лег в основу американского закона об иммиграции 1924 г., который фактически запрещал въезд иммигрантов из Азии и Африки и строго ограничивал интересы иммигрантов из Южной и Восточной Европы [12]. Также в связи с расширением доступа к сопоставимым данным, полученным в рамках проектов межнациональных опросов (например, *International social survey programme*, *European social survey*, *World values survey*, *European voluntary service*, *General social survey (GSS)* и т. д.), число межнациональных проверок отношения к иммигрантам существенно возросло. Последовательно документировались негативные реакции общественности на иммигрантов и иммиграцию в целом в странах с развитой экономикой. Это отношение варьировалось от неохотного принятия до полного отказа. Несмотря на определенные межнациональные отличия и явно разную иммиграционную политику и историю, неблагоприятное отношение к иммигрантам является широко распространенным и поразительно похожим в принимающих обществах разных стран [14].

Согласно некоторым исследованиям иммигранты, как правило, рассматриваются в качестве угрозы обществу, экономике и культуре. Многие европейцы считают, что иммигранты оказывают негативное влияние на различные сферы общественной системы, включая экономику, социальные ресурсы, ценности, уровень преступности, условия жизни, социальное обеспечение и культуру. И это лишь несколько примеров. Поэтому противодействие иммиграции и поддержка исключения иммигрантов из общества так широко распространены [13; 15]. Характер приема иммигрантов в какой-то мере зависит от текущей миграционной политики, спроса на труд иммигрантов и наличия иммигрантских этнических диаспор. Кроме того, когда среди принимающего населения распространены предубеждения, подчеркивающие культурные, фенотипические и другие реальные или мнимые различия, создающие символические границы между ними и иммигрантами, отношение к последним становится более холодным [16]. Это формирует предпочтения в отношении карательной и исключаяющей иммигрантов из участия в жизни принимающей страны миграционной политики. Отношение принимающего населения и государственная миграционная политика в стране оказывают особое влияние на формирование новой идентичности иммигрантов в процессе аккультурации. Так, в случае холодного приема обычно складываются реактивные идентичности, а также сильная этническая идентификация второго поколения иммигрантов. Следовательно, как уже было упомянуто, отношение к иммигрантам и иммиграции оказывает влияние на характер и воспроизводство тона межкультурных отношений [12]. Итак, можно утверждать, что в итоге понимание отношения к иммигрантам является насущной необходимостью, поскольку имеет последствия, по сути, для каждого жителя принимающей страны.

Большинство исследований отношения к иммигрантам и миграционной политике основаны на теории предубежденности как следствия чувства относительной групповой позиции Г. Блумера (1958) или, в более общем плане, ее части о межгрупповой угрозе и теории предубежденности (в большей мере гипотезе контакта) Г. Оллпорта (1954) [12; 17]. В рамках этих традиционных теорий выдвинуты ряд гипотез и результатов, которые послужили отправной точкой для ученых-социологов, изучающих отношение к иммигрантам и иммиграции². Однако, как обоснованно утверждают некоторые

²Теория Блумера говорит о динамической природе отношения к иммигрантам. Автор, являясь символическим интеракционистом, рассматривал предубежденность как выражение групповой идентичности, возникающей, когда конфликт делает групповые различия заметными [18]. Г. Оллпорт, будучи социальным психологом, считал, что предубежденность является продуктом социализации (при определенных условиях жизни человека происходит переход предубеждения в личностную черту), а предубеждение основано на верованиях и установках людей в особом сочетании с категоризацией, которые могут быть изменены путем контакта с членами аутгруппы в специальных благоприятных условиях [19]. Кроме того, если Г. Оллпорт рассматривает предубежденность в форме *личностной черты*, а предубеждение – как особую *негативную установку*, то Г. Блумер считает предубежденность скорее некоторым *состоянием* (т. е. следствием чувства групповой позиции).

авторы, чрезмерное доверие к традиции теории конкурентной угрозы задерживает рост альтернативных объяснений и развитие выводов, основанных на теории [14]. Что же касается гипотезы контакта, то, несмотря на ее богатую историю, масштаб изучения, а также большую популярность в качестве средства борьбы с предубеждениями, до сих пор имеется достаточно мало эмпирически установленных свидетельств эффективности межгруппового контакта, и, что более поразительно, совсем нет экспериментальных свидетельств эффективности межгруппового контакта для людей старше 25 лет [20]. Тем не менее недавнее межстрановое исследование показало, что исторический уровень культурной гетерогенности (за последние 500 лет) был связан с меньшей степенью предубежденности среди населения, в то время как текущий уровень культурной гетерогенности в стране имеет противоположную связь с уровнем предубежденности [21]. Другие авторы также утверждают, что население склонно негативно реагировать на угрозы гомогенности в краткосрочной перспективе, тогда как в долгосрочной перспективе эти негативные результаты компенсируются благотворным влиянием межгруппового контакта, который смягчает первоначальные негативные влияния [22]. Таким образом, вероятным механизмом, стоящим за гипотезой контакта, может быть адаптация людей со временем к культурно гетерогенной среде. Опыт межкультурного взаимодействия с течением времени может обогатить когнитивный³ и поведенческий репертуар индивидов, тем самым адаптируя их к культурно многообразному контексту.

За последние 50 лет социологические исследования отношения к иммигрантам значительно расширились. Хотя вместе различные взгляды из этих работ могут быть резюмированы с целью предложить более полную картину того, *почему* и *как* люди формируют определенные иммиграционные отношения, очень немногие из теорий изначально организованы так, чтобы охватить весь аналитический диапазон [17]. Безусловно, все же нельзя утверждать, что теория за это время никуда не продвинулась, появляются новые комплексные объяснения [16; 25–32].

Тем не менее до сих пор трудно сказать, например, почему многие люди часто придерживаются мнения за и против иммигрантов одновременно, особенно при сравнении своего отношения к иммигрантам как таковым и иммиграции в страну [14] или миграционной политике государства [17], а также связывают иммигрантов с культурной угрозой либо особенно негативно относятся к иммигрантам в более бедных странах [33] и к иммигрантам из более бедных стран. Кроме того, как предполагается, в комплексную теорию, объясняющую отношение принимающего общества к иммиграции и иммигрантам, следует наряду с восприятием иммиграции как угрозы также включать и положительные аспекты ее восприятия [31]. Также если в отношении иммигрантов литература по аккультурации еще как-то используется, то для изучения принимающего общества она чаще всего игнорируется, хотя это направление может быть вполне продуктивным⁴ [34].

В настоящее время можно назвать две основные причины текущего положения дел в этой области. Обзор литературы показывает, что большая часть исследований прежде всего страдает от терминологической неопределенности и остается заикленной главным образом на теоретическом обосновании конкурентной угрозы. Не в последнюю очередь нынешняя ситуация с различной терминологией обусловлена независимым стремлением исследователей выявить antecedенты отношения к иммигрантам, которые, несмотря на получение важных результатов, вряд ли могут помочь при непоследовательной концептуализации и операционализации. Таким образом, необходимо выйти за рамки сложившейся ситуации, прежде всего усилив концептуальный аппарат, расширив как теоретический диапазон, так и аналитическую направленность [14]. Ниже будет продолжена текущая дискуссия [12; 14; 17; 29; 30; 33; 37; 38], подробно рассмотрена данная проблемная непоследовательность в концептуализации и операционализации отношения к иммигрантам, а также предложены некоторые пути решения данного методологически ключевого для исследования отношения принимающего населения к иммигрантам вопроса⁵.

Определение границ между группами

Как отмечается в литературе, термин «отношение» выражает аффективную и когнитивную оцен-

ку (от благоприятной до неблагоприятной) объекта, процесса или человека, включая группы людей [17].

³Например, межгрупповой контакт приводит к изменениям в нейронной обработке в процессе восприятия лиц [23] или в процессе социокогнитивной адаптации в новой культурной среде происходит изменение стереотипов [24].

⁴После известного программного манифеста антропологов (1954) [35] одним из пионеров в данной сфере стал Дж. Берри (1980) [36], который, так же как Г. Блумер и Г. Олпорт, задал тон для исследований процесса взаимной аккультурации иммигрантов и принимающего населения.

⁵Однако второй аспект проблемы здесь затронут не будет, поскольку это тема для отдельной большой работы. Тем не менее кратко можно отметить, что одним из возможных путей является функциональный социологический анализ, который может, например, дать адекватное объяснение описанной выше проблеме двойственного отношения принимающего населения к иммигрантам. Положительное отношение к иммиграции может быть следствием ее полезности в вопросе помощи принимающему обществу в достижении его целей, например, посредством эксплуатации дешевых трудовых ресурсов иммигрантов или создания более высокого потребительского спроса. В то же время негативное отношение к самим иммигрантам может возникать вследствие угрозы системе социальных статусов и статусной конкуренции или угрозы солидарности из-за различия в ценностях [39].

Первый вопрос, которым можно задаться при рассмотрении отношения принимающего населения к иммигрантам, будет о том, чьим является это отношение. В данном случае хорошим примером может быть опыт американских исследований. По мере того как этническое многообразие населения увеличивалось, социологи в США интересовались, будет ли белое население придерживаться такой предубежденности в отношении иммигрантов, которая напоминала бы предубежденность против афроамериканского населения. Опросы общественного мнения показали недавнее «потепление» традиционной амбивалентности белых американцев в отношении иммиграции. Накопленные данные свидетельствуют, что отношение белых неиспаноязычных американцев к иммигрантам, латиноамериканцам и азиатам сродни предубежденности в отношении афроамериканцев, но при этом она не столь глубоко укоренившаяся и распространенная⁶ [12].

В исследовании предубежденности против афроамериканцев основное внимание уделяется отношению белых американцев к темнокожему населению, причем первые определяются как ингруппа. Логично, что при изучении отношения к иммигрантам все местные жители должны составлять ингруппу, однако многие ученые в качестве ее рассматривают только неиспаноязычных белых аме-

риканцев. Новые теории американской идентичности и новые данные, позволяющие сравнивать этнические группы, являются многообещающими разработками, которые дадут возможность более детально рассмотреть формирование отношения к иммигрантам. На текущий момент уже изучалось отношение к иммигрантам афроамериканцев, латиноамериканцев и американцев азиатского происхождения, однако отношение арабоамериканцев, коренных американцев и других небольших групп населения пока практически не исследовано. Таким образом, расширенный подход к изучению отношения к иммигрантам может быть дополнен более широкой концептуализацией представлений о том, кто составляет ингруппу и аутгруппу [12]. Конечно, описанное выше справедливо не только для США, но и для других стран, принимающих иммигрантов. Например, в России, население которой также поликультурно и поликонфессионально, стоит ожидать некоторых качественных отличий в зависимости от группы принимающего населения. Допустим, учитывая, что большинство иммигрантов приезжают в Россию из стран Средней Азии (Узбекистан, Таджикистан, Киргизия), логично ожидать разное отношение к ним среди этнически русской, преимущественно православной, и мусульманской части принимающего населения.

Терминологическое разнообразие и проблемы измерения

Межстрановые исследования отношения к иммигрантам основаны на предположении о наличии как минимум конфигуральной, метрической и скалярной измерительной инвариантности основных теоретических конструкторов (т. е. измерительной эквивалентности) [40]. Однако не совсем ясен вопрос об этапе, который идет непосредственно перед измерением, т. е. о конструктивной эквивалентности. Разные страны являются примерами различной миграционной истории и политики. Это затрудняет возможность сделать предположение о том, что в глазах принимающего населения в данных странах одинаковые группы приезжих ассоциируются с иммигрантами и процессом иммиграции.

Эта проблема еще более усугубляется осознанием, что понятие «иммигрант» изменяется у принимающего населения с течением времени. При этом большинство межстрановых исследований отношения к иммигрантам основаны на простой агрегации пунктов анкеты, используемой в этих исследованиях для определения отношения к иммигрантам, в специально посчитанные (например, взвешенные) или средние значения после систематических

проверок измерительной инвариантности. Учитывая, как считается, что только один пункт анкеты плохо репрезентирует отношение к объекту интереса, использование составных переменных представляется целесообразным в межстрановых исследованиях. Но создание таких переменных из нескольких пунктов упомянутой анкеты привело к большому их разнообразию, так как редко одна группа авторов находит обоснованным и подходящим тот вариант, что был выдвинут другой группой, с точки зрения как операционализации (используемые пункты), так и основного понятия (концептуализация) [30; 37]. Также зачастую получается, что переменные, составленные из одних и тех же пунктов, маркируются по-разному.

Кроме того, некоторые пункты анкеты имеют двойственный характер, т. е. являются так называемыми *double-barreled items*. Утверждение из GSS о том, что страна должна принять более строгие меры по исключению нелегальных иммигрантов [41, р. 54], может в одном случае фактически свидетельствовать об отношении к миграционной политике, а в другом – к нелегальным иммигрантам.

⁶И эти исследования на самом деле более соответствуют утверждению Г. Блумера о том, что предубежденность проистекает из чувства относительной групповой позиции, которое возникает из определенного контекста и изменяется со временем, другими словами, что групповая позиция динамична и пространственно неравномерна. То, как исследователи концептуализируют групповое позиционирование, осложняется растущим многообразием населения США.

В самом нежелательном случае отношение к иммиграции и отношение к иммигрантам объединяются в форму в единую переменную, составленную из соответствующих ответов на несколько вопросов анкеты. Это может привести к серьезным последствиям для валидности и ценности таких исследований. Хотя вполне резонно считать эти феномены взаимосвязанными. Тем не менее такое объединение порождает ряд сложных методологических проблем, касающихся взглядов на иммигрантов и иммиграцию, поскольку они связаны довольно сложным образом [42]. Отличать эти феномены друг от друга трудно еще и потому, что, даже когда два конструкта рассматриваются как отражающие разные понятия или онтологические сущности (один – как реакция на людей, а другой – как реакция на феномен иммиграции как процесса), аналитические модели для определения их antecedентов основываются на очень похожих теоретических положениях.

В качестве следующего проблемного момента можно отметить существование различных названий для целевого конструкта, который согласуется с отношением к иммигрантам. Это вносит путаницу, поскольку сообщаемые результаты межстрановых исследований не всегда напрямую сопоставимы. Различные названия, которые были предложены (антииммигрантские настроения, антииммигрантская предубежденность, ксенофобия, негативные настроения по отношению к иностранцам, негативные установки к меньшинствам, предубежденность против этнических меньшинств, этническая дискриминация, этнические предубеждения, этническая эксклюзия и т. д.), раскрывают широкий диапазон охватываемых традиций. Эти названия часто использовались взаимозаменяемо, а систематические попытки их разграничить являются немногочисленными и предпринимаются только в последнее время [14]. Подобный дисбаланс усугубляется стремлением ученых исследовать отношение к иммигрантам, опираясь на обширную литературу (особенно американскую) по расовой предубежденности. Однако обзор пунктов анкеты, используемых в этой литературе, показывает, что не все они связаны непосредственно с иммигрантами. Как правило, в них просто подчеркивают явный этнорасовый компонент.

Некоторые исследователи сообщают, что предшествующие теоретические рассуждения и исследования открывают три возможности: отношения к иммигрантам и к различным этническим и религиозным группам образуют единое целое, которое охватывает негативное отношение ко всем аутгруппам, возможно отражая предубежденность как генерализованную черту личности; данные отношения – это в целом разные вопросы, вытекающие из особого опыта общения и определенных установок; эти отношения образуют единое целое,

т. е. существует латентная переменная, включающая предубеждения по отношению к иммигрантским, этническим и религиозным группам, однако она отличается от предубежденности по отношению к другим группам, например ЛГБТ, людям с ограниченными возможностями и т. д. [37]. В действительности данные рассуждения имеют длинную историю. Все тот же Г. Оллпорт высказал мнение о том, что люди, которые проявляют предубежденность к какой-либо одной аутгруппе, скорее всего, также проявляют ее и к другим аутгруппам [19]. Первый подход проработан теоретически наиболее слабо, однако хорошо поддерживается практическими данными [43]. Второй подход, пожалуй, наоборот, наиболее проработан теоретически [44; 45], однако эмпирически в полной мере его реализовать достаточно трудно [15; 46–48]. Третий подход занимает промежуточное положение. Было показано, что отношение к множеству групп также может быть классифицировано и обобщено. В целом это имеет неплохое теоретическое объяснение [49; 50]. Сами авторы утверждают, что предубеждение против всех религиозных и этнических аутгрупп является следствием этнорелигиозной предубежденности, которая, в свою очередь, отличается от предубежденности в отношении других аутгрупп. Иными словами, они следуют самой последней в порядке очередности из описанных упомянутыми авторами позиций, указывая, что конфирматорный факторный анализ поддерживает мнение о возможности одной латентной переменной (общая этнорелигиозная предубежденность) вызывать специфическую предубежденность к конкретным группам. Репликация с использованием другого измерительного инструментария для этой общей этнорелигиозной предубежденности и другого межстранового набора данных также поддержала эти выводы. Недавние исследования в Европе обнаруживали связь между предубежденностью в отношении различных групп, ассоциируемых прежде всего с этнической и религиозной принадлежностью (иммигранты и люди разных рас, этноса или религии) [37].

Согласно другому мнению подход, где отношение к иммигрантам рассматривается как какая-либо общая категория, является проблематичным, поскольку, как уже было сказано выше, принимающее население может иметь в виду различные группы иммигрантов, когда их просят сообщить свое мнение об общей категории иммигрантов [51]. Исследования, в которых группы иммигрантов разделяются по этническому или религиозному происхождению, показывают, что в европейском контексте отношение к иммигрантам варьируется (например, более ярко выраженное негативное отношение к мусульманам и цыганам). Поэтому следует развивать тезис о том, что отношение к иммигрантам не является одномерным, а стимулируется и мотивируется

несколькими источниками. Так, с использованием межстрановых данных было показано, что иммигранты той же расовой (этнической) группы, что и принимающее население, иммигранты другой расовой (этнической) группы (мусульмане, евреи и цыгане) имеют различный уровень негативного отношения к ним (т. е. он является иерархическим, наиболее экстремальным по отношению к мусульманам и цыганам и весьма незначительным по отношению к людям той же расовой (этнической) группы, а также к евреям). Последующий анализ показал, что не только уровень негативного отношения варьируется в зависимости от конкретной группы, но и факторы, которые стимулируют это отношение, также варьируются. В целом предпосылки противодействия иммиграции можно разделить на следующие основные категории:

- 1) универсальные;
- 2) группоспецифические.

Универсальные предпосылки возникают из-за страха конкуренции за социально-экономические и символические ресурсы. К группоспецифическим предпосылкам относятся расизм, страх перед преступностью и межгрупповые контакты⁷ [38].

Используя здесь логику функционального подхода [39], можно предположить, что общая дисперсия, которая выражена в находимых статистически объединяющих, латентных переменных, на самом деле отражает не какую-то генерализованную в той или иной мере предубежденность (тем более какую-то личностную характеристику). Она связана с тем, что предубеждения в отношении объединяемых таким образом групп вызваны одинаковой функциональной проблемой, которую они репрезенти-

руют (например, угроза ценностям, нормам и традиционному образу жизни, конкурентная угроза, которая воспринимается как асоциальное поведение, и т. д.). Поэтому для удобства классификации и уменьшения объема данных первый и третий подходы имеют место, однако для расширения теоретических объяснений и адекватных концептуальных построений необходимо придерживаться второго подхода, т. е. учитывать, что каждая группа иммигрантов имеет уникальный набор характеристик, которые, в свою очередь, формируют конкретное отношение к ним со стороны принимающего населения.

Итак, суммируя вышеизложенное, можно утверждать, что отношение к иммигрантам необходимо строго концептуализировать и операционализировать, отделяя от пусть связанных, но отличающихся установок. При этом нужно учитывать уникальные характеристики каждой аутгруппы, которая ассоциируется с группой иммигрантов в конкретной стране или регионе⁸. Однако при таком аналитическом взгляде возникает вопрос о межстрановой или межрегиональной сопоставимости и измерительной эквивалентности. Решением здесь может быть переход от отражающего (*reflective*) подхода к измерительным моделям к формирующему (*formative*) [52; 53], т. е. выведение специально разработанных индексов отношения к иммигрантам на основе оценок разных групп (например, взвешенных в зависимости от размера конкретной группы)⁹. Оставшимся вопросом, который следует рассмотреть, является то, каким образом определять отношение к этим самым группам, что ассоциируются у принимающего населения с иммигрантами.

Прикладная концептуализация и операционализация отношения к иммигрантам

Достаточно часто встречается мнение, что социальная дистанция является общепринятой генерализованной оценкой предубежденности [54] и одним из основных инструментов в исследованиях межгрупповых отношений, особенно в социально-психологических исследованиях этнических групп или рас [55]. При этом она является еще и наиболее изученным проявлением предубежденности [56].

Действительно, оценка принимающим населением ситуации, когда представители аутгрупп являются их соседями, коллегами, жителями их района и т. д., представляет собой классическое измерение воспринимаемой социальной дистанции [57–59]. Существует широкий спектр объяснений взаимосвязи между понятиями «предубежденность» и «социальная дистанция»: от восприятия социальной

⁷Например, расизм и отсутствие межгрупповых контактов, как правило, связаны с негативным отношением исключительно к иммигрантам-мусульманам и иммигрантам-цыганам, а страх перед преступностью – к иммигрантам другой расовой (этнической) группы и цыганам, но не к мусульманам. Полученные данные подтверждают многочисленные источники. Однако не всегда эмпирически удается получить четкие различия такого рода. Так, в Германии исследования показали, что группы этнических меньшинств лишь частично соответствовали их предполагаемым профилям угроз [15].

⁸Например, для Москвы этими группами, скорее всего, будут узбеки и таджики, а для дальневосточных городов – китайцы. Кроме того, по всей видимости, в категорию «иммигранты» могут попадать и мигранты (чеченцы, аварцы) [47].

⁹Формирующая модель измерения хорошо иллюстрируется такой переменной, как социально-экономический статус. Она складывается из нескольких показателей (например, образование, профессия, доход). Хотя для установок, взглядов и убеждений использование отражающих измерительных моделей кажется более естественным, в случае выяснения отношения к иммигрантам именно составление специальных индексов на базе формирующей модели может помочь с решением описанных проблем. Например, существует индекс политики интеграции мигрантов MIPEX (*migrant integration policy index*), который показывает институциональный климат страны. Целесообразно было бы ввести сходный индекс, демонстрирующий характер общественных настроений по отношению к иммигрантам.

дистанции как симптома или индикатора предубежденности (т. е. отсутствие контакта, степень желаемой сегрегации) до представления нормативно одобренной социальной дистанции как причины предубеждений, иными словами, строгого институционального понимания (например, степень нормативно и (или) юридически разрешенных контактов между социальными группами). Социальная дистанция, определяемая институционально, действительно может быть причиной возникновения предубеждений через механизмы оправдания сложившейся социальной системы [37].

Понятие социальной дистанции, впервые рассмотренное американскими социологами Р. Парком (1921, 1924) и Э. Богардусом (1925) [57; 60; 61], предполагает существование некоего социального расстояния между людьми, которое можно измерить, как, например, физическое расстояние [62]. У Р. Парка социальная дистанция является симптомом или индикатором предубежденности и определяется как степень, в которой люди хотели бы избежать тесного контакта между собой и членами различных социальных или этнических (расовых) групп [60; 61]. Социальная дистанция является своего рода границей, разделяющей ингруппу и аутгруппу [62] и отражающей некое чувство готовности общения с представителями аутгруппы [63]. Она также свидетельствует, насколько приемлемо или, наоборот, нежелательно присутствие различных этнических групп в обществе [64]. Часто социальная дистанция возникает из-за чувства дискомфорта при контакте с членами аутгруппы, при этом само по себе декларирование этнического неравенства явно не утверждается [65]. Конкуренция на политических, социальных, экономических или культурных основаниях отмечается в большей части современных исследований как одна из основных причин возникновения негативных установок и социальной дистанции [66]. Последняя зависит от структуры общества и может быть измерена как объективный показатель [67; 68]. Чтобы избежать путаницы, для характеристики ее социально-психологического аспекта некоторые ученые используют термин «субъективная социальная дистанция» [55]. В современных исследованиях эту воспринимаемую социальную дистанцию часто обозначают как «готовность к межгрупповому контакту» [69]. Социальная дистанция продолжает активно применяться в исследованиях и по сей день [32; 70].

Против использования классического варианта воспринимаемой социальной дистанции в качестве мерил отношения к иммигрантам как группе можно привести несколько аргументов. Во-первых, она не различает дистанцию по этническому и классо-

вому (социально-экономическому) основаниям, т. е., грубо говоря, люди не хотят жить по соседству с иммигрантами, потому что они, как правило, бедные или принадлежат к другой этнокультурной группе. Теория символических границ как раз подчеркивает, что деление на ингруппу и аутгруппу может проходить по разным основаниям¹⁰. Далее, с учетом наличия концептуально метрической природы, т. е. социального расстояния в ее основе, сама шкала социальной дистанции является не метрической, а неравноинтервальной порядковой шкалой. Кроме того, возникает вопрос: «Если человек живет за городом, в частном доме с большим участком, его мнением об отношении к иммигрантам можно пренебречь?» Другими словами, в шкале не учитывается экология места проживания, она скорее подходит для городских исследований времен Р. Парка. Однако дальнейшая работа с метафорой расстояния может быть достаточно плодотворной, и существуют примеры относительно удачной модификации шкалы воспринимаемой социальной дистанции [71].

Помимо метафоры расстояния, на место возможного инструмента для измерения отношения к иммигрантам претендует метафора температуры и, соответственно, использование «термометра чувств», который впервые был применен для оценки отношения в очередном раунде *American national election study* в 1964 г. и с тех пор является одной из классических мер в политических исследованиях [72]. Как правило, использование «термометра чувств» для определения отношения к иммигрантам сопровождается следующим пояснением: «Ниже находится нечто похожее на термометр. Мы называем это “термометром чувств”, поскольку он измеряет ваши чувства к определенным этническим группам. Вот как это работает. Если вы не слишком много знаете о группе или не чувствуете теплоту или холод по отношению к ней, тогда выберите отметку 50 градусов. Если вы испытываете теплое чувство к указанной группе или относитесь к ней благосклонно, выбирайте значение между 50 и 100 в зависимости от того, насколько тепло вы относитесь к данной группе. С другой стороны, если вы не чувствуете себя очень благосклонно к указанной группе, то выбирайте значение между отметками 0 и 50» [72].

Хотя на первый взгляд может показаться, что идея использовать физическое расстояние в километрах или милях [71] очень похожа на идею измерять отношение в градусах, однако у термометра есть одно важное преимущество: температура демонстрирует непосредственно чувства, а при измерении расстояния используется концепция контакта.

¹⁰ Например, по языковому, религиозному признакам, человеческому капиталу, расовой принадлежности и т. д. Эти различия были показаны в том числе на эмпирическом материале из Европы, где выделены три группы стран, которые проводят символические границы между ингруппой и аутгруппой по различным основаниям [16].

Далее можно также упомянуть некоторые особенности такого способа измерения. Дело в том, что в социальных науках давно укоренилась идея о социально желательных ответах, поэтому ученые в подавляющем большинстве пользуются непрямым оцениванием. Однако недавние исследования говорят в пользу того, что, несмотря на опасность социально желательных ответов, лучшим способом узнать об отношении к представителям другой расы или этнической группы является прямой вопрос [73]. Это также может снять проблему валидности и надежности термометра как шкалы, состоящей только из одного пункта. Однако вопреки тому, что некоторые вопросы надежности (т. е. случайной ошибки) и конструктивной валидности термометра не являются проблемными, встает вопрос об особых систематических ошибках, связанных с влиянием стилей ответов [40; 74]. Некоторые исследователи сообщают об индивидуальных отличиях в ответах, т. е. определенные респонденты имеют общую тенденцию выбирать высокие общие показания температуры, в то время как другие склонны использовать

более широкий диапазон температурной шкалы [75]. Кроме того, наверняка существуют также и культурные паттерны в стилях ответов. Решением здесь может быть, как было указано выше, использование специально составленных индексов, которые бы интегрировали ответы, полученные с использованием «термометра чувств», путем применения разработанной для этой цели новой методики¹¹.

Итак, в качестве основного мерила отношения к иммигрантам как группе в межстрановых исследованиях можно использовать специально составленный индекс, полученный на основе ответов по шкале «термометра чувств» для групп, которые ассоциируются с иммигрантами в конкретном регионе, с учетом также их численности (объективной или воспринимаемой)¹². Установить конкретные группы можно, предварительно использовав так называемый восходящий подход (*bottom-up approach* или *data-driven approach*) [78]. Такой способ оценки отношения к иммигрантам позволяет решить указанные выше проблемы, связанные с концептуализацией и операционализацией¹³.

Заключение

Подводя итог вышеизложенному, можно отметить, что в современных исследованиях отношения к иммигрантам следует концептуально и операционально разделять на следующие группы:

- 1) отношение к иммигрантам как категории с соответствующим социоэкономическим статусом;
- 2) отношение к конкретным этническим группам, которые представляют иммигранты;
- 3) отношение к иммиграции как таковой (например, оценка последствий иммиграции для принимающего общества);
- 4) отношение к текущей миграционной политике государства.

При таком подходе к анализу проблемы будет возможно расширить теоретические рамки объяснений, прояснив и протестировав эмпирически, например, почему сосуществуют одновременно отрицательное отношение к иммигрантам и положительное отношение к иммиграции. Здесь нетрудно понять, что такое отношение характерно для членов принимающего общества, которые поддерживают идею эксплуатации труда иммигрантов [39]. Дополнительно отметим, что перспективной будет также опора на современную научную литературу о взаимной аккультурации иммигрантов и принимающего населения, особенно в аспекте межгрупповых различий или культурной дистанции [47].

Для более детальной аналитической работы внутри каждой страны также важно определить, кто составляет ингруппу и аутгруппу, провести четкие границы между ними с учетом широкого дифференцирующего диапазона рассматриваемых этно-религиозных групп с обеих сторон (русские и татары относятся к иммигрантам из Узбекистана по-разному). Антецеденты отношения к иммигрантам тоже должны составлять некие группоспецифические профили (одни факторы являются универсальными по отношению ко всем иммигрантским группам в России, однако по отношению к иммигрантам из Узбекистана это связано с уникальными только для них факторами).

Кроме того, в будущих исследованиях необходимо обратить больше внимания не только на антецеденты негативного отношения к иммигрантам, но и на факторы, способствующие позитивному отношению к иммигрантам, поскольку само по себе отсутствие негативных аспектов восприятия иммигрантов не предполагает автоматического позитивного отношения к ним. Согласно такому подходу «термометр чувств» можно использовать именно как меру непосредственного, а не косвенного отношения к группе. Что касается отношения к иммиграции и миграционной политике государства, то для его изучения можно использовать методики

¹¹Где, кроме всего прочего, например, оценка групп, которые, согласно статистике, доминируют среди иммигрантов, могла бы иметь больший вес в составленном индексе.

¹²Об особенностях воспринимаемой и объективной численности этнических групп (так называемой этнической плотности) см. [76; 77].

¹³Также отдельно хотелось бы сказать о том, что вместо воспринимаемой социальной дистанции следовало бы больше внимания уделить объективной социальной дистанции, тем более сейчас, когда доступны новые продвинутые методы обработки данных, в том числе панельных. Это направление исследований может быть очень перспективным для социологии, поскольку обращается напрямую к социальной структуре общества.

в рамках классического подхода к измерению социальных установок, прежде всего позаботившись о дискриминантной валидности шкал, которыми измеряют социальные установки [51], и уделив особое внимание пунктам, имеющим двойственный характер (т. е. *double-barreled items*).

Наконец, для межстрановых сравнительных исследований переход от отражающего (*reflective*) подхода к измерительным моделям к формирующему (*formative*) подходу может быть многообещающим. Конечно, чтобы в полной мере использовать изло-

женные здесь предложения, требуется также провести ряд эмпирических исследований для прояснения прежде всего некоторых вопросов измерения и составления, подходящих для межстрановых сравнений, и определения индекса отношения к иммигрантам. Использование этих предложений вместе с дополнительной теоретической проработкой должно несколько улучшить положение дел в области социологического изучения отношения к иммигрантам в межстрановой сравнительной перспективе.

Библиографические ссылки/References

1. Shils EA. *The Present State of American Sociology*. New York: Free Press; 1948. 64 p.
2. Dancygier RM, Laitin DD. Immigration into Europe: economic discrimination, violence, and public policy. *Annual Review of Political Science*. 2014;17:43–64. DOI: 10.1146/annurev-polisci-082012-115925.
3. Polavieja JG. Labour-market competition, recession and anti-immigrant sentiments in Europe: occupational and environmental drivers of competitive threat. *Socio-Economic Review*. 2016;14(3):395–417. DOI: 10.1093/ser/mww002.
4. Berry JW, Hou F. Acculturation, discrimination and wellbeing among second generation of immigrants in Canada. *International Journal of Intercultural Relations*. 2017;61:29–39. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2017.08.003.
5. Berry JW, Sabatier C. Acculturation, discrimination, and adaptation among second generation immigrant youth in Montreal and Paris. *International Journal of Intercultural Relations*. 2010;34(3):191–207. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2009.11.007.
6. Hanson GH. The economic consequences of the international migration of labor. *Annual Review of Economics*. 2009;1:179–208. DOI: 10.1146/annurev.economics.050708.143247.
7. Crepaz MML. *Trust beyond borders: immigration, the welfare state, and identity in modern societies*. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press; 2008. 328 p. (Contemporary political and social issues). DOI: 10.3998/mpub.133495.
8. OECD International Migration Database and Labour Market Outcomes of Immigrants [Internet]. 2013 [cited 2018 April 4]. Available from: <https://www.oecd.org/els/mig/keystat.htm>.
9. Koenig AM, Eagly AH. Typical roles and intergroup relations shape stereotypes: how understanding social structure clarifies the origins of stereotype content. *Social Psychology Quarterly*. 2019;82(2):205–230. DOI: 10.1177/0190272519850766.
10. Putnam RD. *E Pluribus Unum: diversity and community in the twenty-first century*. The 2006 Johan Skytte Prize lecture. *Scandinavian Political Studies*. 2007;30(2):137–174. DOI: 10.1111/j.1467-9477.2007.00176.x.
11. Batkhina A. Values and communication apprehension as antecedents of conflict styles in intercultural conflicts: a study in Germany and Russia. *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*. 2020;26(1):22–34. DOI: 10.1037/pac0000429.
12. Fussell E. Warmth of the welcome: attitudes toward immigrants and immigration policy in the United States. *Annual Review of Sociology*. 2014;40(1):479–498. DOI: 10.1146/annurev-soc-071913-043325.
13. Davidov E, Semyonov M. Attitudes toward immigrants in European societies. *International Journal of Comparative Sociology*. 2017;58(5):359–366. DOI: 10.1177/0020715217732183.
14. Ceobanu AM, Escandell X. Comparative analyses of public attitudes toward immigrants and immigration using multinational survey data: a review of theories and research. *Annual Review of Sociology*. 2010;36(1):309–328. DOI: 10.1146/annurev.soc.012809.102651.
15. Jedinger A, Eisentraut M. Exploring the differential effects of perceived threat on attitudes toward ethnic minority groups in Germany. *Frontiers in Psychology*. 2020;10:2895. DOI: 10.3389/fpsyg.2019.02895.
16. Bail CA. The configuration of symbolic boundaries against immigrants in Europe. *American Sociological Review*. 2008;73(1):37–59. DOI: 10.1177/000312240807300103.
17. Berg JA. Explaining attitudes toward immigrants and immigration policy: a review of the theoretical literature. *Socio-logy Compass*. 2015;9(1):23–34. DOI: 10.1111/soc4.12235.
18. Blumer H. Race prejudice as a sense of group position. *The Pacific Sociological Review*. 1958;1(1):3–7. DOI: 10.2307/1388607.
19. Allport GW. *The Nature of Prejudice*. Cambridge: Addison-Wesley; 1954. 537 p.
20. Paluck EL, Green SA, Green DP. The contact hypothesis re-evaluated. *Behavioural Public Policy*. 2019;3(2):129–158. DOI: 10.1017/bpp.2018.25.
21. Shrira I. Population diversity and ancestral diversity as distinct contributors to outgroup prejudice. *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2020;46(6):885–895. DOI: 10.1177/0146167219880190.
22. Ramos MR, Bennett MR, Massey DS, Hewstone M. Humans adapt to social diversity over time. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2019;116(25):12244–12249. DOI: 10.1073/pnas.1818884116.
23. Farmer H, Hewstone M, Spiegler O, Morse H, Saifullah A, Pan X, et al. Positive intergroup contact modulates fusiform gyrus activity to black and white faces. *Scientific Reports*. 2020;10(1):1–13. DOI: 10.1038/s41598-020-59633-9.
24. Stanciu A, Vauclair C-M, Rodda N. Evidence for stereotype accommodation as an expression of immigrants' socio-cognitive adaptation. *International Journal of Intercultural Relations*. 2019;72:76–86. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2019.07.003.
25. Aschauer W, Mayerl J. The dynamics of ethnocentrism in Europe. A comparison of enduring and emerging determinants of solidarity towards immigrants. *European Societies*. 2019;21(5):672–703. DOI: 10.1080/14616696.2019.1616791.
26. Hopkins DJ. Politicized places: explaining where and when immigrants provoke local opposition. *American Political Science Review*. 2010;104(1):40–60. DOI: 10.1017/S0003055409990360.
27. Green EG, Visintin EP, Sarasin O. From ethnic group boundary demarcation to deprovincialization: the interplay of immigrant presence and ideological climate. *International Journal of Comparative Sociology*. 2018;59(5–6):383–402. DOI: 10.1177/0020715218801422.

28. Kustov A. Is there a backlash against immigration from richer countries? International hierarchy and the limits of group threat. *Political Psychology*. 2019;40(5):973–1000. DOI: 10.1111/pops.12588.
29. Mangum M. Revisiting economic threat and cultural concerns: public opinion toward immigration and non-citizens by race. *Social Science Research*. 2019;83:102309. DOI: 10.1016/j.ssresearch.2019.05.002.
30. Meuleman B, Abts K, Schmidt P, Pettigrew TF, Davidov E. Economic conditions, group relative deprivation and ethnic threat perceptions: a cross-national perspective. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2020;46(3):593–611. DOI: 10.1080/1369183X.2018.1550157.
31. Tartakovsky E, Walsh SD. Testing a new theoretical model for attitudes toward immigrants: the case of social workers attitudes toward asylum seekers in Israel. *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2016;47(1):72–96. DOI: 10.1177/0022022115613860.
32. Tezcan T. The hometown cluster-based intergroup threat model: exploring conflict among internal migrant groups in Gebze, Turkey. *Turkish Studies*. 2020;21(1):108–136. DOI: 10.1080/14683849.2018.1540305.
33. Pichler F. Foundations of anti-immigrant sentiment: the variable nature of perceived group threat across changing European societies, 2002–2006. *International Journal of Comparative Sociology*. 2010;51(6):445–469. DOI: 10.1177/0020715210379456.
34. Leong C-H. A multilevel research framework for the analyses of attitudes toward immigrants. *International Journal of Intercultural Relations*. 2008;32(2):115–129. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2007.10.002.
35. Acculturation: an exploratory formulation. The social science research council, summer seminar on acculturation, 1953. *American Anthropologist*. 1954;56(6):973–1000. DOI: 10.1525/aa.1954.56.6.02a00030.
36. Berry JW. Acculturation as varieties of adaptation. In: Padilla AM, editor. *Acculturation: theory, models, and some new findings*. Boulder: Westview; 1980. p. 9–25.
37. Evans MDR, Kelley J. Prejudice against immigrants symptomizes a larger syndrome, is strongly diminished by socio-economic development, and the UK is not an outlier: insights from the WVS, EVS, and EQLS surveys. *Frontiers in Sociology*. 2019;4(12):1–21. DOI: 10.3389/fsoc.2019.00012.
38. Gorodzeisky A, Semyonov M. Unwelcome immigrants: sources of opposition to different immigrant groups among Europeans. *Frontiers in Sociology*. 2019;4(24):1–10. DOI: 10.3389/fsoc.2019.00024.
39. Grigoryev D, Batkhina A, van de Vijver F, Berry JW. Towards an integration of models of discrimination of immigrants: From ultimate (functional) to proximate (sociofunctional) explanations. *Journal of International Migration and Integration*. 2020;21(3):667–691. DOI: 10.1007/s12134-019-00677-w.
40. van de Vijver FJR. Towards an integrated framework of bias in noncognitive assessment in international large-scale studies: challenges and prospects. *Educational Measurement. Issues and Practice*. 2018;37(4):49–56. DOI: 10.1111/emip.12227.
41. Berg JA. White public opinion toward undocumented immigrants: threat and interpersonal environment. *Sociological Perspectives*. 2009;52(1):39–58. DOI: 10.1525/sop.2009.52.1.39.
42. Bauer TK, Lofstrom M, Zimmermann KF. *Immigration policy, assimilation of immigrants and natives' sentiments towards immigrants: evidence from 12 OECD-countries*. San Diego: The Center for Comparative Immigration Studies, University of California; 2001. 47 p. (IZA Discussion Papers; No. 187).
43. Hodson G, MacInnis CC, Busseri MA. Bowing and kicking: rediscovering the fundamental link between generalized authoritarianism and generalized prejudice. *Personality and Individual Differences*. 2017;104:243–251. DOI: 10.1016/j.paid.2016.08.018.
44. Cottrell CA, Neuberg SL. Different emotional reactions to different groups: a sociofunctional threat-based approach to «prejudice». *Journal of Personality and Social Psychology*. 2005;88(5):770–789. DOI: 10.1037/0022-3514.88.5.770.
45. Neuberg SL, Williams KEG, Sng O, Pick CM, Neel R, Krems JA, et al. Toward capturing the functional and nuanced nature of social stereotypes: an affordance management approach. *Advances in Experimental Social Psychology*. 2020;62:245–304. DOI: 10.1016/bs.aesp.2020.04.004.
46. Aubé B, Ric F. The sociofunctional model of prejudice: questioning the role of emotions in the threat-behavior link. *International Review of Social Psychology*. 2019;32(1):1–15. DOI: 10.5334/irsp.169.
47. Grigoryev D, Fiske ST, Batkhina A. Mapping ethnic stereotypes and their antecedents in Russia: the stereotype content model. *Frontiers in Psychology*. 2019;10:1643. DOI: 10.3389/fpsyg.2019.01643.
48. Landmann H, Gaschler R, Rohmann A. What is threatening about refugees? Identifying different types of threat and their association with emotional responses and attitudes towards refugee migration. *European Journal of Social Psychology*. 2019;49(7):1401–1420. DOI: 10.1002/ejsp.2593.
49. Duckitt J, Sibley CG. Right wing authoritarianism, social dominance orientation and the dimensions of generalized prejudice. *European Journal of Personality*. 2007;21(2):113–130. DOI: 10.1002/per.614.
50. Cantal C, Milfont TL, Wilson MS, Gouveia VV. Differential effects of right-wing authoritarianism and social dominance orientation on dimensions of generalized prejudice in Brazil. *European Journal of Personality*. 2015;29(1):17–27. DOI: 10.1002/per.1978.
51. Grigoryev D. Values, social distance and attitudes toward immigration: a cross-cultural study of Belgium, Germany, France and the Netherlands. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 2016;13(2):273–298. Russian. DOI: 10.17323/1813-8918-2016-2-273-298.
52. Coltman T, Devinney TM, Midgley DF, Venaik S. Formative versus reflective measurement models: two applications of formative measurement. *Journal of Business Research*. 2008;61(12):1250–1262. DOI: 10.1016/j.jbusres.2008.01.013.
53. Welzel C, Inglehart RF. Misconceptions of measurement equivalence: time for a paradigm shift. *Comparative Political Studies*. 2016;49(8):1068–1094. DOI: 10.1177/0010414016628275.
54. Weaver CN. Social distance as a measure of prejudice among ethnic groups in the United States. *Journal of Applied Social Psychology*. 2008;38(3):779–795. DOI: 10.1111/j.1559-1816.2007.00326.x.
55. Laumann EO. Subjective social distance and urban occupational stratification. *American Journal of Sociology*. 1965;71(1):26–36. DOI: 10.1086/223990.
56. Duckitt J. Prejudice and intergroup hostility. In: Sears D, Huddy L, Jervis R, editors. *Oxford handbook of political psychology*. Oxford: Oxford University Press; 2003. p. 559–600.
57. Bogardus ES. Social distance and its origins. *Journal of Applied Sociology*. 1925;9:216–226.
58. Bogardus ES. A social distance scale. *Sociology & Social Research*. 1933;17:265–271.

59. Wark C, Galliher JF. Emory Bogardus and the origins of the social distance scale. *The American Sociologist*. 2007;38(4): 383–395. DOI: 10.1007/s12108-007-9023-9.
60. Park RE. The concept of social distance as applied to the study of racial attitudes and racial relations. *Journal of Applied Sociology*. 1924;8:339–344.
61. Park RE, Burgess EW. *Introduction to the science of sociology*. Chicago: University of Chicago Press; 1921. 1040 p.
62. Kim HJ, Yoo HY, Chung YK. Social distance towards the North Korean refugees in South Korean society. *Korea Observer*. 2015;46(2):295–320.
63. Williams RMJr. *Strangers next door: ethnic relations in American communities*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall; 1964. 434 p. (Sociology series).
64. Marger MN. *Race and ethnic relations: American and global perspectives*. 3rd edition. Belmont: Wadsworth; 1994. 607 p.
65. Kleinpenning G, Hagendoorn L. Forms of racism and the cumulative dimension of ethnic attitudes. *Social Psychology Quarterly*. 1993;56(1):21–36. DOI: 10.2307/2786643.
66. Sniderman PM, Hagendoorn L, Prior M. Predisposing factors and situational triggers: exclusionary reactions to immigrant minorities. *American Political Science Review*. 2004;98(1):35–49. DOI: 10.1017/S000305540400098X.
67. Simmel G. *The sociology of Georg Simmel*. Wolff KH, translator. New York: Free Press; 1950. 445 p. Co-published by the Collier Macmillan Publishes.
68. Kadushin C. Social distance between client and professional. *American Journal of Sociology*. 1962;67(5):517–531. DOI: 10.1086/223189.
69. Ron Y, Solomon J, Halperin E, Saguy T. Willingness to engage in intergroup contact: a multilevel approach. *Peace and Conflict. Journal of Peace Psychology*. 2017;23(3):210–218. DOI: 10.1037/pac0000204.
70. Koc Y, Anderson JR. Social distance toward Syrian refugees: the role of intergroup anxiety in facilitating positive relations. *Journal of Social Issues*. 2018;74(4):790–811. DOI: 10.1111/josi.12299.
71. Dodd SC, Nehnevajsa J. Physical dimensions of social distance. *Sociology & Social Research*. 1954;38:287–292.
72. Converse PE, Dotson JD, Hoag WJ, McGee WHIII, editors. *American Social Attitudes Data Sourcebook 1947–1978*. Cambridge: Harvard University Press; 1980. 392 p.
73. Axt JR. The best way to measure explicit racial attitudes is to ask about them. *Social Psychological and Personality Science*. 2018;9(8):896–906. DOI: 10.1177/1948550617728995.
74. van Vaerenbergh Y, Thomas TD. Response styles in survey research: a literature review of antecedents, consequences, and remedies. *International Journal of Public Opinion Research*. 2013;25(2):195–217. DOI: 10.1093/ijpor/eds021.
75. Wilcox C, Sigelman L, Cook E. Some like it hot: individual differences in responses to group feeling thermometers. *Public Opinion Quarterly*. 1989;53(2):246–257. DOI: 10.1086/269505.
76. van Assche J, Roets A, Dhont K, van Hiel A. The association between actual and perceived ethnic diversity: the moderating role of authoritarianism and implications for outgroup threat, anxiety, and mistrust. *European Journal of Social Psychology*. 2016;46(7):807–817. DOI: 10.1002/ejsp.2211.
77. Grigoryev D, Jurcik T, Batkhina A, Dubrov D. Toward an ecological perspective of interethnic ideologies: moderation effects of ethnic density on relationships between interethnic ideologies and intergroup bias. *Russian Psychological Journal*. 2018;15(2/1):117–130. DOI: 10.21702/rpj.2018.2.1.7.
78. Jack RE, Crivelli C, Wheatley T. Data-driven methods to diversify knowledge of human psychology. *Trends in Cognitive Sciences*. 2018;22(1):1–5. DOI: 10.1016/j.tics.2017.10.002.

Статья поступила в редколлегию 17.05.2020.
Received by editorial board 17.05.2020.

УДК 316.334.22+316.324

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ И ЦИФРОВЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ ГОРОЖАН

Е. В. ЛЕБЕДЕВА¹⁾, А. И. ДЕНИСКИНА²⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

²⁾Институт социологии НАН Беларуси, ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

Исследуются процессы цифровой трансформации городской среды. Предлагается социологическая реконцептуализация термина «умный город», выделяются различные этапы в эволюции теоретических представлений об этом понятии. На основе эмпирических данных определяются ключевые направления дигитализации городской среды, а также связанные с этими процессами социальные риски (прежде всего техностресс как трудность в адаптации к новой цифровой реальности). Анализируется роль городской среды как фактора формирования цифровых компетенций горожан в повседневных и профессиональных практиках.

Ключевые слова: экономическая социология; город; городская среда; цифровая трансформация; умный город; техностресс; цифровые компетенции; профессиональные компетенции.

Благодарность. Исследование проведено при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (договор № Г20Р-109 от 04.05.2020 г.; тема «Влияния цифровой трансформации на трудовую активность городского населения (на примере Минска и Санкт-Петербурга)»).

DIGITALIZATION OF CITY AND DIGITAL COPETENCIES OF CITIZENS

E. V. LEBEDEVA^a, A. I. DENISKINA^b

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

^bInstitute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Surhanava Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus

Corresponding author: E. V. Lebedeva (elena_lebedeva_bsu@tut.by)

The article is aimed to analyse the tendencies of digital transformation of the temporary city. A sociological reconceptualisation of the term «smart city» is proposed, various stages in the evolution of the theoretical ideas about a smart city are distinguished. Based on empirical data, the key areas of digitalisation of the urban environment, as well as the social risks associated with these processes are identified (first of all, technostress as difficulties in adapting to a new digital reality). The article concludes with analysis of the role of the urban environment as a factor in the formation of digital competencies of citizens in everyday and professional practices.

Keywords: economic sociology; town; urban environment; digital transformation; smart city; technostress; digital competencies; professional competencies.

Acknowledgements. The research was conducted by the grant of the Belarusian Republican Fundamental Research grant (contract No. G20R-109 dated 04.05.2020); the research topic «The effects of digital transformation on the labour activity of the urban population (on the example of Minsk and Saint Petersburg)».

Образец цитирования:

Лебедева ЕВ, Денискина АИ. Цифровая трансформация городской среды и цифровые компетенции горожан. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2020;3:101–110.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-3-101-110>

For citation:

Lebedeva EV, Deniskina AI. Digitalization of city and digital copetencies of citizens. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2020;3:101–110. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-3-101-110>

Авторы:

Елена Викторовна Лебедева – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры технологий коммуникации и связей с общественностью факультета журналистики.

Анна Игоревна Денискина – научный сотрудник.

Authors:

Elena V. Lebedeva, PhD (sociology), docent; associate professor at the department of communication and public relations, faculty of journalism.

elena_lebedeva_bsu@tut.by

Anna I. Deniskina, researcher.

annademih@gmail.com

Введение

В современном мире цифровые технологии относятся к числу стратегических приоритетов развития инновационной составляющей большинства мировых экономик. Вопросам формирования информационного общества, процессам цифровизации уделяется особо пристальное внимание на государственном уровне. Это направление актуально также и для Беларуси. В частности, создана государственная программа научных исследований «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» (период действия – 2021–2025 гг.), направленная на изучение социально-экономических перспектив и рисков развития процессов дигитализации Беларуси в контексте построения IT-страны, диагностику социокультурных условий и факторов цифровизации белорусского общества, особенно в контексте регионального развития¹. Однако не стоит забывать, что становление цифровой экономики, основанной на производстве, распространении и потреблении информации, вызывает крупные социально-экономические сдвиги во всех сферах жизнедеятельности человека, начиная от трудовых отношений и заканчивая повседневным бытом. Помимо очевидных преимуществ цифровизации (сокращения транзакционных издержек, таких как аренда офисных помещений, транспортные расходы, внедрение гибких систем организации труда, исключительный потенциал для профессионального роста, обучения, личностного развития, стирание границы между городом и деревней в возможности карьерного роста и т. д.), этот процесс несет в себе и новые вызовы. Уже сегодня проявления цифровой трансформации – миниатюризация технических устройств, их интероперабельность (способность взаимодействовать с другими продуктами или системами), увеличение объемов цифровой информации – привели к появлению всеохватывающей сетевой и динамичной инфраструктуры, которая повлияла на образ жизни людей и общение друг с другом, изменила их отношение к среде обитания. Среди наиболее актуальных проблем, связанных с тесным внедрением цифровых технологий в жизнь человека, исследователи, как правило, упоминают цифровое неравенство (к примеру, в городах с более высоким уровнем жизни цифровые преобразования обычно происходят гораздо быстрее), а также значительно возросшую потребность в совершенно новых навыках и компетенциях. Высокая динамичность профессиональной структуры и усложнение практик

повседневной жизни требуют от населения способности быстро адаптироваться к меняющимся условиям независимо от рода деятельности, сочетать в себе не только технические, но и так называемые гибкие навыки: умение работать в команде, способность решать сложные задачи, взаимодействовать с разными людьми, правильно расставлять приоритеты, любознательность, инициативность, критическое мышление, самоуправление. При этом усвоить названные навыки в формате классических программ повышения квалификации (даже с современным и передовым содержанием) крайне сложно. Менее изучена, однако очень значима такая негативная сторона цифровой трансформации современного общества, как техностресс, – ситуация, когда новые информационные технологии приводят к ухудшению качества жизни или снижению производительности труда. Все это требует аналитической и научно-методической проработки опыта внедрения цифровых технологий как в профессиональную деятельность, так и в повседневную жизнь.

К жизни в цифровом обществе нужна специальная адаптация. В природе живые организмы приспосабливаются прежде всего к внешнему окружению – непосредственным условиям своего существования (учатся маскироваться, переносить высокие или низкие температуры, перемещаться по вертикальным поверхностям и т. п.). Если провести параллель между миром животных и миром людей, то можно предположить, что цифровая городская среда способна стать именно тем инструментом, который будет содействовать адаптации к условиям жизни в новом цифровом обществе (при этом модернизация городской среды не должна отставать от усовершенствования профессиональной сферы). Неслучайно создание умных городов входит в перечень приоритетных задач многих мировых программ цифровизации экономики. В частности, в США еще в 2004 г. при Массачусетском технологическом институте была сформирована исследовательская группа *Senseable City Lab*, которая занималась изучением роли новых технологий в жизни городов². В 2015 г. инициирована программа *Smart City Challenge*, нацеленная на внедрение в городскую жизнь интеллектуальных систем³. В Китае за период с 2012 по 2015 г. было выбрано около 300 населенных пунктов из более чем 30 провинций для реализации пилотных проектов по развитию умных городов. Данная программа прошла под лозунгом «Один город – одна

¹Государственная программа научных исследований «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства», 2021–2025 гг. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bstu.by/uploads/attachments/%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D1%87%D0%B5%D0%BD%D1%8C%20%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%BC%D0%BC.pdf> (дата обращения: 16.06.2020).

²Senseable City Lab [Electronic resource]. URL: <http://senseable.mit.edu> (date of access: 16.06.2020).

³Smart City Challenge. URL: <https://www.transportation.gov/smartcity> (date of access: 17.06.2020).

политика» («One city one policy»)⁴. Согласно докладу Американо-китайской комиссии в сфере экономики и безопасности (*U.S. – China Economic and Security Review Commission*) объем рынка цифровых решений для умных городов в Китае в 2018 г. оценивался в 7,9 трлн юаней (1,1 трлн долл. США), а к 2022 г. прогнозируется рост этого показателя более чем на 30 %⁵. Основные направления использования умных технологий – это транспорт, бытовые услуги, общественная безопасность, образование, здравоохранение, охрана окружающей среды. В странах Евросоюза насчитывается несколько десятков национальных и региональных инициатив, касающихся цифровизации городской среды (например, «Цифровая стратегия 2025» в Германии⁶, «Индустрия 4.0» в Австрии⁷ и т. п.). В России одной из задач национального проекта «Цифровая экономика» (сроки реализации – 2018–2024 гг.) является утверждение концепции 50 умных городов, куда включены разработка генеральной схемы развития сетей связи и инфраструктуры городов, создание системы от-

раслевого регулирования использования киберфизических систем, включая интернет вещей и т. д.⁸ В Республике Беларусь создание умных городов выделено в качестве отдельного пункта в перечне приоритетных направлений научной, научно-технической и инновационной деятельности, период действия которого рассчитан на 2021–2025 гг. (согласно протоколу заседания Комиссии по вопросам государственной научно-технической политики при Совете Министров Республики Беларусь от 27 декабря 2019 г. № 34/1пр)⁹.

Исходя из вышесказанного, мы постарались решить в данной статье следующие задачи: 1) осуществить социологическую реконцептуализацию термина «умный город»; 2) определить на основе эмпирических данных ключевые направления дигитализации городской среды (на примере Минска) и связанные с ними социальные риски; 3) проанализировать роль городской среды в формировании повседневных и профессиональных цифровых компетенций горожан.

Материалы и методы исследования

Теоретической основой исследования выступила концепция информационно-коммуникационного общества, отраженная в трудах Д. Белла [1] и М. Кастельса [2], дополненная идеями поведенческой экономики Р. Талера [3], воззрениями о феномене «созидательного разрушения» Й. Шумпетера [4], теорией социального характера Д. Рисмена (использовались его взгляды о влиянии модернизации на сознание и поведение современного человека, описанные в работе «Одинокая толпа»)¹⁰, а также представлениями о цифровой урбанизации, изучающей различные факторы взаимодействия городских цифровых систем с человеком (город как симбиоз архитектурного и цифрового слоев К. Ратти и М. Клодела [5], социально-этические аспекты цифровизации городской среды Э. Таунсенда [6], А. Гринфилда [7], Р. Китчина [8; 9], «3 поколения умных городов» Б. Коена)¹¹.

Эмпирическим материалом данной статьи стали результаты социологического исследования «Мониторинг социально-экономической и политической

ситуации в Республике Беларусь», проведенного ГНУ «Институт социологии НАН Беларуси» в конце 2018 г. Работа осуществлялась по республиканской репрезентативной выборке, объем которой – 2103 человека (максимальная погрешность составила $\pm 2,1$ % при уровне значимости 0,05). В выборочную совокупность входили 940 экономически активных (работающих) респондентов, проживающих в городах (погрешность равнялась 3,2 % при уровне значимости 0,05). Количественные данные дополнялись текстами глубинных интервью, взятых у сотрудников одной из белорусских компаний в сфере телекоммуникационных услуг ($N = 40$) в 2020 г. В качестве информантов выступили специалисты с высшим образованием: инженеры, менеджеры, руководители отделов и подразделений. Вопросы гайда затрагивали влияние используемых в организации информационных технологий на трудовое поведение работников, их отношение к компании, а также социально-психологическую атмосферу внутри коллектива.

⁴Smart city development in China: one city one policy [Electronic resource]. URL: https://ati.ec.europa.eu/sites/default/files/2020-06/DTM_PI4_AT_v2.pdf (date of access: 17.06.2020).

⁵China's Smart Cities Development [Electronic resource]. URL: https://www.uscc.gov/sites/default/files/2020-04/China_Smart_Cities_Development.pdf (date of access: 17.06.2020).

⁶European Commission. Digital Transformation Monitor. Germany: Industrie 4.0. January 2017 [Electronic resource]. URL: https://www.bmwi.de/Redaktion/DE/Publikationen/Digitale-Welt/digitale-strategie-2025.pdf?__blob=publicationFile&v=18 (date of access: 17.06.2020).

⁷Government of Austria, 2015. Association Industry 4.0 Austria [Electronic resource]. URL: https://ati.ec.europa.eu/sites/default/files/2020-06/DTM_PI4_AT_v2.pdf (date of access: 17.06.2020).

⁸Национальный проект «Цифровая экономика» [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/3b1AsVA1v3VziZip5VzAY8RTcLEbdCct.pdf> (дата обращения: 17.06.2020).

⁹Указ Президента Республики Беларусь от 7 мая 2020 г. № 156 «О приоритетных направлениях научной, научно-технической и инновационной деятельности на 2021–2025 гг.» [Электронный ресурс]. URL: <http://president.gov.by/uploads/documents/2020/156uk.pdf> (дата обращения: 17.06.2020).

¹⁰Теория социального характера Дэвида Рисмена [Электронный ресурс]. URL: <https://socio.rin.ru/cgi-bin/article.pl?id=1300> (дата обращения: 17.06.2020).

¹¹Cohen B. The 3 generations of smart cities inside the development of the technology driven city. URL: www.fastcompany.com/3047795/the-3-generations-of-smart-cities (date of access: 08.04.2018).

Результаты исследования и их обсуждение

Возможности социологической интерпретации категории «умный город». Впервые идеи умного города зазвучали в социальных науках в 1970–80-х гг. Вероятными предпосылками считаются идеи «умного роста», предложенные последователями «нового урбанизма» [10] в ответ на энергетический кризис и негативное влияние экстенсивной экономики на городскую среду, а также представления М. Кастельса об «интеллектуальном городе» (*intelligent city*) как примере слияния городского пространства и технологий [7]. Приблизительно к середине 1990-х гг. широкое употребление приобрел термин *smart city* как метафорическое олицетворение тесной связи городской жизни с информационными технологиями. При этом умными стали называться города, которые активно использовали новейшие информационно-коммуникационные технологии в сфере электронного правительства или привлекали высокотехнологичные отрасли для экономического роста (сектор B2G). Однако на протяжении следующего десятилетия идея умного города оставалась лишь теоретическим концептом, прототипом городского планирования. Ситуация изменилась в 2008 г., когда мировой финансовый кризис актуализировал необходимость сделать городское управление «умнее» (*smarter*). В этом же году выступил глава компании IBM Сэм Палмизано с докладом «Разумная планета: новая цель для мировых лидеров», посвященным популяризации умных технологий в повседневной жизни, который получил широкий общественный резонанс и явился своеобразной точкой отсчета в развитии концепции «умный город»¹².

В дальнейшей эволюции представлений о цифровизации городской среды можно выделить несколько этапов.

1-й этап. «Умный город 1.0» (2008–2013) характеризуется лавинообразным ростом технологических решений, предлагаемых различными ИТ-компаниями для умных городов¹³. Здесь происходит выделение трех ключевых характеристик умного города (модель 3I): инструментальный (*instrumented*), взаимосвязанный (*interconnected*) и интеллектуальный (*intelligent*) [11]. Инструментальность в данном контексте означает возможность количественного измерения процессов функционирования городской среды (например, внедрение сенсорных технологий и социальных сетей). Взаимосвязанность указывает на то, что различные уровни городской среды могут взаимодействовать между собой, обмениваясь информацией и аккумулируя ее (так называемый интернет вещей). Интеллекту-

альность же относится к способности использовать накопленную информацию о городской жизни для принятия обоснованных решений (анализ «больших» данных). В таком контексте умный город можно определить как концепцию и модель, которые используют новейшее поколение информационных технологий для того, чтобы внедрять умное городское планирование, строительство, а также управление различными городскими сервисами. При этом «умными» городскими технологиями являются социальные сети (*social*); мобильность (*mobility*); аналитика и большие данные (*big data/analytcs*); облачные вычисления (*cloud*) – *SMAC Stack*. Позднее к этому перечню стал добавляться также интернет вещей (*internet of things*) – *SMACi*.

Как видим, 1-й этап развития концепции «умный город» характеризуется уходом в технократическую сферу, т. е. в плоскость используемых цифровых технологий, тогда как социальные аспекты (то, как цифровизация городской среды влияет на сознание и поведение горожан, какие изменения она способна вызвать в обществе) отодвигаются на второй план.

2-й этап. Критика идей «умного города 1.0» (2014–2015) является своеобразной реакцией на технократический оптимизм предыдущего этапа и поднимает вопросы, касающиеся эффективности и преимуществ используемых в городах умных технологий для населения. Дополнительный импульс данному периоду придало развитие социальных исследований науки и технологий (*science and technology studies*) (Т. Кун, Б. Латур, В. Бийкер, Дж. Ло), теоретизирующих процессы создания знания и технологий, а также социальные последствия их применения. Критическое осмысление идей умного города представлено в работах «Умные города: большие данные, гражданские хакеры и поиски новой утопии» Э. Таунсенда [6], «Против умного города» А. Гринфилда [7], «Этика умных городов и урбанистики» Р. Китчина [8]. Ключевая идея заключается в том, что предложенная ранее концепция умного города упускает из виду крайне важный аспект – то, каким образом умная городская среда взаимодействует с пользователями – горожанами. К примеру, Э. Таунсенд, анализируя взаимосвязь урбанизации и цифровой трансформации городской среды, обращает внимание на то, что драйвером городского развития выступают не столько новые технологии, сколько их использующие городские сообщества и гражданские активисты. Информационные технологии в таком ракурсе превращаются из самодостаточной цели в средство, инструмент построе-

¹²Palmisano S. J. A smarter planet: the next leadership agenda [Electronic resource]. URL: www.ibm.com/ibm/cioleadershipexchange/us/en/pdfs/SJPSmarter_Planet.pdf (date of access: 08.04.2018).

¹³К примеру, в 2012 г. в Китае было одобрено 90 пилотных проектов развития умных городов, а к 2013 г. их число увеличилось более чем в два раза и достигало 193 [2].

ния качественной городской среды, тогда как именно целями становятся человекоориентированность, инклюзивность и устойчивое развитие. А. Гринфилд пишет о том, что города Сонгдо и Масдар¹⁴ строились без учета мнения граждан, технологии в них играли первостепенную роль, а их создатели в принципе не задавались вопросами, насколько комфортной будет в них жизнь. Р. Китчин обращает внимание на то, что умные города ежесекундно генерируют огромные массивы данных о своих жителях, включающие, помимо прочего, персональную информацию, и задается вопросом об этичности этого процесса. Иными словами, данный этап обозначил необходимость поиска консенсуса между технологической эффективностью цифровых решений для городов и их гуманитарными аспектами.

3-й этап. «Умный город 2.0» (с 2016 г. – по настоящее время) подчеркивает важность не только самих умных технологических решений и разнообразия способов их применения, но и того, как они помогают достичь целей конкретного города (насколько активно используются жителями, какие социальные эффекты вызывают). Проведенные исследования говорят об определенных положительных результатах в этом направлении. В частности, они позволяют уменьшить смертность на 8–10 %, повысить оперативность реагирования на чрезвычайные ситуации на 20–35 %, сократить среднее время в пути на работу и с работы на 15–20 %, снизить заболеваемость на 8–15 %, а также сократить выбросы парниковых газов на 10–15 %¹⁵. Следовательно, цифровизация городской среды должна использоваться прежде всего для обеспечения высокого качества жизни в городах, максимального сохранения и приращения человеческого капитала, стимулирования устойчивого экономического развития. С учетом данных принципов происходит переинтерпретация категории «умный город», она начинает пониматься как «городская территория, которая стала более результативной (*efficient*), и/или более экологически чистой, и/или более социально вовлеченной (*inclusive*) с помощью (*through*) использования цифровых технологий. Целью умного города является повышение привлекательности для граждан и/или бизнеса путем улучшения или увеличения (*adding*) городских сервисов»¹⁶.

Таким образом, формирование представлений об умном городе можно описать как движение от технократических идей и аспектов (технологии для технологий) к социогуманитарной поведенческой

парадигме (технологии для людей). Такая трансформация проявляется, во-первых, в развитии новых синтетических концепций, предлагающих интегрированный подход к пониманию умного города, основанный на принципах долгосрочного планирования и инклюзивности, повышения эффективности городских процессов, оптимизации использования ресурсов и защиты окружающей среды, улучшения качества жизни граждан; во-вторых, в смещении исследовательских ракурсов на такие показатели, как доступность новых технологий, их влияние на социальный комфорт и социальное самочувствие горожан, развитие их цифровых компетенций.

Социальные эффекты цифровизации городской среды. Социальные эффекты цифровизации городской среды (т. е. повышение качества городской среды за счет вовлечения в цифровые решения как можно большего числа горожан) определяются рядом объективных предпосылок, основными из которых выступают доступность новых технологий и владение информацией о том, как и для чего их использовать. Не менее значимы и субъективные условия, мотивирующие горожан на приобретение цифровых компетенций. Мы полагаем, что для изучения цифрового поведения горожан недостаточно статистических показателей, необходимы субъективные оценки соответствия этих показателей готовности населения к получению и трансляции через повседневные и профессиональные практики новых цифровых навыков.

По данным на 2018 г., в крупнейших мировых мегаполисах 50–70 % взрослого населения используют какие-либо решения умного города¹⁷. Что касается ситуации в Беларуси, то результаты мониторинга показали высокую степень доступности и включенности горожан как в повседневные, так и в профессиональные цифровые практики (рис. 1).

Современные технические инновации в повседневных практиках преимущественно распространены в сфере услуг, в число которых включены электронные обращения в государственные органы (службы); оплата услуг через интернет (в том числе М-банкинг, интернет-банкинг и др.); электронные платежные системы (*PayPal*, *Яндекс.Деньги*, *Moneybookers* и др.); заказ и покупка товаров, билетов через интернет, использование интернет-мессенджеров (*Skype*, *Viber*, *Telegram*), интернет-сервисы вызова такси (*Яндекс.Такси*, *Uber* и т. д.) и пр. На рис. 2 представлен топ-5 наиболее часто используемых и доступных инноваций, которые внедряют в свою жизнь экономически активные горожане.

¹⁴Сонгдо (Корея), Масдар (ОАЭ) – города, ставшие своеобразными экспериментальными площадками для практического воплощения идей крупных IT-компаний.

¹⁵Технологии умных городов: что влияет на выбор горожан? [Электронный ресурс]. URL: <https://ict.moscow/static/smart-city-solutions-what-drives-citizen-adoption-around-the-globe-ru.pdf> (дата обращения: 24.06.2020).

¹⁶Города, управляемые данными [Электронный ресурс]. URL: https://www.pwc.ru/ru/government-and-public-sector/assets/ddc_rus.pdf (дата обращения: 24.06.2020).

¹⁷Технологии умных городов: что влияет на выбор горожан? [Электронный ресурс]. URL: <https://ict.moscow/static/smart-city-solutions-what-drives-citizen-adoption-around-the-globe-ru.pdf> (дата обращения: 24.06.2020).

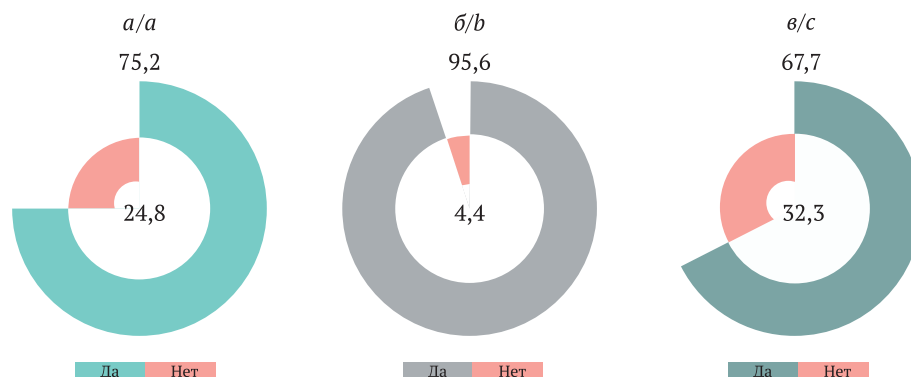

Рис. 1. Распределение ответов работающих горожан на вопрос о наличии возможности пользоваться современными техническими инновациями в профессионально-образовательной сфере (а), сфере услуг (б) и товаров (в), %

Fig. 1. Distribution of answers of economically active citizens to the question about the availability of opportunities to use modern technical innovations in the professional field (a), service sector (b) and the sphere of goods (c), %

Топ-5 современных технических инноваций в сфере услуг

Часто используемые		Доступные	
Интернет-мессенджеры (Skype, Viber, Telegram)	78,1	01	88,9
Системы онлайн-оплаты (в том числе М-банкинг, интернет-банкинг и др.)	69,9	02	88,1
Заказ и покупка товаров через интернет	59,7	03	84,5
Интерактивное телевидение	43,5	04	81,3
Онлайн-трансляции спортивных, культурных и других событий	43,4	05	72,6
			Электронные платежные системы (PayPal, Яндекс.Деньги, Moneybookers и др.)

Рис. 2. Наиболее актуальные современные технические инновации, %

Fig. 2. The most relevant modern technical innovations, %

Общее количество горожан, применяющих технические инновации в повседневной или профессиональной деятельности, составляет 95,6 % (это фактически все попавшие в выборку экономически активные респонденты, проживающие в городах). Большинство жителей умных городов используют доступные цифровые решения для общения (60,1 %), экономии времени (49,5 %) и повышения общего уровня информированности (42,2 %) (рис. 3).

Однако результаты исследований показывают расхождение (в ряде случаев – значительное) между доступностью технических инноваций и их реальным применением в профессиональной и повседневной деятельности. К примеру, в Нью-Йорке 61 % взрослого населения знает о наличии в их городе тех или иных умных решений, однако внедряют их в повседневную жизнь только 36 %¹⁸. Для белорусских горожан наибольшее несоответствие между доступностью и использованием технических инноваций наблюдается среди таких нововведений,

как дистанционная консультация врача (48,3 % горожан осведомлены о такой услуге и только 4,4 % к ней обращаются), электронные письма в государственные органы (59,7 и 9,4 % соответственно), а также сервисы каршеринга (51,5 и 8,8 % соответственно).

Достаточно широкая вовлеченность повседневной жизни в цифровую среду свидетельствует об определенном потенциале горожан воспринимать, аккумулировать и транслировать цифровой опыт. Возникает вопрос о том, что препятствует наиболее полной реализации этих возможностей. Как показывают проведенные исследования, если уровень благосостояния населения становится достаточным для использования широкополосного доступа в интернет и персональных компьютеров, а смартфонами пользуются 60–70 % жителей, то не остается каких-либо технических преград для внедрения большинства решений умного города для населения¹⁹. Результаты мониторинга говорят о том, что

¹⁸ Технологии умных городов: что влияет на выбор горожан? [Электронный ресурс]. URL: <https://ict.moscow/static/smart-city-solutions-what-drives-citizen-adoption-around-the-globe-ru.pdf> (дата обращения: 24.06.2020).

¹⁹ Города, управляемые данными [Электронный ресурс]. URL: https://www.pwc.ru/ru/government-and-public-sector/assets/ddc_rus.pdf (дата обращения: 24.06.2020).

Рис. 3. Рейтинг целей использования современных технических инноваций

Fig. 3. Rating of goals for using modern technical innovations

объективные предпосылки цифровизации городской среды в Беларуси реализованы: более 90 % экономически активных горожан имеют возможность пользоваться современными техническими инновациями. Следовательно, социальные эффекты цифровизации (насколько она влияет на качество жизни горожан) определяются скорее субъективными факторами, среди таковых, по нашему мнению, можно выделить отношение к технологическим инновациям и обладание цифровыми компетенциями. Остановимся на данных факторах подробнее.

Большинство горожан положительно воспринимают современные умные решения: 89,1 % опрошенных согласны с тем, что благодаря науке и новым технологиям появится больше возможностей для будущих поколений; 77,9 % горожан отметили,

что новые технологии делают жизнь здоровой, легкой и комфортной (рис. 4).

Однако в ряде случаев встречаются и сомнения или даже опасения, касающиеся активного внедрения в профессиональную и повседневную жизнь новых информационных технологий. Так, некоторые респонденты (46,2 %) считают, что научно-технические изобретения делают жизнь беспокойной и опасной, а каждый третий (32,0 %) уверен в том, что такие разработки могут иметь непредвиденные побочные эффекты, которые опасны для здоровья человека и могут нанести вред окружающей среде. Кроме того, довольно большое число опрошенных (в среднем около 30 %) затруднились дать однозначную оценку бурно развивающейся цифровизации городов.

Рис. 4. Отношение горожан к научно-техническим инновациям, %

Fig. 4. Citizens' perception of scientific and technological innovations, %

На данный момент сложно говорить о причинах, вызывающих страх или отторжение горожанами новых информационных технологий. Отчасти это может быть связано с осознанием высокой степени зависимости от дальнейших изменений в экономической и трудовой сферах (в частности, опасение потерять работу из-за цифровизации). Определенное влияние могут оказывать сомнения, возникающие по отношению к тем социальным последствиям, которые являются результатом внедрения ряда технических новинок в повседневную жизнь (к примеру, повсеместное использование онлайн-сервисов и социальных сетей). Также одной из возможных причин такого восприятия может быть техностресс – практическая иллюстрация трудностей адаптации человека к новым технологиям. Остановимся на ней подробнее.

Техностресс характеризуется постоянным чувством тревоги, страхом упустить что-то важное, навязчивым желанием следить за технологическими новинками. Можно выделить следующие факторы техностресса: отсутствие нормативов работы с новыми технологиями (приводит к сбою привычного режима, разрушению границ между рабочей и домашней обстановкой, когда индивид находится на связи и занимается решением рабочих вопросов буквально круглые сутки); значительное увеличение нагрузки как в повседневной, так и в профессиональной сфере (новые технологии стимулируют мультизадачность, поэтому дают возможность решать больше различных вопросов за один и тот же промежуток времени); практическую и психологическую неготовность к работе с новыми технологиями; непрерывные изменения в технологиях, вынуждающие индивида постоянно их осваивать и внедрять в свою работу (при этом в качестве стимула в этой гонке чаще всего выступает страх лишиться работы, что-то не успеть, оказаться хуже других и т. п.) [12]. Конкретные признаки техностресса укладываются в классические реакции «бей» или «беги». Рассмотрим их варианты, опираясь на результаты глубинных интервью.

Реакция «бей» («борьба» с новыми технологиями) предполагает стремление избегать (максимально ограничивать) использования в повседневной или профессиональной деятельности цифровых технологий, препятствовать их внедрению, выступать за возврат к традиционному («делать по старинке»). В профессиональной деятельности данная реакция проявляется в желании минимизировать электронные средства коммуникации. Таким образом, предпочтение отдается личным визитам вместо общения в мессенджере, офлайн-совещаниям вместо дистанционных, почтовой рассылке вместо получения информации из ленты новостей в корпоративных социальных сетях, например: *Мне личные письма больше нравились, чем нынешняя лента новостей,*

раньше чувствовалось какое-то вовлечение в жизнь компании, а сейчас этого нет (женщина, 52 года)²⁰; *Пятиминутка с последними новостями от руководителя должна быть раз в неделю обязательно* (мужчина, 61 год). В повседневной жизни реакция данного типа выглядит аналогично: многие горожане отказываются использовать социальные сети и мессенджеры, выбирая традиционные способы совершения покупок и получения услуг и т. п.

Реакция «беги» («боязнь» новых технологий) демонстрирует общую растерянность; неспособность как успевать за происходящими изменениями, так и контролировать использование цифровых достижений (технологии управляют человеком, а не наоборот) и справляться с большими потоками информации; сниженную мотивацию к развитию; неуверенность в своих силах. Например: *Поток информации превратился в информационный шум, все это очень сильно мешает работе, не дает сконцентрироваться* (женщина, 50 лет); *Тебя заливают ливнем информации, которая идет от разных уровней, и вроде как надо все просмотреть, но что с этим делать – не понятно, а время рабочее уходит* (женщина, 51 год); *путаница сейчас есть, сложно отследить, где, когда, какая новость появится в какой группе, поэтому я, бывает, пропускаю важную информацию, как ни стараюсь следить за всем этим* (мужчина, 53 года).

Техностресс может не только негативно сказываться на результатах труда (снижается самоэффективность), но и влиять на общий уровень оптимизма и удовлетворенности жизнью (профессиональное выгорание).

Как нам представляется, подобную «боязнь» цифровых технологий или «борьбу» с ними можно интерпретировать в духе размышлений о «созидательном разрушении» Й. Шумпетера, который использовал данное понятие как синоним для слова «инновация» [4]. Действительно, сталкиваясь с новыми задачами (например, ежедневный просмотр в режиме реального времени больших потоков новостей в социальных сетях или необходимость регистрироваться и проходить авторизацию для использования какого-либо мобильного приложения), индивиды развивают такие когнитивные навыки, как способность к поиску, систематизации, синтезу и оценке информации, усваивают принципы сетевой безопасности, повышают общую компьютерную грамотность. Навыки, сформированные в повседневной жизни, в дальнейшем могут быть использованы и в профессиональной деятельности. Таким образом, упрощается адаптация к новым информационным технологиям и уменьшается влияние факторов, провоцирующих техностресс.

Отношение к умным решениям напрямую связано с практикой их применения как в профессиональной, так и в повседневной деятельности, т. е.

²⁰Здесь и далее курсивом выделены цитаты из глубинных интервью.

с наличием либо отсутствием у горожан определенных цифровых компетенций. Успешное их использование в обыденной жизни мотивирует на действия по формированию, приобретению и совершенствованию своих профессиональных знаний, что отвечает требованиям современного общества, заинтересованного в повышении цифровых компетенций своих граждан. При этом профессиональные компетенции отчасти выстраиваются на базовом цифровом опыте, который предполагает включенность в информационные технологии и киберпространство через повседневные практики.

Гипотеза данного исследования заключается в том, что цифровизация городской среды, помимо очевидных положительных социальных эффектов (улучшения качества жизни горожан, снижения влияния техностресса), способствует также и адаптации городских профессионалов к новым условиям труда. Эта идея частично перекликается с представлениями американского социолога Д. Рисмена о трех типах характеров, соответствующих трем типам общества: доиндустриальному, раннему индустриальному и развитому индустриальному [8]. Речь в данном случае идет о том, что внедрение технических инноваций (в частности, использование современных средств коммуникации, увеличение

объема доступной информации и пр.) оказывает значительное влияние на сознание и поведение людей, способствуя трансформации доминирующего типа личности – от ориентированного на устоявшиеся традиции и образцы поведения конформиста, характерного для доиндустриальной стадии, до подверженного влиянию медиасферы, падкого на новинки шопоголика позднеиндустриальной эпохи). По нашему мнению, сегодня можно говорить о формировании четвертого типа характера, соответствующего информационному обществу, практическим воплощением которого и является умный город. Высокая динамичность профессиональной структуры и усложнение практик повседневной жизни требуют от индивидов быстрого реагирования на перемены, предъявляя все новые требования к их компетенциям. В такой ситуации максимально комфортно чувствуют себя субъекты, обладающие такими компетенциями, как многозадачность, прогнозная аналитика, выработка новых идей, умение быстро адаптироваться к меняющимся условиям, эффективно работать в команде и взаимодействовать с другими людьми, самостоятельно организовывать деятельность, работать с огромными массивами данных и др.

Заключение

Современный умный город – это не просто муниципальное образование с хорошо усовершенствованной технологической инфраструктурой. Цифровая городская среда способна оказать заметное влияние на устойчивое развитие всего общества в целом, помогает успешной адаптации населения к цифровой трансформации экономики и максимальной реализации социального капитала.

Подводя итог анализу цифровизации городской среды и развитию цифровых компетенций горожан, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, формирование представлений об умном городе можно описать как движение от технократических идей и концепций (технологии для технологий) к социогуманитарной поведенческой парадигме (технологии для людей). Такая трансформация проявляется, прежде всего, в развитии новых синтетических концепций, предлагающих интегрированный подход к пониманию умного города, основанный на принципах долгосрочного планирования и инклюзивности, повышения эффективности городских процессов, оптимизации использования ресурсов и защиты окружающей среды, улучшения качества жизни граждан, а также в смещении исследовательских ракурсов на такие показатели, как доступность новых технологий, их влияние на социальный комфорт и социальное самочувствие горожан, развитие у них цифровых компетенций.

Во-вторых, результаты исследований показывают расхождение (в некоторых случаях – значительное) между доступностью технических инноваций и их реальным использованием в профессиональной и технической деятельности. Широкая вовлеченность в цифровое пространство повседневной жизни свидетельствует об определенном потенциале горожан воспринимать, аккумулировать и транслировать цифровой опыт. Объективные предпосылки цифровизации городской среды в Беларуси реализованы, так как более 90 % экономически активных жителей имеют возможность пользоваться современными техническими инновациями. Следовательно, определить социальные эффекты цифровизации, т. е. то, насколько она влияет на качество жизни горожан, помогают следующие субъективные факторы: восприятие горожанами технологических инноваций, наличие у них необходимых цифровых компетенций.

В-третьих, отношение к цифровой трансформации городской среды напрямую связано с практикой использования различных умных решений в профессиональной и повседневной деятельности. В свою очередь, успешное применение цифровых навыков в обыденной жизни мотивирует на действия по формированию, приобретению и совершенствованию своих профессиональных компетенций, что отвечает требованиям современного общества, заинтересованного в повышении цифровых компетенций своих граждан.

Библиографические ссылки

1. Белл Д. *Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования*. Иноземцев ВЛ, редактор. Москва: Academia; 2004. 788 с.
2. Кастельс М. *Информационная эпоха: экономика, общество и культура*. Москва: ГУ ВШЭ; 2000. 608 с.
3. Талер Р. *Новая поведенческая экономика. Почему люди нарушают правила традиционной экономики и как на этом заработать*. Прохорова А, переводчик. Москва: Эксмо; 2018. 384 с.
4. Дмитриев СГ. О становлении теории «созидательного разрушения». *Креативная экономика*. 2011;12:46–50.
5. Ратти К, Клодел М. *Город завтрашнего дня: сенсоры, сети, хамеры и будущее городской жизни*. Бондал Е, переводчик. Москва: Институт Гайдара; 2018. 248 с.
6. Townsend A. *Smart cities: big data, civic hackers, and the quest for a new utopia*. New York: W. W. Norton & Company; 2013. 400 p.
7. Greenfield A. *Against the smart city*. New York: Do projects; 2013. 147 p.
8. Kitchin R. The ethics of smart cities and urban science. *Philosophical Transactions: Mathematical Physical and Engineering Sciences*. 2016;374(2083):201–225. DOI: 10.1098/rsta.2016.0115.
9. Китчин Р. Управляемый данными сетевой урбанизм. *Шаги/Steps*. 2017;3(2):98–116.
10. Vanolo A. Smartmentality: the smart city as disciplinary strategy. *Urban Studies*. 2014;51(5):883–898. DOI: 10.1177/0042098013494427.
11. Пахомов ЕВ. Цифровые технологии умного города. *Инженерный вестник Дона* [Интернет]. 2017 [процитировано 24 июня 2020 г.];3. Доступно по: http://ivdon.ru/uploads/article/pdf/IVD_110_Pakhomov2.pdf_5d5b6fb13d.pdf.
12. Fischer T, Riedl R. Technostress research: a nurturing ground for measurement pluralism. *Communications of the Association for Information Systems*. 2017;40:375–401. DOI: 10.17705/1CAIS.04017.

References

1. Bell D. *Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo. Opyt sotsial'nogo prognozirovaniya* [The coming post-industrial society. Social forecasting experience]. Inozemtsev VL, editor. Moscow: Academia; 2004. 788 p. Russian.
2. Castells M. *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [The information age: economy, society and culture]. Moscow: Higher School of Economics National Research University; 2000. 608 p. Russian.
3. Thaler RH. *Misbehaving: the making of behavioral economics*. New York: W. W. Norton & Company; 2016. 432 p.
4. Ratti C, Claudel M. *Gorod zavtrashnego dnya: sensory, seti, khakery i budushchee gorodskoi zhizni* [The city of tomorrow: sensors, networks, hackers, and the future of urban life]. Bondal E, translator. Moscow: Gaidar Institute Press; 2018. 248 p. Russian.
5. Townsend A. *Smart cities: big data, civic hackers, and the quest for a new utopia*. New York: W. W. Norton & Company; 2013. 400 p.
6. Greenfield A. *Against the smart city*. New York: Do projects; 2013. 147 p.
7. Kitchin R. The ethics of smart cities and urban science. *Philosophical Transactions: Mathematical Physical and Engineering Sciences*. 2016;374(2083):201–225. DOI: 10.1098/rsta.2016.0115.
8. Китчин Р. Data-driven networked urbanism. *Шаги/Steps*. 2017;3(2):98–116. Russian.
9. Vanolo A. Smartmentality: the smart city as disciplinary strategy. *Urban Studies*. 2014;51(5):883–898. DOI: 10.1177/0042098013494427.
10. Pahomov EV. Digital technologies of smart city. *Engineering Journal of Don* [Internet]. 2017 [cited 2020 June 24];3. Available from: http://ivdon.ru/uploads/article/pdf/IVD_110_Pakhomov2.pdf_5d5b6fb13d.pdf. Russian.
12. Fischer T, Riedl R. Technostress research: a nurturing ground for measurement pluralism. *Communications of the Association for Information Systems*. 2017;40:375–401. DOI: 10.17705/1CAIS.04017.

Статья поступила в редколлегию 30.06.2020.
Received by editorial board 30.06.2020.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПОВОДЫ – ТРИГГЕРЫ И РЕЗОНАНСНЫЕ ДИСКУРСЫ НАЦИОНАЛЬНОГО МЕДИАПРОСТРАНСТВА: ВОЗМОЖНОСТИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

А. М. БЕЛЬСКИЙ^{1), 2)}

¹⁾Центр социологических и политических исследований Белорусского государственного университета,
ул. Академическая, 25, 220072, г. Минск, Беларусь

²⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Подчеркивается актуальность исследования условно нейтральных информационных поводов – триггеров в контексте сформированных в них дискурсов современного медиапространства. Демонстрируется авторская методология, с помощью которой выделяются резонансные дискурсы ведущих информационных ресурсов страны в рамках актуальных триггер-событий национального информационного поля в целях анализа их интерпретационной среды на предмет формирования смысловых значений, искажающих сущность изначального информационного повода и провоцирующих на деструктивную социальную активность. На основе представленного кейса выносятся предложения по коррекции направленности конфликтных дискурсов.

Ключевые слова: триггер-событие; медиапространство; дискурс; интертекстуальность; интердискурсивность; конфликтный дискурс; символический капитал; информационное воздействие.

INFORMATION CAUSES – TRIGGERS AND RESONANT DISCOURSES OF THE NATIONAL MEDIA SPACE: POSSIBILITIES OF SOCIOLOGICAL ANALYSIS

A. M. BELSKI^{a, b}

^aCenter of Sociological and Political Research, Belarusian State University,
25 Akademichnaja Street, Minsk 220072, Belarus

^bBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article indicates the relevance of the study of conditionally neutral informational triggers in the context of the discussions they produce in the modern media space. The author's methodology of highlighting resonant discourses of the country's leading information resources in the context of actual trigger events of the national information field is demonstrated in order to analyse their interpretive environment for the formation of semantic meanings, distorting the meaning of the original informational occasion and provoking destructive social activity. Based on the presented case, proposals are made for correcting the direction of conflict discourses.

Keywords: trigger event; media space; discourse; intertextuality; interdiscursiveness; conflict discourse; symbolic capital; informational impact.

Образец цитирования:

Бельский АМ. Информационные поводы – триггеры и резонансные дискурсы национального медиапространства: возможности социологического анализа. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2020;3:111–119.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-3-111-119>

For citation:

Belski AM. Information causes – triggers and resonant discourses of the national media space: possibilities of sociological analysis. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2020;3:111–119. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-3-111-119>

Автор:

Александр Михайлович Бельский – младший научный сотрудник¹⁾, старший преподаватель кафедры социологии факультета философии и социальных наук²⁾.

Author:

Alexander M. Belski, junior researcher^a and senior lecturer at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences^b.
ksander_mogilev@mail.ru

Введение

Современный этап развития общества характеризуется активным включением в обыденную жизнь человека средств массовой информации и информационно-коммуникационных технологий. Практики перманентного медиапотребления стали выступать неотъемлемым атрибутом повседневности социальных субъектов, определяя направленность и содержание их поведенческих установок, ценностных ориентаций и жизненных стратегий. В указанном контексте появляется необходимость изучать особенности и специфику воздействия медиа и сетевых ресурсов на формирование различных компонентов личностного сознания. В условиях стремительного развития общества и постоянных информационных воздействий неоспоримую значимость приобретает исследование жизненных практик населения Беларуси с учетом социальной мобильности и изменчивости личностных приоритетов.

Медиа наиболее эффективно формируют представления о политической жизни, гражданской активности, социально значимой деятельности, реле-

вантной структуре власти, целях общества и государства, ситуации в стране. В этом контексте потенциал информационного воздействия зависит от уровня доверия или недоверия к источнику информации, принятия и непринятия представленной в информационном сообщении позиции с последующей ее интериоризацией или отторжением. Исследовательский интерес вызывает не только сам процесс зарождения и распространения дискурсов медиапространства как элементов интерпретации условно нейтральных триггер-событий, их запускающих, но и направленность этих дискурсов, характер влияния на аудиторию. Применение социологического подхода в изучении СМИ позволит разработать методологию выявления семантически релевантных дискурсов медиапространства с целью оценить их конструктивность и реализацию адекватных моделей воздействия на деструктивные, конфликтные дискурсы в рамках медиаконвергенции структурных сегментов информационного поля.

Основная часть

Медиапространство современного общества является своего рода социомедиатором, рекурсивно инкорпорирующим в свою структуру импульсы всех сфер жизнедеятельности человека. Социум и медиапространство выступают имманентно зависимыми конструктами, диалектическая взаимосвязь которых формирует реальный медиасоциальный континуум.

На рассматриваемом этапе развития медиапространство как комплекс процессов, в ходе которых транслируется определенный контент, имеющий предтечи в социальном пространстве и одновременно порождающий и развивающий их, во многом зависит от нового медиасубъекта – интернет-медиа. Возможности новых СМИ расширили палитру средств, при помощи которых в медиапространстве значительно возросла не только и не столько эффективность реальной проекции образов социального пространства в виртуальное информационное поле, сколько конструирование тех смыслов, которые хотят донести отдельные акторы, чтобы оказать сознательное побудительное воздействие на определенные целевые группы.

Медиапространство представляет собой особый конструкт социального пространства [1, с. 53–54] и включает в свой состав категории, символически подобные на имеющиеся в социальном мире императивы и образующие целостность. В данном исследовании применяются дефиниции французского социолога Пьера Бурдьё, ведь реконструкция его теории во многом дает возможность представить взаимосвязь социального пространства и медиапространства. При наличии символического

[2, с. 106–107], но вполне измеримого капитала и модели его распределения формируются некоторые позиции и взаимоотношения не только в социальном мире, но и в медиапространстве, от чего зависит уровень воздействия медиаакторов на потенциальную аудиторию. Обозначенный капитал имеет свое измерение на соответствующем ему уровне влияния в символическом противостоянии тех смыслов, которые следует легитимировать. В данной проекции мимикрируют социальные субъекты и само общество в пространстве медиа.

Социальные коммуникации плавно перетекают в медиапространство, где они даже не столько находят свое реальное отражение, сколько сбрасывают с себя ограничители, с определенной долей успешности функционирующие в действительности и пока не оформившиеся в информационный этикет. Социальные практики попадают под влияние возникающих и развивающихся в пространстве новых медиадискурсов, при этом сами социальные субъекты осознанно и неосознанно помогают их развивать. Таким образом, будучи смысловыми конструктами, социальные практики и виртуальные дискурсы взаимосвязаны, при этом последние с помощью контента формируют относительно устойчивые на определенном промежутке времени смыслы, способные воздействовать на трансформацию первых.

Дискурс в самом общем понимании есть не что иное, как символические значения, которые, с одной стороны, в достаточной мере подвижны, а с другой – контекстно связаны между собой. Символические значения в структуре общего для них дискурса нахо-

дятся во взаимодействии и по своей направленности могут быть как гомогенными, так и гетерогенными, т. е. претендовать на доминирование по содержанию. Формирование дискурса происходит практически в момент совершения триггер-события в реальном мире при условии наличия интереса к нему у субъектов коммуникативного медиапространства, которые и наполняют его значениями в ходе осмысления произошедшего. Как бы ни парадоксально это звучало, но именно интерпретации порождают дискурсы и задают конкретное значение триггер-событию в процессе борьбы между собой, а это говорит о том, что воздействие доминирующих смыслов может быть манипулятивным и в значительной мере отличаться от реального положения и изначального содержания триггер-события.

Французский социолог Жан Бодрийяр справедливо отмечал, что проекция социального мира в медиапространство обрастает иногда даже не столько симуляциями, сколько симулякрами [3, с. 126–131]. И если первые все же имели реальный прототип, который в последующем в определенной мере был переосмыслен, то вторые – это только плод воображения, обретающий в сотканном полотне информационного контента смысловую телесность, а значит, и свой уровень воздействия [4, с. 109–118].

Большое значение имеет капитал заинтересованных в воздействии на массы медиаакторов, который, согласно концепции П. Бурдьё, также способен повлиять на продуцирование смыслов. Это может произойти как за счет вброса бота реакционного контента, так и благодаря четкому функционированию авторитетных площадок с профессиональными авторами на сервисах социальной коммуникации через создание монополии собственной повестки на легитимацию. Именно наличие авторитетных площадок, поддержание уровня их популярности у пользователей и составляет устойчивый медиакапитал.

Ключевая цель формируемых в рамках определенного дискурса значений – получить главенствующую роль в интерпретации триггер-события информационного поля, распространив гегемонию точно определенного ими смысла. Развитие интернета в XXI в. интенсифицировало этот процесс, причем посылы медиапространства в последующем вполне успешно конвертируются во внемедийную реальность, рождая определенным образом направленную социальную активность [5, с. 117–125]. Медиапространство социализирует личность, снабжая ее практиками, пригодными для реализации в социальном пространстве.

В связи с этим особую роль играет оперативное выделение крупных дискурсов ведущих информационных ресурсов в контексте актуальных триггер-событий национального информационного поля страны в целях анализа их интерпретационной среды на предмет формирования смысловых значений,

искажающих сущность изначального информационного повода и провоцирующих на деструктивную социальную активность.

Необходимо обратить внимание на ведущие для населения Беларуси информационные ресурсы, ведь именно на их площадках, исходя из преобладающего охвата, и разворачиваются дискурсы. Для этого следует непрерывно исследовать информационное пространство страны. Центром социологических и политических исследований БГУ реализуется социологический мониторинг национального информационного поля, который позволил выделить четыре этапа его трансформации: 1992–2011, 2002–2005, 2006–2010, 2011–2018 гг. и далее [6, с. 43]. Специфика воздействия электронных медиа как ведущего информационного источника отчетливо прослеживается в 2006–2010 и 2011–2018 гг., т. е. в периоды, когда интернет-аудитория стала явно и стремительно увеличиваться. Возросшая популярность данного канала транслирования информации практически вывела интернет в 2011–2018 гг. на лидирующие позиции: он лишь незначительно уступает телевидению. К слову, многие просматривают телевизионные программы в записи в интернете. По сравнению с 2006–2010 гг. в следующем периоде не только утвердился неоспоримый авторитет информационных электронных СМИ, но и активно стали развиваться средства виртуальной коммуникации как их особый вектор, включающий блогосферу, социальные сети, каналы мессенджеров, а также новые (в том числе социальные) медиа.

Обратимся к данным республиканского массового анкетного опроса населения, проведенного в 2018 г. Для отбора респондентов использовалась случайная, стратифицированная, маршрутная выборка. Выборочная совокупность составила 1000 респондентов, проживающих в 94 населенных пунктах страны: больших, средних, малых городах, поселках городского типа и селах. Отбор населенных пунктов осуществлялся методом простого случайного жребия в каждой из обозначенных групп. Ошибка репрезентативности не превысила допустимый уровень и составила 2,55 %. Показатель недостижимости равен 19,00 %. Соответственно, полученные данные могут быть интерпретированы в качестве мнения жителей страны в целом.

Вместе с тем любые данные должны верифицироваться. С помощью имеющихся в свободном доступе в интернете технико-технологических алгоритмов можно сопоставить рейтинг популярности интернет-СМИ, полученный в ходе анкетного опроса в рамках мониторинга национального информационного поля, с показателями посещаемости сайтов. В табл. 1 представлена востребованность сайтов по результатам опроса и усредненные данные о количестве их посещений за сутки, вычисленные на основании счетчиков *Alexa*, *Яндекс ИКС*, *Яндекс.Радар*, *SW* и др. Сопоставление демонстрирует высо-

кую положительную линейную корреляцию данных опроса как по показателю среднесуточных просмотров, так и по числу посетителей, что подтверждает репрезентативность осуществленного опроса.

Стоит отметить, что население Беларуси также имеет интерес к информации, размещенной на сайтах – агрегаторах новостей. Поисковые системы, например *Yandex*, *Google*, *Mail.ru*, на своих главных страницах имеют ленту с постоянным обновлением актуальных новостей для конкретного региона, формулируемую на основе их собственных механизмов оценки релевантности контента. Если го-

ворить о популярности поисковых систем, то топ-3 у белорусов выглядит следующим образом (здесь и далее использованы результаты указанного выше репрезентативного исследования): *Yandex* (59,9 %), *Google* (24,3 %), *Mail.ru* (15,8 %). Алгоритмы агрегации новостного контента названных платформ разнообразны, однако свою роль для каждого из них играет SEO-оптимизация. Попадание в агрегатор обеспечит новости, как и новостному сайту в целом, ощутимый прирост пользователей, что свидетельствует о значимости данного фактора в процессе формирования дискурсов.

Таблица 1

Рейтинг популярности информационных сайтов

Table 1

Popularity rating of information website

Наименование сайта	Популярность источника информации по результатам опроса*, %	Среднее количество просмотров страниц за сутки, тыс.	Среднее количество посетителей сайта за сутки, тыс.
<i>TUT.by</i>	39,20	8490	2080
<i>Onliner.by</i>	7,60	5330	1130
<i>Charter97.org</i>	1,10	984	321
<i>SB.by</i>	0,85	647	245
<i>Belta.by</i>	0,80	209	100
<i>Belaruspartisan.by</i>	0,70	205	62
<i>NN.by</i>	0,67	348	110
<i>Naviny.by</i>	0,65	157	81
<i>Belsat.eu</i>	0,62	121	65
<i>Svaboda.org</i>	0,40	48	24
Другое	47,41	–	–

*Респонденту предлагалось назвать до пяти наиболее часто используемых источников информации. Среди них выделены и проранжированы электронные СМИ.

По этой причине важно выяснить источники трафика рассматриваемых сайтов, что позволит определить, являются ли новостные агрегаторы одним из механизмов привлечения внимания пользователя к потенциальному триггер-событию. Источники трафика отобранных информационных сайтов представлены в табл. 2.

Как видим, более 60 % трафика формируется в результате прямых заходов на сайт, тогда как поисковые системы и ссылки на сторонних сайтах дают лишь 6–29 % посещений. Это позволяет говорить о том, что свою основную популярность информационный контент набирает за счет авторитетности самого сайта, т. е. она не формируется и не обеспечивается благодаря переходу извне.

Характерно, что администраторы сайтов недостаточно активно проводят работу по диверсификации источника трафика (исключения – *Belsat.eu* и *Svaboda.org*) за счет привлечения так называемых

сервисов социальной коммуникации (мессенджеры *Telegram*, *WhatsApp*, *Viber* и др., социальные сети *ВКонтакте*, *Одноклассники*, *Instagram*, *Twitter*), которые перестали быть просто посредниками в общении, а превратились в самостоятельные площадки для медиа, способные формировать повестку дня благодаря оперативной подаче и обсуждению контента. К слову, в качестве поставщика информации у белорусов самой популярной выступает социальная сеть *ВКонтакте* (23,5 %), за ней следуют *Одноклассники* (16,8 %), *Instagram* (12,8 %) и *Facebook* (10,3 %). Среди мессенджеров отмечена актуальность *Telegram* (9,2 %) и *Viber* (7,9 %). Наличие эффективно функционирующих площадок в социальных медиа позволяет значительно повысить уровень популярности информационных сайтов и, соответственно, символического капитала медиаакторов, а их отсутствие становится ощутимым фактором его снижения.

Таблица 2

Источники трафика информационных сайтов, %

Table 2

Traffic sources of information website, %

Наименование сайта	Источник трафика				
	Прямой заход	Поисковая система	Ссылки на сайтах	Социальные сети	Почтовые рассылки
TUT.by	69	14	9	5	3
Onliner.by	65	24	5	4	2
Charter97.org	68	10	19	2	1
SB.by	48	29	19	3	1
Belta.by	35	26	35	3	1
Belaruspartisan.by	67	21	7	5	0
NN.by	64	15	12	6	3
Naviny.by	64	15	14	6	1
Belsat.eu	48	27	10	15	0
Svaboda.org	60	6	7	25	2

Следует также обозначить актуальные триггер-события национального информационного поля страны, чтобы выявить семантически релевантные крупные дискурсы для анализа их интерпретационной среды, проследить формирование смысловых значений, искажающих сущность изначального информационного повода и провоцирующих на деструктивную социальную активность. В данном исследовании дискурс рассматривается в соответствии с подходом французского философа Мишеля Фуко [7, с. 69], т. е. без углубления в лингвотекстуальный анализ контента, внимание концентрируется на фиксации смыслов, конституирующих определенное его значение [8, с. 77–79]. Важно не то, каким образом произошло событие, а то, что в итоге получилось. Для общественно-политической плоскости актуальны положения критического дискурс-анализа, ведь смыслы соревнуются между собой, предлагая вариативные проекции реальности с победой или, вернее, превалированием одной из них.

Для того чтобы обнаружить наиболее актуальные для населения Республики Беларусь события в виртуальной информационной плоскости, был организован аналитический мониторинг ключе-

вых новостных сайтов, в ходе которого обработано более 2000 ссылок и сформирована база, состоящая примерно из 700 информационных сообщений (период проведения – 2019 г.). Это позволило выделить как совокупность информационных поводов, которые вызвали наибольший резонанс в медиапространстве (события, касающиеся преимущественно общественно-политической и экономической ситуации в стране), так и сформированные ими дискурсы. Отбор материалов основан на пользовательском интересе к информационным сообщениям и выполнен в полуавтоматическом режиме, т. е. с использованием технической функциональности информационных сайтов (упорядочивание массива информации по числу просмотров и комментариев) и алгоритмов внешней оценки просмотров с последующим анализом сформированной совокупности данных, что позволило выделить информационные поводы – триггеры и крупные дискурсы. Для наглядности учитывались только крупные (без разбора каждого мелкого кейса) ключевые информационные поводы на материале наиболее резонансных, обсуждаемых и просматриваемых публикаций (табл. 3).

Таблица 3

Ключевые информационные поводы и сформированные в них дискурсы

Table 3

Key news stories and discourses formed in them

Информационный повод	Наиболее обсуждаемые дискурсы
Президент Республики Беларуси выступил с критикой правительства, развития промышленности, сельского хозяйства и т. д.	Экономическое развитие Беларуси под угрозой Власти не в силах справиться с падением экономики Перспектив у белорусской экономической модели нет

Информационный повод	Наиболее обсуждаемые дискурсы
Специалисты Россельхознадзора запретили ввоз на территорию России белорусской продукции (мясной, молочной, овоощеплододовой и др.)	Россия объявляет Беларуси «продуктовую войну» Российский олигархат стремится вытеснить белорусскую продукцию для создания протекции собственным товарам Властные круги России желают сделать предприятия Беларуси убыточными для их скорейшей приватизации «Антисоюзные» действия России – это ответ на «пробуксовку» интеграции
Строительство и запуск Белорусской атомной электростанции	Мировое сообщество должно поспособствовать отмене запуска электростанции Атомная станция не отвечает нормам строительства Кредитные средства на постройку станции заставят Беларусь начать приватизацию Беларуси негде использовать полученную энергию
Переговоры Беларуси и России по вопросам поставки энергоносителей (продолжаются, отложены и др.)	Россия объявляет Беларуси «нефтяную войну» Россия стремится через цену на энергоносители «купить» независимость Беларуси Российская Федерация стремится подорвать экономическое положение Беларуси Москва устала давать дотации Минску
Президенты Беларуси и Украины встретились в Житомире	Беларусь стремится усидеть на двух стульях в отношениях с Россией и Украиной Беларусь и Украина ведут тайный диалог против России
Выборы депутатов в нижнюю палату парламента Республики Беларусь	Новые выборы пройдут со старыми моделями фальсификации Оппозиция должна объединиться на новых выборах Пикеты должны быть использованы для усиленной работы с населением Бойкот выборов
Актуализация положений Договора о создании Союзного государства России и Беларуси	Путин хочет обеспечить новый президентский срок в качестве главы Союзного государства России и Беларуси Аннексия Беларуси Белорусы должны организовать массовые протесты дорожным картам

Описанный комплекс действий позволил достаточно успешно выявить резонансные информационные триггеры и обозначить в них семантически релевантные дискурсы, которые и формируют смысловую виртуальную реальность информационного повода, причем направленность дискурсов имеет преимущественно конфликтный характер.

Самый большой отклик вызвала тема актуализации положений Договора о создании Союзного государства России и Беларуси. С учетом того что для любого дискурса характерны интердискурсивность и интертекстуальность, резонанс обсуждениям придали и ранее возникавшие противоречия во взаимоотношениях Беларуси и России (вопросы поставки российских энергоносителей в Беларусь, пищевой продукции белорусского производства в Россию), которые инкорпорировались в структуру более мощного конфликтного дискурса по проблемам интеграции, усилив его деструктивные интенции.

Исторический процесс обретения Беларусью собственной государственности сказался на том, что независимость и суверенитет занимают достаточно высокое положение в структуре ценностей белорусского общества. Идеологически выстроенная система связи независимости с победой в Великой

Отечественной войне, в которой Беларусь потеряла каждого третьего жителя, придала ему каноническую сакральность. Обсуждение этой темы вызвало такую ошутимую реакцию еще и потому, что государственные СМИ не выступили с прозрачными информационными сообщениями о сути процесса формирования и содержания дорожных карт, а это дало возможность развивать самые разнообразные конспирологические теории. Формируемые в рамках данного информационного повода дискурсы сопровождались большим количеством деструктивных вбросов, направленных на политизацию экономических положений разрабатываемых дорожных карт и создание протестных настроений населения, чего ранее в таком масштабе не наблюдалось.

Ключевой особенностью любого конфликтного дискурса является пролонгированное действие, так как негативные эмоции и формируемые на их основе идейно-смысловые практики проще укореняются и сложнее заменяются иными. Такие дискурсы достаточно быстро разворачиваются, и их рекурсивное повторение с каждым новым витком повышает накал коммуникации, которую в конфликтном дискурсе сложно построить конструктивно. Это говорит о том, что выявлять такие дискурсы нужно на

уровне первых рекурсий, что позволит переструктурировать направленность значений и смыслов.

Переструктуризация запущенного и формирующегося конфликтного дискурса может быть произведена только при помощи альтернативной культивации. Это значит, что в профильный информационный поток, где функционирует одно идейно-смысловое значение, должна включиться как минимум символически равная ему альтернатива (для данного воздействия следует иметь символически равный медиакапитал). В результате столкновения биполярных смыслов возникает резонанс профильного информационного потока, после чего происходит его пересборка и реконструкция. В этой плоскости социальные субъекты, являющиеся пользователями интернет-площадок, выступают объектами воздействия, человеческим ресурсом, которым хотят завладеть медиаакторы, модерлирующие дискурсы.

Важным этапом описанной методологии является выделение в общем массиве информационных сообщений конфликтных дискурсов, которые могут содержать в себе деструктивные интенции. При этом необходимо понимать, что каждый конфликтный дискурс внутри информационного повода имеет достаточно простую структуру. Его редукция производится сознательно, поскольку это способствует ускорению понимания, позволяет любому участнику обсуждения чувствовать себя экспертом практически с первого момента погружения в тему. Вместе с тем дискурсам свойственны интердискурсивность и интертекстуальность в отношении использования уже отработанных и закрепившихся клише, т. е. аргументация может повторяться от одного конфликтного дискурса к другому лишь с заменой ключевых действующих лиц и контекстов.

Выделяются следующие обязательные составляющие конфликтного дискурса:

- дихотомия *мы* и *они*, т. е. формирование одной правильной точки зрения и образа врага, распространяющего иные, априори ложные трактовки событий (коммуникации при обсуждении контента в комментариях изначально сепарированы);
- изложение информации с превалированием ярких образов и интенциями к негативу, причем информационные сообщения практически всегда небольшие по объему, однако в пределах одного события они появляются достаточно часто, так как порожденные отрицательные эмоции, которые всегда «живут» дольше, все же через некоторое время затухают и требуют постоянной подпитки для их поддержания;
- четкая номинация субъектов дискурса при помощи приемов гиперболизации и категоризации характеристик.

Развернувшийся конфликтный дискурс в дальнейшем разрастается и набирает сторонников. Ареной виртуальных боевых действий становятся комментарии к информационным статьям непосредственно на сайтах и в социальных медиа.

В подобных условиях внедрить идейный смысл, имеющий в себе иную трактовку событий, крайне сложно, однако необходимо, поскольку такой накал может породить выход на радикализированную мобилизацию. Вместе с тем существует ряд более мелких акторов медиапространства, которые хотят получить свои материальные и (или) нематериальные выгоды от спекулирования на мощном конфликтном дискурсе путем внедрения в него своих значений, по направленности однородных с преобладающими. В результате таких действий становится еще сложнее ввести и распространить альтернативные смыслы, так как конфликтный дискурс наращивает свой символический капитал.

Тем не менее пользователи все еще не побороли то, что современная наука называет когнитивным искажением информатизации, при котором мы невольно верим в демократичность, беспристрастность и объективность коммуникативных процессов в интернете. Однако часто в обсуждении достаточно сложно выделить пользователей-ботов, профессиональных комментаторов и тех, кто действительно решил просто откликнуться на запись. С учетом того что интернет-пространство и новые медиа используются акторами электронного поля как инструменты влияния, ясно, что этот процесс не будет упрощен. Такая ситуация продолжится до тех пор, пока в интернет-коммуникацию не внедрятся информационный этикет и рациональное, не противоречащее здравому смыслу регулирование, а пользователи не выработают в себе должный уровень критичности, построенной на безэмоциональном и беспристрастном анализе различных идейно-смысловых дискурсов.

Одновременно с этим крупные медиаакторы учитывают, что подавляющему числу граждан присуще подсознательное доверие к эксперту, в качестве которого выступают «лидеры мнений», часто формирующие вокруг себя конфликтный дискурс информационного повода. Интернет-пользователи экономят свою энергию и сознательно или неосознанно интериоризируют идеи таких создателей смыслов. При этом успешность процесса укрепляется иллюзией перехода на читателя части символического капитала «лидера мнений» через разделение его точки зрения, что мнимо повышает статус интернет-пользователя в иерархии, делая его частью большинства. Это похоже на эффект, создаваемый электоральными рейтингами, когда значительное число избирателей не голосует за очевидно провального кандидата, воспринимая его будущий проигрыш как личный.

Искусственный интеллект и таргетинг формируют вокруг нас круги Эйлера, т. е. стоит только затронуть какой-либо информационный повод, как новые медиа станут выдавать в качестве рекламы статьи по данной тематике, поисковые системы будут выводить в рейтинге популярности новые идеи

захватившего нас дискурса. Пользователи оказываются в ловушке персонализированного контента, формирующего смысловые рамки, из которых достаточно проблематично выбраться, не усвоив новых убеждений и установок.

При этом для создания смыслового нарратива социальному субъекту необходимо не так много фактов, как это может показаться. Достаточно отно-

сительно частых, кратких, но емких и эмоциональных информационных сообщений от создателей смыслов для формирования у интернет-пользователя вполне понятной ему картины происходящего. Сам темп современного мира подталкивает нас к тому, чтобы мы как можно быстрее разобрались в сути информационного повода и смогли приступить к действиям.

Заключение

Современные информационно-коммуникационные технологии настолько плотно вошли в нашу жизнь, что социальный мир и медиaprостранство образовали континуум, частью которого чувствует себя социальный субъект, а значит, реальное и виртуальное одинаково персонифицированы и личностно воспринимаемы. Нахождение в великом множестве информационных потоков вовлекает человека в формируемые дискурсы и ускоряет его идентификацию с ними.

Выстраиваемые дискурсы упрощают понимание информационных поводов, делают их шаблонными, внедряют идею отождествления интернет-пользователя с заданной стороной конфликта. Информационные поводы искажаются через гипертрофированные, ложные интерпретации и банальные симуляции, что часто не рефлексировается участниками дискурса, однако даже при распознавании информационного вброса его символы и знаки еще долго остаются в обиходе.

Апробированная в рамках данного анализа технология демонстрирует, что конфликтные дискурсы нередко получают свое распространение внутри имеющегося информационного повода, который можно считать условно нейтральным. Не вызывает сомнений и то, что именно конфликтные дискурсы могут успешно внедряться, поскольку они затрагивают чувственную сторону социальных субъектов, как правило трансформируя их реакции до примитивных и даже инстинктивных. Успех таких дискурсов в значительной степени выступает маркером уровня критичности интернет-пользователей (пока подобные реакции будут преобладать, можно говорить о том, что сознание социума не развивается).

На данном этапе контент медиа включает в себя недостаточное количество качественного аналитического материала о резонансных событиях жизни страны, способного сформировать здоровое общественное мнение. Причиной может быть различие в приоритетах экспертного сообщества из числа

профессионалов, которые в определенной степени выступают проводниками и интерпретаторами идей и взглядов населения. Это может указывать на то, что форма и содержание информации не в полной мере соответствуют потребностям граждан и времени. В связи с этим следует переосмыслить форматы информационной работы и наполнить национальное медиaprостранство релевантным конструктивным контентом. Динамика ситуации нуждается в непрерывном социологическом мониторинге с использованием апробированной методологии. Отсутствие реакции на ситуацию упрощает осуществление информационных вбросов, способных в условиях социальной напряженности спровоцировать протестные настроения через политизацию неразъясненных противоречий, которые так или иначе возникают в развитии любого государства.

Однако это не значит, что противостояние внедренному конфликтному дискурсу невозможно. Скорее, следует апеллировать к тому, что реагировать необходимо быстро и четко, а система обнаружения деструктивных конфликтных дискурсов должна постоянно действовать. Плюрализм мнений с лаконичной и ясной аргументацией представляет реальную угрозу конфликтному дискурсу, поскольку в таких условиях разрушается его символический капитал. Вместе с тем нужно вести постоянную работу, чтобы повышать уровень критичности граждан, формировать и внедрять информационный этикет и здравый контроль медиaprостранства. Ментальная деградация, предоставляющая возможность оперировать в коммуникации примитивными категориями, отражает уровень развития общества. Следует чаще затрагивать данные аспекты и продвигать идею осознанного и критичного выбора, тем самым стимулируя пользователей искать, анализировать и верифицировать информацию, а не следовать тем гиперссылкам и рекомендуемым постам, размещенным внутри дискурса.

Библиографические ссылки

1. Бурдье П. *Социология социального пространства*. Шматко НА, переводчик. Москва: Институт экспериментальной социологии; 2007. 288 с. Совместно с издательством «Алетейя».
2. Бурдье П. *Социология политики*. Шматко НА, переводчик. Москва: Socio-Logos; 1993. 336 с.
3. Бодрийяр Ж. *Символический обмен и смерть*. Зенкин СН, переводчик. Москва: Добросвет; 2000. 387 с.

4. Бодрийяр Ж. *Симулякры и симуляции*. Качалов А, переводчик. Москва: Постум; 2015. 240 с.
5. Бельский АМ. Ключевые вызовы развития независимой Беларуси в фокусе медиа и уровень социальной напряженности: социологическая реконструкция. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2018; 4:117–125.
6. Посталовский АВ. Основные этапы и новые тенденции развития информационного поля Республики Беларусь на современном этапе. *Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. Серыя Д. Эканоміка. Сацыялогія. Права*. 2017;1:42–52.
7. Фуко М. *Археология знания*. Митин С, Стасов Д, переводчики. Киев: Ника-Центр; 1996. 208 с.
8. Фуко М. *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности*. Табачникова С, переводчик. Москва: Касталь; 1996. 448 с.

References

1. Bourdieu P. *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [Sociology of social space]. Shmatko NA, translator. Moscow: Institute of Experimental Sociology; 2007. 288 p. Co-published by the «Aleteiya». Russian.
2. Bourdieu P. *Sotsiologiya politiki* [Sociology of politics]. Shmatko NA, translator. Moscow: Socio-Logos; 1993. 336 p. Russian.
3. Baudrillard J. *Simvolicheskiy obmen i smert'* [Symbolic exchange and death]. Zenkin CH, translator. Moscow: Dobrosvet; 2000. 387 p. Russian.
4. Baudrillard J. *Simulyakry i simulyatsii* [Simulacra and simulations]. Kachalov A, translator. Moscow: Postum; 2015. 240 p. Russian.
5. Belski AM. Key challenges of the development of the Belarusian State in the focus of media and the level of social tension: sociological reconstruction. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2018;4:117–125. Russian.
6. Postalovsky AV. Milestones and new trends in the development of the information field of the Republic of Belarus at the present stage. *Vesnik Magiljowskaga dzjarzhawnaga wniversitjeta imja A. A. Kuljashova. Seryja D. Jekanomika. Sacyjalogija. Prava*. 2017;1:42–52. Russian.
7. Foucault M. *Arkheologiya znaniya* [Archeology of knowledge]. Mitin S, Stasov D, translators. Kyiv: Nika-Tsenter; 1996. 208 p. Russian.
8. Foucault M. *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti* [The will to truth: beyond knowledge, power, and sexuality]. Tabachnikova S, translator. Moscow: Kastal; 1996. 448 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 06.08.2020.
Received by editorial board 06.08.2020.

КУРС ПО ВЫБОРУ

OPTION COURSE

Куртуазная поэзия – поэзия любовная (есть в ней и другие жанры, но они на далекой периферии), а потому в центре внимания трубадуров – любовь и, соответственно, любимая женщина – Донна, всесовершенная и прекрасная, вдохновившая поэта на нездешнее чувство и на подвиги во имя его.

Кто же она, эта Прекрасная Дама, главный адресат лирических излияний?

М. А. Можейко

УДК 392.4

ФЕНОМЕН ДОННЫ: БЛЕСК И НИЩЕТА ПРЕКРАСНОЙ ДАМЫ

М. А. МОЖЕЙКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет культуры и искусств,
ул. Рабкоровская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь

Посвящена выявлению причин формирования в куртуазной традиции феномена Донны и сущности культа Прекрасной Дамы как фундамента поэзии трубадуров. Показана специфика положения женщины в обществе в X–XIII вв. Анализируются направления активности женщин в различных сферах жизни средневекового общества: хозяйстве, политике, религии, искусстве. Рассматриваются механизмы ограничений этой активности. Выявляются особенности жизни женщины в южнофранцузском регионе. Реконструируется трактовка женщины в куртуазной литературе.

Ключевые слова: средневековый брак; положение женщин; женщина как субъект наследования; хозяйственная активность горожанок; бегинки; хозяйка замка; Донна; Прекрасная Дама.

Образец цитирования:

Можейко МА. Феномен Донны: блеск и нищета Прекрасной Дамы. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2020;3:120–138.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-3-120-138>

For citation:

Mojeiko MA. Phenomenon of Donna: the glamour and poverty of Fair Lady. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2020;3:120–138. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-3-120-138>

Автор:

Марина Александровна Можейко – доктор философских наук, профессор; заведующий кафедрой философии и методологии гуманитарных наук факультета культурологии и социокультурной деятельности.

Author:

Marina A. Mojeiko, doctor of science (philosophy), full professor; head of the department of philosophy and methodology of humanities, faculty of culturology and sociocultural activities.
marina-mojeiko@yandex.by

PHENOMENON OF DONNA: THE GLAMOUR AND POVERTY OF FAIR LADY

M. A. MOJEIKO^a

^aBelarusian State University of Culture and Arts,
17 Rabkaraŭskaja Street, Minsk 220007, Belarus

It is devoted to identifying the causes of the formation of Donna's phenomenon in the courteous tradition and the essence of the cult of the Fair Lady as the foundation of troubadours' poetry. The specificity of women's position in society in the period of 10th–13th centuries has been revealed. The situation of woman in marriage and its alternatives have been considered. The directions of women's activity in various areas of medieval life have been analysed: economy, politics, religion, art. The mechanisms of limitations of this activity have been discovered. The features of the position of women in the southern French region have been described. The interpretation of woman in the courteous literature has been reconstructed.

Keywords: medieval marriage; the status of women; woman as a subject of inheritance; economic activity of city women; beguines; mistress of the castle; Donna; Fair Lady.

Вся куртуазная традиция зиждется на культе Прекрасной Дамы: именно любовь к ней *движет солнце и светила* всей лирики трубадуров. По оценке Р. Беццолы, именно женщина как таковая стала «самим источником куртуазной литературы»¹ [1, p. 160–162, 207–227]. Потому важную роль в оформлении окситанского рыцарского идеала в качестве куртуазного сыграло и то особое положение, которое занимала женщина² (прежде всего замужняя) в феодальных кругах Южной Франции X–XIII вв.

Что же было до того? Вообще-то, ничего хорошего...

Собственно, социальный статус женщины прямо с Античности ничего хорошего и не обещал. Родившегося мальчика следовало признать сыном и растить, девочку же можно было просто положить на ступенях храма какой-нибудь богини. Девушка полностью зависела от отца, жена – от мужа, даже судьбу вдовы определял мужчина: старший сын решал, оставить мать в своем доме или выдать ее замуж вновь. В древнегреческом языке слово *жена* среднего рода и имеет значение 'быков приносящая'. Женщину можно было в любой момент вернуть отцу (правда, только вместе с быками, что не-

сколько ограничивало возможность возврата). Даже выходить из дому женщина могла лишь в сопровождении мужчины, пусть даже раба, но – мужчины! За пределами гинекея – ничего, а в нем – полное бесправие. Свободой пользовались лишь гетеры, но за это приходилось расплачиваться респектабельностью.

Средневековье изменило немного: женщина стала *приносящей землю*, иное приданое, но суть не изменилась. Более того, «поскольку главной ценностью при тогдашнем натуральном хозяйстве была земельная собственность, то женщины зачастую выступали в качестве пассивного орудия для захвата земельных владений и прочей недвижимости. И не нужно обольщаться героизмом рыцарей, завоевывающих руку и сердце возлюбленных: они не всегда делали это бескорыстно» [8].

Фактически «до XII в. жизнь женщины в семье (как простолюдина, так и барона) оставалась безрадостной и бесправной: лишенную возможности следовать своему чувству, ее отдавали мужу как атрибут земельного владения» [9, с. 10]. А что потом? А потом «она обрекалась на жизнь затворницы» [9, с. 10]. Представитель школы «Анналов»

¹Здесь и далее перевод мой. – М. М.

²Некоторые исследователи в качестве источника культа Прекрасной Дамы называют также традицию античного эротизма: «Культе Прекрасной Дамы имел два противоречивых источника: христианскую доктрину любви духовной, отрицающей сексуальность, и идущий от античности идеал эротической любви» [2, с. 101]. Возникает, однако, вопрос о том, сколь много Средневековье было осведомлено об этом идеале... Платон? Но в единственном известном Средневековью диалоге «Тимей» платоновская концепция любви и красоты не излагается. Овидий? Но, как мы уже говорили, именно на юге Франции овидианская традиция как раз широкого распространения и не получила [3; 4]. Что же касается христианской доктрины духовной любви, то об этом разговор еще впереди, и достаточно подробный, а потому требующий отдельной статьи: не все здесь так просто с отрицанием сексуальности. Встречается также позиция, тотально возводящая генетические корни куртуазной традиции к катаризму и полагающая, что Прекрасная Дама – это иносказание, за которым скрывается церковь катаров [5]. Речь, однако, не о катарах, но о трубадурах, которые катаризм не исповедовали, и их творчество с ним семантически не пересекалось [6]. И, наконец, нельзя не назвать позицию, согласно которой «культ Прекрасной Дамы был пережитком местных дохристианских верований, в частности, обычая поклонения Богине-Матери, или лунной богине, носившей у кельтов имя Кори» (см.: Окситанцы // Википедия [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Окситанцы> (дата обращения: 11.04.2020)). Здесь также трудно не возразить. Прежде всего культы Богини-Матери достаточно далеко отстоят от куртуазной традиции: и хронологически, будучи опосредованы и аксиологически ремаркированы христианством (см. подробнее [7]), и уж тем более семантически. Не факт, что рыцари-трубадуры вообще были знакомы с такими культами: никаких сведений об этом нет. Кроме того, влияние кельтской традиции характерно для Западной и отчасти Центральной Европы, мы же – на юге Франции, так что архаические кельтские верования едва ли можно считать *местными*.

Ж. Дюби пишет по этому поводу: «Женщина попадает под власть мужа, или же, если не выходит замуж, стареет, опекаемая братом или дядей»; в любом случае «женщину изначально ожидает унылая и однообразная участь, которой не избежать ни аристократке, ни простолюдинке» и «всем представительницам слабого пола суждено покорно склоняться перед волею мужчины» [10]. По выразительной оценке Ж. Брюнель-Лобришон и К. Дюамель-Амадо, «стоит только женщине высунуть нос за пределы дома или принять решение, касающееся ее собственной судьбы или судьбы ее дочерей, как тотчас появляется мужчина, власти которого она вынуждена подчиниться», причем это подчинение практически не зависит от социального положения женщины: как замужняя дама, так и монастырская затворница «равно вынуждены соизмерять свои поступки с поведением мужчин» [11].

М. Пастуро предполагает, что брак и в те времена мог быть разным, т. е. основываться не только на сговоре семей, но и на чувстве [12, с. 74–76]. Кто знает... Однако согласиться с этим непросто.

Брак затевался прежде всего для рождения законных наследников, поэтому, как пишет К. С. Льюис, «никакого “вздора” здесь не допускалось» [4]. Важно было сохранить чистоту родовой линии наследования, а потому «в XII в. брак становится церковным таинством», закрепляя брачные узы (в дополнение к простому традиционному сговору семей) и духовной подоплекой, и церковным формализмом, а «супружеская измена сурово карается: виновников нагими выставляют на всеобщее поругание, причем любовника нередко подвергают кастрации»³ [11]. Ж. Брюнель-Лобришон и К. Дюамель-Амадо отмечают также, что «суд бывал чрезвычайно снисходителен к мужьям, в порыве гнева убившим изменницу-жену или ее любовника» [11].

Ну и, конечно, земля как приданое (не будем забывать!). С имущественной точки зрения брак также был только «выгодным договором», а поскольку ситуация с течением времени могла меняться, то «как только союз переставал отвечать прежним нуждам, супруг старался поскорее избавиться от супруги» [4].

Мало того, в раннем Средневековье «отсутствовало даже само понятие – “брак”. Семейей называлось более или менее постоянное совместное проживание многочисленных родственников со стороны “мужа”. Количество “жен” никак не нормировалось; более того, их можно было менять, отдавать во временное пользование друзьям или кому-то из родни, наконец, просто выгнать» [8]. Юридически ситуация изменилась лишь в начале IX в.: «...с той поры брачные союзы стали освящать таинством венчания»; однако в ряде средневековых стран даже венчанная по христианскому обряду жена «вообще не считалась родственницей мужа» [8].

Это – юридически. А уж что касается отношения... Даже в конце XIII в. (уже фактически после трубадуров) доминиканский монах Николай Байард напишет: «Муж имеет право наказывать свою жену и бить ее для ее исправления, ибо она принадлежит к его домашнему имуществу» (цит. по [8]).

Так что категоричная формулировка К. С. Льюиса о том, что в интересующий нас период «у брака не было ничего общего с любовью» [4], звучит как-то убедительнее.

Возрастом, позволяющим вступать в брак, в Средневековье считались 14 лет для мальчиков и 12 для девочек; согласно данным М.-А. Поло де Болье, именно «начиная с этого возраста их можно было выдавать замуж и женить» [13]. При таком положении дел «выбор супруга целиком зависел от родительской воли», а потому «неудивительно, что освященный церковью брак для большинства становился пожизненным кошмаром» [8]. О. Андреева аргументирует это также юридическими фактами: «Об этом свидетельствуют и тогдашние законы, очень подробно регламентирующие наказания для женщин, убивших своих мужей, – видимо, такие случаи были не редкостью» [8].

Многое отражает и сложившаяся литературная традиция.

В эпических жестах (фр. *chansons de geste* – песни о деяниях) подвиги совершались во славу короля и *милой Франции* [14] – никакой Дамы сердца для этого не требовалось. Потому если женские персонажи и появляются в жестах, то сугубо на периферии сюжета и лишь для того, чтобы подчеркнуть значимость героя. Идеальный пример – Ода, невеста Роланда, которая возникает в повествовании, только чтобы умереть от горя, узнав о его гибели: «...когда Карл возвращается с похода в Анхен, к нему навстречу выходит невеста Роланда, Ода. На ее вопрос, где же Роланд, король дает уклончивый ответ и предлагает ей в мужья собственного сына, наследника страны. Догадываясь о случившемся, Ода, бледнея, говорит, что после смерти такого витязя она ни за кого другого замуж выйти не может и падает, мертвая, у ног... Карла» [15, с. 11]. И это еще неплохо, потому что жесты содержат сюжеты, исключаящие даже элементарное уважение к женщине. Например, в одной из них приводится поучение: «...если женщина тебе противоречит или лжет, поднимай кулак и бей ее прямо в голову» (цит. по [9, с. 10]).

И надо иметь в виду, что если ранние жесты относятся к последней трети XI в. (в том числе и «Песнь о Роланде»), то последние пишутся вплоть до конца XIV в. [14], т. е. во времена трубадуров и на столетие позже их. Таким образом, это сложившийся фон, который любовного накала куртуазной поэзии не предвещает, никак не инспирирует и даже, казалось бы, вообще не допускает.

³Помянем Абеяра скорбного...

Что касается рыцарского романа, то, как известно, женщина упоминается там вскользь и играет сугубо телеологическую функцию, как бы задавая рыцарю цель его подвигов. Фактически идея любви фигурирует лишь в рамках такого литературного приема, как обрамление романного сюжета: во имя любви рыцарь начинает свой славный путь, а ее достижение – награда за подвиги и, соответственно, финал романа [16].

Хронологической гранью перелома ситуации в отношении женщины стали Крестовые походы. Можно условно выделить два вектора трансформации положения женщины в этот период: зарубежный и отечественный.

С одной стороны, как отмечает А. П. Левандовский, уже в Первом крестовом походе (1096) «многих князей и рыцарей сопровождали жены, дочери, сестры. В чужой земле, в сложных условиях эти женщины, которым пришлось испытать все невзгоды, выпадавшие на долю мужчин, оказывали воинам серьезную помощь и в сражениях, и в осадном сидении. Это сильно подняло позиции слабого пола и придало романтическую окрашенность всему движению. <...> ...Имидж и линия поведения запомнились и рикошетом отдались на Западе» [9, с. 10]. Отношение к женщине не могло остаться прежним.

Дома же в это время именно женщины – в отсутствие воюющих мужчин – выступили субъектом хозяйствования: «Пока рыцари воевали в Святой земле, оставшимся дома женщинам пришлось взять на себя бремя забот управления – домом, слугами, хозяйством» [17]. Например, Гильем Аквитанский 18 месяцев провел в Крестовом походе и сарацинском плену; все дела вела в это время его супруга [11]. Тем самым «юридическое положение женщины сильно изменилось: получив право управлять владениями мужа и принимать ленную присягу, она впервые громко заявила о себе и вышла из векового мрака затворничества» [9, с. 10]. «Таким образом, роль женщины в обществе возросла, по сути, сама собой» [17].

Из этого следует, что Высокое Средневековье – уже не самое плохое время для женщин Европы. Как полагает Дж. К. Гэдол, говорить о том, что положение женщин в сравнении с периодом X–XIII вв. улучшилось в эпоху Возрождения, просто не приходится [18, р. 160].

Таким образом, «в XII в. дама-аристократка получает определенные привилегии», во всяком случае, ее положение «нельзя сравнить с тем бесправием, которое ожидает женщину в последующие века» [10].

Эти привилегии имели вполне конкретное бытовое выражение. Если ранее в замковой башне был один общий зал, служивший «и спальней, и местом сбора дружины, и парадным залом, и трапезной», и в этом единственном жилом помещении тесни-

лись «все, и мужчины, и женщины», то в XII в. появляется не только супружеская спальня, но и «женская комната для дружеских посиделок, прежний зал в башне используют под комнату для больных или рожениц, в новом просторном парадном зале выгораживают уголки, где можно уединиться и спокойно побеседовать» [11].

Фактически эта дифференциация жилого пространства задает и одновременно обеспечивает развитие частной жизни. Как отмечают Ж. Брюнель-Лобришон и К. Дюамель-Амадо, дама получает возможность проводить время в женском обществе («Окруженная свитой девушек-прислужниц, юными бедными племянницами, родственницами и служанками...») в апартаментах, которые расположены «всего в нескольких метрах от парадного зала или от зала оружейного, где развлекаются мужчины», причем «в урочное время мужчины наряжаются, и все встречаются вместе, чтобы попить и поболтать» [11].

Кроме того, «улучшение бытовых условий изрядно способствует расцвету куртуазности: желанная, обожаемая, почитаемая, дама имеет возможность укрыться от нескромных взоров, и устремления мужчин, питаясь воспоминаниями, переносятся в сферу чистого и возвышенного» [11].

Что же касается юга Франции, то здесь ситуация меняется еще более радикально: так, в Лангедоке с начала XII в. складывается обычай, согласно которому сеньор, женившись, предоставляет своей новой супруге особый дом (как правило, он располагается в подвластном ему селении), который не только принадлежит ей (в случае вдовства она может уединенно жить там), но и подлежит наследованию, передаваясь старшей дочери на тех же правах [19, р. 341–377].

Ситуация трансформировалась для женщин не только в феодах, но еще в большей степени и в городах. По оценке Б. Лиетара, «в XII в. окно свободы начало приоткрываться для европейских женщин-горожанок» [20].

Жительницы городов часто самостоятельно занимались многими видами ремесла и другой деятельностью разного рода. Анализируя роль женщин в экономических процессах этого периода, Б. Лиетар отмечает, что «благодаря сохранившимся налоговым реестрам» мы можем получить некоторое представление о положении женщины X–XIII вв.: так, в Париже «в 1292 г. 15 % всех налогоплательщиков составляли женщины, считавшиеся независимыми в финансовом отношении и, следовательно, подлежащие налогообложению, причем все без различия, вне зависимости от того, были ли они незамужними, замужними или вдовами» [20]. Женщины «были заняты в 172 *чрезвычайно разнообразных видах труда*. Они занимались бочарным делом и изготовлением клетей, мыла и свечей, были переплет-

чицами, художницами, разрисовывавшими кукол, и даже, хотя и редко, мясниками» [20]. В целом во Франции в конце XIII в. женщины, по оценке известного *гендерного атласа*, представляли более сотни профессий: это были городские ключницы, сборщицы налогов, управляющие постоялыми дворами, трактирами и лавками, музыканты и т. д. [21, р. 10]. Перечень товаров, поставляемых женщинами совету германского городка Герлиц, включал в себя чехлы для арбалетов, седельные выюки, шпоры, стремяна, пергамент и бумагу [21, р. 45].

И, разумеется, не следует забывать о таком феномене, как бегинки, первые упоминания о которых встречаются в документах XII в.⁴ Это уникальное явление в истории европейской культуры, своего рода попытка женской самодостаточности в условиях мужского мира Средневековья.

Сегодня можно только предполагать, кем были эти женщины, объединившиеся против мира, скроенного по мужским меркам: вдовами, оставшимися в бесконечных феодальных войнах без защиты, или женами, стремящимися избежать тирании мужей, или дочерьми, бегущими от самодурства отцов и нежеланного замужества, где в перспективе лишь тяготы семейной жизни (перманентное деторождение, беспросветное бесправие и бесконечная покорность), – словом, одинокие, незамужние, беззащитные...

Ясно одно: феномен бегинки – попытка побега женщин от мужского мира, не сулившего им ничего хорошего ни в статусе замужней, ни в статусе одинокой. Но одинокой не выжить, да и бежать из мужского мира некуда. Единственная дорога – в монастырь, где можно обрести не только кров и хлеб насущный, но также защиту сегодня, и, возможно, перспективу на завтра. «Да, некоторым женщинам прошлого тоже хотелось увидеть в жизни нечто большее, чем тяжелый ежедневный труд по дому, возня с детьми и поход на рынок. В монастырях учили читать, писать, петь, порой – вышивке или живописи; каждая монашка могла дорасти до настоятельницы или заняться необычным для мирской женщины интересным делом. <...> ...Это был одобренный обществом способ вывести себя из участия в процессе продолжения рода. <...> ...Монастырь был шансом для женщины уйти из-под власти родственников, с которыми она была в конфликте, или из ситуации, грозящей убийством. <...> А теперь представьте, что все это можно было получить... не сжигая за собой все мосты» [24].

Союзы бегинки – это также уход от мира (но не как такового, а лишь от мира мужчин, живущего по

мужским правилам), однако уход не финальный – своего рода альтернатива пострига, изобретенная женщинами XII в. и поразительная в своей успешности.

Современные феминистки могли бы ими гордиться: эти женщины объединялись (от нескольких десятков до двух тысяч – именно столько бегинки входило в самую крупную из известных общин) и создавали то, что сами называли *сообществами сестер* [25]. Жизнь бегинки была посвящена добрым делам: «Они занимались призрением девиц и покинутых жен, помогали больным, пилигримам и всем нуждающимся; при общинах создавались больницы и странноприимные дома... Ходили по домам, посещая тяжелобольных, омывали тела умерших, трудились даже во время чумы, воспитывали детей-сирот, преподавали в созданных ими же школах» [23]. Все это позволило современникам называть их святыми женщинами [23], а на сегодняшний взгляд – в исторической ретроспективе – оценивать сообщества бегинки фактически как «гражданские женские союзы социальной работы» [26].

Понятно, что все эти акции требуют финансирования. Бегинки не давали обета нестяжательства. Первоначально средства для благотворительной деятельности формировались из доходов от имущества и даже посредством сбора милостыни (под влиянием нищенствующих орденов францисканцев и доминиканцев, с которыми поддерживались тесные контакты) [27]. С течением времени экономическая деятельность бегинки становилась все более успешной: от заработка ремеслами («снискивали себе пропитание трудом рук своих» [22]) до приобретения имущества путем дарственных записей и завещаний [28]. Кроме того, благодаря религиозной направленности движения, бегинки освобождались и от уплаты налогов в городскую казну [25]. В итоге доходы могли быть настолько высоки, что общины бегинки составляли конкуренцию традиционным для Средневековья цеховым объединениям [29].

Движение бегинки широко распространилось по Западной Европе, в городах возникали бегинажи – несколько стоящих рядом домов, окруженных стенами, с храмом, больницей и приютом, своего рода «города в городах» [23]. Населяющие их женские коммуны организовывались по принципу монашеского ордена, но таковым отнюдь не являлись. Да, были общие деньги и имущество, одежда, похожая на монашескую. Но вступление в общину не требовало никакого взноса, жизнь в ней не регулировалась уставом и была достаточно свободной, трудо-

⁴Этимология термина неочевидна, и «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона» дает этому названию скорее апофатически негативное определение: «Во всяком случае, оно не происходит ни от св. Бегги... ни от священника Ламберта де Бегга, учредившего... подобный союз...» [22]. Действительно, первую общину бегинки основал в 1180 г. в Льеже (Бургундия) проповедник Ламберт Косноязычный (от фр. *le bègue* – заика), и от этого имени вполне могло произойти название «бегинки»; также ищут корни в ср.-ниж.-нем. *beggam* – нищенствовать, др.-сакс. *beg* – просить милостыню; с тем же успехом название могло происходить от серо-коричневого цвета одежды, сшитой из грубой, неочищенной шерстяной ткани (фр. *beige* – беж) [23].

вые повинности исполнялись в режиме дежурств и не занимали все время, общая молитва осуществлялась раз в день (не предполагая суточного богослужебного цикла, подчиненного бревиарию, как в монастыре), и даже настоятельница избиралась вполне демократическим путем – прямо-таки общим голосованием [28].

Будучи католичками и посвящая свою жизнь богоугодной деятельности, бегинки тем не менее не становились монахинями: они «не давали никаких обетов, не подчинялись никаким орденским правилам» [22]. Вместе с тем духовная жизнь бегинок была чрезвычайно насыщенной и включала в себя специальные мистические практики. Однако клятвы целомудрия и послушания приносились лишь на период пребывания в общине, и бегинки «в любой момент были вольны покинуть общину и возвратиться к мирской жизни, в том числе выйти замуж» [23].

Фактически бегинки просто объединялись в своего рода коммуну для ведения благочестивой жизни и благотворительной деятельности. Таким образом, союзам бегинок удалось дистанцироваться от мужского доминирования без полной изоляции от мужского мира.

Нельзя не признать, что это нечто небывалое для Средневековья: бегины пресекал извечную дихотомию (брак или монастырь), открывал для женщины иной выбор, иную дорогу, причем независимо от исходных условий, происхождения и имущественного статуса: бегинками становились и знатные, и простолюдинки, и богатые, и неимущие [28]. Община бегинок позволяла «избавиться от мирской суеты, посвятить себя всецело любимому делу, и при этом не принимать обета безбрачия, сохраняя свободу выбора и стиля жизни» [25].

Движение бегинок открывало возможность независимого (от семьи) обретения пути, независимой (от мужчин и брака) жизни, независимой (от ремесленных цехов и торговых союзов) работы, независимого (от покушений на него) заработка, независимых (ни от чего) интересов.

Бегины во всем нарушал средневековые устои: «Бегинки давали обеты целомудрия, не будучи монашками, открывали бизнес, не входя ни в один из цехов, бродили по дорогам, хотя не были пилигримками» [24].

Очевидно, что подобный феномен не вписывается в средневековую культуру и, разумеется, обнаружилось это достаточно быстро, в течение пары столетий: пик движения бегинок пришелся на XIII в., затем наступила пора гонений.

Здесь можно назвать целый ряд причин.

Прежде всего это причины экономические, связанные с недовольством ремесленных цехов, почув-

ствовавших неожиданную конкуренцию: «Высокая организация общин позволяла вести бегинкам бизнес особенно эффективно и в некоторых областях составлять конкуренцию не таким организованным изнутри цехам» [24]. В итоге в 1287 г. у бегинок было отнято право ведения торговых дел [22]. Знать, слабó было цехам победить в здоровой конкуренции...⁵

Не менее важны и причины религиозные: бегинки культивировали крайние формы мистицизма [30; 31], причем «движение бегинок было непосредственно связано с новым направлением западного мистицизма, зародившимся в XIII в. и представленным преимущественно мистиками-женщинами (Маргарита Поретанская, Мехтильда Магдебургская, Беатрис из Назарета). Одной из главных черт этого направления стало признание возможности напрямую достичь единения души христианина с Богом, не прибегая к посреднику. “Новый мистицизм” был враждебно воспринят церковными кругами, так как в нем видели опасность пренебрежительного отношения к церковным таинствам как к средству спасения души и угрозу морального индифферентизма. <...> Вьеннский собор (1311–1314) осудил взгляды мистиков как еретические, прямо соотнося их с деятельностью бегинок» [23].

Помимо того, бегинки обвинялись в распространении еретических учений (особенно это касалось странствующих бегинок, которые проповедовали без всякого контроля со стороны официальной церкви, зачастую распространяя еретические воззрения); также церковь обвиняла их в связи с альбигойской ересью (в частности, вальденсами) и «братьями Свободного Духа» [23].

Однако здесь важно иметь в виду, что едва ли бегинки сознательно противопоставляли себя ортодоксальному вероучению или, как нередко ошибочно утверждается, отрицали церковную и светскую власть над собой. Отклонения от *генеральной линии* ортодоксии объяснялись простым «религиозным невежеством низших слоев общества, составлявших большинство бегинок»⁶. И (такое тоже бывало) бегинки в своем милосердном порыве нередко давали приют еретикам, не спрашивая, кто они, *отчего* и *от чего* бегут, – не из осознанного сочувствия к едва ли понятному содержанию ереси, но просто из милосердия к гонимым.

В силу этого церковь вела борьбу против бегинок как движения еретического, их общины запрещались дважды: на Латеранском (1215) и Вьенском (1311) соборах⁷. Бегинки преследовались инквизицией, многие из них были казнены в Тулузе в 1307 г. [22].

За антиеретической борьбой стояло и иное: движение бегинок фактически постулирует возможность служить Богу и творить добрые дела без по-

⁵ Сама вижу, что отдаёт феминизмом (а я от него абсолютно далека), но Средневековье, знаете ли, провоцирует...

⁶ Бегинки // Википедия [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Бегинки> (дата обращения: 27.03.2020).

⁷ Там же.

средства церкви, что также не укладывается в канон. Объективно бегинки оказались конкурентами в отношении не только цехов, но и монастырей.

И, разумеется, нельзя не назвать причины просто патриархальные, связанные с общей мировоззренческой установкой Средневековья на то, что женщина не должна ничем владеть (включая собственное тело) и ничего решать (включая выбор собственной судьбы), ибо на то есть мужчина. Это усиливает и причины экономического порядка: как может женщина – существо по сути своей сугубо вторичное – составлять конкуренцию традиционным мужским цехам и торговым союзам?!

Эти причины, само собой, не назывались – указывались другие: борьба против бегинок шла, как водится, под аккомпанемент обвинения их в моральном разложении. А уж что им только ни инкриминировали: с одной стороны, их считали развратницами и «разбивательницами семей» [24], с другой – обвиняли в лесбиянстве, и тут уж разврат трактовался как однополюе связи внутри общины. Но в любом случае в бегинажах усматривали «испорченность нравов» [23], в силу чего синод в 1244 г. ввел возрастной ценз для вступления в общину: 40 лет [22]. Надо думать, искренне полагали, что после 40 – ни-ни?

Так или иначе, нельзя отрицать, что в целом бегинки сыграли достаточно значимую роль не только в развитии экономики средневековых городов, но и в трансформациях социальной структуры, обозначив принципиально новый статус женщины как свободной: и в смысле незамужней, и в смысле экономически независимой⁸.

Небезынтересные сдвиги наблюдались и в политике: X–XIII вв. – это время, давшее миру ряд независимых и ярких женщин, которые сыграли выдающуюся роль в политической и интеллектуальной жизни своего времени.

В качестве примера можно привести Алиенору Аквитанскую (внучка первого трубадура герцога Гильема Аквитанского), оказавшую поистине судьбоносное влияние на историю Европы: герцогиня Аквитании и Гаскони, графиня Пуатье, королева Франции (в 1137–1152 гг. была супругой Людовика VII) и Англии (в 1154–1189 гг. состояла в браке с Генрихом II Плантагенетом, который Р. Перну называет «браком Франции с Англией» [32]), участница Второго крестового похода, она возглавляла мятежи французской и английской знати, прославилась способностью к государственному управлению и хозяйственному менеджменту (управляла огромными землями, включавшими в себя Англию и добрую половину Франции), с успехом противостояла императору и папе, стояла у истоков исторического англо-французского конфликта, развязавшего в итоге Столетнюю войну; мать двух английских королей – легендарного Ричарда I Львиное Сердце и Иоанна Безземельного, подписавшего в 1215 г. Великую хартию вольностей, одна из богатейших и наиболее влиятельных женщин Европы Высокого Средневековья – это все о ней [32]. Считается также, что свой трактат «О любви» Андрей Капеллан (см. подробнее [33; 34]) написал по ее заказу.

И Алиенору Аквитанскую никак нельзя считать исключением: дворы ее дочери Марии Шампанской и племянницы Изабеллы Фландрской являли собой блестящие центры рыцарской культуры конца XII в. [8]; история жизни королевы Анны, Адели де Блуа, Агнес де Пуату, Элиеноры из Астилии и других аристократок показывает, что все они были совершенно независимы и оказывали серьезное влияние на политическую жизнь своего времени [35].

Посему Р. Перну полагает, что в исследуемый период женщина вовсе не была изолирована от политической жизни, т. е. не считалась вечной несо-

⁸Дольше всего (до конца XVIII в.) бегинажи просуществовали в Германии и Нидерландах. Бегинки горячо приветствовали Реформацию, так как полагали, что приблизиться к Богу можно молитвами и праведной жизнью, не делая акцента на посредничестве церкви, в силу чего обрели в контексте протестантизма имя *духовных женщин* [22]. Несмотря на все гонения, движение бегинок просуществовало вплоть до Великой французской революции 1789 г.: «Хотя бегинок нередко убивали, а их общины подвергались гонениям там и тут, многие девушки и женщины покидали дом (порой даже просто убегая), чтобы присоединиться к бегинкам. <...> ...Но только не возвращаться домой, к тиранам-отцам или родственникам, готовым убить за небогатое наследство» [24]. В XIX в. во Франции под именем бегинок появлялись «мистические секты, которые вследствие окружавшей их собрания таинственности в связи с подозрением в распутстве были преданы суду исправительной полиции» [22, с. 258]. Последняя в мире бегинка Марселла Паттин скончалась в 2013 г. в возрасте 92 лет (см.: The last beguine in the world has died in Belgium [Electronic resource]. URL: <https://korrespondent.net/world/1545550-v-belgii-skonchalas-poslednyaya-v-mire-beginka> (date of access: 17.03.2020)). Сохранившиеся бегинажи функционируют как музейные комплексы. Иногда в них селятся художники и студенты, в некоторых организованы приюты для людей преклонных лет, нуждающихся в уходе (даже не скажешь, что перепрофилированы: так ведь и было заведено во времена бегинок); в 1998 г. фламандские бегинажи были включены в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО (см.: Flemish Béguinages // UNESCO: World Heritage Centre [Electronic resource]. URL: <http://whc.unesco.org/en/list/855> (date of access: 17.03.2020)). В 1980-х гг. наметилась тенденция воссоздания бегинажей, в XXI в. только усилившаяся. Как отмечает одна из активисток этого движения Л. Берингер, «у кого-то личная жизнь не сложилась, кто-то, овдовев, хочет приносить пользу тем, кому она очень нужна» (цит. по [25]). Движение современных бегинок характеризуют толерантность, демократичность и экономическая независимость [25]. Покинуть бегинаж можно в любое время, но и, оставаясь в общине, отнюдь не обязательно быть одинокой: можно не избегать мужчин и даже иметь партнера (но жить на территории бегинажа ему запрещено). Целью современных бегинажей по-прежнему является активная помощь нуждающимся и поддержка социальных проектов; кроме того, в контексте их активности формируются новые формы совместного сосуществования и взаимодействия представительниц разных поколений – от 18 до 92 лет [25].

вершеннолетней, как это было позднее – вплоть до конца XIX в.⁹ [35].

Нельзя обойти вниманием и женщин-монахинь, которые тоже сказали свое слово в политике Высокого Средневековья. Так, аббатиса Мобежского монастыря на севере Франции управляла не только самим монастырем, но и примыкавшим к нему городом; у аббатисы Регенсбургской были свои депутаты в национальных ассамблеях; аббатисы из Херфорда и Кведлибурга снаряжали воинские контингенты для армии и др. (см. [21]).

Кроме того, многие первоначальные монастырские общины были двойными, т. е. имели под своей юрисдикцией и женский, и мужской монастыри. В Англии, например, из 50 таких монастырей все находились под управлением аббатис [36].

Разумеется, нельзя говорить о роли женщин в науке за отсутствием на тот момент науки как таковой, но про образование и образованность – можно. И здесь нельзя не упомянуть, что, по свидетельству Р. Перну, в XIII в. медицина практиковалась обыкновенно женщинами, и старейший средневековый договор об образовании также был написан женщиной [35]. Антология созданных женщинами средневековых текстов содержит произведения авторов в самом широком сословном диапазоне: от императриц, королев и монахинь до паломниц, заключенных и мучениц [37].

В контексте разговора о пишущих женщинах уместно заметить, что изменения в Окситании осуществлялись и усилиями женщин-трубадуров: среди авторов куртуазной лирики XII в. таковых насчитывалось не менее 20 [38]. М. Боген определяет то общее, что объединяло этих авторов-женщин: все они происходили из дворянских родов Южной Франции, все владели собственностью, писали свои произведения *от имени женщин*; сохранились документы, подтверждающие, что, по крайней мере, половина этих женщин при жизни пользовалась официальным статусом поэта [38]. Согласно исследованиям С. Нийранен, женщины-трубадуры были хорошо интегрированы в поэтическую культуру окситанских трубадуров в целом [39]. Как тонко замечает Б. Лиетар, «этим женщинам было бы трудно понять, для чего понадобился Жорж Санд мужской псевдоним, который она была вынуждена взять, добиваясь «серьезного признания»» [20].

Но все это лишь до XIII в. – затем наступает то, что Б. Лиетар называет «движение назад» и «откат

к патриархату» [20]. Приоткрывшееся было для горожанок окно свободы недолго радовало их свежим ветром, поскольку довольно быстро (и плотно!) захлопнулось.

В парижском налоговом отчете за 1313 г. численность работающих женщин уже снизилась до 11 % от общего количества работников, а число видов их деятельности резко уменьшилось [40]. К концу XV в. занятость женщин в производственной и другой деятельности сократилась еще более резко [21].

К концу XIII в. спохватились и в политике: женщин из нее радикально потеснили, двойные монастыри были полностью ликвидированы. И эта тенденция разворачивалась все шире в течение шести столетий, приведя в итоге к урезанию прав женщин на труд и свободу. До середины XX в. большинство женщин на Западе не имели даже права открыть собственный банковский счет *без согласия супруга* – ситуация, которую, как заметил Б. Лиетар, Алиенора Аквитанская нашла бы «смехотворной и немыслимой» [20].

Разумеется, не следует думать, что в период Высокого Средневековья дискриминация женщин вообще не имела места, – еще как имела, но все же в этот период «женщины были гораздо более свободными, чем когда-либо до или после», и даже, как сказано уже в XX в., «во многом лишь в последние 50 лет женщины вернули себе то, что считалось “нормальным” в XII в.» [20].

Но и в этом удивительном (хотя и мелькнувшем в историческом масштабе как одно мгновение) контексте положение замужней женщины – аристократки в Южной Франции может быть оценено как особое: не просто независимое, но и весьма высокое. Окситанский уклад приписывал супруге сеньора значимый социальный статус и предоставлял определенную свободу.

Это связано с тем, что римское право, сохранившее свое влияние на юге Франции¹⁰, обеспечивало здесь более высокое общественное положение женщины [41, с. 483].

Так, согласно сохранившимся в Окситании древнеримским законам, отраженным, например, в *Обычаях и вольностях города Монпелье*, замужняя женщина могла являться субъектом поземельной собственности, т. е. наследовать феодал и практически выступать в качестве сеньора [42]. Причем по законам о наследовании того времени подобная практика была, как отмечает М. Боген, обычным

⁹Разумеется, речь идет не о массовом явлении, но, напротив, о феноменах исключительных. Как пишут Ж. Брюнель-Лобришон и К. Дюамель-Амадо, «“независимые” женщины в современном смысле этого слова были поистине исключениями, точнее, легендарными исключениями... <...> Чтобы получить право на известную свободу действий, женщине надо было стать вдовой, располагать весьма существенной вдовой долей (дар со стороны мужа) и не менее солидным приданым (дар со стороны родных, который возвращался к ней в случае вдовства), а также обладать поистине выдающимися личными качествами, дабы вновь не оказаться под властью какого-либо мужчины, и быть полностью лишенной предрассудков» [11]. Прямо скажем, маловероятное стечение обстоятельств, каждое из которых тоже, в свою очередь, нетипично.

¹⁰Окситанский юг в юридическом отношении в целом сильно отличался от севера Франции: если здесь сохранилось влияние римского права, то на севере (вплоть до реформ Людовика IX) споры разрешались на основании сложившихся обычаев (кутюмов).

явлением [38]. Это, безусловно, специфично, так как базовая феодальная логика требует, чтобы феодал был неделим, т. е. обычная практика – его переход целиком к старшему сыну, вообще «право старшинства и исключение женщин – отличительные черты феодального права» [43]. Например, ломбардское право, даже признавая наследные права женщин, тем не менее отстраняет их от наследования феодалов (*Libri feudorum*) [44, с. 56–57].

Однако в Окситании «после смерти супруга вдова вправе унаследовать значительную часть его состояния. Во-первых, она получает право распорядиться своим приданым, которое было вручено покойному ее родными в день их бракосочетания. <...> Во-вторых, она получает право на “вдовью долю”, ту часть имущества, которую муж закрепляет за супругой при подписании брачного контракта; эта часть, равная примерно половине имущества мужа, переходит к ней в случае ее вдовства» [11]. Так что «монастырь пока еще не является для безутешных вдов единственной альтернативой одиночеству и семейным неурядицам, и пострижение в монахини, по крайней мере на юге Франции, принадлежит к решениям духовного порядка, определяется внутренним выбором женщины» [11]. Да и женских монастырей, по оценке М. Мюро, в этот период не так уж и много; только позднее, в XIII и XIV вв., наблюдается резкое увеличение их числа [45].

Изначально женщины «исключались из феодального наследования, потому что не могли служить», однако постепенно «тенденция наследственности пробивалась и в женское право, смягчая “*privilege de masculinité*”» [46, с. 514]. Как отмечает И. М. Гревс, «женщина стала допускаться до наследования феодалов, сначала при отсутствии мужского потомства, позже (XII в.) – и при разделах». Служить «она должна была через представителя; в роли последнего, естественно, выступал ее муж» [46, с. 514].

Свободы в подлинном ее понимании это, конечно, не давало: например, женщины были ограничены в возможности составлять завещания. А вассалитет супруга за право пользования землей жены

на практике приводил «к выработке любопытных особенностей феодального брачного права»: так, «сеньору невыгодно было, чтобы она (наследница. – М. М.) оставалась девушкой или сама выбирала супруга. Обычно сеньор предлагал ей нескольких женихов на выбор “из своих верных”¹¹; в случае несогласия “она должна была отказаться от феодала”» [46, с. 514]. Однако английский парламент, например, в отношении наследования приравнивал женщин к крестьянам, бывшим собственностью феодала [8], – так что разница налицо.

Таким образом, в XI–XII вв., несмотря на издержки, жены и единственные дочери имели на окситанском юге право наследования и поэтому занимали вполне достойное (во всяком случае, надежное) положение в социальной структуре¹².

И еще один момент, который тоже касается позиции женщины в социальной структуре, но женщины не как таковой, а наделенной вполне определенным статусом супруги хозяина замка – кастелланши (от лат. *castellum* – замок)¹³. Именно благодаря этому статусу (хотя он мог возникать и окказиональным, ситуативно-случайным образом) та или иная женщина могла стать героиней творчества того или иного трубадура: важно, чьей именно женой она была.

Ценностной доминантой нового (*светско-италийского*) кодекса чести рыцаря становится искусство слагать стихи Даме сердца – Донне (ст.-окс. *Donna* от лат. *domina* – госпожа), что в данном контексте означало хозяйку замка, т. е. супругу феодала-сеньора. Ж. Дюби пишет: «Дама – жена сеньора, нередко того, которому он служит, во всяком случае, она хозяйка дома, где он принят, и уже в силу этого является его госпожой» [51, с. 90–91]. Сложение панегирических стихов в ее честь в обязательном порядке входило в рыцарский набор непеременимых правил хорошего тона¹⁴ и было настолько значимым, что несоблюдение этого правила рассматривалось как проявление невежливости в отношении самого сеньора.

Да, собственно, и кому было посвящать стихи, как не кастелланше, если она являлась фактически

¹¹Традиция восходит к достаточно глубоким корням вассальных отношений: наряду с родней, вопросом женитьбы занимался и господин. Так, согласно вестготскому закону V в., «если личный воин (*bucellarius*) оставил только дочь... мы желаем, чтобы она оставалась под властью патрона, который найдет ей мужа, равного по положению. Если же она выберет себе супруга сама против воли патрона, то должна вернуть ему все имущество, которое ее отец получил от него» (цит. по [47]).

¹²Длилось это, надо сказать, недолго. Как отмечает К. Дюамель-Амадо, «хотя еще в X и начале XI в. положение женщины на большей части территории юга было вполне благоприятно, в дальнейшем множество факторов способствуют снижению роли женщины в обществе, и это снижение закрепляется юридически» [48]. На протяжении XI и XII вв. происходит «укрепление сеньориального владения, строятся родовые замки, решаются вопросы, связанные с наследованием родового достояния; все эти процессы способствуют формированию брачного кодекса, согласно которому все права на имущество передаются мужчине, а женщину всеми способами стараются отлучить от дела наследства» [49].

¹³Кто бы думал, что кастелланша в общежитии ведет свою этимологическую родословную от Прекрасной Дамы? Тем не менее «Словарь русского языка XVIII в.» в толковании этого слова первым дает именно значение ‘жена кастеллана’ (в анализируемый период это хозяин замка, позднее так будет именоваться комендант или начальник гарнизона в крепости) и только вторым – ‘женщина, ведающая бельем, гардеробом в доме или каком-либо заведении’ [50].

¹⁴Среди жанров поэзии трубадуров есть сирвенты (букв. ‘служебные песни’, от лат. *servire* – служить) [52, с. 123, 142–148; 53], т. е. песни, написанные по поводу (на прибытие знатной особы, например, или на предмет обсуждения той или иной проблемы, в том числе и при желании высмеять оппонента). Так вот, любовь к жене сюзерена таковым поводом не является: это само собой, это по умолчанию! Потому любовная песня – не сирвента, но кансона (*canso d’amor e cortezia* – песнь любви и учтивости) [54].

единственной знатной дамой в замке? Мы же помним сословный характер рыцарской культуры – на севере ли, на юге ль... Кому же еще? Не прислуге же, не окрестным поселанкам... Нет, с ними, конечно, тоже можно взаимодействовать, но совсем, совсем по-иному (и речь об этом – впереди), но к куртуазной возвышенной любви это отношения не имеет.

Так что в локации замка «всякая “куртуазность”» исходит, по оценке К. С. Льюиса, сугубо от Донны, «все женское очарование – только ее самой и ее дам» [4]. Такая ситуация «вполне способствовала созданию легенды о том, что куртуазную любовь можно питать только к замужней женщине, а следовательно, в основе ее лежит адюльтер [17]. Об этом следует поговорить более подробно.

Прежде всего здесь важен общекультурный контекст. Об этом прекрасно сказал К. С. Льюис: «Связывать идеал романтической влюбленности с браком людям той эпохи» препятствовала (причем не просто мешала – не позволяла!) «средневековая теория брака, которую, пользуясь принятым сейчас варваризмом, можно назвать “сексологией” средневековой церкви» [4]. Если «англичанин XIX в. знал, что одно и то же чувство – романтическая любовь – может быть и добродетелью, и пороком в зависимости от того, привела она к свадьбе или нет», то со средневековой точки зрения «всякая страстная любовь дурна, даже если возлюбленная становилась женой. Если человек хоть раз уступил такому чувству, он выбирает не между виновностью и невиновностью, а между покаянием и иными формами признания вины» [4].

Кроме того, существует и общая (более того, универсальная) основа адюльтерного сюжета как в куртуазной лирике, так и в любой иной системе отсчета: по бесспорной формуле К. С. Льюиса, «там, где брак преследует практические цели, идеализация любви между полами начинается с идеализации измены» [4]. Если феодальный брак – это женитьба на земельных наделах, то любовь непременно возникнет где-то еще, вне этого экономического договора. Это вектор *от рыцаря – к Донне*.

Важно, разумеется, и обратный вектор: *от Донны – к рыцарю*. И здесь также есть о чем сказать.

Прежде всего нельзя обойти вниманием момент психологический. Куртуазные ухаживания – это уж точно не со стороны мужа. Как мы знаем, Донна, вызывавшая сердечный трепет у рыцарей-трубадуров, «для мужа была сплошь и рядом лишь частью собственности» [4]. И вполне понятно, что осознающая (а главное – чувствующая) это Донна охотно внимала благоговейным пассажам кансон: в их-то контексте она точно не была ничьим имуществом, но, напротив, – всевластной госпожой, за один взгляд, за улыбку которой трубадур готов был свершать подвиги и умирать.

Немаловажно также и то, что «досуг знатной дамы... располагал к поэзии, а многие дамы-южан-

ки были достаточно образованны, чтобы в полной мере оценить искусство трубадуров» [17]. Это, так сказать, техническое обеспечение куртуазных поэтических процедур.

Итак, брак «был скорее серым фоном, на котором эта любовь выделялась со всею отчетливостью своей нежности и утонченности» [4]. Здесь К. С. Льюис также осуществляет вполне уместную генерализацию, замечая, что «на самом деле ситуация очень проста и характерна не только для Средних веков» [4].

Так что привкус адюльтера в восприятии любви трубадуром и Донной можно рассматривать как обоюдный.

И еще один (*the last, but not the least!*) момент.

Аристократический двор, как мы знаем, – место пребывания рыцарей-одноштитников, входивших в дружину хозяина замка.

Кроме того, по оценке П. Зюмтора, не было такого мелкого баронского клана, «который бы не мечтал оказаться под началом какого-либо государя, ко двору которого можно будет посылать юношей для прохождения рыцарской инициации» [41, с. 482]. М. Блок описывает ситуацию следующим образом: «Сын рыцаря редко рос в родительском доме. По обычаю, который соблюдался до тех пор, пока порядки феодальных времен оставались в силе, отец доверял воспитание сына в совсем еще юном возрасте своему сеньору или одному из своих сеньоров. Возле своего господина, исполняя обязанности пажа, мальчик обучался искусству охоты и войны, а впоследствии и правилам куртуазной жизни» [47]. По достижении 14 лет он посвящался в оруженосцы, а затем – при благополучном разворачивании карьеры – в рыцари.

Таким образом, замок – место концентрации рыцарей, оруженосцев и пажей.

Воспользуемся приглашением К. С. Льюиса: «Попробуем представить себе маленький островок относительной праздности и изобилия и тем самым – хотя бы относительной утонченности, окруженный варварством. Там много мужчин и совсем немного женщин – только дама и ее служанки, вокруг которых буквально кишит состоящий из одних мужчин “двор”... Безземельные рыцари, землевладельцы, пажи, высокомерные к обитающему за стенами мужичью, но стоящие ниже дамы на феодальной лестнице, поскольку они ниже ее господина, ее “мужчины”, на феодальном языке» [4].

Однако важный аспект жизни замка оставался до сих пор за кадром: все эти мужчины не женаты.

Чтобы сохранить земельный надел семьи и не дробить его, он целиком передавался, как известно, старшему сыну, который становился главой семьи. Для того чтобы этот механизм работал, т. е., как отмечает Ж. Дюби, «для ограничения наследственных разделов», необходимо было «сократить количество браков, в которые вступали сыновья благородных родов. Обычно семья стремилась женить одно-

го, по преимуществу старшего, сына. Остальные, предоставленные самим себе, оставались в своем большинстве холостыми» [51, с. 93]. Это же обстоятельство фиксируют Ж. Брюнель-Лобришон и К. Дюамель-Амадо: «В южнофранцузском обществе XII в. отмечалась тенденция ограничивать число потенциальных наследников: женили старших сыновей» [11]; младших¹⁵ оставляли холостыми. Если удавалось, их посвящали церкви, но, как правило, они вели жизнь рыцарей-одноштитников, населяя дворы сеньоров, и в этих дворах «для большинства придворных не может быть речи о браке» [4].

В силу этого в XII в., по оценке Ж. Дюби, «благородное рыцарство состояло главным образом из “юношей”, взрослых неженатых мужчин, чувствовавших себя обездоленными и завидовавших мужьям», т. е. старшим в семьях – обладателям земли и статуса [51, с. 93].

Э. Кёле также говорит о холостых молодых людях, не имеющих земельных владений и проводящих время, свободное от войны или приключений, в залах дворцов знатных сеньоров, как о сложившейся социальной группе с особым менталитетом [55, р. 27–51; 56, р. 569–583].

Несмотря на то что они, как полагает Ж. Дюби, «не испытывали ущемления в половой жизни» [51, с. 93], достигалось это за счет контактов с продажными женщинами или простолюдинками, что не считалось зазорным, но и достоинства не добавляло. Придворное общество четко противопоставляло себя окрестным крестьянам (вилланам), и, «демонстрируя изысканное умение завлекать женщин, придворный подчеркивал свою принадлежность к миру избранных, свое отличие от “деревенщины”» [51, с. 92]. Потому «куртуазная любовь была прежде всего знаком престижа в мужском обществе» [51, с. 92]. Так что престиж здесь окрашен не только в непосредственно маскулинные, но и в сословные тона.

Отсюда цель: «Достоин восхищения был тот, кто овладевал женщиной своего круга», – это воспринималось как некий «символический подвиг, предел юношеских мечтаний», который «заключался в том, чтобы дерзко соблазнить жену брата, дядюшки или сеньора, нарушив самые строгие запреты и презрев величайшую опасность, так как к верности жен (наряду со способностью их к деторождению) предъявлялись жесткие требования: от этого зависела правильность наследования» [51, с. 93].

Таким образом, «двор был тем местом, где особенно процветала охота за благородными женщинами» [51, с. 93]. Исходя из этого, Ж. Дюби оценивает куртуазную концепцию любви как «своеобразный кодекс, положения которого имели целью ограничить ущерб, наносимый сексуальной распущенностью» [51, с. 93].

И, разумеется, здесь действует общее правило, сформулированное Й. Хейзингой: «Для того чтобы стать культурой, эротика любой ценой должна была обрести стиль, форму, которой она чувствовала бы себя связанной, свое особое выражение, которое могло бы дать ей прикрытие» [57, с. 116].

Кроме того, Ж. Дюби моделирует в этом контексте и иной возможный вектор отношений рыцаря к кастелланше: как супруга владельца замка, она имела на мужа определенное влияние, и рыцари замка понимали, что «дама делила с их господином не только ложе, но и его помыслы», присутствовала вместе с ним на турнирах, где молодые рыцари-одноштитники (Ж. Дюби называет их не только *юношами*, но и *мальчиками*) стремились отличиться и завоевать тем самым внимание господина. По мнению Ж. Дюби, эта небескорыстная любовь усматривалась в Донне посредницу между ищущими поощрений молодыми рыцарями, с одной стороны, и сеньором – с другой. Тем самым «любовь к даме... включалась в механизм функционирования феодального общества» [51, с. 93–94]. Это гипотеза, она любопытна и хорошо вписывается в структуру феодальных отношений, но при этом остается гипотезой. Возможно, такое подчас и имело место, – кто теперь возьмет на себя смелость судить... Но точно известно, что далеко не все трубадуры боролись за внимание хозяина замка и искали его покровительства: как мы помним, среди них были и владетельные сеньоры, и даже короли.

Правда, Ж. Дюби в то же время полагает, что хозяйка замка, как единственная благородная дама на горизонте рыцарской повседневности, не могла не выступать в глазах неженатых рыцарей-одноштитников предметом искреннего сексуального вожделения, носительницей *преlestей*, «для преодоления соблазна которых приходилось иногда окунаться по ночам в бочки с ледяной водой» [51, с. 93–94]. Что ж, не исключено...

В любом случае домочадцы, «словно астероиды, вращаются вокруг сеньора и его жены... на которую устремлены взоры всех мужчин» [11].

Так или иначе, рыцарь мог и не пылать любовью к Донне: *влюбленным можешь ты не быть, но трубадуром быть обязан*.

Описанная ситуация интерпретируется по-разному.

По оценке Ж. Брюнель-Лобришон и К. Дюамель-Амадо, «активная роль женщины в окситанской литературе может быть истолкована как своего рода реванш по отношению к окружающей их женоненавистнической среде» [11].

Однако не следует обольщаться (хоть и очень хочется).

Прежде всего не нужно забывать, что общекультурный фон Средних веков характеризуется доста-

¹⁵Мы еще встретимся с этим феноменом *младших* в роду.

точно жестким антифеминизмом [58–60]. Интеллектуальная традиция Средневековья также «почти всегда обнаруживает исключительно мизогинистический (женоненавистнический) характер» [2, с. 99]. Антифеминистская традиция продолжала цвести пышным цветом и в средневековой литературе.

Да и не это главное: не все так гладко и в самой куртуазной традиции. Поэзия трубадуров могла содержать в себе и течения, которые мы сегодня называли бы антикуртуазными. Так, по оценке Р. Нейи, «во все периоды развития в окситанской лирике существовали “дикие поэмы”, плохо согласующиеся с куртуазным идеалом... где в... резкой форме... получили самое широкое распространение себялюбивые и женоненавистнические инстинкты распутных и воинственных баронов» (цит. по [61]). По мнению Ж. Ле Гоффа, «тут уже можно говорить о... любви дискуртуазной, то есть лишенной какой бы то ни было учтивой формы...»¹⁶ [61].

Но даже если рассматривать сугубо куртуазный вектор развития поэзии трубадуров, то и здесь многое неоднозначно. Оно и не могло быть однозначным в том аксиологическом контексте, который задавался средневековой культурой.

Сегодня ставится под сомнение значимая общественная роль покровительниц куртуазного искусства, приписываемая женщинам, занимавшим (в силу брака или рождения) высокое положение в Окситании (упоминавшаяся Алиенора Аквитанская, виконтесса Нарбоннская Эрменгарда, графиня Мария Шампанская и др.) [61]. В эту же парадигму укладывается также сомнение в значимости (и самом существовании) проводимых дамами куртуазных судов любви, о чем мы уже говорили ранее [34].

Важные замечания относительно образа жизни мужчин-авторов, воспевающих в качестве трубадуров Прекрасную Даму, сделал в свое время М. В. Фриче: «Свободное от войны время феодальный класс тратил на любовь», однако чувство это носило грубо-чувственный характер: «Первоначально в отношениях феодала к женщине не было ничего возвышенного и восторженного» [15, с. 11]. Так, например, «один из первых провансальских поэтов-воинов, Гильем де Пуатье, разъезжал... по всей стране с целью соблазнить как можно больше женщин» [15, с. 11].

Действительно, первый трубадур Гильем VII, граф Пуатье и IX герцог Аквитанский, – фигура весьма противоречивая. В его жизнеописании XIII в. отмечается, что он был как «одним из куртуазнейших на свете мужей», так и «превеликим обманщиком женщин», «и немало постраниствовал он по белу свету, повсюду кружа головы дамам» [62, с. 8]. Что же, кружить головы дамам – это по-куртуазному. Гильем Аквитанский даже превратил Пуатье в «центр, где искусство трубадуров познало первое процвета-

ние» [61]. Однако само творчество его неоднозначно, и, по оценке Ж. Ле Гоффа, Гильем IX, будучи великим лириком, «в то же время поэт непристойный и поэт-женоненавистник» [61].

Другой провансальский поэт, граф Рамбо Оранжский, описывая перипетии процедуры ухаживания, «советует ударить женщину в лицо, если она на ухаживания ответит отказом» (цит. по [15, с. 11]).

Это уже не *до*, не *после* и даже не *во время* трубадуров – это прямо-таки про них: Гильем Аквитанский не кто иной, как первый представитель куртуазной традиции и ее основоположник... Можно, конечно, утешаться тем, что описанные сюжеты относятся к раннему периоду жизни и упомянутых персоналий и имели место прежде, чем их авторы прониклись куртуазными изысками и захотели стать галантными, – абсолютно достоверных дат теперь не сыскать, но факт есть факт, как бы его ни интерпретировали...

Обнаруживаются и дополнительные причины формирования мужского шовинизма именно у рыцарей: нельзя сбрасывать со счетов то обстоятельство, что общий фон средневековой культуры провоцировал такой аспект антифеминизма, который можно обозначить как своего рода фобию [63, с. 128–138]. Применительно к образу жизни рыцаря-министериала это был особенно остро: как отмечает Ж. Дюби, «придворные обычаи воздвигали барьер между мужским и женским миром, порождая непонимание и недоверие с обеих сторон. В возрасте семи лет мальчиков отнимали от матерей, и их дальнейшая жизнь проходила исключительно среди мужчин. Подобная практика не только способствовала развитию гомосексуальных наклонностей, порождала не только образ недоступной утешительницы, но и пугающие предположения о том, чем могут заниматься женщины в своем кругу. Мужчины приписывали женщинам таинственную и опасную власть, влекущую и отталкивающую одновременно. Сегрегация полов порождала в мужском сознании определенную тревогу, которую рыцари старались заглушить демонстрацией презрения, громогласным утверждением своего физического превосходства и своих сексуальных подвигов» [51, с. 93].

Куртуазную любовь можно трактовать в данном контексте как своего рода интерпретационный инструмент преодоления этой фобии: оформляясь в Прекрасную Даму, женщина, видимая в качестве воплощения грозной стихийной сексуальности, вводится в контекст прозрачных правил, как бы *приручается*, тем самым перестает быть опасной.

Современные исследователи оспаривают даже содержательные моменты поэзии трубадуров: «...повышали ли трубадуры социальную роль женщины в обществе и служили для ее возвеличивания,

¹⁶Чуть позже мы об этом поговорим подробнее и попытаемся разобраться, почему в куртуазном контексте оформилось такое неожиданное направление (и откуда только взялось?!).

или же они были всего лишь прикрытием пронизывавшего все средневековое общество женоненавистничества» [61].

И здесь все непросто, и потому для объяснения нужно взять разбег. Итак, с одной стороны, женщина дискредитирована и мыслится как нечистая и опасная. С другой – женщина *есть*, она существует и, более того, вписана в контекст социальной структуры: от королевы и монахини – до жены и конкубины (не говоря уже о *падших*, которые, мало того что онтологически существуют, но ведь тоже востребованы...).

Отмахнуться от этого невозможно (от женщин вообще трудно отмахнуться), что порождало необходимость в разработке инструментов объяснения и тем самым принятия факта их наличия в том формате, в котором их видело Средневековье. Культура искала своего рода интерпретационное обоснование наличия женщины как существа несовершенного (не хочется говорить *неполноценного*, чтобы не лить таким образом воду на мельницу средневекового шовинизма).

К интересующему нас периоду интеллектуальная культура Средневековья уже предложила две модели теоретической (интерпретационной) если не реабилитации, то схемы объяснения феномена женщины, не закрывающие глаза на женское несовершенство, но предлагающие спасительные трактовки для такового. Во-первых, это признание андрогинности души, что открывало фактически возможность «игнорирования связи женщины со своим полом»; во-вторых – «признание женского несовершенства естественной частью мироздания» [64, с. 61]. И если первое сопряжено с определенными трудностями схоластического характера, то второе вписывается в общетеологический контекст как раз предельно легко: Бог зачем-то так замыслил, и коль скоро он создал женщину таковой, – что ж, видно, такая она и нужна в общем устройстве мироздания, тогда ей, убогой, и простительно...

Отсюда возникает идея не только «о несовершенстве женской природы», но и о «необходимости контроля над ней со стороны мужчин» [2, с. 98].

Вот, слово сказано! Главное, чему нужно следовать женщине, – это «оставаться под контролем мужчин и следовать наставлениям, созданным мужчинами» [2, с. 98]. Ж.-Ш. Юше даже определял куртуазную любовь как «искусство держать женщину на расстоянии при помощи слов» (цит. по [61]).

В свете этого ряд исследователей трактуют и интересующий нас феномен куртуазных отношений, и культ Прекрасной Дамы как «квинтэссенцию средневековых представлений о несовершенстве женской природы» и «необходимости контроля над ней со стороны мужчин в наиболее концентрированном виде» [2, с. 98].

Действительно, *cortezia* – забава благородных рыцарей, мужская забава, в рамках которой «про-

явление рыцарской доблести и изысканной галантности» выступает для мужчины прежде всего атрибутом «престижной социальной роли» [2, с. 98].

В сущности, это тот же рыцарский канон: мужчина должен преодолевать все преграды, выдерживать все испытания и совершать подвиги – но уже во имя любви. Рыцарь должен проявить себя рыцарем, а Донна – фактически только повод для демонстрации рыцарского благородства, проявляющегося как в высоких чувствах (подчиняющихся требованиям *cortezia*), так и в высоком героизме (в бою, на турнире, в любом сумасбродстве вроде вырванных у себя ногтей – разумеется, во имя любви...). Однако, в отличие от северофранцузского рыцарского романа, главное здесь – благородство чувств и поэтическое мастерство, позволяющее излить эти чувства в кансонах. Но так или иначе в текстах трубадуров «на первом плане находится мужчина» [51, с. 92].

Как всегда, мужчина. Но время идет, культура совершенствуется, нравы утончаются – мужчина уже не хочет видеть себя грубым мужланом, ему уже не так интересно в стогу, ему хочется высоких чувств и поэзии. Как пишет Й. Хейзинга, мужская любовь «нуждается в романтической сублимации» [57, с. 82–83]. О. Андреева говорит в этом контексте о «мужской воле, которая вдруг захотела смирения» [8].

В любом случае достоверно одно: произведения куртуазной лирики в большинстве своем, по оценке Ж. Дюби, «были созданы мужчинами для развлечения мужчин» [51, с. 92]. Согласно утверждению Й. Хейзинги, «образ благородного рыцаря, страдающего ради своей возлюбленной, – прежде всего чисто мужское представление, то, каким мужчина хочет сам себя видеть» [57, с. 83].

Что ж, раз рыцарю понадобилась женщина для такой любви, прекрасная и достойная, – он и получает искомое, предписав женщине быть таковой: «...прекрасной и достойной восхищения она становилась только по воле рыцаря, когда он желал сделать женщину объектом куртуазной любви. Только подчинение и соответствие правилам куртуазности, созданным мужчинами, превращало женщину в Прекрасную Даму, только мужская воля позволяла Прекрасной Даме “появиться”» [2, с. 102].

Пространство куртуазной любви выстроено таким образом, что в его пределах «исключительно воля мужчины-рыцаря, избравшего женщину объектом куртуазной любви, и соответствие правилам куртуазности, созданным мужчинами, позволяет женщине превратиться в Даму», т. е. фактически Прекрасная Дамы «имеет право на существование только по воле мужчины и в границах мужской фантазии» [2, с. 98].

Итак, даже в системе координат *cortezia* женщина вторична, поскольку образ Прекрасной Дамы выступает скорее инструментом создания искомого

рыцарем образа идеальной возлюбленной, который мужчина формировал, чтобы потом сделать «средством собственной самореализации» [2, с. 102].

Как отмечают исследователи, «здесь женщина не просто контролируется и “корректируется” мужчиной, как в других женских социальных ролях, но “создается” по его воле и согласно его представлениям» [2, с. 98].

Оценивая тексты куртуазной традиции, следует понимать, что «эти произведения показывают нам не женщину, а ее образ в глазах мужчин той эпохи» [51, с. 92]. Что же, мы с этим уже встречались и в овидианской традиции, и в северофранцузском романе.

И правда: акцент здесь – на мужчине, на его чувствах и доблестях, никак не на женщине. Как личность она, в сущности, никому не интересна: никому нет дела до ее целей, желаний, запросов (даже как-то неудобно говорить обо всем этом применительно к XI–XII вв.). Любовь трубадура адресована не женщине как человеку с неповторимой индивидуальностью, но своего рода идеальной модели куртуазной Донны, от которой всего-то и ожидалось, чтобы Прекрасная Дама была прекрасна и соответствовала требованиям куртуазности, т. е. в сухом остатке вела себя подобающим образом.

Вот мы и пришли к необходимости признать, что это правда: да, в куртуазной сфере женщина так же, как и везде, должна подчиняться правилам, установленным мужчинами.

И дело здесь не только в том, что, как отмечают исследователи, «в куртуазной литературе складывался образ женщины, отстраненной от реальной жизни, созданной только для того, чтобы дарить мужчине физическое или духовное наслаждение» [65, с. 103]. Это само собой. В XI–XII вв. не могли думать иначе (собственно, так в истории было всегда). Важно другое, а именно то, что «в высших слоях общества любовная игра... ни в малейшей степени не имела целью изменить существующий порядок подчинения женщины мужчине: как только игра кончалась, женщина возвращалась на отведенное ей Богом место, в непосредственную зависимость от мужчины» [51, с. 95].

Все эти права и новые привилегии женщина приобрела «не на пути эмансипации и не в борьбе, а благодаря все той же мужской воле» [8], причем лишь в куртуазных сюжетах – не в жизни. Так что куртуазная «власть дамы над мужчиной – власть иллюзорная, поскольку властью этой женщину наделил сам мужчина, который и вправе отнять эту власть при злоупотреблении» [9, с. 11]. Таким образом, в контексте рыцарской идеологии можно говорить только о «призрачной власти женщины» [11].

В силу этого, как предостерегает Ж. Дюби, историку, изучающему положение дел в ту эпоху, не стоит забывать, что он имеет «дело с источником,

требующим весьма осторожного подхода. Не следует думать, что он прямо воспроизводит жизненную реальность, то есть нельзя принимать мысли и действия трубадуров и героев романов за прямое отражение мыслей и поступков тех, кто с удовольствием их слушал», причем «особенно сильно можно ошибаться, определяя именно положение женщины» [51, с. 92].

Иными словами, куртуазная любовь – это, с точки зрения Ж. Дюби, «литературный образ» [51, с. 91]. Близкая оценка встречается и у М. Пастуро, также трактующего куртуазную любовь как «литературный феномен» [12, с. 70]. (Что ни говори, а европейская культура, несмотря на все социально-правовые завоевания суфражисток и феминисток, – это по сей день культура мужчин и для мужчин: не надо даже упоминать знаменитый *стеклянный потолок* в женской карьере (вплоть до крайних его версий: *пол женщины и есть ее потолок*), – просто попробуйте купить телефон с автоответчиком, чтобы номер озвучивался не голосом томно-взволнованной женщины...)

И все же, все же! Как бы ни были далеки сюжеты куртуазной лирики от повседневно практикуемого поведения XI–XIII вв., так или иначе «в мире рыцарской доблести и чести женщины неожиданно приобретают огромные права, возносятся в сознании мужского окружения на недостижимую высоту... Правда, все эти права и возможности осуществлялись в очень узкой сфере рыцарской эротики, но и это уже было победой женщины. <...> ...В сферу влияния женщины вдруг отошла огромная область тогдашней жизни, практически все, что имело значение в отношениях полов» [8]. А это немало. Совсем немало для начала.

Да, куртуазная любовь, как мы помним, была в первую очередь престижным маркером соответствия мужчины эталонному образцу рыцаря в контексте придворного уклада и куртуазной системы ценностей, но, с другой стороны, именно в силу этого она меняла мужское сознание, а именно осознание себя в отношении женщины и в конечном итоге осознание женщины как таковой.

Ибо не только повседневные бытовые нравы имеют значение. История идей и идеалов значит для трансформаций общества ничуть не меньше! В этом контексте уместно вспомнить такой термин, как *имагинарная история* (от лат. *imagination* – воображение): как пишет Ж. Ле Гофф, «история иминарного не есть история воображения в традиционном смысле слова, а это история сотворения и использования образов, побуждающих общество к мыслям и действиям, ибо они вытекают из его ментальности, чувственного ощущения бытия, культуры, которые насыщают их жизнью» [61]. При таком ракурсе рассмотрения нельзя не признать, что идеалы и ценности *cortezia*, побуждая общество

к совершенно новым мыслям и действиям, сыграли выдающуюся роль в истории культуры.

То же можно сказать и об истории женщины. В сложившихся на юге Франции уникальных условиях сформировалась культурная традиция, отводившая женщине центральное место в системе рыцарских ценностей – место предмета поклонения. Ну да, *предмета*, но поклонения же, не перетаскивания в укромное место, как было в исторической хронике Саксона Грамматика «Деяния датчан», в частности – в «Саге о Гамлете» («...и вот он повстречался с женщиной... <...> ...В темном месте, и овладел бы ею», но, «встревоженный подозрением о засаде, он обхватил девушку и отнес подальше к непроходимому болоту, где было безопаснее» [66, с. 62–63]). А между тем это тоже источник XII в., т. е. текст, современный расцвету куртуазной традиции! Так что, критикуя трубадуров, надо бы об этом помнить.

И не будем забывать, что речь идет о влиятельной художественной традиции, чрезвычайно популярной и получившей широкое распространение (можно сказать, вошедшей в моду). Говоря о произведениях трубадуров, Ж. Дюби оценивает их как «примеры для подражания», причем настолько притягательные, что по силе влияния он даже сравнивает их с житиями святых [51, с. 92–93]. И это не могло

не отозваться в культуре. Сформированные в рамках *cortezia* требования галантности постепенно превратились «в хороший тон для знати» [51, с. 96], что не может не радовать.

Влияние куртуазной модели любви «оказалось столь сильным, что смогло со временем изменить отношение к женщинам в обществе в целом» [51, с. 92]. И хотя это произошло не в результате ее борьбы за эмансипацию, объективно данное изменение имело место, и ряд экспертов даже оценивают его именно как «важный этап в процессе женской эмансипации» [67]. Статус Прекрасной Дамы, обретенный женщиной в рамках куртуазной культуры, – это, что ни говори, шаг на пути преодоления того, что гендерные аналитики называют *молчанием женщин* на протяжении долгих веков развития культуры [58]. Пусть небольшой, но шаг. В конце концов, то, что вначале было лишь предназначенным для мужчин светским развлечением, в итоге «помогло женщинам феодальной Европы выйти из своего приниженного состояния» [51, с. 96].

Эксперты соглашались с тем, что, «безусловно, культ Прекрасной Дамы оказал сильное влияние на преодоление женоненавистничества», но (большое *но!*), увы, «главным образом в последующие эпохи» [2, с. 101]...

Библиографические ссылки

1. Bezzola RR. *Les Origines et la formation de la littérature courtoise en Occident part, 500–1200. Part 1. La tradition impériale de la fin de l'antiquité au XIe siècle*. Paris: Champion; 1963. 581 p.
2. Букатова ДМ, Колесниченко ЛИ. Культ Прекрасной Дамы как отражение средневековой концепции несовершенства женской природы. *Знание. Понимание. Умение*. 2017;2:98–103. DOI: 10.17805zpu.2017.2.7.
3. Lazar M. *Amour courtois et fin'amors dans la littérature du XIIe siècle*. Paris: Klincksieck; 1964. 235 p.
4. [Льюис К]. *Госпожа и вассал: Клайв Льюис о куртуазной любви и сексологии средневековой церкви* [Интернет]. Theory & Practice [процитировано 11 декабря 2019 г.]. Доступно по: <https://theoryandpractice.ru/posts/10488-clive-staples-lewis>.
5. де Сед Ж. *Тайны катаров*. Морозова ЕВ, переводчик. Москва: Крон-Пресс; 1998. 272 с. (Таинственный мир).
6. Можейко МА. Меж тем к югу от Луары: южнофранцузский рыцарский идеал и формирование *cortezia*. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2020;2:100–123.
7. Можейко МА. От богинь к суккубам: исторические корни демонизации женщины в средневековой культуре. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2017;3:130–137.
8. Андреева О. Средневековье: культ Прекрасной Дамы. *Наука и жизнь* [Интернет]. 2005 [процитировано 31 января 2020 г.];1. Доступно по: <https://www.nkj.ru/archive/articles/1089/>.
9. Левандовский АП. Об Артуриане, рыцарях Круглого стола и просто рыцарях. В: Пастуро М. *Повседневная жизнь Франции и Англии во времена рыцарей Круглого стола*. Москва: Молодая гвардия; 2001. 242 с.
10. Duby G. Conclusion. In: Ruche M, Neuclin J, editors. *La femme au Moyen Âge*. Maubeuge: Ville de Maubeuge; 1990. p. 457–460.
11. Брюнель-Лобришон Ж, Дюамель-Амадо К. *Повседневная жизнь во времена трубадуров XII–XIII вв.* [Интернет]. Морозова ЕВ, переводчик. Москва: Молодая гвардия; 2003 [процитировано 11 марта 2020 г.]. 416 с. (Живая история: повседневная жизнь человечества). Доступно по: <https://coollib.com/b/228569/read>.
12. Пастуро М. *Повседневная жизнь Франции и Англии во времена рыцарей Круглого стола*. Гончар МО, переводчик. Москва: Молодая гвардия; 2001. 223 с.
13. Поло де Болье М-А. *Средневековая Франция* [Интернет]. Левандовский АП, редактор; Озерская НИ, переводчик. Москва: Вече; 2014 [процитировано 31 марта 2020 г.]. 384 с. (Гиды цивилизаций). Доступно по: <https://history.wikireading.ru/11151>.
14. Стаф ИК. *Словарь средневековой культуры* [Интернет]. Chansons de geste [процитировано 27 марта 2020 г.]. Доступно по: <http://cult-lib.ru/doc/dictionary/medieval-culture/articles/1/chansons-de-geste.htm>.
15. Фриче ВМ. *Очерки по истории западноевропейской литературы*. Москва: Русское товарищество печатного и издательского дела; 1908. 256 с.
16. Можейко МА. Любовь как награда за подвиг: трактовка любви в северофранцузском рыцарском романе. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2018;4:126–132.

17. Морозова Е. Трубадуры: поэзия и повседневность. Предисловие. В: Брюнель-Лобришон Ж, Дюамель-Амадо К. *Повседневная жизнь во времена трубадуров XII–XIII вв.* [Интернет]. Москва: Молодая гвардия; 2003 [процитировано 11 марта 2020 г.]. 416 с. (Живая история: повседневная жизнь человечества). Доступно по: <https://coollib.com/b/228569/read>.
18. Gadol JK. [Did women have a Renaissance?]. In: Bridenthal R, Koonz C, Stuart S, editors. *Becoming visible: woman in European history*. Boston: Houghton. Mifflin; 1997. p. 138–164.
19. Bourin-Derruau M. *Villages médiévaux en Bas-Languedoc: genèse d'une sociabilité (X^e–XIVe siècle). Tome 2. La démocratie au village*. Paris: L'Harmattan; 1987. 808 p.
20. Лиетар Б. Душа денег. Главы из книги. *Арт&Факт* [Интернет]. 2006 [процитировано 31 декабря 2019 г.];1(1). Доступно по: <http://artifact.org.ru/proshloe-fas-i-profil-2/detalirovka-voprosov-globalnoy-teorii/11-lietar-b-dusha-deneg.html>.
21. Haeberle EJ. *The sex atlas: a new illustrated guide*. New York: Seabury Press; 1978. 509 p.
22. Бегинки. В: Андреевский ИЕ, редактор. *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Том 3*. Санкт-Петербург: Акционерное издательское общество «Ф. А. Брокгауз – И. А. Ефрон»; 1891. с. 258.
23. Зарецкий ЮП. Бегинки. В: Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, редактор. *Православная энциклопедия. Том 4* [Интернет]. Москва: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия»; 2002 [процитировано 31 января 2020 г.]. с. 414–415. Доступно по: <http://www.pravenc.ru/text/77762.html>.
24. Мазикина Л. Бегинки: как женщины маскировались под монахинь, чтобы жить свободной жизнью [Интернет; процитировано 21 марта 2020 г.]. Доступно по: <https://kulturologia.ru/blogs/101018/40815.html>
25. Инквизиция в погоне за женщинами: не монахини, но бегинки [Интернет]. 2019 [процитировано 19 марта 2020 г.]. Доступно по: <https://www.dw.com/ru/инквизиция-в-погоне-за-женщинами-не-монахини-но-бегинки/a-49880250>.
26. Бегинки [Интернет; процитировано 21 марта 2020 г.]. Доступно по: <http://history.syktnet.ru/02/02/039.html>.
27. Колодин А. Бегинки [Интернет; процитировано 31 января 2020 г.]. Доступно по: <http://religiocivlis.ru/hristianstvo/christ-b/2711-beginki-.html>.
28. McDonnell EW. *The Beguines and Beghards in medieval culture. With special emphasis on the Belgian scene*. New Brunswick: Rutgers University Press; 1954. 643 p.
29. Phillips D. *Beguines in medieval Strasburg: a study of the social aspect of beguine life*. Stanford: Stanford University Press; 1941. 252 p.
30. McGinn B, editor. *Meister Eckhart and the beguine mystics. Hadewijch of Brabant, Mechthild of Magdeburg, and Marguerite Porete*. New York: Continuum; 1994. 178 p.
31. Ганина НА, автор-составитель. *Мехтильда Магдебургская: «Струющийся свет Божества». Перевод и исследования*. Москва: Русский фонд содействия образованию и науке; 2014. 434 с. (Славяно-германские исследования).
32. Перну Р. *Алиенора Аквитанская* [Интернет]. Санкт-Петербург: Евразия; 2001 [процитировано 12 марта 2020 г.]. Доступно по: <https://www.e-reading.club/book.php?book=1016396>.
33. Можейко МА. Наука страсти нежной: попытки концептуализации любви в овидианской традиции Средневековья. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2019;4:86–97.
34. Можейко МА. Наука страсти нежной: попытки кодификации любви в овидианской традиции Средневековья. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2020;1:78–92.
35. Pernoud R. *La femme au temps des cathédrales*. Paris: Stock; 1980. 304 p.
36. Fell C, Clark C, Williams E. *Women in Anglo-Saxon England*. Oxford: Blackwell; 1986. 208 p. DOI: 10.2307/1858158.
37. Thiébaux M, translations with introductions. *The writings of medieval women*. 2nd edition. New York: Garland Publishing; 1994. 536 p.
38. Bogin M. *The women troubadours*. New York: Norton & Company; 1980. 198 p.
39. Niiranen S. «Miroir de mérite». *Valeurs sociales, rôles et image de la femme dans les textes médiévaux des troubairitz*. Jyväskylä: University of Jyväskylä; 2009. 267 p.
40. Herlihy DV. *Women, family and society in medieval Europe. Historical essays, 1978–1991*. Providence: Bergham Books; 1995. 409 p.
41. Зюмтор П. *Опыт построения средневековой поэтики*. Санкт-Петербург: Алетейя; 2003. 544 с. (Библиотека средних веков).
42. Стоклицкая-Терешкович ВВ, Плешкова СЛ. Обычаи и вольности города Монпелье – 1204. В: Стоклицкая-Терешкович ВВ, Плешкова СЛ. *Средневековый город в Западной Европе в XI–XV вв. Выпуск 1*. Москва: Издательство Московского университета; 1969. 62 с.
43. Аллод и феодал [Интернет]. Русская историческая библиотека [процитировано 3 марта 2020 г.]. Доступно по: <http://rushist.com/index.php/historical-notes/2611-allod-i-feod>.
44. Libri feudorum. В: Егоров ДН, редактор. *Средневековье в его памятниках. Сборник переводов*. Москва: Типолитография «Я. Данкин и Я. Хомутов»; 1913. 292 с.
45. Moreau M. *L'âge d'or des religieuses. Monastères féminins du Languedoc méditerranéen au Moyen Age*. Montpellier: Presses Du Languedoc; 1988. 270 p.
46. Гревс ИМ. Феодализм. Сущность феодализма и его происхождение. В: Арсеньев КК, Петрушевский ФФ, редакторы. *Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Том 70* [Интернет]. Санкт-Петербург: Акционерное издательское общество «Ф. А. Брокгауз – И. А. Ефрон»; 1902 [процитировано 17 декабря 2019 г.]. с. 494–558. Доступно по: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003924190#?page=26>.
47. Блок М. *Феодалное общество* [Интернет]. Москва: Издательство имени М. и С. Сабашниковых; 2003 [процитировано 16 марта 2020 г.]. 504 с. Доступно по: <https://coollib.com/b/329403/read>.
48. Duhamel-Amado C. Femmes entre elles. Filles et épouses languedociennes (XIe–XIIe siècle). In: *Femmes. Mariages-Lignages XIIe–XIVe siècles. Mélanges offerts à Georges Duby*. Bruxelles: De Boeck Université; 1992. p. 125–155.
49. Aurell i Cardona M. La détérioration du statut de la femme aristocratique en Provence (X^e–XIIIe siècles). *Le Moyen Age. Revue d'histoire et de philology*. 1985;1:5–32.
50. Сорокин ЮС, главный редактор. *Словарь русского языка XVIII в. Выпуск 10* [Интернет]. Санкт-Петербург: Наука; 1998 [процитировано 04 апреля 2020 г.]. 256 с. Доступно по: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/>.

51. Дюби Ж. Куртуазная любовь и перемены в положении женщин во Франции XII в. В: Гуревич АЯ, редактор. *Одиссей. Человек в истории. 1990 г.* Москва: Наука; 1990. с. 90–96.
52. Шишмарев ВФ. *Лирика и лирики позднего Средневековья. Очерки по истории поэзии Франции и Прованса.* Париж: Типография Н. Л. Данцига; 1911. 565 с.
53. Котрелев НВ. Сирвента [Интернет]. Фундаментальная электронная библиотека: русская литература и фольклор [процитировано 04 апреля 2020 г.]. Доступно по: <http://feb-web.ru/feb/kle/kle-abc/ke6/ke6-8661.htm>.
54. Словарь: трубадуры, труверы, миннезингеры [Интернет]. Филолог [процитировано 14 февраля 2020 г.]. Доступно по: <http://www.russianplanet.ru/filolog/trubadur/slovar.htm>.
55. Köhler E. Observations historiques et sociologiques sur la poésie des troubadours. *Cahiers de civilisation médiévale.* 1964;7(25);27–51.
56. Köhler E. Sens et fonction du terme jeunesse dans la poésie des troubadours. In: Gallais P, Riou JI, editors. *Mélanges offerts à René Crozet à l'occasion de son 70e anniversaire par ses amis, ses collègues, ses élèves et les membres du C.E.S.C.M. Part 1.* Poitiers: Société d'études médiévales; 1966. p. 569–583.
57. Хейзинга Й. *Осень Средневековья. Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах. Том 1.* Москва: Издательская группа «Прогресс» – «Культура»; 1995. 416 с.
58. Клапиш-Зубер К, редактор. *История женщин на Западе. Том 2. Молчание Средних веков.* Санкт-Петербург: Алетейя; 2014. 512 с. (Гендерные исследования).
59. Ward J. *Women in Medieval Europe, 1200–1500.* London: Routledge; 2014. 321 p.
60. Рябова ТБ. *Женщина в истории западноевропейского Средневековья.* Иваново: Юнона; 1999. 212 с.
61. Ле Гофф Ж. *Герои и чудеса Средних веков* [Интернет]. Москва: Текст; 2011 [процитировано 10 декабря 2019 г.]. 220 с. Доступно по: https://royallib.com/read/le_goff_gak/geroi_i_chudesasrednih_vekov.html#0.
62. Жизнеописания трубадуров. В: Мейлах МБ, Мелетинский ЕМ, редакторы. *Жизнеописания трубадуров.* Москва: Наука; 1993. с. 8–259. (Литературные памятники).
63. Можейко МА. Женщина глазами средневековой культуры: антифеминизм как фобия. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2017;2:128–138.
64. Букатова ДМ. *Женщины средневекового общества: монахини, жены, блудницы.* Москва: Ленанд; 2014. 160 с.
65. Чернышева Е. «Прекрасная Дама» в представлениях трубадуров, труверов, миннезингеров. В: Чикалова ИР, редактор. *Женщины в истории: возможность быть увиденными. Сборник научных статей. Выпуск 3.* Минск: Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка; 2004. с. 102–110.
66. Саксон Грамматик. Деяния датчан. В: Пуришев БИ, редактор. *Зарубежная литература средних веков: латинская, кельтская, скандинавская, провансальская, французская литературы.* Москва: Просвещение; 1974. с. 60–68.
67. Marks C. *Pilgrims, heretics, and lovers: a medieval journey.* New York: Macmillan Publishing Co.; 1975. 338 p.

References

1. Bezzola RR. *Les Origines et la formation de la littérature courtoise en Occidentpart, 500–1200. Part 1. La tradition impériale de la fin de l'antiquité au XIe siècle.* Paris: Champion; 1963. 581 p.
2. Bukatova DM, Kolesnichenko LI. The cult of the Fair Lady as a reflection of the medieval concept of the imperfection of female nature. *Znanie. Ponimanie. Umenie.* 2017;2:98–103. Russian. DOI: 10.17805zpu.2017.2.7.
3. Lazar M. *Amour courtois et fin'amors dans la littérature du XIIe siècle.* Paris: Klincksieck; 1964. 235 p.
4. [Lewis C]. [Mistress and vassal: Clive Lewis on the courteous love and sexology of the medieval church] [Internet]. Theory & Practice [cited 2019 December 11]. Available from: <https://theoryandpractice.ru/posts/10488-clive-staples-lewis>. Russian.
5. de Sède G. *Le Secret des cathares.* Paris: J'ai Lu; 1980. (L'aventure mystérieuse). Russian edition: de Sède G. *Tainy katarov.* Morozova EV, translator. Moscow: Kron-Press; 1998. 272 p. (Tainstvennyi mir).
6. Mojeiko MA. Meanwhile, to South of the Loire: Southern French chivalrous ideal and the formation of courtesy. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2020;2:100–123. Russian.
7. Mojeiko MA. From goddess to sukkubus: historical roots of demonization of a woman in Medieval culture. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2017;3:130–137. Russian.
8. Andreeva O. [The Middle ages: the cult of fair lady]. *Nauka i zhizn'* [Internet]. 2005 [cited 2020 January 31];1. Available from: <https://www.nkj.ru/archive/articles/1089/>. Russian.
9. Lewandovsky AP. [About Arthurian, the knights of the round table and simply the knights]. In: Pastoureau M. *Povsednevnyaya zhizn' Frantsii i Anglii vo vremena rytsarei Kruglogo stola* [Everyday life of France and England during the knights of the round table]. Moscow: Molodaya gvardiya; 2001. 242 p. Russian.
10. Duby G. Conclusion. In: Ruche M, Heuclin J, editors. *La femme au Moyen Âge.* Maubeuge: Ville de Maubeuge; 1990. p. 457–460.
11. Brunel-Lobrichon G, Duhamel-Amado C. *Au temps des troubadours: XIIe–XIIIe siècles.* Paris: Hachette; 1997. 268 p. Russian edition: Brunel-Lobrichon G, Duhamel-Amado C. *Povsednevnyaya zhizn' vo vremena trubadurov XII–XIII vv.* [Internet]. Morozova EV, translator. Moscow: Molodaya gvardiya; 2003 [cited 2020 March 11]. 416 p. (Zhivaya istoriya: povsednevnyaya zhizn' chelovechestva). Available from: <https://coollib.com/b/228569/read>.
12. Pastoureau M. *La vie quotidienne en France et en Angleterre au temps des chevaliers de la Table Ronde.* Paris: Hachette; 1976. 250 p. Russian edition: Pastoureau M. *Povsednevnyaya zhizn' Frantsii i Anglii vo vremena rytsarei Kruglogo stola.* Gonchar MO, translator. Moscow: Molodaya gvardiya; 2001. 223 p. (Zhivaya istoriya: povsednevnyaya zhizn' chelovechestva).
13. Polo de Beaulieu M-A. *Srednevekovaya Frantsiya* [Medieval France] [Internet]. Levandovskii AP, editor; Ozerskaya NI, translator. Moscow: Veche; 2014 [cited 2020 March 31]. 384 p. (Gidy tsivilizatsii). Available from: <https://history.wikireading.ru/11151>. Russian.
14. Staff IK. Dictionary of medieval culture [Internet]. Chansons de geste [cited 2020 March 27]. Available from: <http://cult-lib.ru/doc/dictionary/medieval-culture/articles/1/chansons-de-geste.htm>. Russian.

15. Fritsche VM. *Ocherki po istorii zapadnoevropeiskoi literatury* [Essays on the history of Western European literature]. Moscow: Russkoe tovatishhestvo pechatnogo i izdatel'skogo dela; 1908. 256 p. Russian.
16. Mojeiko MA. Love as a reward for the feat: the interpretation of love in the North French knightly romance. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2018;4:126–132. Russian.
17. Morozova E. [Troubadours: poetry and everyday life. Foreword]. In: Brunel-Lobrichon G, Duhamel-Amado C. *Povsednevnyaya zhizn' vo vremena trubadurov XII–XIII vv.* [Everyday life during the troubadours' time of the 12th–13th centuries] [Internet]. Moscow: Molodaya gvardiya; 2003 [cited 2020 March 11]. (Zhivaya istoriya: povsednevnyaya zhizn' chelovechestva). Available from: <https://coollib.com/b/228569/read> https. Russian.
18. Gadol JK. [Did women have a Renaissance?]. In: Bridenthal R, Koonz C, Stuart S, editors. *Becoming visible: woman in European history*. Boston: Houghton. Mifflin; 1997. p. 138–164.
19. Bourin-Derruau M. *Villages médiévaux en Bas-Languedoc: genèse d'une sociabilité (X^e–XIVe siècle). Tome 2. La démocratie au village*. Paris: L'Harmattan; 1987. 808 p.
20. Lietaer B. [The soul of money. Chapters from the book]. *Art&Fakt* [Internet]. 2006 [cited 2019 January 31];1(1). Available from: <http://artifact.org.ru/proshloe-fas-i-profil-2/detalirovka-voprosov-globalnoy-teorii/11-lietar-b-dusha-deneg.html>. Russian.
21. Haeberle EJ. *The sex atlas: a new illustrated guide*. New York: Seabury Press; 1978. 509 p.
22. [Beguines]. In: Andreevskii AE, editor. *Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona. Tom 3* [Encyclopedic dictionary of Brockhaus and Efron. Volume 3]. Saint Petersburg: F. A. Brockhaus & I. A. Efron; 1891. p. 258. Russian.
23. Zaretsky YP. Beguines. In: Patriarch of Moscow and All Russia, editor. *Pravoslavnyaya entsiklopediya. Tom 4* [Orthodox Encyclopedia. Volume 4] [Internet]. Moscow: Tserkovno-nauchnyi tsentr «Pravoslavnyaya entsiklopediya»; 2002 [cited 2020 January 31]. p. 414–415. Available from: <http://www.pravenc.ru/text/77762>. Russian.
24. Mazikina L. Beguines: how women disguised themselves as nuns in order to live a free life [Internet; cited 2020 March 21]. Available from: <https://kulturologia.ru/blogs/101018/40815/>. Russian.
25. Vanner I. Inquisition in pursuit of women: not nuns, but beguines [Internet]. 2019 [cited 2020 March 19]. Available from: <https://www.dw.com/ru/инквизиция-в-погоне-за-женщинами-не-монахини-но-бегинки/a-49880250>. Russian.
26. Beguines [Internet; cited 2020 March 21]. Available from: <http://history.syktnet.ru/02/02/039.html>. Russian.
27. Kolodin A. Beguines [Internet; cited 2020 January 31]. Available from: <http://religiocivilis.ru/hristianstvo/christ-b/2711-beginki-.html>. Russian.
28. McDonnell EW. *The Beguines and Beghards in medieval culture. With special emphasis on the Belgian scene*. New Brunswick: Rutgers University Press; 1954. 643 p.
29. Phillips D. *Beguines in medieval Strasbourg: a study of the social aspect of beguine life*. Stanford: Stanford University Press; 1941. 252 p.
30. McGinn B, editor. *Meister Eckhart and the beguine mystics. Hadewijch of Brabant, Mechthild of Magdeburg, and Marguerite Porete*. New York: Continuum; 1994. 178 p.
31. Ganina NA, author-compiler. *Mekhtil'da Magdeburgskaya: «Struyashchiysya svet Bozhestva». Perevod i issledovaniya* [Mechthild of Magdeburg: «The flowing light of the Godhead». Translation and Research]. Moscow: Russkii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke; 2014. 424 p. (Slavyano-germanskii issledovaniya). Russian.
32. Pernoud R. *Aliénor d'Aquitaine*. Paris: Albin Michel; 1965. 304 p.
Russian edition: Pernoud R. Alienora Akvitanskaya [Internet]. Saint Petersburg: Evraziya; 2001 [cited 2020 March 12]. Available from: <https://www.e-reading.club/book.php?book=1016396>.
33. Mojeiko MA. The science of tender passion: attempts to conceptualize love in the Ovidian tradition of the Middle Ages. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2019;4:86–97. Russian.
34. Mojeiko MA. The science of tender passion: attempts to codify love in the Ovidian tradition of the Middle Ages. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2020;1:78–92. Russian.
35. Pernoud R. *La femme au temps des cathédrales*. Paris: Stock; 1980. 304 p.
36. Fell C, Clark C, Williams E. *Women in Anglo-Saxon England*. Oxford: Blackwell; 1986. 208 p. DOI: 10.2307/1858158.
37. Thiébaux M, translations with introductions. *The writings of medieval women*. 2nd edition. New York: Garland Publishing; 1994. 536 p.
38. Bogin M. *The women troubadours*. New York: Norton & Company; 1980. 198 p.
39. Niiranen S. «Miroir de mérite». *Valeurs sociales, rôles et image de la femme dans les textes médiévaux des troubairitz*. Jyväskylä: University of Jyväskylä; 2009. 267 p.
40. Herlihy DV. *Women, family and society in medieval Europe. Historical essays, 1978-1991*. Providence: Bergham Books; 1995. 409 p.
41. Zumthor P. *Opyt postroeniya srednevekovoi poetiki* [An experience of building a medieval poetics]. Saint Petersburg: Aletheia; 2003. 544 p. Russian.
42. Stoklitskaya-Tereshkovich VV, Pleshkova SL. [The customs and liberties of the city of Montpellier – 1204]. In: Stoklitskaya-Tereshkovich VV, Pleshkova SL. *Srednevekovyi gorod v Zapadnoi Evrope v XI–XV vv. Vypusk 1* [Medieval city in Western Europe in the 11th–15th centuries. Issue 1]. Moscow: Publishing House of the Moscow University; 1969. p. 56–60. Russian.
43. Allod and feud [Internet]. Russian historical library [cited 2019 March 03]. Available from: <http://rushist.com/index.php/historical-notes/2611-allod-i-feod>. Russian.
44. Libri feudorum. In: Egorov PN, editor *Srednevekov'e v ego pamyatnikakh* [The Middle Ages in its monuments: collection of translations]. Moscow: Typolithography «Y. Dankin & Y. Khomutov»; 1913. p. 56–60. Russian.
45. Moreau M. *L'âge d'or des religieuses. Monastères féminins du Languedoc méditerranéen au Moyen Age*. Montpellier: Presses Du Languedoc; 1988. 270 p.
46. Grevs IM. [The essence of feudalism and its origin. Feudalism]. In: Arseniev KK, Petrushevskii FF, editors. *Entsiklopedicheskii slovar' F. A. Brokgauza i I. A. Efrona. Tom 70* [Internet]. Saint Petersburg: Aktsionernoe izdatel'skoe obshchestvo «F. A. Brokgauz – I. A. Efron»; 1902 [cited 2019 December 17]. p. 494–558. Available from: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003924190#?page=26>. Russian.
47. Bloch M. *Feodal'noe obshchestvo* [Feudal society] [Internet]. Moscow: Publishing House named after M. & S. Sabashnikov; 2003 [cited 2020 March 16]. 504 p. Available from: <https://coollib.com/b/329403/read>. Russian.

48. Duhamel-Amado C. Femmes entre elles. Filles et épouses languedociennes (XIe–XIIe siècle). In: *Femmes. Mariages-Lignages XIIe–XIVe siècles. Mélanges offerts à Georges Duby*. Bruxelles: De Boeck Université; 1992. p. 125–155.
49. Aurell J Cardona M. La détérioration du statut de la femme aristocratique en Provence (X^e–XIIIe siècles). *Le Moyen Age. Revue d'histoire et de philology*. 1985;1:5–32.
50. Sorokin YuS, chief editor. *Slovar' russkogo yazyka XVIII v. Vypusk 10* [Dictionary of the Russian language of the XVIII century. Issue 10] [Internet]. Saint Petersburg: Nauka; 1998 [cited 2020 April 4]. 256 p. Available from: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc>. Russian.
51. Duby J. [Courteous love and changes in the status of women in France of the 12th century]. In: Gurevich AY, editor. *Odyssei. Chelovek v istorii* [Odysseus. The man in history]. Moscow: Nauka; 1990. p. 90–96. Russian.
52. Shishmarev VF. *Lirika i liriki pozdnego Srednevekov'ya. Ocherki po istorii poezii* [Lyrics and lyricists of the late Middle Ages. Essays on the history of poetry of France and Provence]. Paris: Printing house of N. L. Danzig; 1911. 565 p. Russian.
53. Kotrelev NV. Sirventes [Internet]. Fundamental digital library: Russian literature and folklore [cited 2020 April 4]. Available from: <http://feb-web.ru/feb/kle/kle-abc/ke6/ke6-8661.htm>. Russian.
54. Dictionary: troubadours, trouvers, minnesingers [Internet]. Philologist [cited 2020 February 14]. Available from: <http://www.russianplanet.ru/filolog/trubadur/index.htm#trbpoets>. Russian.
55. Köhler E. Observations historiques et sociologiques sur la poésie des troubadours. *Cahiers de civilisation médiévale*. 1964;7(25);27–51.
56. Köhler E. Sens et fonction du terme jeunesse dans la poésie des troubadours. In: Gallais P, Riou JI, editors. *Mélanges offerts à René Crozet à l'occasion de son 70e anniversaire par ses amis, ses collègues, ses élèves et les membres du C.E.S.C.M. Part 1*. Poitiers: Société d'études médiévales; 1966. p. 569–583.
57. Huizinga J. *Herfsttij der middeleeuwen. Studie over levens- en gedachtenvormen der veertiende en vijftiende eeuw in Frankrijk en de Nederlanden. Deel 1*. Haarlem: Tjeen Willink; 1975. 398 p.
- Russian edition: Huizinga J. *Osen' Srednevekov'ya. Issledovanie form zhiznennogo uklada i form myshleniya v XIV i XV vekakh vo Frantsii i Niderlandakh. Tom 1*. Moscow: Publishing Group «Progress» – «Kul'tura»; 1995. 416 p.
58. Klapish-Zuber K, editor. *Istoriya zhenshchin na Zapade. Tom 2. Molchanie Srednikh vekov* [The history of women in the West. Volume 2. The silence of the Middle Ages]. Saint Petersburg: Aleteiya; 2014. 512 p. (Gendernye issledovaniya). Russian.
59. Ward J. *Women in Medieval Europe, 1200–1500*. London: Routledge; 2014. 321 p.
60. Ryabova TB. *Zhenshchina v istorii Zapadnoevropeiskogo Srednevekov'ya* [Woman in the history of the Western European Middle Ages]. Ivanovo: Yunona; 1999. 212 p. Russian.
61. Le Goff J. *Geroi i chudesna Srednikh vekov* [Heroes and wonders of the Middle Ages] [Internet]. Moscow: Tekst; 2011 [cited 2019 December 10]. 220 p. Available from: https://royallib.com/read/le_goff_gak/geroi_i_chudesna_srednih_vekov.html#0. Russian.
62. [Biographies of troubadours]. In: Meilakh MB, Meletinsky EM, editors. *Zhizneopisaniya trubadurov* [Biographies of troubadours]. Moscow: Nauka; 1993. p. 8–259. (Literaturnye pamyatniki). Russian.
63. Mojeiko MA. Woman in eyes of medieval culture: antifeminism as fobia. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2017;2:128–138. Russian.
64. Bukatova DM. *Zhenshchiny srednevekovogo obshchestva: monakhini, zheny, bludnitsy* [Women of medieval society: nuns, wives, harlots]. Moscow: Lenand; 2014. 160 p. Russian.
65. Chernysheva E. [«Fair Lady» in the performances of the troubadours, trouvers, minnesinger]. In: Chikalova IR, editor. *Zhenshchiny v istorii: vozmozhnost' byt' uvidennymi. Sbornik nauchnykh statei. Vypusk 3* [Women in history: the opportunity to be seen. Collection of scientific articles. Issue 3]. Minsk: Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank; 2004. p. 102–110. Russian.
66. Saxon Grammatic. [Acts of the Danes]. In: Purishev BI, editor. *Zarubezhnaya literatura srednikh vekov: latinskaya, kel'tskaya, skandinavskaya, provansal'skaya, frantsuzskaya literatury* [Foreign literature of the Middle Ages: Latin, Celtic, Scandinavian, Provencal, French literatures]. Moscow: Prosveshchenie; 1974. p. 60–68. Russian.
67. Marks C. *Pilgrims, heretics, and lovers: a medieval journey*. New York: Macmillan Publishing Co.; 1975. 338 p.

КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

CRITICS, BIBLIOGRAPHY

ОТ ДИАЛОГА КУЛЬТУР К МНОГОЦИВИЛИЗАЦИОННОМУ МИРУ (РАЗМЫШЛЕНИЯ О КНИГЕ А. В. СМИРНОВА «ВСЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ vs ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ»¹)

FROM A DIALOGUE OF CULTURES TO A MULTI-CIVILIZATION WORLD (REFLECTIONS ON THE BOOK BY A. V. SMIRNOV «ALL-HUMAN vs UNIVERSAL»)

Известный российский ученый, академик Российской академии наук А. В. Смирнов в своей новой книге «Всецеловеческое vs общечеловеческое» представляет авторскую концепцию логико-смыслового подхода к цивилизационному развитию. В основу работы положен курс лекций, прочитанных исследователем в Пекинском педагогическом университете. Издание открывают вводные замечания автора, где уже в первой фразе указано: «Эта книга сшивает воедино три слоя вопросов» (с. 5). Далее характеризуются категории, через которые ученый собирает данные слои сшивать: сознание, культура, глобализация. Все это сразу настраивает читателя на оригинальность и широту авторского замысла, многогранность в осмыслении процессов, происходящих в современном мире. Исследование отличают междисциплинарность и хорошее знание автором европейской, арабо-мусульманской и, конечно же, русской культуры, стремление найти ответы на новые вызовы времени.

Главную причину многих современных проблем в международных отношениях А. В. Смирнов видит в том, что «исчезла всякая возможность разговора» (с. 8), а значит, оказалась потерянной способность договариваться. Страны больше не могут апеллировать к общим ценностям и представлениям о добре, зле, истине, т. е. о чем-то несомненном.

В первой главе, анализируя события в горячих точках мира, где уже не один год полыхают войны,

где идет борьба с терроризмом, в том числе исламским, автор ищет глубинные причины происходящего. С точки зрения А. В. Смирнова, когда речь идет о противодействии терроризму, мы должны выделять как минимум четыре уровня: «Первый – силовой (армия и спецслужбы). Второй – политический. Третий – социально-экономический. И четвертый – культурно-цивилизационный. В названном порядке это – движение от явления к сущности: от того, что на поверхности, к тому, что в глубине» (с. 13). Истоки конфликта автор видит на культурно-цивилизационном уровне. В частности, активизацию исламизма он объясняет тем, что, когда в 1970–80-х гг. арабские, исламские страны освобождались от колониальной зависимости, каждая из них выбирала путь своего развития между капиталистической и социалистической ориентацией. Жизнь доказала, что этот эксперимент стал не вполне удачным. Пришло осознание необходимости вернуться к собственной модели жизненного устройства, к исламскому образу жизни. В основе этих процессов, как справедливо утверждает А. В. Смирнов, лежат причины культурно-цивилизационные.

Диалог культур в реальной жизни не получается выстроить, когда за образец берется исключительно западная цивилизационная модель. Под этим углом зрения рассматривается и арабский мир. Но практика – упрямая вещь, она сопротивляется

¹Смирнов А. В. Всецеловеческое vs общечеловеческое. М. : ООО «Садра» : Изд. дом «ЯСК», 2019. 216 с.

подобному давлению, «исламское сознание в массовом порядке возвращается в исламские страны» (с. 15). Автор приходит к выводу, что «речь идет о конфликте *моноцивилизационной* и *многоцивилизационной* модели мирового хозяйства. Этот конфликт иначе может быть назван конфликтом *общечеловеческого* и *всечеловеческого* цивилизационного проекта» (с. 23). По мнению А. В. Смирнова, данный конфликт отражает основное противоречие современной эпохи, часто именуемой эпохой глобализации, точнее «эпохой борьбы за глобальное продвижение одного цивилизационного проекта» (с. 23). Ученый стоит на позиции многополярности современного мира, устойчивость которого возможна, только если он будет многоцивилизационным. Работа по созданию такого мира, по сути, еще не началась, а существующие проекты лишены главного – теоретического обоснования необходимости много-, а не моноцивилизационного устройства.

В своей работе А. В. Смирнов выдвигает идею, согласно которой теоретическим обоснованием многоцивилизационного мира может выступать «положение о логике культуры и ее определяющей роли в формировании цивилизационного проекта, развиваемого данной культурой или группой культур, сопряженное с принципиальным тезисом о множественности, равноправии и взаимной несводимости этих логик» (с. 25). Являясь разработчиком логико-смыслового подхода, автор отмечает, что «универсалистский, цивилизационный и логико-смысловой подходы задают методологические перспективы, которые имеют различный вес сами по себе и как инструменты разработки идеи многоцивилизационного мира» (с. 25). При этом ученый подчеркивает, что универсалистский подход, имеющий серьезное философское обоснование, обогащенное многовековым опытом развития западной цивилизации, «исходит из существенного единства человечества и рассматривает культуры и цивилизации как формы единой линии развития, относя их различия за счет специфики» (с. 25). Хотя, как мы понимаем, специфика никогда не может соперничать с тем, что является общим.

В свою очередь, цивилизационный подход «исходит из содержательно выраженных отличительных черт отдельных цивилизаций, которые делают каждую из них уникальной и несводимой ни к какой другой» (с. 25). Здесь принципиально, что изначальный акцент делается на содержательно оформленной целостности каждой цивилизации.

Так сложилось, что в общей истории философии эти два подхода, универсалистский и цивилизационный, противостоят друг другу. Что же касается логико-смыслового подхода, то он «определяет культуру как способ смыслополагания» (с. 26). Культура, по мнению А. В. Смирнова, рассматривается здесь как смыслофиксирующий феномен, как осмысленность: «Это, если угодно, попытка увидеть техноло-

гию осмысления, вскрыть те механизмы, которые отвечают за создание осмысленности» (с. 26). Конечно, если такие механизмы существуют... Здесь логика культуры «составляет стержень, удерживающий идентичность пучка культур и встраивающий его в определенный цивилизационный проект», «определяет соотношение единичного и общего как соотношение личности и общества», которые «разворачиваются в системах права, институтах власти и т. д.» (с. 26).

Таким образом, «основанием плодотворного исследования логики незападных культур может стать методология логико-смыслового подхода, который избегает недостатков и критических уязвимостей, которыми страдают два основных, конкурирующих подхода к исследованию мировой истории и истории мировой культуры – универсалистский и цивилизационный» (с. 26–27). Логико-смысловой подход может послужить разработке проекта многоцивилизационного мира, где исследование логики незападных культур является важнейшим звеном. Существенным ресурсом в этой работе служит концепция всечеловеческого, преодолевающая ограниченность концепции общечеловеческого. Разница между ними заключается в том, что концепция общечеловеческого предполагает моно-, а не многологичность культуры и объявляет логику одной определенной локальной культуры безальтернативной и подлежащей воплощению в глобальном цивилизационном проекте. Концепция же всечеловеческого признает самоценность и нередуцированность логики каждой из культур, составляя важнейшее обоснование многоцивилизационного проекта.

Во второй главе «Интуиция, язык, логика. Логика культуры и логика познания. Субстанционная логика европейской культуры» автор продолжает выстраивать концепцию многоцивилизационного мира. Вполне оправдан широкий контекст, заявленный А. В. Смирновым в прояснении методологии логико-смыслового подхода на материале европейской и арабо-мусульманской культур, сравнении по типам рациональности, лежащим в их основе. В качестве предварительного замечания автор указывает, что термин «логико-смысловый» (*logico-meaningful*) использовал еще известный русско-американский социолог П. А. Сорокин в своем программном четырехтомном произведении «Социальная и культурная динамика». По Сорокину, «логика как таковая, взятая как формальные законы, управляющие выводом следствий и посылок, одинакова для всех, универсальна. А содержательная часть – то, что он называет “смысл”, – может различаться в разных культурах. Логика у него оказывается универсальным инструментом, “обрабатывающим” различное исходное содержание, что и обуславливает различие культур, точнее, типов культур» (с. 30–31).

Далее А. В. Смирнов рассматривает в качестве примера логико-смыслового подхода известную ра-

боту Ж. Делёза «Логика смысла». При этом отмечается, что если у П. А. Сорокина логика первична, а содержание вторично, то у Ж. Делёза, наоборот, первично содержание культуры и оно определяет всю ее логику. А. В. Смирнов предлагает третий, альтернативный первым двум, логико-смысловой подход, построенный на принципе взаимной определенности содержания и логики: «Логика как формальные законы мышления непосредственно, неотрывно связана со смысловой стороной, определена ею и определяет ее... <...> ...Ни то ни другое не является первичным, но обе эти стороны, содержательная и логическая, взаимно определяют друг друга» (с. 32). Во второй главе А. В. Смирнов использует круги Эйлера, чтобы показать, как эта связь реализуется. При этом автор утверждает, что интуицию нельзя считать абсолютно субъективной, она может быть и интерсубъективной.

Как признанный специалист в области истории классической арабской философии, А. В. Смирнов в третьей главе рецензируемой книги рассматривает опыт арабо-мусульманской культуры. Автор полагает, что культура арабо-мусульманского Востока восходит к другой рациональности, основанной на иной базовой интуиции субъект-предикатной склейки. Исследователь называет эту неевропейскую логику процессуальной. Если центральной категорией западного мышления является бытие (субстанция), то в основе восточного мышления, по Смирнову, лежат категории процессуальности, действия, движения, причем движения внепространственного и не обязательно имеющего цель. Это проявляется на разных уровнях восточной культуры – языковом, художественном, философском, религиозном.

В последующих главах А. В. Смирнов рассматривает развитие концепции всечеловеческого в русской мысли XIX–XX вв. (Н. Я. Данилевский, Ф. М. Достоевский) и классическом евразийстве. В четвертой главе «Странничество русской интеллигенции. Славянофильство и западничество» автор задается вопросом, с которого, собственно, и начинается эта часть книги: «Опирается ли русская культура на свою, особую логику?» Для ответа на данный вопрос А. В. Смирнов рассматривает исторические этапы развития российского государства, критикует реформы Петра I за культурный раскол российского общества на европеизированные верхи и сохранившие национальную культуру низы.

Этот петровский раскол, по мнению автора, оказался наиболее болезненным для русской культуры и впоследствии привел к катастрофе революции: «Западничество не только не спасает ситуацию, но и усугубляет ее. В этом же – главная причина того, что до сих пор Россия не имеет представления о том, какова ее историческая судьба, почему и для чего она существует в мире, как она должна развиваться и где брать силы для такого развития, – не

имеет, иначе говоря, собственного цивилизационного проекта. <...> ...Именно петровские реформы стали очень ясным водоразделом в вопросе национальной самоидентификации, то есть в вопросе о том, кто мы и зачем мы. До Петра I, по большому счету, не возникало сомнения в этом. Быть русским означало быть православным, быть причастным к великой православной миссии России. Именно по этой однозначной самоидентификации и по этому пониманию своей исторической миссии и судьбы петровские реформы нанесли сокрушительный удар, от которого Россия, собственно говоря, до сих пор не оправилась» (с. 94–95).

Отвечая на заданный в начале главы вопрос, А. В. Смирнов утверждает, что лишь в XIX–XX вв. русская культура вплотную подошла к своей логике, на которую могла и в некоторых случаях стала опираться, т. е. к научному пониманию «сущности России», в концепции Н. Я. Данилевского, публицистических выступлениях Ф. М. Достоевского и учении евразийцев 1920-х гг., которым посвящены последующие главы книги.

С точки зрения автора, каждая культура равноценна всем другим, она самодостаточна по определению. Каждая культура строится на своей базовой интуиции. Для российско-евразийской культуры таковой, согласно авторской концепции, является логика всесубъектности, равноценности культур, которая восходит к православному учению о соборности. «Нам предстоит подняться на уровень подлинного смысла идеи соборности, идеи всесубъектности, а чтобы подняться на этот уровень, нам нужно освободиться от ограниченности конкретным религиозным содержанием» (с. 134).

По Смирнову, существует множество типов или базовых интуиций единства. Их как минимум три: реализуемые в европейской, восточномусульманской, российско-евразийской цивилизациях. Каждый из этих типов ухватывается сознанием интуитивно, а затем из данной интуиции разворачивается особый тип мировосприятия, рациональности и языка (все три уровня пронизаны одним и тем же принципом, восходящим к базовой интуиции). Интуиции, в свою очередь, определяются разными культурными практиками. Так формируются разные культуры и цивилизации, они взаимопроницаемы, но не сводимы друг к другу, поэтому нет высших и низших культур. Человечество – просто сумма таких культур, поэтому нет общечеловеческой культуры (к которой восходят все другие), есть лишь всечеловеческая – как сумма высших достижений, не воплощенная, однако, в какой-либо одной культуре и цивилизации.

В заключении автор отмечает, что «претензии какой-либо культуры на исключительную общечеловеческую значимость абсурдны. <...> Современный глобализм опасен тем, что пытается внедрить в сознание идею общечеловеческой значимости

европейской культуры не только в первом (понятность), но и во втором (императивность) смысле. Единственным противоядием может быть идея *все-человеческого устройства мира*. <...> Все-человеческий проект мирового устройства – это проект сохранения всего многообразия, всего богатства проявлений человеческого духа, открывшего себя в многообразии логик, развернутых как многообразие культур. Культура “застывает” как цивилизация, и многополярный мир может замысливаться только как многоцивилизационный» (с. 204).

Глубокая теоретическая работа А. В. Смирнова, по сути, имеет и практико-ориентированную составляющую, так как построена на анализе новых мировых вызовов, возможности смены вектора цивилизационного развития, установления нового мирового порядка. Сегодня не так много книг, в которых автор приводит собственную концепцию решения фундаментальных проблем развития.

В рецензируемой работе А. В. Смирнов предлагает иное прочтение общей истории философии,

разрабатывает, помимо существующих двух подходов развития мировой истории и истории мировой культуры, универсалистского и цивилизационного, собственный логико-смысловой подход, который, по его мнению, ведет к созданию проекта многоцивилизационного мира. Важнейшим ресурсом исследования А. В. Смирнова служит концепция все-человеческого, преодолевающая ограниченность концепции общечеловеческого. Предложения ученого – масштабный проект, объясняющий накопившиеся противоречия и нестыковки в цивилизационном развитии и при этом бросающий вызов научному сообществу в понимании многоцивилизационного мира, который есть, но который еще предстоит принять таковым.

«Захватывающая перспектива» и «череда потрясающих открытий» ждут всех, кто погрузится в логику творчества А. В. Смирнова. Безусловно, работа известного ученого вызывает большой интерес научной общественности и порождает новую дискуссию. Но, как говорится, в споре рождается истина.

А. Н. Данилов²

²Александр Николаевич Данилов – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Alexander N. Danilov, corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University.

E-mail: a.danilov@tut.by

Современный социум: перспективы развития и риски / Е. М. Бабосов [и др.] ; под ред. А. Н. Данилова, А. К. Мамедова. Минск : РИВШ, 2020. 186 с.

Modern society: risks and development perspectives / E. M. Babosov [et al.] ; ed. by A. N. Danilov, A. K. Mamedov. Minsk : National Institute for Education, 2020. 186 p.

В издательстве Республиканского института высшей школы Министерства образования Республики Беларусь в 2020 г. была открыта серия научных изданий, посвященных методологическим проблемам современного социального познания, «Социологическая мысль: теория и практика». Монография «Современный

социум: перспективы развития и риски» является первой публикацией этой серии для научного сообщества. Книга подготовлена в рамках долгосрочного международного белорусско-российского сотрудничества кафедры социологии факультета философии и социальных наук БГУ (заведующий кафедрой – профессор А. Н. Данилов) и кафедры социологии коммуникативных систем социологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова (заведующий кафедрой – профессор А. К. Мамедов). Пример такого научного взаимодействия имеет важное значение и является актуальным для системы университетского образования Республики Беларусь (в контексте решения проблемы повышения качества подготовки специалистов высшей школы), поскольку институционализация социологического образования возникла только три десятилетия назад, когда в ведущих университетах страны были открыты социологические факультеты, отделения, кафедры и началось обучение кадров высшей научной квалификации по этой специальности.

Монография посвящена исследованию проблем развития социума, рисков и новых вызовов, связанных с глобальной нестабильностью в современном мире. Эксперты отмечают, что выход этой книги именно сейчас свидетельствует о том, что социологический взгляд на актуальные проблемы и риски современного глобального общества является одним из самых востребованных. Анализ социальных рисков сегодня важен не только в системе принятия решений на различных уровнях социального управления, но и для определения факторов, которые в глобальном информационном обществе детерминируют возникновение социальных конфликтов, экономических и политических кризисов. В монографии рассмотрены перспективы развития

современного социума, представлен обзор теоретико-методологических парадигм его исследования.

Создателями рецензируемой книги являются ведущие ученые-социологи и известные преподаватели высшей школы двух стран: Е. М. Бабосов, А. Н. Данилов, А. К. Мамедов, Л. Г. Титаренко, С. А. Барков, А. В. Рубанов, А. П. Лимаренко, М. Г. Волнистая и др. В их трудах обосновываются особенности и приоритеты социально-экономического развития стран в условиях системной трансформации, глобализации, всемирной нестабильности, цифровизации; анализируются контуры новой модели цивилизационного развития; рассматриваются актуальные проблемы культуры и социокультурного пространства. В работах, представленных в публикации, авторы ищут ответы на вопросы: «В чем проявляется новая специфика труда и занятости в эпоху четвертой промышленной революции?», «Какие факторы создают условия для новой социальности?». Совместное научное издание БГУ и МГУ имени М. В. Ломоносова фактически обозначило высокую общественную миссию социологии – определить перспективы развития социума, оценить возникающие риски и предупредить их негативные последствия, а также найти взаимосвязь социологии с другими науками. В книге обосновывается необходимость внедрения инновационных образовательных технологий в преподавание социологических дисциплин.

БГУ и МГУ имени М. В. Ломоносова всегда работали вместе, помогая и поддерживая друг друга в трудную минуту. Научное издание «Современный социум: перспективы развития и риски» подтверждает единство истоков белорусского и российского образования, фундаментальность основополагающих принципов научных связей, у которых была и остается одна общая цель – подготовить высокопрофессиональных специалистов, способных конкурировать на мировом рынке. Социология как наука не раз ощущала на себе грозные окрики властей преследующих, выстояла и возродилась только благодаря мужеству профессиональных ученых-социологов. Опираясь на более чем столетний опыт подобных изданий и на современные научные традиции, авторы книги решили учредить совместную серию книг, как когда-то в самом начале XX в. сделали М. М. Ковалевский и Е. де Роберти. Серия «Социологическая мысль: теория и практика» представлена актуальными публикациями российских и белорусских ученых, посвященными теоретическим и прикладным проблемам, связанным с осмыслением происходящих в обществе трансформационных процессов.

Авторы серии в своих публикациях доказывают, что социология – это не застывшая раз и навсегда наука об обществе, а, наоборот, постоянно развивающаяся, обогащенная инновационной практикой и новыми вызовами. В первой главе «Контуры новой модели цивилизационного развития» опи-

саны базовые принципы общественного сознания, цивилизационное многообразие культуры, постмодернистские тенденции в познании общества, традиции и новые парадигмы в социальном развитии. Во второй главе «Теоретико-методологические парадигмы исследования современного социума» рассмотрены социологические парадигмы в эпоху глобального риска, особенности применения системной методологии к анализу проблем социума и системного подхода к исследованию сложных общественных объектов в условиях существующих методологических ограничений. В третьей главе «Современный социум: опыт развития и новые риски» показаны перспективы обновления социально-экономического развития в условиях цифровизации, анализируются новые подходы к исследованию феномена культуры цифрового общества. Статьи, представленные в книге, отвечают на вопросы о месте современной социологии в системе наук, про-

блемах поиска единства, специфике инновационных образовательных технологий в преподавании социологических дисциплин.

Несомненно, данная монография сыграет положительную роль в дальнейшем укреплении научных и междисциплинарных связей университетского сообщества России и Беларуси. Подобные издания актуальны сегодня для процессов интеграции социологических научных сил вокруг проблем современности, остро затрагивающих вопросы социального и экономического развития общества. Рецензируемая работа, как видится, будет прежде всего востребована среди российских и белорусских студентов, магистрантов, аспирантов, докторантов, ученых и преподавателей, представляет большой интерес и для аналитиков в системе социального управления, всех тех, кто изучает современное общество и ищет профессиональные ответы на новые вызовы глобального мира.

*Т. В. Скороспелова*¹

¹Татьяна Владимировна Скороспелова – доктор исторических наук, доцент; руководитель Центра коммуникационных технологий и публичной дипломатии, заместитель декана факультета мировой политики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Tatiana V. Skorospelova, doctor of science (history), docent; head of the Research Center for Communication Technologies and Public Diplomacy and deputy dean of the faculty of world politics, Lomonosov Moscow State University.

E-mail: skoros71@mail.ru

ЮБИЛЕИ

JUBILEES

**Сергей Александрович
ШАВЕЛЬ**

**Sergey Aleksandrovich
SHAVEL**

Свой 80-летний юбилей отмечает 17 октября Сергей Александрович Шавель – известный белорусский ученый, доктор социологических наук, профессор, заведующий отделом социальной теории и методологии Института социологии Национальной академии наук Беларуси.

Сергей Александрович посвятил свою жизнь науке, чтобы «расколдовать» современное общество. Многое получилось, но и проблем не становится меньше. Он долго шел к своему пониманию тогда мало кому известной науки, какой была социология в послевоенном Советском Союзе. С. А. Шавель прошел классический путь академического ученого – с трудностями и различными перипетиями, взлетами и падениями, победами и поражениями. Сказывались и тяготы военного лихолетья: гибель отца, многих родных и близких, рабский труд мамы, вывезенной фашистами с малолетним Сережей в Германию, постоянная нужда уже после возвращения на родную белорусскую землю, разоренную оккупантами. Но все было с достоинством преодолено, и сегодня Сергей Александрович – один из самых авторитетных и уважаемых членов научного сообщества.

В его жизни было много поступков, которые кому-то со стороны могли показаться опрометчивыми. Но это только на первый взгляд. Например, выбор для обучения философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова и специальности «философия» не вписывался в логику жизни сельского паренька, увлеченного авиацией и уже имеющего за плечами диплом техника Кременчугского вертолетного училища и воинское звание лейтенанта. Но не тут-то было... Сергей Александрович учился и работал одновременно, 10 раз был в строительных отрядах, студенческих и аспирантских, объехал многие труднедостаточные регионы бывшего СССР. Нужно было самому зарабатывать на жизнь и обустраиваться в ней. Кандидатскую и докторскую диссертации С. А. Шавель написал, не отрываясь от насыщенной жизни, совмещал научную и преподавательскую деятельность, много работал и постоянно совершенствовался: читал, изучал каждую новую публикацию по социологии, самостоятельно экспериментировал и учился на опыте коллег. И оказалось, что выбор С. А. Шавеля был точен, а трудности только закалили характер талантливого, увлеченного наукой молодого человека.

Ученого всегда прельщает неизвестность, он стремится опередить время, заглянуть в будущее. К науке Сергей Александрович относится как к высшему божеству – трепетно. В своем призвании он видит «служение и предназначение, образ жизни и смысл бытия, ответственность и свободу, рутину и вдохновение, интеллект и волю, труд и ограничение». Сергей Александрович во всех своих работах изучает реальность, выстраивает идеал современного общества. Этот идеал меняется, как меняется наша жизнь. Он не может быть кем-то задан раз и навсегда, хотя от научной элиты и представителей культуры многое зависит, в том числе и то, какая модель развития станет реальностью. Когда стало действительно трудно и стране уже было не до науки, С. А. Шавель не бросил свое дело, а еще более настойчиво и целеустремленно, как и подобает настоящему ученому, продолжил искать пути выхода общества из кризисного состояния. Не отчаялся, не сдался, не признал поражение... Собственно, благодаря таким подвижникам и удалось сохранить и даже приумножить наработки предыдущих поколений, а главное – не утратить научные связи, лучшие традиции, ценности, профессиональную этику.

Идеал современного общества С. А. Шавель фиксирует через обновление ценностной системы, которую определяет уровнем социальной справедливости, стабильностью социального положения населения страны и устойчивым гарантированным

будущим. Видеть общество не таким, каким его хотелось бы видеть заказчикам, а таким, каково оно на самом деле, – это важнейшее правило исследователя, которому Сергей Александрович всегда безукоризненно следует. Можно сказать, что на личном примере он учит этому своих младших коллег.

В жизни и делах Сергей Александрович никогда не фальшивит, не выдумывает что-то несуществующее. Он искренен, открыт и чист сердцем, всегда сопереживает всем, кто рядом, и болеет за них душой. Это очень большой талант, да и крест тоже. В этом заключается сила духа ученого.

Сергей Александрович Шавель горячо любит родную Беларусь, чтит учителей, родителей, свою большую и дружную семью, сыновей и внуков, искренне предан малой родине – небольшой деревеньке Герутево, которая затерялась на Гродненщине среди свислочских полей и дубрав.

Сергея Александровича отличает начитанность, энциклопедичность и широта кругозора. И еще, может, самое главное – доброжелательность, отзывчивость, готовность в трудную минуту прийти на помощь, человеколюбие. Мы ценим Вашу доброту и уроки жизни, дорогой Сергей Александрович, и полностью разделяем Вашу веру в человека, профессию, идеал общества и родную Беларусь.

Поздравляем с юбилеем, дорогой Сергей Александрович! Здоровья Вам, новых статей и книг, талантливых учеников!

*А. Н. Данилов*¹

¹Александр Николаевич Данилов – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Alexander N. Danilov, corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University.

E-mail: a.danilov@tut.by

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN BSU

УДК 316.346.32-053.6(075.8)

Похомова А. А. **Социология молодежи** [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-23 01 05 «Социология» / А. А. Похомова ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2020. 55 с. : табл. Библиогр.: с. 53–55, библиогр. в подстр. прим. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/243736>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 05.06.2020, № 005805062020.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) «Социология молодежи» подготовлен в соответствии с требованиями образовательного стандарта специальности «социология», учебной программой по дисциплине «Социология молодежи» и предназначен для студентов специальности 1-23 01 05 «Социология» очной и заочной форм получения первого высшего образования. Содержание ЭУМК включает в себя тексты лекций, темы и задания семинарских занятий, список контрольных вопросов по дисциплине, тесты, тематику эссе и исследовательских проектов, рекомендуемый список литературы.

УДК 316(091)(075.8)

Курилович Н. В. **История социологии** [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-23 01 05 «Социология» / Н. В. Курилович ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2020. 58 с. Библиогр.: с. 57–58, библиогр. в тексте. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/243737>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 05.06.2020, № 005905062020.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов специальности 1-23 01 05 «Социология». Содержание ЭУМК предполагает освоение обучающимися истории зарождения социологической мысли и развития классической социологии.

УДК 316.334:37(075.8)

Курилович Н. В. **Социология образования** [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-23 01 05 «Социология» / Н. В. Курилович ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2020. 99 с. : табл. Библиогр.: с. 97–99. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/243743>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 05.06.2020, № 006005062020.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов специальности 1-23 01 05 «Социология». Содержание ЭУМК предполагает освоение обучающимися теоретико-методологических и прикладных вопросов современной и классической социологии образования.

СОДЕРЖАНИЕ

ЗНАТЬ, ЧТОБЫ ПРЕДВИДЕТЬ...

<i>Шавель С. А.</i> Кибернетическая версия взаимодействия сфер общества.....	4
<i>Щербин В. К.</i> Общий социальный анализ знаниевых и стоимостных цепочек.....	20
<i>Шубрт И., Шульц И.</i> Концепция евразийства: российская vs западная перспективы	42

СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

<i>Водопьянов П. А., Сидоренко И. Н.</i> Рациональные идеи проекта нового Просвещения и контуры достижения безопасного будущего	49
<i>Мартинovich В. А.</i> Терминология материалов о новых религиозных движениях в печатных СМИ....	55
<i>Шейнов В. П., Карпиевич В. А., Дятчик Н. В., Полховская Г. Н.</i> Незащищенность от кибербуллинга и интернет-зависимость юношей и девушек: связи и свойства	64

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ЗАДАННУЮ ТЕМУ

<i>Бабосов Е. М.</i> Спасет ли наука человечество?.....	73
<i>Берков В. Ф.</i> Что такое субъектология?	83

С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГА

<i>Григорьев Д. С.</i> Проблемы концептуализации и операционализации отношения к иммигрантам в межстрановых сравнительных исследованиях.....	89
<i>Лебедева Е. В., Денискина А. И.</i> Цифровая трансформация городской среды и цифровые компетенции горожан	101
<i>Бельский А. М.</i> Информационные поводы – триггеры и резонансные дискурсы национального медиапространства: возможности социологического анализа	111

КУРС ПО ВЫБОРУ

<i>Можейко М. А.</i> Феномен Донны: блеск и нищета Прекрасной Дамы.....	120
---	-----

КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Данилов А. Н.</i> От диалога культур к многоцивилизационному миру (размышления о книге А. В. Смирнова «Всечеловеческое vs общечеловеческое»).....	139
<i>Скорospelова Т. В.</i> Современный социум: перспективы развития и риски	143

ЮБИЛЕИ

<i>Сергей Александрович Шавель</i>	145
Аннотации депонированных в БГУ работ.....	147

CONTENTS

TO KNOW SO THAT TO FORESEE...

<i>Shavel S. A.</i> Cybernetic version of the interaction of society spheres	4
<i>Shcherbin V. K.</i> The combined social analysis of knowledge and value chains	20
<i>Šubrt J., Šulc I.</i> The Eurasianism concept: Russian vs Western perspectives	42

ARTICLES AND REPORTS

<i>Vodopiyanov P. A., Sidorenko I. N.</i> Rational ideas of new Enlightenment project and the contours of achieving a safe future.....	49
<i>Martinovich V. A.</i> Terminology of materials about new religious movements in print media	55
<i>Sheinov V. P., Karpievich V. A., Dyatchik N. V., Polkhovskaya G. N.</i> Danger of cyberbullying and Internet dependence of teenagers: interrelations and properties	64

REFLECTIONS ON A GIVEN THEME

<i>Babosov E. M.</i> Will science save humanity?	73
<i>Berkov V. F.</i> What such of subjectology?	83

FROM THE WORKING TABLE OF A SOCIOLOGIST

<i>Grigoryev D. S.</i> Problems of conceptualisation and operationalisation of attitudes toward immigrants in cross-national comparative research.....	89
<i>Lebedeva E. V., Deniskina A. I.</i> Digitalization of city and digital competencies of citizens	101
<i>Belski A. M.</i> Information causes – triggers and resonant discourses of the national media space: possibilities of sociological analysis	111

OPTION COURSE

<i>Mojeiko M. A.</i> Phenomenon of Donna: the glamour and poverty of Fair Lady	120
--	-----

CRITICS, BIBLIOGRAPHY

<i>Danilov A. N.</i> From a dialogue of cultures to a multi-civilization world (reflections on the book by A. V. Smirnov «All-human vs universal»).....	139
<i>Skorospelova T. V.</i> Modern society: risks and development perspectives	143

JUBILEES

Sergey Aleksandrovich Shavel	145
Indicative abstracts of the papers deposited in BSU	147

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по социологическим, политическим и философским наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал Белорусского
государственного университета. Социология.
№ 3. 2020**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Тел. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.

E-mail: jsociol@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/sociology>

«Журнал Белорусского государственного
университета. Социология» издается с сентября 1997 г.
До 2017 г. выходил под названием «Социология»
(ISSN 2071-0968).

Редакторы О. А. Семенец, А. В. Азеева,
С. Е. Богуш, А. С. Люкевич

Технический редактор В. В. Пишкова
Корректоры Л. А. Меркуль, К. Б. Скакун

Подписано в печать 30.09.2020.
Тираж 115 экз. Заказ 398.

Республиканское унитарное предприятие
«Информационно-вычислительный центр
Министерства финансов Республики Беларусь».
ЛП № 02330/89 от 03.03.2014.
Ул. Кальварийская, 17, 220004, г. Минск.

© БГУ, 2020

**Journal
of the Belarusian State University. Sociology.
No. 3. 2020**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Correspondence address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Tel. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.

E-mail: jsociol@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/sociology>

«Journal of the Belarusian State University. Sociology»
published since September 1997.
Until 2017 named «Sotsiologiya»
(ISSN 2071-0968).

Editors O. A. Semenets, A. V. Ahejeva,
S. J. Bohush, A. S. Lyukevich

Technical editor V. V. Pishkova
Proofreaders L. A. Merkul', K. B. Skakun

Signed print 30.09.2020.
Edition 115 copies. Order number 398.

Republican Unitary Enterprise
«Informatsionno-vychislitel'nyi tsentr
Ministerstva finansov Respubliki Belarus'».
License for publishing No. 02330/89, 3 March 2014.
17 Kal'varyjskaja Str., Minsk 220004.

© BSU, 2020